

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

10-й год издания

№ 9

Сентябрь 1940 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

«Анти-Дюринг» Ф. Энгельса

Книга Энгельса «Анти-Дюринг» является одним из основных произведений марксизма наряду с «Капиталом», «К критике политической экономии», «Манифестом коммунистической партии».

Написанная больше шестидесяти лет тому назад (1877 год), эта работа Энгельса и сейчас остается величайшим теоретическим оружием рабочего класса в борьбе с капитализмом, за коммунизм.

Огромное количество книг, произведений живут недолгой жизнью — годы, а то и месяцы. Произведения классиков марксизма-ленинизма бессмертны. Истинность, жизненная правда, величие произведений классиков марксизма-ленинизма с каждым годом, десятилетием, с каждым новым значительным историческим событием, с каждым новым великим открытием в различных областях науки все больше и больше подтверждаются. Наоборот, произведения врагов научного социализма, против которых выступали классики марксизма-ленинизма, давно умерли, забыты вместе с их авторами. В самом деле, кто ныне, например, читает произведения господина Дюринга, против которого выступил в своей книге Фридрих Энгельс? Вряд ли кого господин Дюринг ныне интересует. Разве только любителей различного идеологического хлама, гнилья, на которое так падки представители современной буржуазной псевдонауки. О Дюринге в наше время узнают разве лишь по названию книги Энгельса «Анти-Дюринг».

Жизнь, всемирноисторическая практика, есть критерий истины. И эта практика дала тысячи новых фактов, доказательств правоты марксизма-ленинизма и ложности, вздорности тех политических и идейных

направлений, которые претенциозно выступали под флагом науки против марксизма.

1

В своем предисловии к «Анти-Дюрингу» Энгельс так описывает обстановку и обстоятельства, побудившие его выступить с этой книгой. Германия 70-х годов XIX века. «С некоторых пор системы космогонии и вообще философии природы, полтики, политической экономии и т. д. растут в Германии, как грибы после дождя. Самый ничтожный доктор философии, даже студент, вырабатывает целую «систему». Подобно тому, как в современном государстве предполагается, что каждый гражданин способен судить обо всех тех вопросах, о которых ему приходится подавать голос; подобно тому, как в политической экономии исходят из допущения, что каждый потребитель является основательным знатоком всех тех товаров, которые ему приходится покупать для своего жизненного обихода, — точно так же, повидимому, обстоит дело с наукой. Свобода науки понимается как право человека писать обо всем, чего он не изучил, и выдавать это за единственный строго научный метод. Г-н Дюринг представляет один из характернейших типов этой развязной псевдонауки, которая в наши дни повсюду в Германии лезет вперед и все заглушает громом своего высокопарного пустозвонства. Пустозвонство в поэзии, в философии, политике, экономике, исторической науке, пустозвонство с кафедры и трибуны, пустозвонство везде, пустозвонство с претензией на превосходство и глубину мысли, в отличие от бесхитроного, пло-

ско-вульгарного пустозвонства других наций. — пустозвонство, как характернейший и массовый продукт германской интеллектуальной индустрии, с девизом: «дешево, но скверно»...¹.

В этой обстановке приват-доцент Берлинского университета Евгений Дюринг выступил со «всеобъемлющей» системой философии, политической экономии и социализма.

Энгельс иронически пишет о том, что Дюринг бросил вызов веку как адепт и одновременно как реформатор социализма и критик марксизма. Можно было пройти мимо ничтожного Дюринга и его поверхностных, плоских, хотя и претенциозных произведений. Но в то время социал-демократическая партия Германии была еще молода; только что произошло объединение эйзенахцев с лассальянцами. Даже вожди эйзенахцев (Бобель, Либкнехт) не отличались большой строгостью в вопросах теории. «При этом оказалось, что новый адепт социализма был принят одной частью социалистической печати с сердечностью... эта часть партийной прессы не прочь... принять также на веру и дюринговскую доктрину. Нашлись также люди, которые уже готовились распространить эту доктрину в популярной форме среди рабочих» (стр. 4).

Сам Дюринг со своей небольшой сектой пытался всякими интригами и ухищрениями заставить тогдашний центральный орган германской социал-демократии «Volkstaat» занять благожелательную позицию по отношению к дюринговской доктрине.

Из переписки Маркса и Энгельса видно, что Энгельс с большой неохотой решился бросить другие свои теоретические работы, чтобы заняться скучным Дюрингом, разбором и критикой его сочинений. Он согласился выступить против Дюринга, так как этого требовали интересы борьбы за пролетарскую марксистскую партию.

Из переписки Маркса и Энгельса видно, как с самого начала они отнеслись к новоявленному «пророку», выступившему с большим шумом.

11 января 1868 года Маркс писал Энгельсу:

«В Музее, где я ничего не делаю, а занимаюсь только перелистыванием каталогов, я увидел, между прочим, что Дюринг также и великий философ. Он написал «Естественную диалектику» против гегелевской «нестественной». Вот в чем суть дела. Господа

в Германии (за исключением реакционных богословов) полагают, что диалектика Г[егеля] — «мертвая собака». На совести Фейсбаха лежит большой грех в этом отношении» (стр. 393).

В другом письме, к Людвигу Кугельману (6 марта 1868 года), Маркс писал о Дюринге: «Это пренесносный, нахальный субъект, корчащий из себя революционера в политической экономии. Он совершил два подвига. Во-первых, опубликовал «Критические основы национальной экономики» (около 500 стр.). — в теории исходит из Кэри, а затем новую «естественную диалектику», направленную против гегелевской. Моя книга (речь идет о «Капитале», первый том которого вышел в 1867 году. — Ф. К.) поставила над ним крест в обоих отношениях. Из ненависти к Роншэру и другим он стал писать о ней. Ложь в его писании отчасти умысленная, отчасти результат недомыслия. Он знает очень хорошо, что мой метод исследования не тот, что у Гегеля, так как я материалист, а Гегель — идеалист. Гегелевская диалектика является основной формой всякой диалектики, но лишь после очищения ее от ее мистической формы, а это-то как раз и отличает от нее мой метод» (стр. 394).

В 1876 году, за год до выступления Энгельса в печати против Дюринга, он (Энгельс) писал Марксу о той обстановке, которую создали в партии Мост и компания, находившиеся под влиянием эклектической теории Дюринга:

«В конце концов эта история (то есть интрига Моста и дюринговцев против него и Маркса. — Ф. К.) меня рассердила до бешенства, и спрашивается, не пора ли серьезно подумать о нашем отношении к этим господам» (стр. 395).

Маркс на следующий день ответил Энгельсу:

«Мнение мое таково, что «нашу позицию по отношению к этим господам» нужно выявить только в виде решительной критики Дюринга. Он, очевидно, интриговал среди преданных ему литературных неучей-карьеристов, чтобы помешать такой критике; они, с своей стороны, рассчитывали на хорошо им известную слабохарактерность Либкнехта» (стр. 395).

Энгельс, великом разделяя мнение Маркса о необходимости решительно выступить против Дюринга, принимается за критический разбор писаний Дюринга. Уже через три дня он, отвечая Марксу, пишет:

«Тебе хорошо говорить. Ты можешь... заниматься русскими поземельными отношениями в частности и земельной рентой вообще, и никто тебе не мешает. — я же должен... отделять скучного Дюринга» (стр. 396).

¹ Фридрих Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 5—6. Госполитиздат. Л. 1938. Все последующие цитаты также даны по этому изданию.

Энгельс сообщает в этом же письме к Марксу свой план критического разбора дюрингианской доктрины. Он пишет, что обязательно начнет с его (Дюринга) «Курса философии», так как в этой книге лучше всего обнаруживаются слабые стороны рассуждений, развитых в «Политической экономии».

«Книга («Курс философии». — Ф. К.) имеет и еще одно преимущество для [критики] исторической теории Дюринга, — до него все, написанное по этому предмету [по его мнению], чепуха, — именно из нее можно цитировать его собственные нелепости. Во всяком случае я теперь смогу его отделать, у меня уже готов план. Я начинаю совершенно деловым образом и на первый взгляд серьезно. По мере того как накапливаются доказательства бессмысленности, с одной стороны, пошлости — с другой, обращение становится резче и, наконец, в заключение начинает барабанить гвалом» (стр. 397).

Энгельс блестяще осуществил этот свой план. Читатели «Анти-Дюринга» помнят, как Энгельс начинает разбор с обещаний Дюринга, с его «мировой схематики», показывает верхотворство и ничтожность взглядов Дюринга на произведения самого Дюринга и как затем начинает его громить.

Переписка Маркса и Энгельса показывает, что книга «Анти-Дюринг» является, по сути, совместным трудом двух великих учителей пролетариата. Не только самый план научно-теоретического выступления они продумали совместно: Энгельс и Маркс обменивались мыслями по всем важнейшим теоретическим вопросам, которые Энгельс разбирал в статьях о Дюринге, печатавшихся в 1877 году в лейпцигском «Volksstaat», из которых затем составила книгу «Анти-Дюринг».

Известно, что X главу раздела «Анти-Дюринга», посвященного политической экономии, написал Маркс.

В своем письме от 5 марта 1877 года Маркс пишет Энгельсу: «Дорогой Фред!

При сем «Дюрингиана». Я не мог читать этого субъекта без того, чтобы тут же не бить его по голове.

Теперь, после того, как я в него основательно вчитался, для чего требуется терпение и плетка под рукой... я в дальнейшем способен заниматься им спокойно» (стр. 399).

Через два дня Маркс прислал добавление к этому письму с критическим разбором взглядов Дюринга о Юме, о физиократах. Это потом было более подробно разработано в главе «Анти-Дюринга», носящей название «Из «Критической истории».

Книга Энгельса «Анти-Дюринг» замечательна тем, что она охватывает все вопросы марксистского мировоззрения: философию, политическую экономию и научный социализм. Так как «системовосидающий» Дюринг в своих произведениях пытался толковать обо всем на свете, о самых различных областях знания, то Энгельсу пришлось в своем произведении, критикуя Дюринга, разоблачать его по всем затронутым им вопросам: по философии, по естествознанию, по политической экономии, по вопросам будущего устройства социалистического общества. И так как гений Энгельса был поистине всесторонним: он был знатоком естествознания своего времени, прекрасно знал историю философии и историю вообще, политическую экономию, литературу, искусство, — то, подвергая уничтожающей критике пошлые, поверхностные взгляды противника, Энгельс имел возможность развить в положительной форме марксистские взгляды по всем затронутым проблемам, начиная от вопросов происхождения солнечной системы и бесконечности вселенной, кончая вопросами семьи и пролетарской морали.

В результате получилось удивительно стройное, целостное произведение, излагающее и обосновывающее все три составные части марксизма в их неразрывной внутренней связи.

Форма изложения вопросов в «Анти-Дюринге» изумительно ясная, в чем видны глубина знания, ясность понимания предмета и блестящий литературный талант автора.

Дюринг по своим философским воззрениям был путанным, непоследовательным метафизическим материалистом. Третируя Лейбница, Фихте, Шеллинга, Гегеля как представителей «чужовишного невежественного натурфилософствования», Дюринг контрабандой ввел целый ряд положений их философии в свою «философию действительности», как он ее сам называл.

Энгельс указывает, что философия, по Дюрингу, является развитием высшей формы сознания мира и жизни и «обнимает в более широком смысле принципы всякого знания и хотения» (стр. 34).

Принципы, которые, по мнению Дюринга, должны быть предметами философии, суть «элементы, из которых может быть составлен многообразный мир знания и воли» (стр. 34).

Эти принципы Дюринг выводит не из внешнего мира, а из мышления. По мнению Дюринга, природа и человек должны сообразоваться с этими принципами. Тут все перевернуто с ног на голову. Энгельс, критикуя Дюринга, противопоставляет ему

Vorwärts

Central-Organ der Sozialdemokratie Deutschlands.

№ 1.

Mittwoch, 3. Januar.

1877.

Die feindseligen Brüder.

Die feindseligen Brüder... (Text continues in German)

Geenr Gegen Düring's Umwälzung der Philosophie.

Von Friedrich Engels

Die feindseligen Brüder... (Text continues in German)

Die feindseligen Brüder... (Text continues in German)

Первая статья из книги Энгельса «Анти-Дюринг», напечатанная в газете «Vorwärts» от 3 января 1877 года.

взгляды последовательного материализма— диалектического материализма. «...формы бытия,— говорит Энгельс,— мышление никогда не может почерпнуть и вывести из себя самого, а только из внешнего мира. Раз так, то все отношение приходится перевернуть: принципы не исходный пункт исследования, а его заключительный результат; эти принципы не применяются к природе и к человеческой истории, а абстрагируются из них; не природа, не человечество соотнобразуются с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории. Таково единственно материалистическое воззрение на предмет, а противоположный взгляд Дюринга есть идеалистический взгляд, переворачивающий вверх ногами действительное соотношение, конструирующий действительный мир из мыслей, из существовавших где-то до сотворения мира схем, призраков, или категорий, совсем так, как это делает «какой-нибудь Гегель» (стр. 35).

Мир по природе своей материален, и единство мира заключается в его материальности.

Мышление, познание, как указывает Энгельс,— это продукты человеческого мозга; сам человек есть «продукт природы, развившийся в известной природной обстановке и вместе с ней. Само собой разумеется в силу этого, что продукты человеческого мозга, являющиеся в последнем счете тоже продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей» (стр. 36).

Наши понятия, представления являются более или менее точными отражениями природы, окружающей нас и не зависящей

от нашего сознания материальной действительности.

Природа, вселенная бесконечны. Пространство и время не есть формы нашего сознания, как изображал дело Кант (а вслед за ним и Дюринг), а реальные формы существования самой природы, материи.

Как метафизик, Дюринг не мог представить себе, что бесконечная природа может существовать в виде конечных предметов, явлений. И однако это так. Движущаяся материя сама из себя порождает все великое многообразие мира: звезды, солнечные системы, растительный и животный мир, в том числе и самого человека.

Дюринг свел все многообразные формы движения материи к простейшей, низшей форме движения — к механической силе. Тем самым он лишил себя возможности понять действительное отношение между материей и движением.

Сводя все к механической форме движения материи, нельзя объяснить великого многообразия мира.

«Движение есть форма бытия материи. Нигде и никогда не бывало и не может быть материи без движения. Движение в мировом пространстве, механическое движение менее значительных масс на отдельных небесных телах, колебание молекул в виде теплоты или в виде электрического или магнитного тока, химическое разложение и соединение, органическая жизнь,— в той или другой из этих форм движения или в нескольких зараз постоянно находится каждый отдельный атом вещества в мире в каждый данный момент. Всякий покой, всякое равновесие только относительны, имеют смысл только по от-

попению к той или другой определенной форме движения» (стр. 60—61).

Материя без движения не мыслима, так же как и движение без материи. «Движение поэтому точно так же нельзя создать и разрушить, как и самую материю...» (стр. 61). Они вечны, никем не созданы и будут существовать всегда. Движущаяся материя или материальное движение могут перейти из одной формы в другую, но они неразрушимы. Этот взгляд диалектического материализма базируется на основных законах современной физики и химии — законах сохранения и превращения материи и энергии.

3

Дюринг в своих произведениях проповедывал беспросветную метафизику — метод, способ мышления, приводивший его к самым безвыходным, вопиющим противоречиям и нелепостям. Энгельс на протяжении всей своей книги противопоставляет метафизике диалектику как единственно научный метод познания, подтверждаемый естествознанием и историей.

«Для метафизика, — пишет Энгельс, — вещи и их мысленные отображения, т. е. понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого. Он мыслит сплошными непосредственными противоположностями; речь его состоит из: «Да — да, нет — нет; что сверх того, то от лукавого». Для него вещь или существует или не существует, предмет не может быть самим собою и в то же время чем-нибудь другим; положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга; причина и действие по отношению друг к другу тоже находятся в неизменной противоположности. Этот способ мышления потому кажется нам на первый взгляд вполне убедительным, что он присущ так называемому здравому смыслу. Но здравый человеческий смысл, весьма почтенный спутник в домашнем обиходе, между четырьмя стенами, переживает самые удивительные приключения, лишь только он отважится пуститься в далекий путь исследования. Точно так же и метафизический образ мышления, вполне законный и, смотря по характеру предмета, даже необходимый в известных, более или менее обширных областях, рано или поздно достигает тех пределов, за которыми он становится односторонним, ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях, потому что за отдельными вещами он не видит их взаимной связи, за их бытием не видит их возникновения и исчезновения, за их покоем не

видит их движения, за деревьями не видит леса» (стр. 21—22).

Энгельс показывает, как и при каких условиях возник и получил в естествознании и философии распространение метафизический метод мышления.

Взгляд древнегреческих философов на природу был стихийно диалектический: они рассматривали природу такой, какой она есть. Но этот взгляд в то время еще не опирался на опытное естествознание и поэтому по необходимости ограничивался общей картиной природы, не давая знания частных, знания отдельных предметов. Естествознание в подлинном смысле слова начинается лишь со второй половины XV века. Первые ступени развития современного естествознания были связаны с изучением отдельных предметов, с расчленением природы на отдельные части, разделением явлений природы по группам, видам, с классификацией растительных и животных видов, с анатомическим исследованием внутреннего строения организмов и т. п. С этим связаны были исподволь успехи естествознания в XV—XVIII столетиях.

Но этот же способ исследования природы, как указывает Энгельс, оставил у нас привычку рассматривать явления природы в их обособленности, изолированности, вне великой общей связи, не в движении, а в покое, не как существенно изменяющиеся, а как вечно неизменные, не как живые, обновляющиеся, а как мертвые.

Этот взгляд на природу был привнесен из естествознания в философию Бэконом и Локком в Англии и Лейбницем в Германии. Когда уже в самом естествознании накопился колоссальный фактический материал, не укладывавшийся в прокрустово ложе метафизики, когда естествоиспытатели, руководствуясь метафизикой, сами наталкивались на непреодолимые трудности, со всей остротой встал вопрос о возврате к диалектическому методу как единственно правильному методу мышления.

Первым, кто пробил брешь в метафизическом царстве, был Кант со своей знаменитой небулярной теорией. Научный подвиг Канта состоял в том, что он неизменную и вечную солнечную систему, какой она была в представлении Ньютона, превратил в исторический процесс; солнечная система, по Канту, некогда возникла из вращающейся туманной массы.

Эта теория Канта полстолетия спустя была математически обоснована Лапласом, а еще через полстолетия спектроскоп доказал наличие во вселенной гигантских скоплений вращающихся газообразных масс различ. степени сгущения.

Свое завершение немецкая классическая философия нашла в Гегеле, заслугу которого Энгельс видел в том, что он впервые представил весь естественный, исторический и духовный мир в непрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии и пытался раскрыть внутреннюю связь этого движения и развития.

Гегель первый в новое время пытается дать всестороннее обоснование диалектической логики, диалектического метода. Но он развил диалектику, исходя из ложной, идеалистической основы. В силу этого его диалектика носила мистический характер. Маркс и Энгельс подвергли диалектику Гегеля критике и коренной переработке. Создавая материалистическую диалектику, они опирались на великие открытия в области естествознания, на великий опыт классовой борьбы. «Природа есть подтверждение диалектики, и мы должны быть благодарны современному естествознанию за то, что оно доставило для этого подтверждения необыкновенно богатый и ежедневно накапливающийся материал и тем самым доказало, что дела обстоят в природе в последнем счете диалектически, а не метафизически [что она движется не в вечно однородном, постоянно сызнова повторяющемся круге, а переживает действительную историю. Здесь следует указать прежде всего на Дарвина, который нанес сильнейший удар метафизическому взгляду на природу, доказав, что весь современный органический мир, растения и животные, а следовательно также и человек, суть продукты процесса развития, длившегося миллионы лет]» (стр. 23).

Диалектику Энгельс определяет как науку об общих законах развития природы, общества и мышления. Энгельс приводит из различных областей естествознания и истории многочисленные примеры, показывающие универсальный, всеобщий характер законов диалектики.

«Когда мы мысленно рассматриваем природу или историю человечества или нашу собственную духовную деятельность, — говорит Энгельс, — то перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения связей и взаимодействий...» (стр. 20).

Все явления в природе и в обществе находятся во внутренней органической связи и взаимодействии. И правильно познать их, изучить возможно лишь тогда, когда их, явления, изучают в этой естественной, всеобщей, внутренней связи друг с другом, с окружающей средой, с условиями, вызвавшими к жизни данные явления.

Природа находится в вечном процессе движения, изменения, развития, обновле-

ния. Ничто в ней «не остается неподвижным и неизменным, а все представляется движущимся, изменяющимся, возникающим и исчезающим» (стр. 20).

Только знание о всеобщей, о ее развитии, а также о развитии самого человека можно приобрести лишь с помощью диалектического метода, «принимая постоянно в соображение общее взаимодействие между возникновением и исчезновением, между прогрессивными изменениями и изменениями регрессивными» (стр. 23—24).

Но общая линия развития в природе и обществе несмотря на временные, частные, попятные, регрессивные движения идет снизу вверх, от низшего к высшему, от простого к сложному. Об этом свидетельствует и образование солнечных систем из бесформенных газообразных масс. Об этом свидетельствует история развития земли, развитие растительного и животного мира от простейших органических образований до человека, развитие общества от первобытно-общинного строя через рабство, феодализм и капитализм к коммунизму, развитие человеческого познания от первых проблесков сознания дикаря до современных вершин науки и философии.

Энгельс показал на примерах из области физики, химии, истории, что изменения, развитие в природе и обществе носят скачкообразный характер; постепенные, медленные, количественные изменения явлений вызывают изменения коренные, качественные.

Скачки революции, перемены постепенности, так пугающие метафизика, филистера, оппортуниста, есть всеобщий закон развития, действующий и в природе и в обществе.

Дюринг обрушился и на диалектический закон перехода количества в качество и обратно, но дав себе труда понять суть этого закона.

Критикуя применение Марксом этого закона в «Капитале», Дюринг писал: «Разве не комично, например, выглядит ссылка на спутанное и туманное представление Гегеля о том, что количество переходит в качество, и что поэтому аванс, достигший известной границы, становится уже, благодаря одному этому количественному увеличению, капиталом?» (стр. 129).

Дюринг здесь прямо фальсифицировал Маркса.

На самом деле в «Капитале» Маркс лишь после тщательного анализа постоянного и переменного капитала и прибавочной стоимости делает вывод, что «не всякая произвольная сумма денег или стоимостей может быть превращена в капитал; напротив, для такого превращения в руках отдельного владельца денег или товаров

должен находиться известный минимум денег или меновых стоимостей» (стр. 129—130). Этот минимум различен для различных периодов развития.

Маркс приводит доказательства правильности этого положения и лишь после этого делает замечание: «Здесь, как и в естествознании, подтверждается верность закона, открытого Гегелем в его логике, что в известном пункте чисто количественные изменения переходят в качественные различия» (стр. 130).

Движущей силой развития в природе и обществе являются противоречия, возникающие в явлениях, борьба противоположностей, происходящая на основе этих противоречий.

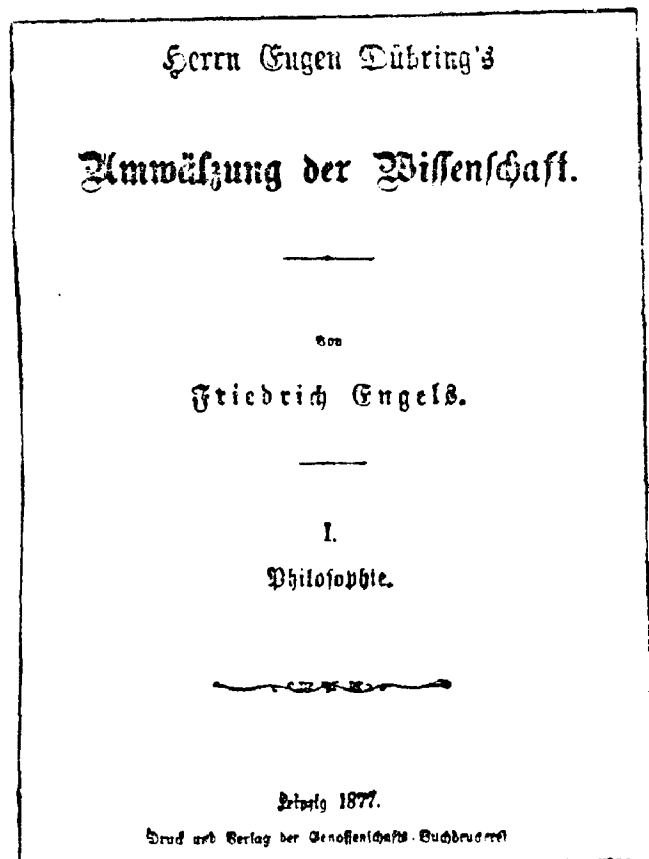
Дюринг считал, что противоречие является бессмыслицей, нелепостью, абсурдом, что оно может быть присуще лишь сознанию, но не является реальным, не присуще самой действительности.

Конечно, писал Энгельс, пока мы рассматриваем вещи, явления в состоянии покоя и безжизненности, изолированно друг от друга, рядом или одну вслед за другой, мы не обнаруживаем противоречий в них.

«Но совсем иной оборот принимает дело, когда мы начинаем рассматривать вещи в их движении, в их изменчивости, в их жизни, в их взаимном воздействии одна на другую. В этом случае мы тотчас же попадаем в область противоречий. Движение само есть противоречие; уже простое механическое передвижение может совершаться лишь так, что данное тело в один и тот же момент времени находится в одном месте и одновременно в другом, что оно находится в том же самом месте и не находится в нем. Постоянное возникновение такого противоречия и одновременное его разрешение именно и образует движение» (стр. 125).

Если уже простая форма движения содержит в себе противоречие, то это еще в большей мере характерно для высшей формы движения. Так, процесс жизни организма состоит в том, что одни его клетки отмирают, другие нарождаются. Следовательно, каждый организм есть в каждый момент тот же и вместе с тем уже иной: в нем идет процесс обновления клеток. И как только этот процесс обновления прекращается, наступает смерть.

Противоречивый характер носит и наше познание: человеческое мышление по природе своей безгранично, и в то же время оно осуществляется людьми, способности которых ограничены, людьми, познание которых ограничено определенными историческими условиями. Это противоречие разрешается в бесконечном ряде последовательных поколений, сменяющих друг дру-

Титульный лист первого издания «Анти-Дюринга». 1877 год.

га, в бесконечном прогрессе человеческого познания, приближающегося все больше и больше к абсолютной истине, никогда ее полностью, до конца, не достигая. Так диалектика решает вопрос об отношении относительной и абсолютной истины.

Энгельс, критикуя Дюринга, особо останавливается на законе отрицания отрицания, показывая, какое значение этому закону придавал Маркс в «Капитале» (пример: отрицание капитализмом собственности, основанной на личном труде, и неизбежность уничтожения самой капиталистической собственности собственностью социалистической (экспроприация экспроприаторов)).

4

Энгельс в «Анти-Дюринге» вскрывает непоследовательность, ограниченность домарксовских форм материализма и показывает, обосновывает всесторонность, последовательность современного материализма—диалектического материализма. Дюринг, повторяя доводы домарксовских форм ограниченного материализма, пошел даже вспять по сравнению с французскими материалистами.

Для французского материализма XVIII века было характерно наивно-революционное, простое отрицание всей предшествующей истории. Последняя, с точки зрения французских просветителей, в том числе и французских материалистов, была сплошной цепью ошибок и заблуждений. В противоположность этому идеалистическому взгляду на историю Маркс и Энгельс рас-

сма тривали общественное развитие как закономерный, необходимый процесс. Маркс и Энгельс, распространив диалектический материализм на познание истории общественной жизни, создали исторический материализм, науку о законах общественности развития. В противоположность идеалистам, навязывающим истории «законы», принципы, выведенные из головы. Маркс и Энгельс видели свою задачу в том, чтобы открыть внутренние объективные законы исторического развития в самой истории, в самой общественной жизни.

«Материалистическое понимание истории исходит из того положения, что производство, а вслед за производством и обмен продуктов служат основанием всякого общественного строя; что в каждом исторически возникающем обществе распределение продуктов, а с ним и расчленение общества на классы или сословия определяются тем, как и что производится этим обществом и каким способом обмениваются произведенные продукты. Отсюда следует, что коренные причины социальных перемен и политических переворотов нужно искать не в головах людей, не в растущем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменениях способов производства и обмена; другими словами — не в философии, а в экономике данной эпохи. Пробудившееся сознание неразумности и несправедливости существующего общественного устройства, убеждение в том, что «безумством мудрость стала, благо — злом», служит лишь указанием того, что в методах производства и в формах обмена незаметно совершились такие изменения, которым уже не соответствует общественный порядок, выкроенный по мерке старых экономических условий. Из сказанного ясно, что и средства для устранения осознанного зла должны заключаться — в более или менее развитом виде — в самих изменившихся условиях производства. Ум человеческий не может и зобрести эти средства, он должен открыть их в данных материальных фактах производства» (стр. 278—279).

В подготовительных работах к «Анти-Дюрингу» Энгельс, критикуя идеалистическое понимание истории, писал: «Взгляд, согласно которому идеями и представлениями людей созданы условия их жизни, а не наоборот, опровергается всей историей, в которой до сих пор всегда достигалось нечто иное, чем то, чего желали, а в дальнейшем ходе в большинстве случаев даже противоположное» (стр. 382).

В самом деле, вот французские просветители XVIII столетия. Они просветили

головы французов для предстоявшей революции. Просветители сами выступали как революционеры, отвергая всякие внешние авторитеты. Все общественные учреждения, взгляды на природу и общественную жизнь, религию, нравы — все они подвергли беспощадной критике, призывали на суд разума. «Разум стал единственным мерилем всего существующего. Это было то время, когда, по выражению Гегеля, «мир был поставлен на голову», т. е. когда человеческая голова и открытые при помощи ее мышления положения предъявили притязания служить единственным основанием всех человеческих действий и общественных отношений и когда вслед за тем противоречившая этим положениям действительность была фактически перевернута вверх ногами. Все прежние формы общества и государства, все традиционные представления были признаны неразумными и отброшены как старый хлам; мир до сих пор руководился одними предрассудками, и все его прошлое достойно лишь сожаления и презрения. Теперь впервые взошло солнце, наступило царство разума, и с этих пор суеверие и несправедливость, привилегия и угнетение уступят место вечной истине, вечной справедливости, вытекающему из законов природы равенству и неотъемлемым правам человека» (стр. 16—17).

Просветители искренно выступали от имени всего человечества, они верили, что установится подлинная свобода, равенство и братство, воцарится разум и справедливость. На деле царство разума оказалось лишь идеализированным царством буржуазии, а вечная справедливость воплотилась в виде продажной буржуазной юстиции; равенство оказалось равенством сытого и голодного, равенством эксплуатируемого с эксплуататором. «Права человека» воплотились в права буржуазной собственности, объявленной буржуазией священной.

Государственное устройство, описанное в «Общественном договоре» Руссо, на деле оказалось буржуазной демократической республикой. Свобода, которую, как восход солнца, приветствовали французские просветители и революционеры XVIII века, оказалась свободой продажи рабочими своей рабочей силы капиталистам, т. е. свободой эксплуатации капиталистами рабочих. Лишь одна форма рабства, эксплуатации была заменена другой, более утонченной и изощренной, но также бесчеловечной и невыносимой.

«Столь же мало, как и все их предшественники, великие мыслители XVIII века могли выйти за пределы, которые им ставила их собственная эпоха» (стр. 17).

Вскоре после утверждения буржуазных порядков выступили великие социалисты-утописты: Сен-Симон, Фурье, Оуэн. Они подвергли критике капитализм, объявили неразумным и несправедливым то, что французские просветители считали разумным и справедливым.

Но как ни была сурова и справедлива эта критика, как ни были различны идеалы французских просветителей XVIII века и социалистов-утопистов, их подход к истории, к общественной жизни был идеалистическим. Как те, так и другие, по сути дела, не рассматривали историческое движение как строго закономерный, необходимый процесс; они не понимали решающей роли условий материальной жизни общества, роли классовой борьбы как движущей силы истории (хотя у Сен-Симона и содержатся отдельные гениальные догадки о роли классовой борьбы в прошлом, но и он рассматривал пролетариат лишь как страдающую массу, видя средство осуществления своих идеалов в проповеди, а не в классовой борьбе пролетариата).

Утопический социализм был продуктом еще не вполне созревших капиталистических противоречий, продуктом недостаточной зрелости рабочего класса.

Энгельс показывает, какие исторические условия, факты определили возникновение материалистического понимания истории, марксистской теории классовой борьбы, научного социализма.

«В 1831 г. в Лионе произошло первое рабочее восстание; с 1838 по 1842 г. первое национальное рабочее движение, движение английских чартистов, достигло своей высшей точки. Классовая борьба между буржуазией и пролетариатом стала занимать первое место в истории наиболее развитых стран Европы, по мере того как развивались, с одной стороны, крупная промышленность, а с другой — новобретенное политическое господство буржуазии. Факты все с большей и большей наглядностью показывали всю лживость учения буржуазной экономии о тождестве интересов капитала и труда, о всеобщей гармонии и о всеобщем благополучии народа, которое будто бы должно явиться следствием свободной конкуренции...

Новые факты заставили подтвердить всю прежнюю историю новому исследованию, и тогда выяснилось, что вся прежняя история [за исключением первобытного состояния] была историей классовой борьбы, что борющиеся друг с другом общественные классы являются в каждый данный момент результатом способов производства и обмена, словом — экономических отношений своего времени. Экономический строй общества каждой данной эпохи представляет собою ту реальную основу, свой-

ствами которой объясняется в последнем счете вся надстройка правовых и политических учреждений, равно как религиозных, философских и прочих воззрений каждого данного исторического периода» (стр. 26—27).

Социализм, как указывает Энгельс, теперь, уже после открытия материалистического понимания истории, не рассматривается как случайное открытие того или иного гениального ума, а как результат классовой борьбы двух исторически возникших классов — пролетариата и буржуазии. Благодаря тому что Маркс открыл материалистическое понимание истории и разоблачил тайну капиталистического производства, создав теорию прибавочной стоимости, социализм превратился из утопии в науку.

В разделе «Социализм» Энгельс дает глубокий анализ отдельных противоречий капиталистического общества и показывает, что главное противоречие капиталистического общества — это противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения. Это противоречие неустранимо в рамках капитализма и ведет его к гибели.

С ходом развития капитализма все более и более углубляются и обостряются противоречия между пролетариатом и буржуазией. Для пролетариата становится вопросом жизни и смерти пролетарская революция, борьба за установление диктатуры пролетариата как условие создания социализма — нового общества, не знающего антагонизма классов. Совершить освобождающий мир подвиг — историческое призвание современного пролетариата.

В заключительных строках главы «Очерк теории» Энгельс рисует картину неизбежной гибели капитализма и торжества нового общественного строя в результате насильственной социалистической революции:

«Вместе с захватом средств производства обществом устраняется товарное производство, а вместе с тем господство продуктов над производителями. Анархия общественного производства заменяется организацией его по заранее обдуманному плану. Прекращается индивидуальная борьба за существование. Таким образом, человек окончательно в известном смысле выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Жизненные условия, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы в той мере, в какой они становятся господами своих собственных обществен-

ных отношений. Законы их собственных общественных действий, противостоящие людям до сих пор как чуждые, господствующее над ними законы природы, вполне сознательно применяются ими и, следовательно, подчиняются их господству. Общественное бытие, до сих пор казавшееся людям как бы дарованным свыше природой и историей, становится их собственным, свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие над историей, поступают под контроль самого человека. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в значительной и все возрастающей степени желаемые действия. И это будет скачком человечества из царства необходимости в царство свободы» (стр. 296—297).

Взгляды, идеи, развитие Энгельсом в «Анти-Дюринге», получили свое дальнейшее развитие в трудах Ленина и Сталина.

Прямым продолжением философских работ Маркса и Энгельса является великий труд Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», в котором Ленин нанес сокрушительный удар попыткам махистов ревизовать философию марксизма в момент, когда рецидив идеализма, мистицизма и мракобесия стал опаснейшим для рабочего движения союзником политической реакции в России и в странах Европы. Эта защита теоретических основ марксизма и материалистическое обобщение Лениным важнейших новых достижений науки за без малого полтора десятка лет после смерти Энгельса обогатили марксистскую науку новыми выводами и сослужили громадную службу в деле выработки единого, стройного, цельного марксистско-ленинского мировоззрения у нового поколения борцов за диктатуру пролетариата в период подготовки второй революции в России.

Товарищ Сталин в своей гениальной работе «О диалектическом и историческом материализме» обобщил на основе невиданного по богатству опыта эпохи империализма и победы социализма в СССР все то новое, что дала марксистско-ленинская наука за 30 лет со времени исторического выступления Ленина на философском фронте. Эта работа товарища Сталина, являющаяся вершиной марксистско-ленинской философской мысли, идеологически вооружает десяти-миллионную армию советской интеллигенции, широкие массы революционных рабочих всех стран на борьбу за победу коммунизма в СССР и во всем мире.

Особо следует сказать о высказываниях Энгельса об условиях отмирания государства.

Энгельс, как известно, исходя из положения о невозможности победы социалистической революции в одной стране, но ставил вопроса о судьбе государства отдельной страны победившего социализма, развивающейся в условиях капиталистического окружения. Энгельс дал лишь общую картину постепенного отмирания, засыпания государства после свержения буржуазии и победы социалистической революции в большинстве капиталистических стран.

Изучение новой, империалистической стадии капитализма привело Ленина и Сталина к выводу о возможности победы социализма сначала в немногих или даже только в одной капиталистической стране и о невозможности одновременной победы его во всех странах. Победа Великой Октябрьской социалистической революции блестяще подтвердила эту ленинскую теорию.

Товарищ Сталин, опираясь на новый исторический опыт существования социалистического государства в обстановке капиталистического окружения, учит, что в этих условиях необходимо всемерно укреплять социалистическое государство, что государство сохранится и при коммунизме, если еще сохранится враждебное социализму капиталистическое окружение. Социалистическое государство может отмереть лишь после победы коммунизма во всем мире. Это учение товарища Сталина есть дальнейшее развитие марксистского учения о государстве.

* * *

Книга Энгельса «Анти-Дюринг» есть одно из величайших творений человеческой мысли, источник великих, бессмертных идей, зовущих пролетариат всех стран к борьбе за новый мир — мир коммунизма. Эта книга вооружает человечество новым научным мировоззрением.

Книга «Анти-Дюринг» есть глубоко партийная книга. Она есть великий документ партийной борьбы. Она проникнута огнем великой страсти, ненависти к буржуазии и безграничной любви к рабочему классу, к человечеству.

Мысли, идеи этой книги, как огненные стрелы, насмерть разят врагов рабочего класса, спланивают силы пролетариата, освещают путь его борьбы, дают уверенность в победе.

Эта книга будет жить века, она поистине бессмертна. Эту книгу Ленин назвал настольной книгой каждого сознательного рабочего, каждого сознательного борца за коммунизм.

Ф. КОНСТАНТИНОВ

Большевистская партия — организатор разгрома колчаковщины

В сентябре 1918 года в Уфе образовалось «Всероссийское временное правительство» (так называемая «директория»), объединившее контрреволюционные силы Сибири и Урала. Главную роль играли в нем эсеры и кадеты. Своим местопребыванием «правительство» избрало Омск. Вся деятельность «Временного правительства» была направлена на то, чтобы укрепить власть буржуазии и подготовить установление военной диктатуры. 4 ноября 1918 года бывший царский адмирал Колчак был назначен военным министром «директории»; одновременно готовился «государственный переворот».

В ночь с 17 на 18 ноября переворот был произведен при непосредственной поддержке английских войск. Империалистам больше подходила для борьбы с советской властью открытая военная диктатура чем играющая в «демократию» директория. «Всероссийское правительство» было арестовано. Ставленник Антанты Колчак объявил себя «верховным правителем России».

В установлении кровавой колчаковской диктатуры сыграли предательскую роль меньшевики и эсеры, эти прямые пособники белогвардейщины.

Ленин писал, что колчаковщине «помогли родиться на свет и ее прямо поддержали меньшевики и эсеры... Меньшевики и эсеры, все без изъятия, помогают заведомым бандам, всемирным империалистам, прикрашая их демократическими лозунгами и их власть, их поход на Россию, их господство, их политику» (Ленин. Т. XXIV, стр. 434, 435).

«Правитель» объединил под своим командованием остатки белогвардейских войск и разгромленных Красной Армией частей чехословацкого корпуса и приступил к организации контрреволюционной армии. Ему подчинились другие антисоветские группировки. Заместителем Колчака на юге России считается генерал Деникин.

На Колчака Антанта возлагала большие надежды. «Союзники» обильно снабжали его вооружением и людьми.

О Колчаке наряд сложили частушку:

«Мундир английский,
Погои российский,

Табак японский,
Правитель омский».

Антанта рассчитывала соединить контрреволюционные войска Восточного и Северного фронтов в районе Вятка—Котлас и двинуть их на Москву.

Изменения в международной обстановке благоприятствовали этим планам. 11 ноября 1918 года было заключено перемирие на Западном фронте. Империалистическая война окончилась победой Антанты. Это обстоятельство укрепило силы империалистических государств Антанты могли теперь бросить крупные военные силы против Советской страны. По указанию своих хозяев, английских империалистов, Колчак сформировал несколько армий в глубине Сибири и перешел в наступление.

Продвижению войск Колчака создало грозную опасность для Советской республики. Хорошо снабженные и технически оснащенные части Колчака нанесли Красной Армии ряд поражений. 24 декабря 1918 года колчаковские части под командованием чешского генерала Гайды заняли Пермь. Под угрозой оказалась Вятка.

На Восточном фронте создалось катастрофическое положение, особенно в районе, где оперировала 3-я Красная армия (Пермь — Вятка).

Успехи Колчака открыли белых. Атаман Краснов совместно с частями Деникина в начале 1919 года в третий раз пытался взять Царицын, чтобы двинуться на соединение с колчаковскими войсками. Эта попытка кончилась полным провалом. 10-я Красная армия, вышедшая на товарищами Сталиным и Ворошиловым, не только отстояла Царицын, но и сама перешла в наступление.

Армии Колчака продолжали продвигаться вперед. В марте 1919 года белые предприняли наступление по всему Восточному фронту. За время с 4 по 14 марта колчаковцы заняли Саранск, Ижевск, Бирск, Уфу и продвигались к Волге в самарском направлении. В Уфе Колчак захватил миллионы пудов заготовленного зерна. Это еще более ухудшило и без того тяжелое продовольственное положение Советской республики.

Объединенные силы контрреволюции и интервенции создали огромную армию — более 1½ миллионов солдат — и готовили совместный поход против советской власти. Этот поход, вошедший в историю под названием первого похода Антанты, начался весной 1919 года.

Товарищ Кирев, руководивший в то время обороной Астрахани, захватил в плен штаб генерала Гринина-Алмазова. В белом штабе было найдено письмо Деникина Колчаку с планом похода на Москву. «Главное — не останавливаться на Волге, — писал Деникин Колчаку, — а бить дальше на сердце большевизма, на Москву. Я надеюсь встретиться с вами в Саратове... Поляки будут делать свое дело, что же касается Юденича, он готов и не замедлит ударить на Петроград...» (См. Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. II, стр. 274).

Планы белых стали известны советскому командованию. Против Советской страны готовился координированный поход Колчака — Деникина — Юденича, причем главный удар должен был нанести Колчак. Провижение колчаковской армии к Волге было чревато тяжелыми последствиями для Республики. Захват Колчаком Поволжья означал бы соединение армий сибирской контрреволюции с белогвардейскими войсками Юга.

Колчак становился одним из опаснейших врагов Советской республики.

Восточный фронт стал решающим. Поражение Красной Армии на этом фронте грозило Советской стране победой объединенной контрреволюции.

Адмирал Колчак восстановил на захваченной им территории буржуазно-помещичий строй. В колчаковской вотчине действовали прежние, царские законы. Сибирь была превращена в тюрьму, в захваченных городах царил военная диктатура, террор и произвол.

«Расстрелы десятков тысяч рабочих... Порка крестьян целыми уездами. Публичная порка женщин. Полный разгул власти офицеров, помещичьих сынков. Грабеж без конца. Такова правда о Колчаке и Деникине», — писал Ленин в 1919 году (Ленин «Из эпохи гражданской войны», стр. 58).

Колчак стал богатеем страны на разграбление империалистам Антанты. Огромное количество золота было сдано «на хранение» в банки Англии, Америки и других стран. Более 3 тысяч пудов золота и 200 миллионов рублей получили от Колчака Англия, Франция, Америка и другие страны. Уральские и сибирские железные дороги были захвачены империалистическими хищниками.

«Деникин и Колчак несут с собой не только ярмо помещика и капиталиста, — писал товарищ Сталин, — но и ярмо англо-французского капитала, победа Деникина — Колчака есть потеря самостоятельности России, превращение России в дойную корову англо-французских денежных мешков» (Ленин и Сталин. Т. II, стр. 275).

* * *

ЦК партии большевиков принял все меры для помощи Восточному фронту. Оборонной страны непосредственно руководили Ленин и Сталин.

30 ноября 1918 года был создан Совет Рабочей и Крестьянской обороны, возглавляемый Лениным. В Совет обороны входил товарищ Сталин. Как представитель ВЦИК, он стал заместителем Ленина. Совет руководил всеми делами обороны на фронте и в тылу. Операции на фронтах, переброска пополнений и снаряжения, распространение газет и листовок в красноармейских частях, посылки с подарками для бойцов, организация помощи семьям красноармейцев — за всем следили, всем руководили вожди революции Ленин и Сталин.

В момент наиболее тяжелых неудач Красной Армии на пермском участке ЦК партии по предложению Ленина отправил партийно-следственную комиссию в составе членов ЦК Сталина и Дзержинского в район Вятки для подробного расследования причин падения Перми. Прибыв на фронт, товарищи Сталин и Дзержинский выяснили причины поражения и решительными мерами укрепили фронт и тыл.

В первой же телеграмме Ленину (от 5 января 1919 года) товарищи Сталин и Дзержинский сообщали о предпринятых ими мерах для оздоровления частей 3-й Красной армии, действовавшей под Пермью. Сталин и Дзержинский разоблачили вредительские действия Троцкого и его агентуры, засоривших ряды армии контрреволюционными элементами. Комиссия очистила штабы от бывших офицеров, действовавших наруку Колчаку.

Была проведена основательная чистка партийных и советских учреждений, организованы были революционные комитеты.

Результат работы товарищей Сталина и Дзержинского быстро сказался. За 10—15 дней на фронте произошел резкий перелом. 3-я армия не только приостановила отход, но смогла перейти в наступление на Пермь. Противник был вынужден прекратить дальнейшее продвижение на запад.

Таким образом, планы Колчака и его хозяев соединиться с английскими интервентами на севере и двинуться на Москву полностью провалились. Колчак изменил план: главный удар он направил на Волгу,

Отправка красноармейцев на Восточный фронт. 1919 год.

Центральный музей Красной Армии.

чтобы соединиться у Саратова с генералом Деникиным и вместе с ним двинуться на Москву.

Быстрое продвижение врагов Советской республики к Волге ставило под угрозу Казань, Симбирск, Самару. Центральный Комитет партии немедленно принял меры помощи Восточному фронту.

Крупнейшие деятели большевистской партии были отправлены на борьбу с Колчаком. Михаил Васильевич Фрунзе принял командование южной группой войск в составе 4-й, 1-й, Туркестанской и 5-й армий. Валериан Владимирович Куйбышев был назначен членом Реввоенсовета южной группы Восточного фронта.

С начала гражданской войны ЦК направил много руководящих партийных работников на Урал и в Поволжье.

В 1918 году на Урале работали А. А. Андреев и А. А. Жданов, в Самаре — В. В. Куйбышев и Н. М. Шверник, в Нижнем Новгороде — Л. М. Катанович, в Приволжский округ по поручению ЦК выезжал Я. М. Свердлов, в 1919 году уполномоченным ЦК партии и ВЦИК в Поволжье был В. М. Молотов.

10 апреля 1919 года Совет народных комиссаров объявил общую мобилизацию рабочих и крестьян, родившихся в 1890—1899 годах. В тот же день Владимир Ильич обратился к питерским рабочим с письмом о помощи Восточному фронту. Ленин призывал питерских рабочих «поставить на ноги все, мобилизовать все силы на помощь Восточному фронту...

там решается судьба революции» (Ленин. Т. XXIV, стр. 223).

11 апреля Ленин написал «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта». В этот же день Ленин докладывал пленуму ВЦИК о задачах профессиональных союзов в связи с мобилизацией на Восточный фронт. В своем выступлении Владимир Ильич указывал, что надо сделать для привлечения самых широких слоев трудящихся к обороне социалистического отечества.

В «Тезисах ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта» было сказано:

«Победы Колчака на Восточном фронте создают чрезвычайно грозную опасность для Советской республики. Необходимо самое крайнее напряжение сил, чтобы разбить Колчака» (Ленин. Т. XXIV, стр. 224).

ЦК предлагал всем партийным организациям направить все силы на проведение следующих мер:

1. Всесторонняя поддержка объявленной 11 апреля 1919 г. мобилизации...

2. В прифронтовых местностях, особенно в Поволжье, надо осуществить поголовное вооружение всех членов профессиональных союзов, а в случае недостатка оружия, поголовную мобилизацию их для всяческих видов помощи Красной армии...

3. На усиление агитации, особенно среди мобилизуемых, мобилизованных и красноармейцев, должно быть обращено самое серьезное внимание. Не ограничиваться обычными приемами агитации, ...развить

агитацию группами и одиночками рабочими среди красноармейцев... Профессиональные союзы должны организовать проверку того, чтобы каждый член их участвовал в обходе домов для агитации, в разное листов и в личных беседах.

4. Заменить всех мужчин-служащих женщинами...

6. Через профессиональные союзы должно быть организовано широкое вовлечение крестьян, особенно крестьянской молодежи... в ряды Красной армии...

7. По отношению к меньшевикам и эсерам, — писал Ленин в заключительном пункте тезисов, — линия партии, при теперешнем положении, такова: в тюрьму тех, кто помогает Колчаку сознательно или бессознательно...

...Надо напрячь все силы, развернуть революционную энергию, и Колчак будет быстро разбит. Волга, Урал, Сибирь могут и должны быть защищены и отрезаны» (Ленин. Т. XXIV, стр. 224—226).

Тезисы Ленина сыграли исключительную роль в деле мобилизации масс на борьбу с Колчаком. Выполнение указаний Ленина политически обеспечило разгром Колчака.

* * *

«...Достаточно Советскому правительству кликнуть клич о помощи фронту, чтобы Россия мигом выставила целый хорост новых полков» (С т а л и н).

На призыв Центрального Комитета и всякая партия трудящиеся всей страны ответили полной готовностью стать на защиту республики. Было сделано все, чтобы мобилизовать тыл на службу фронту. Страна превратилась в военный лагерь. На фабриках и заводах развернулось военное обучение. Рабочие и работницы заменяли ушедших на фронт, работая по две смены.

С большим подъемом проходили партийные и профсоюзные мобилизации. Петроградская организация большевиков мобилизовала 20% своего состава. 13 апреля 1919 года на экстренном заседании президиума ВЦСПС в Москве было решено провести массовую мобилизацию членов профсоюза на Восточный фронт. Профсоюзы мобилизовали от 10 до 15% своих членов, а в прифронтной полосе — поголовно всех. Центральные комитеты профсоюзов призывали рабочих бросить все силы на борьбу с грозным врагом. ЦК союза металлистов писал в своем обращении: «В этот час опасности металлисты должны встать все, как один, на защиту доброго кровью, спаянного баррикадами двух революций... Пусть по всей стране, из мастерской в мастерскую, несется наш набат: отечество рабочих в опасности. Пролетарии заводов, к оружию и к станкам» («Профсоюзы

СССР в создании Красной Армии», стр. 74. М. 1939).

12 апреля пленум Петроградского совета профсоюзов постановил: «Немедленно приступить к делу, послав на фронт в качестве солдат революции первый пролетарский батальон организованных рабочих в количестве 150 человек» (там же, стр. 75). При Петроградском совете профсоюзов организовались комитеты содействия Красной Армии, которые помогали военным органам в деле снабжения армии, мобилизации, помощи семьям мобилизованных и т. д. За один—два дня работы комитеты содействия отправили в распоряжение Военного комиссариата 60 добровольцев членов профсоюзов. К концу 1919 года петроградский пролетариат дал фронту 6105 человек, из них 2470 женщины.

В конце декабря 1918 года на общем партийном собрании в Иваново-Вознесенске с большим докладом о положении Советской республики выступил М. В. Фрунзе. Он призывал иванововознесенских ткачей помочь фронту. Собрание единодушно решило организовать из иванововознесенских рабочих, коммунистов и сочувствующих «отряд особого назначения» и отправить его на фронт.

На призыв губкома партии «Записывайтесь в отряд товарища Фрунзе!» откликнулись ивановские ткачи. Отряд был сформирован в течение нескольких дней. Он насчитывал тысячу человек, в том числе 26 женщин. В январе 1919 года отряд выступил на ответственный участок фронта — в Самару. С отрядом уехал писатель-боец Дмитрий Фурманов. Позже отряд был переименован в 220-й Иванововознесенский полк и в мае 1919 года вошел в состав Чапаевской дивизии. Руководимые тов. Фрунзе, ивановские ткачи и ткачихи проявили исключительный героизм и самоотверженность. Иванововознесенский полк сыграл значительную роль в борьбе с Колчаком. Весной 1919 года на Восточный фронт отправилась из Иваново-Вознесенска новая группа ткачей. Коммунисты города Шенкурска просили немедленно послать их на борьбу с Колчаком. 20 мая из города отправилось 108 добровольцев, коммунистов и сочувствующих. 22 мая выехала вторая группа в 168 человек («Октябрьская революция и гражданская война на севере». Вып. 1-й. Архангельск, 1933 год, стр. 16—17).

Партийные организации отправили на фронт наиболее стойких и преданных советской власти людей. Отбор производили специальные комиссии.

С июня 1918 года товарищ Л. М. Каганович стал председателем (так в то время назывались руководители партийных организаций) Нижегородского губкома партии.

На помощь Восточному фронту были брошены все силы страны. Тысячи стойких бойцов, беззаветно преданных делу революции, пополнили ряды Красной Армии и укрепили ее боевую мощь. В течение апреля—мая 1919 года на Восточный фронт было послано свыше 10 тысяч коммунистов, 3 тысячи комсомольцев и 30 тысяч членов профсоюзов.

Огромное значение для победы над контрреволюцией имели решения VIII съезда РКП(б), собравшегося в Москве в марте 1919 года. Для борьбы с объединенными силами русской и международной буржуазии нужна была крепкая, дисциплинированная Красная Армия. На съезде выступила так называемая «военная оппозиция», в которую, помимо «левых коммунистов», разгромленных партией, входили и военные работники, никогда не участвовавшие ни в какой оппозиции, но справедливо возмущавшиеся руководством Троцкого в армии, его преклонением перед военными специалистами из царской армии, его бездушно высокомерным, враждебным обращением со старыми большевистскими кадрами.

Но, выступая против троцкистского искривления военной политики партии, «военная оппозиция» ошибочно записала пережитки партизанщины в армии и боролась против создания регулярной Красной Армии.

Ленин и Сталин решительно выступили против «военной оппозиции». «Либо, — говорил товарищ Сталин, — создадим настоящую рабоче-крестьянскую, по преимуществу крестьянскую, строго дисциплинированную армию и защитим республику, либо пропадем» («История ВКП(б)», стр. 225). Съезд поддержал взгляды Ленина и Сталина и отверг антибольшевистские предложения «военной оппозиции». Одновременно съезд «ударил по Троцкому, потребовав улучшения работы центральных военных учреждений и усиления роли коммунистов в армии» (там же, стр. 225).

Как известно, колебания середняка в 1918 году привели в ряде районов к временной победе врагов советской власти. Владимир Ильич Ленин в своем докладе на VIII съезде подчеркнул необходимость установить прочный союз с середняком, опираясь на бедноту и сохраняя руководящую роль пролетариата. Съезд потребовал от всех партийных организаций, чтобы они делали строгое различие между кулачеством и средним крестьянством, привлекали середняков на сторону рабочего класса внимательным, заботливым отношением к их нуждам.

VIII съезд перешел от политики нейтрализации середняка к прочному союзу с

ним для борьбы с контрреволюцией и для успешного социалистического строительства.

Установление правильных взаимоотношений со средним крестьянством и неослабная борьба партии за проведение в жизнь решений VIII съезда обеспечили Красной Армии активную поддержку середняцких масс крестьянства на фронте и в тылу.

Это сыграло решающую роль в победе советской власти на фронтах гражданской войны.

* * *

В мае ударная группа М. В. Фрунзе нанесла удар главным силам Колчака. В этих боях сражалась героическая Чапаевская дивизия. Вскоре началось отступление колчаковской армии по всему фронту. В мае 1919 года Красная Армия заняла Бугуруслан, Бугульму, Стерлитамак. 9 июня Уфа была взята 25-й Чапаевской дивизией, в которую входил Иваново-Вознесенский полк. В боях под Уфой с винтовкой в руках в передовой цепи шел командующий армией товарищ Фрунзе. Он был контужен бомбой, сброшенной с вражеского самолета. В. И. Чапаев получил ранение в голову и в руку. Но оба они оставались в строю и продолжали руководить операциями до полного разгрома противника.

1 июля были взяты Пермь и Кунгур. В тот же день Владимир Ильич прислал в Реввоенсовет Восточного фронта телеграмму: «Поздравляю геройские красные войска, взявшие Пермь и Кунгур. Горячий привет освободителям Урала. Во что бы то ни стало надо довести это дело быстро до полного конца...

Предсовоборона Ленин» (Ленин. Т. XXIV, стр. 350).

Победа на Восточном фронте была одержана благодаря тому, что Центральный Комитет партии большевиков и товарищи Ленин и Сталин неослабно руководили делом обороны страны и своевременно парализовали предательскую деятельность Троцкого.

В мае 1919 года обстановка на Восточном фронте требовала неотступного преследования Колчака до окончательного разгрома его армии. Надо было прогнать Колчака за Уральский хребет, возможно быстрее захватить промышленный Урал и его железные дороги. В телеграмме от 25 мая 1919 года Реввоенсовету Восточного фронта Ленин писал: «Если мы до зимы не завоем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной...» (Ленин «Из эпохи гражданской войны», стр. 52).

Троцкий в разгар наступления Красной Армии на Восточном фронте предложил

весьма подозрительный план: прекратить преследование колчаковцев и перебросить войска с Восточного фронта на Южный. Этот план был прямым нарушением требования Ленина: «Ни в коем случае ни одного лишнего работника из восточной армии для местной работы не брать!» (там же, стр. 64—65). «ЦК партии, хорошо понимая, что нельзя оставлять Урал и Сибирь в руках Колчака, где он может с помощью японцев и англичан оправиться и снова стать на ноги, — отклонил этот план и дал директиву продолжать наступление» («История ВКП(б)», стр. 226).

Выполняя указания Ленина и Сталина, Красная Армия с новой силой продолжала наступление и нанесла ряд новых поражений Колчаку: В июле Красная Армия взяла Златоуст и столицу Урала—Екатеринбург (ныне Свердловск).

Победы Красной Армии подняли на борьбу народные массы, изнывавшие под гнетом кровавого сибирского диктатора. В тылу у Колчака нарастало мощное партизанское движение. При приближении частей Красной Армии к ним присоединялись отряды партизан.

Большевики в сибирском подполье идейно и организационно руководили партизанским движением и подготавливали массы к восстанию. Они создавали отряды из рабочих, тайные крестьянские комитеты и развертывали массовое партизанское движение в тылу у Колчака. Действия партизанских отрядов развернулись на огромной территории: на Алтае, в Енисейской, Иркутской, Томской губерниях и по линии Сибирской железной дороги. ЦК партии большевиков непосредственно руководил деятельностью коммунистов в колчаковском тылу. Через линию фронта посылались из Москвы партийные работники с директивами Ленина, Сталина, Свердлова.

19 июля ЦК партии принял специальное решение о партизанской борьбе в Сибири. ЦК предложил объединить разрозненные партизанские отряды и подчинить всю их деятельность операциям наступающей Красной Армии. Партизаны разрушали тыл белых и помогали продвижению советских войск.

Борьба против Колчака была значительно облегчена тем, что под руководством товарища Сталина летом 1919 года были разгромлены под Петроградом белогвардейцы и интервенты, пытавшиеся отвлечь силы Красной Армии от Восточного фронта.

* * *

Победоносному шествию Красной Армии способствовала самоотверженная работа советского тыла. При фабриках, заводах, союзах были созданы комитеты содействия Красной Армии. Рабочие и крестьяне про-

«Вперед на защиту Урала». Плакат. 1919 год. Музей революции СССР.

являли теплую заботу о красноармейцах. Работницы шили белье, отправляли в Красную Армию подарки, производили добровольные отчисления из заработной платы. В стране было осуществлено невиданное нигде в мире единство тыла и фронта.

Ленин и Сталин не раз указывали на значение тыла для победы диктатуры пролетариата над силами контрреволюции. В 1920 году в статье «Новый поход Антанты на Россию» товарищ Сталин писал: «Ни одна армия в мире не может победить (речь идет, конечно, о длительной и прочной победе) без устойчивого тыла. Тыл для фронта — первое дело, ибо он, и только он, питает фронт не только всеми видами довольствия, но и людьми — бойцами, настроениями и идеями» (Сталин «Статьи и речи об Украине», стр. 93).

В период борьбы с колчаковскими бандами партия призвала трудящихся взяться за работу по-революционному. На фабриках и заводах развернулось массовое движение за поднятие производительности труда и трудовой дисциплины. Страна требовала резкого улучшения работы предприятий, бесперебойной работы транспорта для быстрой доставки подкреплений, оружия и боеприпасов Красной Армии.

По инициативе московских железнодорожников были организованы коммунисти-

ческие субботники. Первый субботник состоялся 10 мая. Великое начинание было дружно подхвачено всей страной. 17 мая устроили субботник коммунисты и сочувствующие Александровской (ныне Белорусской) железной дороги. 31 мая коммунистический субботник состоялся в Твери, 6 июня — в Саратове и т. д.

Субботники были горячо поддержаны беспартийными рабочими. Ленин назвал коммунистические субботники «великим почином» и усматривал в этом движении «фактическое начало коммунизма» (Ленин. Т. XXIV, стр. 342). Отмечая величайший героизм красноармейцев в борьбе с колчаковцами и денikinцами, Ленин указал, что «Не меньшего внимания заслуживает героизм рабочих в тылу» (там же, стр. 329).

Колчаковщина доживала последние месяцы. В тылу у Колчака нарастало революционное движение. Крестьянские сходки выносили постановления «не давать ни лошадей, ни солдат, ни податей». Начались массовые восстания. В Минусинском уезде, Енисейской губернии, к осени 1919 года образовалась из отдельных отрядов крестьянская армия, успешно действовавшая против колчаковцев. Колчак вынужден был бросить на борьбу с развернувшимся партизанским движением почти половину своих сил. Карательные отряды творили дикую расправу с целыми селами. Озверелые колчаковцы устраивали массовую порку крестьян, наиболее «провинившиеся» деревни сжигались дотла. Это привело к тому, что на борьбу с колчаковщиной поднялось поголовно все население. «Колчак дал нам миллионы сторонников Советской власти в самых отдаленных от промышленных центров районах...» (там же, стр. 496).

Некоторые деятели колчаковского режима сознавали, какая опасность грозит их существованию со стороны враждебного им тыла. Барон Будберг в своем дневнике 26 августа 1919 года писал:

«Неприятно смотреть на висящую в моем кабинете огромную карту, на которой офицер наносит красными точками пункты и районы восстаний в нашем тылу, эта сынь делается все гуще и гуще, а вместе с тем все слабее становится надежда справиться с этой болезнью» (Будберг «Дневник белогвардейца», стр. 236—237. «Прибой». 1929).

Но дожидаясь полного развала колчаковщины, барон поспешил эвакуироваться в Харбин. Армия Колчака, имея у себя в тылу враждебно настроенное население, неизбежно должна была прийти к полному разложению. Несмотря на террор и преследования, насильно мобилизованные солдаты колчаковской армии при первой воз-

можности переходили на сторону советских войск.

Тот же Будберг писал: «... в шифрованных донесениях с фронта все чаще попадаются зловещие для настоящего и грозные для будущего слова: «Перебив своих офицеров, такая-то часть передалась красным» (там же, стр. 55).

Войска Колчака таяли, как снег весной. Красная Армия теснила их все дальше на восток, а там действовали мощные партизанские отряды сибирских рабочих и крестьян. Колчак был лишен возможности пополнять свои поредевшие отряды. Под обшипенными ударами Красной Армии с фронта и партизанского движения в тылу колчаковщина разваливалась.

14 ноября Красная Армия заняла город Омск, столицу «правителя». К концу 1919 года армия Колчака была окончательно разгромлена.

Вплоть до начала 1920 года Красная Армия победоносно преследовала армию Колчака. 8 января был занят город Красноярск. В плен сдались 60 тысяч солдат Колчака — значительная часть его армии. В январе в Иркутске власть перешла в руки ревкома. Таким образом, к январю 1920 года колчаковская армия прекратила свое существование. Сам Колчак был арестован и в ночь с 6 на 7 февраля 1920 года по приговору Иркутского ревкома расстрелян.

С разгромом Колчака был ликвидирован первый поход Антанты. Планы интервенции закончились полным крахом.

«Краткий курс истории ВКП(б)» дает нам ответ на вопрос, почему Советская страна победила «единенные полчища белогвардейской контрреволюции и иностранной интервенции в России.

Красная армия победила потому, что политика Советской власти, во имя которой воевала Красная армия, была правильной политикой, соответствующей интересам народа, что народ сознавал и понимал эту политику, как правильную и поддерживал ее до конца.

Красная армия победила потому, что она была верна и предана до конца своему народу.

Красная армия победила потому, что Советской власти удалось поднять весь тыл, всю страну на службу интересам фронта.

Красная армия победила потому, что красноармейцы понимали цели и задачи войны и сознавали их правильность. Красноармейские массы проявляли в борьбе с врагами беспримерную самоотверженность и невиданный массовый героизм.

Красная армия победила потому, что руководящим ядром тыла и фронта

Вступление Красной Армии в Иркутск. Март 1920 года.

Музей революции СССР.

Красной армии была партия большевиков, единая своей сплоченностью и дисциплиной, непревзойденная своим умением организовать миллионные массы и правильно руководить ими в сложной обстановке.

Советская страна не была одинока в борьбе против контрреволюции. Великая Октябрьская социалистическая революция оказала громадное влияние на трудящихся всего мира. Они отказывались воювать против Советов. Солдаты войск Антанты отказывались сражаться против Советской России. Борьба и успехи Советской республики вызывали сочувствие международного пролетариата. Рабочие всех стран поддерживали лозунг «Руки прочь от Советской России!» В ряде городов были организованы демонстрации и стачки протеста против интервенции. Так, в феврале 1919 года в Сиэтле (крупный порт в США) была объявлена всеобщая стачка. Рабочие отказались грузить военное снаряжение для Колчака.

Генерал Пюстраггер писал 23 октября 1919 года: «Английские рабочие продол-

жают идти по революционному пути и требуют невмешательства во внутренние дела России и Германии... Против требований о невмешательстве английское правительство, видимо, бессильно... Во французской палате депутатов запрос о выводе французских войск из Сибири показывает увеличение влияния рабочих кругов на правительственные мероприятия» (Сб. Центрархива «Последние дни колчаковщины», стр. 106. Изд. 1926).

Двадцать лет назад Красная Армия одержала славную победу над контрреволюционными силами адмирала Колчака — ставленника англо-французского империализма. Организатором и руководителем этой победы явилась партия Ленина — Сталина. В исключительно сложной обстановке она подняла народ на защиту социалистического отечества.

Голодные, оборванные, плохо вооруженные, но твердо уверенные в победе, массы двинулись в бой с одной мыслью — победить белогвардейщину. И они победили.

Партия большевиков в борьбе за завоевание массовых рабочих организаций в период революционного подъема (1912—1914 годы)

Наступивший в России в 1910 году промышленный подъем вызвал усиленный рост пролетариата, а дальнейшая концентрация производства, небывалая даже в мощных, передовых капиталистических державах, обуславливала сосредоточенность пролетариата на крупных предприятиях и служила предпосылкой для углубления и усиления революционной работы. Канун мировой империалистической войны в России был периодом острой революционной борьбы.

Товарищ Сталин в воззвании к рабочим от имени тифлиских большевиков летом 1911 года писал:

«Мрачные кровавые тучи черной реакции, нависшие над страной, начинают рассеиваться, начинают сменяться грозвыми облаками народного гнева и возмущения. Черный фон нашей жизни прорезывают молнии, и вдали уже слышатся зарницы, приближается буря, которая сметет с лица земли вековой оплот насилия и угнетения — трон царя-палача, народного убийцы, российского самодержца Николая-Последыша»¹.

Признаки оживления стачечной борьбы пролетариата, намечившиеся еще с лета 1911 года, с весны 1912 года переросли в новый революционный подъем.

Всего в 1912 году бастовало, по официальным отчетам, 725 тысяч рабочих, а по другим, более полным данным, — свыше миллиона пролетариев; в 1913 году участвовало в стачках 1 миллион 272 тысячи, а в первой половине 1914 года — уже около 1½ миллиона рабочих. По мере развития движения стачки приобретали все более ярко выраженный политический характер.

«...Россия, — писал Ленин, — снова всту-

¹ Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 178—179. 1939.

пила в полосу открытой революционной борьбы масс. Новая революция, начало которой мы переживаем, является неизбежным результатом банкротства третейской политики царизма»².

Большевистская партия, руководимая Лениным и Сталиным, возглавила революционное движение масс и, ведя беспощадную борьбу со всеми врагами рабочего класса, с агентами буржуазии в рядах пролетариата, готовила массы к новым, решающим битвам.

Ликвидаторы и троцкисты выступали против революционных стачек, против, как они говорили, «стаечного азарта» рабочих. Ликвидаторы, выступая за реформы без революционной, классовой борьбы, против революционного подполья, против программных лозунгов конфискации помещичьих земель и демократической республики, боролись за сохранение устоев капитализма.

В борьбе большевиков за новую революцию огромное значение имела работа не только в нелегальных партийных организациях, но и использование всех легальных возможностей, всех уцелевших легальных рабочих организаций, при помощи которых можно было тесно связаться с массами, «подтянуть резервы к авангарду», подтянуть широко массы трудящихся к передовому отряду пролетариата, к большевистской партии.

Образцом использования легальных возможностей и руководства революционным подъемом масс является деятельность таких органов большевистской партии, как большевистская газета «Правда» и большевистская фракция в IV государственной думе.

Среди легальных рабочих организаций значительную роль играли профсоюзы, клубы, вечерние университеты, просвети-

² Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 227.

тельные общества, страховые учреждения, кооперативы. За годы реакции их в основном захватили ликвидаторы, которые бежали из подполья и сосредоточили свою деятельность исключительно на легальном поприще. Перед большевиками стояла боевая задача — вытеснить ликвидаторов из массовых легальных организаций, и за осуществление этой задачи большевики взялись со свойственным им упорством и последовательностью.

Еще в период реакции большевики оказали серьезное влияние на рабочие группы четырех печальных съездов: народных университетов, женского съезда, съезда фабрично-заводских врачей и антиалкогольного съезда. Выступления на съездах рабочих делегатов, их рассказы об ужасных условиях жизни и работы пролетариата, их разоблачения политики царизма, душившего всякую культурно-просветительную работу среди народа, и их требование свержения царизма оказывали громадное революционизирующее воздействие на демократическое движение «средних» слоев.

В 1912 — 1914 годах, в период подъема рабочего движения, большевики еще больше усилили борьбу за овладение массовыми организациями рабочего класса и за влияние на широкие слои населения.

1

В истории борьбы большевиков за завоевание легальных массовых рабочих организаций в годы революционного подъема видное место занимает участие большевиков в так называемой страховой кампании.

Положение российского пролетариата настоятельно требовало введения государственного социального страхования. Условия труда и быта рабочих не отвечали минимальным человеческим требованиям: длинный, изнурительный рабочий день, сверхурочная работа, отсутствие элементарной охраны труда, совершенное отсутствие профилактики для рабочих и медицинской помощи заболевшим рабочим, отвратительные жилищные условия, постоянная угроза безработицы, нищенская заработная плата и высокие цены на продукты — все это приводило к абсолютному и относительному обнищанию рабочих, к инвалидности, к преждевременной старости и смерти. Обычная продолжительность жизни рабочих в России равнялась 40—45 годам.

В письме рабочих Донбасса к товарищу Сталину рассказывается о «заботливом» отношении к рабочим при царизме. Вот выдержка из этого письма: «В 1913 году

в Донбассе насчитывалось 52 тысячи инвалидов труда, искалеченных в шахтах, напорвавшихся в забоях, выведенных из строя каторжной работой. Чтобы создать видимость заботы о здоровье рабочих, горнопромышленники послали 34 шахтеров в Уфимскую губернию. 34 человека из 52 тысяч! Живыми добрались до места лечения только 23 человека. А обратно вернулась на шахты едва половина. Остальные были похоронены на неведомых полустанках и на «курортном кладбище»¹.

Несчастные случаи, приводившие к инвалидности рабочих, происходили и в других отраслях промышленности. Общеизвестны случаи массовых отравлений рабочих на химических заводах, на шахтах, увечья рабочих и служащих на железных дорогах, колоссальное распространение туберкулеза среди рабочих-текстильщиков и т. д.

О необходимости государственного социального страхования рабочих Владимир Ильич Ленин говорил следующее:

«Та часть производимых наемным рабочим богатств, которую он получает в виде заработной платы, настолько незначительна, что ее едва хватает на удовлетворение его самых насущных жизненных потребностей; пролетарий лишен таким образом всякой возможности сделать из своей заработной платы сбережения на случай потери им трудоспособности вследствие увечья, болезни, старости, инвалидности, а также в случае безработицы, неразрывно связанной с капиталистическим способом производства»².

В 1905—1907 годах царское правительство, нанюганное революционной борьбой масс, обещало рабочим издать законы по социальному страхованию. Но, обещанные в годы революции, законы бесконечно долго «обсуждались» и обрабатывались в III государственной думе. После поражения революции царизм и буржуазия перешли в наступление на жизненный уровень трудящихся масс и на те завоевания, которых пролетариат добился в революцию 1905 года. Воспользовавшись поражением рабочих, буржуазно-помещичья III дума обкарнала и изуродовала эти законы.

Сами предприниматели прекрасно понимали, что «сподравленные» таким образом законы о социальном страховании ни в какой мере не облегчат положения рабочих, так как законы были половинчатые, липкие и оставляли много лазеек.

Управляющий отделом промышленности В. И. Литвинов-Фалинский в этом признавался, говоря: «Мы не ждем благодарности от тех слоев, для которых проводится законопроект. На нас уже теперь сыплются

¹ «Правда» от 15 апреля 1939 года.

² Ленин, Соч. Т. XV, стр. 385.

упреки, что мы делаем не то, что нужно, даем слишком мало...»¹.

Но даже в таком виде законопроекты очень долго не принимались, и лишь революционный подъем, наступивший после зверского расстрела рабочих на Лене (апрель 1912 года), заставил, в конце концов, царское правительство издать 23 июня 1912 года закон о страховании рабочих от болезней и несчастных случаев и об учреждении больничных касс с участием рабочих. Проводиться же в жизнь этот закон стал только с конца 1913 года.

Новый закон социального страхования касался лишь двух видов страхования: от несчастных случаев и от болезней. Закон этот не распространялся на ряд областей — Сибирь, Закавказье — и на ряд категорий труда: сельскохозяйственных рабочих, строительных, железнодорожных, почтово-телеграфных служащих, приказчиков и т. д. Таким образом, закон охватывал не более 1/3 части всего пролетариата России.

Большевистская партия оценила этот закон как закон, являющийся противоречащий интересам рабочих, как ухудшение положения рабочих, даже по сравнению с существующим.

Владимир Ильич охарактеризовал закон, как «задуманный в целях идейного закабаления и угнетения пролетариата», как закон, «грубейшим образом издевающийся над насущными интересами рабочих».

Большевистская партия под руководством Ленина и Сталина звала сознательных рабочих выступить против думского законопроекта.

Но, давая справедливую классовую оценку этому закону о социальном страховании, охраняющему только интересы предпринимателей, и призывая протестовать против него, партия большевиков указывала, что, в случае принятия законопроекта даже в таком виде, нужно использовать те новые организационные формы, которые появятся в связи с законом, для пропаганды социал-демократических идей.

Большевистская партия, согласно своей общей установке на использование всех и всяческих реформ и легальных возможностей для развития революционной борьбы масс, призывала превратить «...и этот закон, задуманный в целях нового закабаления и угнетения пролетариата, в орудие развития его классового сознания, укрепления его организованности, усиления его борьбы за полную политическую свободу и социализм»².

Теоретики марксизма-ленинизма учили, что частичные требования пролетариата должны сочетаться с общими задачами ре-

волюционной борьбы рабочего класса и должны быть подчинены интересам революции, социализма.

«...всякий, кто хочет, — говорил Ленин, — добиться действительной рабочей реформы, должен бороться прежде всего за новую неизбежную революцию»³.

Большевики подчеркивали, что в условиях капиталистического общества невозможны действительные, прочные реформы в пользу рабочих без нового революционного подъема.

Угрожающему буржуазно-помещичьему закону социального страхования большевики противопоставили свою программу государственного социального страхования, принятую на Пражской конференции и вошедшую в историю рабочего движения под названием ленинской программы социального страхования. Основные положения ленинской страховой программы сводились к следующему:

«Наилучшей формой страхования рабочих является государственное страхование их, построенное на следующих основаниях: а) оно должно обеспечивать рабочих во всех случаях утраты ими трудоспособности (увечье, болезнь, старость, инвалидность; у работниц, кроме того, беременность и роды; вознаграждение вдов и сирот после смерти добытчика) или в случае потери заработка благодаря безработице; б) страхование должно охватывать всех лиц наемного труда и их семейств; в) все застрахованные должны вознаграждаться по принципу возмещения полного заработка, причем все расходы по страхованию должны пасть на предпринимателей и государство; г) всеми видами страхования должны ведать единые страховые организации, построенные по территориальному типу и на началах полного самоуправления застрахованных»⁴.

Ленин подчеркивал в своей страховой программе требование возмещения всех видов потери трудоспособности, страхования рабочих за счет государства и капиталистов, полного самоуправления застрахованных в органах социального страхования: страховкасах, страховых советах, больничных кассах.

Ленинская страховая программа отражала коренные интересы рабочего класса и революционный подъем в стране, она была также тесно связана с другими насущными боевыми вопросами революционного движения.

Для большевистской партии органы социального страхования должны были являться опорными пунктами связи с массами. Особую необходимость обеспечить вы-

¹ Цит. по «Иправе» от 9 (22) июня 1912 года.

² Ленин, Соч. Т. XV, стр. 387.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 385.

движение и подбор достойных кандидатур в страховые органы, обеспечить соответствующую подготовку и проведение страховой кампании.

Царское правительство и буржуазия приняли ряд мер, чтобы не допустить избрания в органы социального страхования представителей революционных рабочих.

Целая система выборов была разработана таким образом, чтобы рабочие не могли провести своих подлинных представителей. Выборы проходили примерно так: рабочим с вечера выдавали бюллетени, которые они к утру должны были заполнить. Никакие собрания для обсуждения кандидатур, для выдвижения достойнейших представителей рабочего класса не допускались. Эти «немые», по выражению рабочих, выборы производились по отделам, по отдельным группам рабочих.

Обсуждать закон о страховании, проводить лекции на тему о социальном страховании, организовывать собрания, совещания рабочих категорически воспрещалось.

Под руководством партии большевиков началась борьба рабочих за право обсуждать царский закон социального страхования. Большевистская газета «Правда», местные партийные организации, большевистская фракция IV государственной думы развернули борьбу против попыток правительства и капиталистов заставить рабочих выбирать своих уполномоченных втемную, без обсуждения кандидатур на рабочих собраниях.

Петербургский комитет большевистской партии в период страховой кампании выпустил листовки, призывавшие пролетариат Петербурга к однодневной политической стачке и к активному участию в страховой кампании. Вот выдержка из листовки от 14 декабря 1912 года:

«Мы требуем, чтобы рабочим дали собраться для обсуждения вопросов страхования. Мы требуем, чтобы рабочим дали выбрать своих представителей во все страховые учреждения. Мы требуем, чтобы рабочим не мешали широко организовываться вокруг больничных касс. Мы требуем, чтобы рабочим всей России дали возможность столкнуться по всем вопросам страхования; мы требуем, чтобы угнетатели народа считались с правами и интересами рабочего класса.

Товарищи, мы призываем вас к однодневной политической забастовке»¹.

Резолюция совещания ЦК РСДРП с партийными работниками в феврале 1913 года говорила о важности страховой кампании, о необходимости борьбы за право предварительно составлять список рабочих-

¹ «Листовки петербургских большевиков. 1902—1917», Т. II, стр. 72. 1907—1917. Госполитиздат. 1939.

уполномоченных и предлагала рабочим добиваться явочным путем собраний для обсуждения кандидатов в органы социального страхования.

Литвицаторы выступали против ленинской страховой программы, против большевистской оценки законов царизма о социальном страховании и намеченной партией большевиков тактики в этом вопросе. Они считали, что думский страховой закон вполне отвечал требованиям рабочего класса России. Они уверяли, что в рамках столыпинского режима возможно подлинное рабочее законодательство.

Большевики разоблачали литвицаторов как пособников и агентов буржуазии, в интересах которой и издан царский закон.

Но большевикам пришлось вести борьбу также и с бойкотистскими настроениями среди отдельных групп рабочих, с нежеланием рабочих на ряде предприятий участвовать в выборах уполномоченных для обсуждения устава больничных касс.

Эти настроения, вырвавшиеся на почве политической отсталости части рабочих, усиленно поддерживались эсерами (называвшими себя в подцензурной печати народниками), которые признались в своей газете «Северная мысль», что они являлись «главными вдохновителями» бойкотистских групп»².

Ленин, борясь против бойкотистских тенденций эсеров, писал, что люди, отрицающие необходимость использовать реформы и частичные улучшения в интересах рабочих, являются вредными для рабочего движения, своей политикой изменяют рабочему классу и переходят на сторону буржуазии.

Большевики разъясняли рабочим вред бойкотизма. В решении февральского совещания ЦК говорилось:

«Бойкот выборов уполномоченных Совещание считает нецелесообразным и вредным. Главные усилия капиталистов в данное время направляются на то, чтобы не дать рабочим овладеть известными фабрично-заводскими пролетарскими ячейками, каковыми должны стать больничные кассы рабочих. Бойкот, раз'единяя в настоящий момент рабочих, только шел бы на руку указанному стремлению капиталистов»³.

2

Большевистская фракция IV государственной думы вела самоотверженную борьбу за ленинскую программу социального страхования. Депутаты-большевики с трибуны черносотенной Думы разоблачали политику самодержавия, направленную против социального страхования рабочих.

² Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 170.

³ Ленин Соч. Т. XVI, стр. 232.

В своих запросах IV государственной думе от 24 июня 1913 года и от 3 января 1913 года и в речах в защиту этих запросов депутаты-большевики рассказывали народным массам России о тех беззакониях и извращениях, которые творили местные власти и различные министерства царизма в области социального страхования.

Депутат IV государственной думы тов. Балаев говорил в Думе, что правительство подтверждало свою контрреволюционную сущность тем, что начало арестовывать уполномоченных, избранных рабочими массами. Это было своего рода завершение всей политики царизма по вопросу о социальном страховании рабочих.

В своих речах с думской трибуны депутаты-большевики от имени рабочего класса России протестовали против преследований органов социального страхования и требовали спешного удаления самого правительства от управления всеми делами страховой кассы.

Большевистская «Правда» и большевистские депутаты Государственной думы возглавляли борьбу пролетариата за ленинскую программу социального страхования. Для систематического освещения вопросов социального страхования «Правда» ввела специальный отдел «Страхование рабочих», в котором обсуждались запросы большевистской фракции IV государственной думы в связи с нарушением законов социального страхования.

За один год в «Правде» было напечатано 23 статьи о 8-часовом рабочем дне в связи с законопроектом, внесенным большевистской фракцией в IV думу, 167 статей было посвящено задачам страховой кампании, 41 статья — положению женщины-пролетарки, 8 статей — детскому труду, 92 — охране труда, фабричной инспекции и т. д.¹

«Правда» помогала страховому активу издавать и распространять большевистскую литературу, разъясняющую ленинскую программу страхования рабочих.

«Правда» обобщала опыт борьбы рабочего класса других стран за социальное страхование и разъясняла рабочим, что полного социального страхования в интересах рабочего класса можно достигнуть только в результате свержения царизма и уничтожения капитализма победоносной пролетарской революцией.

По инициативе большевиков и отдельных профессиональных организаций проводились выборы в страховые органы. В Петербурге в ноябре 1913 года был образован страховой центральный совет от 58 петербургских заводов и фабрик. Этот со-

вет послал Обществу заводчиков и фабрикантов письмо, в котором были изложены большевистские требования ленинской программы социального страхования.

Товарищ Молотов в статье «Общее собрание кожевников» (газета «За правду» от 23 октября 1913 года) живо и ярко передает борьбу большевиков за ленинскую программу социального страхования. Рабочими-кожевниками была принята следующая резолюция: «Общее собрание кожевников требует введения настоящего социального страхования за счет предпринимателей и государства и чтобы этот закон распространялся на всех наемных рабочих. Вместе с тем общее собрание обращается к социал-демократической фракции Государственной думы с предложением, чтобы она внесла на рассмотрение Государственной думы новый закон о страховании, который имел бы все виды страхования...»

Для того чтобы организовать и централизовать борьбу, представители петербургских рабочих выставили большевистский лозунг общероссийской больничной кассы. Аналогичные лозунги социального страхования были выставлены в других городах России: в Варшаве, в Москве и т. д.

О борьбе большевиков за завоевание органов социального страхования ярко рассказано в книге «История Путиловского завода» (изд. 1939 года). Устав больничной кассы, принятый путиловскими уполномоченными, был напечатан в № 19 «Правды труда». Этот устав, отклоненный в то время царскими наймитами, остался как прокламация, но впоследствии в разных городах России был положен в основу требований рабочих при учреждении больничных касс.

Развертывающаяся страховая кампания и рост страхового движения в России вызывали необходимость создания специального большевистского органа по руководству страховым движением. В газете «Правда» большевики-депутаты IV государственной думы подняли вопрос об организации страхового журнала. Они писали:

«В последнее время страховому движению стало тесно на страницах существующих органов печати; жизнь вывинула настоятельную необходимость создания особого страхового органа. Рабочий класс должен создать свой рабочий орган печати»².

Журнал «Вопросы страхования», будучи детищем «Правды», боролся за дело рабочего класса и оказывал большую помощь в сплочении страхового актива. В его ор-

¹ См. «Путь правды» от 22 апреля (5 мая) 1914 года.

² Петровский, Балаев, Муранов, Самофлов, Шагов. «Правда» от 24 сентября 1913 года.

ганизации принимали активное участие Ленин, Сталин, Молотов, Шверник и другие большевистские деятели рабочего движения.

Высокую оценку работе журнала социального страхования дал товарищ Сталин. В 1915 году из туруханской ссылки он писал:

«...отрадно видеть и читать действительно рабочий журнал. Пусть «Вопросы страхования» приложат все усилия и старания и к делу идейного страхования рабочего класса нашей страны от глубоко развращающей, антипролетарской и в корне противоречащей принципам международной проповеди г.г. Потресовых, Левицких и Плехановых»¹.

Ликвидаторы из всех сил старались противодействовать все усиливавшемуся влиянию большевиков в легальных организациях. Особенно резко они выступали против руководства большевиков в органах социального страхования, обвиняя большевиков во «фракционности», «фракционном наплевии», стремясь всячески доказать, что страховая кампания — кампания беспартийная.

Но несмотря на совместные действия самодержавия и буржуазии, на аресты рабочих представителей (в частности арест тов. Шверника), на прямое предательство ликвидаторов и левонародников, рабочие выбрали большинство правдистов. Выборы в страховые органы окончились полной победой большевиков.

Рабочие на конкретных фактах убеждались, что большевистская партия отражает и защищает их интересы, голосовали за списки «Правды», проводили лозунги большевистской партии в жизнь.

«В начале 1914 года, — писал Ленин, — состоялись в Петербурге выборы от рабочих больничных касс в Всероссийский Страховой Совет и Столичное Страховое Присутствие. В первое учреждение рабочие выбрали 5 человек и 10 заместителей, во второе 2-х человек и 4-х заместителей. В обоих случаях прошли целиком списки сторонников «Правды»².

Подводя итоги борьбы с ликвидаторами за завоевание органов социального страхования, Ленин писал:

«Вот объективные данные о выборах от рабочих в страховые учреждения... Вся рабочая группа всероссийского страхового учреждения состоит из правдистов, т.е. из рабочих, осудивших и отвергнувших ликвидаторство. На выборах в это всероссийское страховое учреждение 47 уполномоченных из 57 было правдистов,

т.е. 82%. На выборах в столичное, санкт-петербургское, страховое учреждение, было 37 правдистских уполномоченных и 7 ликвидаторов, т.е. процент правдистов 84%»³.

Аналогичную победу в страховой кампании одержали большевики в таком крупном рабочем центре, как Рига. Вот что читаем у Ленина по этому вопросу:

«Происходит собрание правленцев больничных касс для намечания кандидатов в губернское страховое присутствие. Представлена 21 касса. Происходит резкая борьба политических направлений. На одной стороне ликвидаторы, пародники, беспартийные, некоторые профессиональные союзы. На другой — правдисты. Выступает масса ораторов с той и другой стороны. В результате список правдистов получает 44 голоса, блок всех остальных — 20... У правдистов таким образом больше двух третей»⁴.

Ликвидаторы, меньшевики, троцкисты в крупнейших рабочих центрах России были вытеснены из органов социального страхования, ликвидаторы были сняты со своих постов в рабочих страховых организациях.

Ленин писал Горькому: «У нас дела идут недурно; в Питере рабочие сплавиваются партийно во всех легальных обществах, страховых в том числе»⁵.

Страховая кампания организовала для революционной борьбы самые широкие массы. В больничных кассах было объединено около 1,5 миллиона рабочих.

Страховая кампания имела громадное значение в годы революционного подъема для сплочения рабочих масс вокруг большевистских лозунгов.

3

В годы нового революционного подъема Ленин и Сталин поставили перед большевистской партией в качестве одной из центральных задач завоевание профсоюзом на сторону большевизма. Следуя этому указанию, партия много внимания уделяла вопросам деятельности профсоюзов, экономической борьбе рабочего класса, защите повседневных материальных интересов отдельных групп рабочих.

Большевики провели огромную работу по завоеванию рабочих профессиональных союзов — массовых легальных организаций рабочего класса.

Сталин в работах «Вскользь о партийных разногласиях», «Профсоюзы в Тифлисе», «Реорганизация в Тифлисе» и в ряде других статей развивал марксистско-

¹ См. «Пролетарская революция» № 7 за 1936 год, стр. 168.

² Ленин, Соч. Т. XVII, стр. 316.

³ Там же, стр. 551.

⁴ Ленин, Соч. Т. XVII, стр. 358.

⁵ Ленин, Соч. Т. XXIX, стр. 44.

ленинские идеи о задачах профсоюзов в условиях капитализма, писал о необходимости рабочему классу иметь свои массовые профессиональные организации, обосновывал важность и необходимость крепкого руководства профсоюзами со стороны большевистской партии в борьбе за общеклассовые интересы пролетариата.

Профессиональные союзы и другие беспартийные рабочие организации, писал товарищ Сталин, «абсолютно необходимы рабочему классу, ибо без них невозможно укрепить классовые позиции пролетариата в разнообразных сферах борьбы, ибо без них невозможно закалить пролетариат как силу, призванную заменить буржуазные порядки порядками социалистическими»¹.

Как известно, профсоюзы в России возникли в огне революции 1905 года. Под напором революции царское правительство в марте 1906 года издало жесткий закон, легализовавший профессиональные организации рабочих в крайне ограниченных рамках («Временные правила об обществах, союзах и собраниях»). После поражения первой революции царизм систематическими репрессиями стал гнать и душить рабочие организации, в том числе и профсоюзы, быстро возникавшие на основе нового закона.

По официальной статистике, с 1906 по 1912 год самодержавием было закрыто свыше 600 союзов. За это же время было отказано в регистрации более 700 союзам.

В статье «Поход на союзы» товарищ Молотов писал:

«Собираются темные тучи, реакция начинает «ликвидировать»... тушить огоньки в очагах рабочего движения и об этом не должен забывать ни один сознательный рабочий. Нужно быть всегда готовым ко всяким ударам и сплачивать ряды, искать опоры в рабочей массе, в ее солидарности»².

В статье «Из практики профессионального движения в Петербурге» товарищ Молотов показал, в каких кошмарных условиях работали, боролись за свое существование профсоюзы в России. В большевистских газетах систематически сообщалось о бесконечных гонениях царского правительства на профессиональные организации. Известны «постоянные набег» на союзы, аресты лучших работников, «ревизии» официального и неофициального характера, неразрешение собраний и преждевременное их закрытие, придижки к докладчикам и нескончаемый ряд других нажимов и прижимов, ставивших жизнь и деятельность союзов в совершенно

ненормальные условия»³, — писал тов. Молотов.

В статье «Милости и немилости» товарищ Молотов, вскрывая классовую сущность царских законов о профсоюзах, писал:

«Рабочие по опыту знают, что путь создания рабочих организаций усыпан терниями, и все-таки рабочие не отказывались от борьбы за создание и укрепление их. Нет такой силы, которая могла бы остановить рабочих на этом пути. Закрытие одних рабочих союзов вызывает появление новых...

Не надеясь «на милости», — заканчивал Молотов свою статью, — но и не страшась «немилостей», рабочие создадут и укрепят свои организации»⁴.

Рабочие под руководством большевиков упорно боролись за свои профессиональные организации. Царское правительство неоднократно «ликвидировало», закрывало союз металлистов. Большевики каждый раз вновь и вновь добивались регистрации его под разными названиями и по разным уставам. Подобного рода факты имели место и в других союзах.

В своих запросах в Государственной думе по поводу гонений и преследований профсоюзов большевистские депутаты вскрывали общее положение профсоюзов России.

Запросы большевистской фракции о преследованиях профессиональных союзов проваливались голосами думских черносотенцев.

В последнем запросе в Думу от 13 июня 1914 года большевистская фракция IV государственной думы кратко, на нескольких страницах, дала яркую, подкрепленную огромным количеством неопровержимых фактов характеристику политики царизма в отношении профсоюзов.

Приведем несколько характерных фактов репрессий в отношении профсоюзов:

«Петербург. Общество металлистов.

В августе 1913 г. два раза произведен обыск. Арестованы казначей... и друг. и высланы из 57 пунктов. Книги и документы не возвращены. 25 и 28 октября и 3 ноября приходила полиция в отделение общества и переписывала присутствовавших. Отделение Московского района закрыто. С 21 апреля по 15 ноября 1913 года арестовано 16 человек правления, из которых четверо арестовано было по два раза, шестеро выслано с лишением 57 пунктов...

18 января 1914 г. в союз металлистов явился чиновник особых поручений с требованием книг, списков членов и пр

¹ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 70, 11-е изд.

² «За правду» № 33 за 1913 год.

³ «Металлист» № 11 за 1913 год.

⁴ «Правда» от 6 июля 1912 года.

для ревизия. 19 января 1914 г. приоткрыто закрыто общее собрание металлистов в театре «Вена» за попытку работницы говорить о необходимости 8-часового рабочего дня.

В результате этих гонений и ревизий союз в марте месяце закрыт».

«Общество текстильщиков».

Арестовано 15 членов правления, 2 председателя... и выслано в Вологодскую губернию на три года 6 секретарей... Полиция требовала списки всех членов. Закрыта библиотека при обществе».

«Москва. Союз булочников».

После закрытия союза в 1906 г. безуспешно подано было три устава на регистрацию... В августе 1913 г. было закрыто собрание за сочувственные аплодисменты оратору, говорившему о репрессиях. Секретарь союза... арестован в сентябре».

«Общество рабочих по выделке кожи и изделий из нее».

Закрыто собрание за предложение почтить память Толстого... В редакции журнала «Кожевник» произведен был обыск с арестами. Журнал закрывали два раза, редактор сидел три месяца»¹.

Гонения и репрессии против профсоюзов в России приняли массовый характер, борьба за существование профсоюзов становилась сугубо политической.

Но, несмотря на репрессии царизма, с 1911 года, вместе с общим подъемом рабочего движения, усилилась тяга рабочих к профсоюзам. Большевистская фракция организовала и возглавила борьбу рабочих масс за профсоюзы, за увеличение их численности, за участие их членов в общем подъеме революционного движения в России.

«Правда» помогала рабочим организовываться в профсоюзы, разъясняла им взгляды большевиков на задачи профсоюзов в условиях царизма, выступала на защиту профсоюзов от преследований царизма. «Правда» шаг за шагом разоблачала агентов капитала в рабочем движении и их попытки подчинить профсоюзы буржуазному влиянию.

В течение 2½ лет (с 1912 по 1914 год) «Правда» поместила несколько тысяч статей, заметок, корреспонденций о положении рабочего класса, его борьбе и о задачах профсоюзов. В газете существовал специальный раздел «Профсоюзное движение». Только за последний год существования «Правды» (до начала первой империалистической войны) было помещено 7844 корреспонденции о стачечном движении, 49 статей, посвя-

¹ «Большевистская фракция IV государственной думы», стр. 333—334, 321, 323, 325.

щенных задачам и целям профсоюзов и их взаимоотношениям с большевистской партией. 80 статей было посвящено союзу металлистов, 152 статьи — отдельным профсоюзам. Далее, в «Правде» за тот же год было опубликовано 593 «отчета о собраниях и деятельности профсоюзов»².

Статьи, отчеты, заметки, помещенные в «Правде», в основном писались самими рабочими, часть из них составлялась коллективно.

Профсоюзы быстро увеличивались в годы революционного подъема. Всего союзов было в 1909 году 63, к концу 1913 года их насчитывалось 88, а к концу 1913 года было уже 118 союзов с количеством членов около 45 тысяч человек. Это еще не точные данные, так как многие профсоюзы существовали нелегально. Известно, что союз сапожников, которым руководил Л. М. Катанович, был подпольным.

В Петербурге в 1914 году насчитывалось 20 союзов, в Москве в 1914 году — 13 союзов, в провинции — 70 союзов. К особенно мощным профессиональным союзам можно отнести союзы: металлистов, текстильщиков, печатников, служащих, деревообделочников и др.

Процесс роста профсоюзов и их объединения происходил на базе общего роста рабочего движения, на базе укрепления влияния большевиков в легальных организациях и вытеснения ликвидаторов из профсоюзов.

«Самое характерное в истории развития наших профсоюзов, — говорит товарищ Сталин, — состоит в том, что они возникли, развивались и окрепли после партии, вокруг партии и в дружбе с партией»³.

Большевики в рамках единого союза боролись за влияние идей большевизма. Терпеливо разъясняя рабочим свою программу, они завоевывали профсоюзы на сторону революционного марксизма.

Окончившиеся в отдельных профсоюзах ликвидаторы и эсеры проповедывали буржуазную, по существу, теорию «нейтральности», «независимости», «автономности» профсоюзов от партии.

Эту меньшевистскую теорию в свое время пытался обосновать Плеханов. Он считал, что «вредно вносить в союзы политические разногласия», ибо они раскалывают союзы. Далее, Плеханов указывал, что идейно-политическое руководство партий профсоюзами в России невозможно, ибо в России 11 политических партий и трудно сказать, какой партии должно принадлежать политическое руководство профсою-

² См. «Путь правды» от 5 мая 1914 года.

³ Сталин «К итогам работ XIV конференции РКП(б)», стр. 43. Партиздат. 1937.

зами. Ленин назвал эти «доводы» Плеханова политическими глупостями.

Другой идеолог меньшевизма — Мартов — писал: «Вопросы продвижения, профессиональной борьбы и организации никогда не должны решаться под углом зрения интересов партийных организаций»¹.

Многие статьи в «Правде» были направлены против этой меньшевистской, по существу буржуазной, теории «нейтральности», независимости профсоюзов от партии.

Ленин и Сталин, большевистская партия вели решительную борьбу против этих враждебных взглядов ликвидаторов на роль партии и профсоюзов в условиях царизма.

«...теория нейтральности, — писал Ленин, — есть идейное облачение этих буржуазных стремлений... Теория нейтральности союзов в отличие от теории о необходимости тесной связи их с революционной социал-демократией ведет неминуемо к предпочтению таких средств этого улучшения, которые означают притупление классовой борьбы пролетариата»².

Характерно, однако, что когда ликвидаторам и эсерам удавалось захватить в свои руки какой-нибудь союз, они сразу забывали об этой своей теории. Они, «волнуясь и спеша», наклеивали на союзы ярлыки, печати, штампы партийности и заставляли их принять свою платформу, вытесняли из них беспартийных, раскалывая рабочее движение.

«Было время, — говорил Ленин, — нынешние ликвидаторы требовали партийности союзов и их организационного представительства в партии. Было время, когда народники заставляли железнодорожный союз официально присягать своей программе. Теперь и те и другие метнулись в другую сторону и отстаивают нейтрализм. К этому принудила их политическая слабость их позиции»³.

Теория «нейтральности» на деле была лишь орудием борьбы против революционного большевизма. Она полностью служила интересам буржуазии.

Известно, что Ленин и Сталин разработали принципиальное положение о взаимоотношениях партии и профсоюзов, которое указывало, что партия является передовым, организованным, сознательным отрядом рабочего класса, высшей формой классовой организации среди всех других организаций пролетариата и призвана руководить всеми остальными организациями, а профсоюзы являются приводным ремнем от партии к массам. Профсоюзы во всей

своей деятельности должны руководствоваться решениями, директивами и указаниями партии.

Необходимость руководства со стороны большевистской партии профсоюзами неоднократно подчеркивается и в «Кратком курсе истории ВКП(б)»: «Особое место в работах съезда (речь идет о Лондонском, пятом съезде РСДРП 1907 года. — И. Г.) занял вопрос о профсоюзах. Большевики защищали «нейтральность» профсоюзов, то есть выступали против руководящей роли партии в профсоюзах. Съезд отверг предложение меньшевиков и принял большевистскую резолюцию о профсоюзах. В этой резолюции указывалось, что партия должна добиться идейного и политического руководства профсоюзами»⁴.

Борьба большевистской партии за изгнание ликвидаторов из легальных организаций рабочего класса, за завоевание профсоюзов в годы революционного подъема была упорной, беспощадной и кончилась разгромом ликвидаторов и полной победой ленинско-сталинской тактики в массовом рабочем движении.

Ярким показателем роста влияния большевиков в профдвижении может служить тот несомненный факт, что «либеральная рабочая политика» — ликвидаторство — потеряла все свои позиции в профессиональном движении. «Ликвидаторов, — писал Молотов, — снимают с постов, как это произошло, например, у металлистов, их ставят в ряды «отверженных» (например у печатников) и т. д.»⁵.

В статье Молотова «Что говорят рабочие?» сообщается, что правления 5 союзов, представляющих волю свыше чем 10 тысяч рабочих, определенно заявили свою полную солидарность с рабочими депутатами-большевиками против меньшевиков-ликвидаторов. Рабочее движение шло под знаменем марксизма-ленинизма.

«И пусть г.г. ликвидаторы кричат: «Пожар, пожар!» — сознательные рабочие дадут им простой и ясный совет: «г.г. ликвидаторы, вам больше пристало кричать: «горим!»»⁶.

Рабочие активно поддерживали требование «Правды» «снятия с постов» ликвидаторов в массовых легальных организациях. Сами рабочие при помощи «Правды» помогали проведению этих лозунгов в жизнь.

«Страницы «Правды», — писал товарищ Сталин, — пестрели сообщениями об изгнании из страховых организаций, больничных касс и профессиональных объедине-

¹ «Пролетарий» № 36 от 16 (3) октября 1908 года.

² Ленин, Соч. Т. XII, стр. 145, 146.

³ Ленин, Соч. Т. XVII, стр. 238.

⁴ «История ВКП(б)», стр. 56—57.

⁵ «Металлист» № 11 за 1913 год.

⁶ «За правду» № 29 за 1912 год.

ний засеивших там одно время ликвидаторов»¹.

Вот как Ленин описывает победу большевиков над ликвидаторами на собрании союза металлистов в Питере:

«Что же показало собрание металлистов в Питере? Были выборы правления. Было два списка. Один список, напечатанный в газете ликвидаторов и отставившийся этой газетой, содержал в себе ряд имен известных ликвидаторов. Другой список, напечатанный в «Правде», был против ликвидаторский. Ликвидаторы обманом выдавали свой список за решение союза, но обман не помог им. На собрании металлистов было до 3000 человек. Из них всего каких-нибудь 150 подали голоса за список ликвидаторов»².

Из всех профсоюзов Петербурга в одном лишь союзе печатников сохранили свое влияние ликвидаторы, но впоследствии на выборах в правление союза в Петербурге 26 апреля 1914 года большинство членов правления было выбрано из большевиков и из сочувствующих им. За большевиками пошли и союз служащих, и союз печатников, и другие. Все 13 профессиональных союзов Москвы были против ликвидаторов и за большевиков, а из 20 профессиональных союзов Петербурга только чертежники, фармацевты и конторщики находились под влиянием ликвидаторов, а во всех остальных союзах было полное преобладание «правдивых». Большевики, отмечается в «Истории ВКП(б)», завоевали на свою сторону в обеих столицах большинство профсоюзных объединений.

В большевистской газете «Путь правды» от 25 февраля 1914 года дан перечень профсоюзов, руководимых большевиками накануне первой империалистической войны: металлистов, приказчиков, резинщиков, городских рабочих, шахтеров, архитектурно-строительных рабочих, текстильщиков, нефтепромышленников, железнодорожников, булочников, портных, печатников, деревообделочников, трактирных служащих, картонажников, саможников, кежевников, золотосеребрянников, часовщиков, экипажников, мраморщиков и других. Победа большевиков в профсоюзах обеспечила подлинное единство профдвижения в России.

В докладе на Брюссельском совещании Международного социалистического бюро в 1914 году Ленин, указывая на победу «правдивых» в легальных организациях, в том числе и в профсоюзах, подчеркнул и укрепление единства рабочего класса. «То

же самое,—писал Ленин,— профессиональные союзы. Может быть, заграничные товарищи, слушая речи заграничных русских с.-д. о «хаосе фракционной борьбы» в России (таковы речи Розы Люксембург, Плеханова, Троцкого и других), думают, что у нас парит раскол в профессиональном движении?

Ничего подобного.

В России нет параллельных союзов. И в Питере и в Москве профессиональные союзы едины. Все дело в том, что в этих союзах полное преобладание «правдивых»³.

В результате борьбы за завоевание профсоюзов большевикам удалось к 1914 году отстоять профсоюзы от полного разгрома их самодержавием, вытеснить меньшевиков и ликвидаторов из профсоюзов.

Царское правительство было сильно обеспокоено провалом ликвидаторов и победой большевиков в профессиональных союзах. Директор департамента полиции Белецкий обратился 17 сентября 1913 года к петербургскому градоначальнику со следующим письмом:

«Последнее собрание членов профессионального общества рабочих металлистов, состоявшееся 25 прошлого августа в помещении центрального общественного собрания (Кронверкский пр. д. № 11), выборами нового правления показало, что большинство членов собрания названного общества находится под непосредственным влиянием Российской социал-демократической рабочей партии, так как все 12 вновь избранных лиц принадлежат к Российской социал-демократической рабочей партии»⁴.

Победа большевистского руководства обеспечила выполнение профсоюзами основной своей функции — быть приводным ремнем от большевистской партии к рабочим массам.

Профессиональные союзы под большевистским руководством умело сочетали экономическую борьбу с политической, организовали защиту интересов рабочих, помощь рабочим во время забастовки, безработицы, развернули работу по классовому воспитанию своих членов в духе революционного марксизма, были тесно связаны с большевистской фракцией IV государственной думы и принимали участие в борьбе за большевистские лозунги.

Профессиональные союзы в годы революционного подъема действительно стали подлинной опорой партии Ленина — Сталина.

³ Там же, стр. 551.

⁴ «Департамент полиции и союз металлистов». «Красная летопись» № 9, стр. 153—154.

¹ «Большевистская правда», стр. 13.

² Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 49.

Накануне первой мировой империалистической войны большевистская партия поставила ряд новых базисных задач перед профсоюзами России. Важнейшей из них было объединение, централизация всех союзов во всеобщем масштабе.

«Пролетарская правда» от 19 января 1914 года писала:

«Очередной вопрос профессионального движения — это его централизация, его объединение по отраслям промышленности и во всеобщем масштабе...»

Задача объединения профсоюзов во всеобщем масштабе для ведения организованной борьбы труда с капиталом диктовалась главным образом тем, что в царской России к тому времени господствовал империализм. Лагерь революции готовился к новым боям. Была оформлена партия нового типа, партия Ленина — Сталина; рабочий класс России увеличился, вырос количественно и качественно. Массовые политические стачки и демонстрации происходили непрерывно; в стране назревал революционный кризис.

В такой обстановке легальные организации рабочего класса должны были быть массовыми, мощными, централизованными, едиными в борьбе против царизма, против империализма, ибо «... кто хочет бить по царизму, — писал товарищ Сталин, — тот неизбежно захватывался на империализм, кто восставал против царизма, тот должен был восстать и против империализма...» («Вопросы ленинизма», стр. 5. 11-е изд.).

Но задача, поставленная большевистской партией — объединение союзов во всеобщем масштабе, — тогда не была выполнена, так как империалистическая война оборвала назревавшую революцию.

Борьба, начатая большевистской партией за изгнание ликвидаторов, меньшевиков, троцкистов из легальных организаций рабочего класса, была упорной, беспощадной и кончилась решительным их разгромом и полной победой «правдивейшего» направления, победой ленинско-сталинской тактики в массовом рабочем движении.

* * *

Что обусловило завоевание на сторону большевиков органов социального страхования, профсоюзов и превращение их в опорные пункты революционной борьбы?

Прежде всего правильная революционная тактика партии Ленина и Сталина и самоотверженная борьба за партийную линию их лучших соратников, таких, как Молотов, Свердлов, Орджоникидзе, Калинин, Ворошилов, Каганович, Швершик и другие. Эти пламенные борцы за дело рабочего класса своей долгой и неутомимой работой, тесной связью с массами создавали в рабочем классе революционную дисциплину, прививали ему политическую сознательность, жгучую ненависть к лакеям буржуазии — врагам социализма. Они вели рабочий класс под большевистскими лозунгами, под руководством Ленина и Сталина к новой революции.

Большевики завоевали профсоюзы и органы социального страхования в годы революционного подъема, накануне империалистической войны, потому что они сумели сохранить нелегальную партию и сочетать нелегальную работу с легальной. Этот опыт большевиков вооружает коммунистические партии капиталистических стран непобедимым оружием борьбы за массы в самых трудных условиях.

Индия последней четверти XIX века

1

К 70-м годам XIX века Великобритания прочно заняла господствующее положение на Востоке. Британский флот доминировал над Средиземным морем, над Индийским и Тихим океанами. Важнейшие стратегические пункты вдоль морского пути, соединявшего Англию с ее восточными колониями, находились в руках англичан и были превращены в грозные военно-морские базы, обеспечивавшие оборону «имперских коммуникаций». Английские промышленные товары, главным образом ланкаширские текстильные ткани, паводняли рынки Азии, Африки и Латинской Америки. Южный и Центральный Китай, Южный Иран и Афганистан были обращены в британские полукolonии. Египет, опутанный паутиной кабальных займов, к середине 70-х годов оказался во власти англичан и в 1882 году был оккупирован английскими войсками.

Индия, однако, попрежнему являлась сердцем обширной Британской колониальной империи. Плодородие ее земель, неисчерпаемые богатства недр, колоссальные сырьевые ресурсы и 290 миллионов жителей, которых заставляли работать за гроши, платить подати в пользу английского флота и которым сбывались британские промышленные изделия, делали Индию поистине бесценным сокровищем для английских капиталистов.

Во второй половине XIX века английский капитализм значительно видоизменился. Все более резко обозначались в капиталистическом хозяйстве Великобритании монополистические тенденции, вытеснившие прежние фритредерские принципы английской экономической политики первой половины XIX века. Все более настойчивой становилась потребность в расширении внешних рынков. С каждым годом возрастала нужда в сырье, избыточные капиталы искали новых выгодных сфер приложения.

Достигнув зенита своего могущества, Великобритания была вынуждена отстоять свою гегемонию от посягательств новых претендентов, бороться за сохранение своего монопольного положения «фабрики мира» и «владычицы морей». Свободный капитализм «доброй старой Англии» постепенно перерастал в капитализм

нового типа, в капитализм монополистический, в империализм.

Эти серьезные перемены в экономической жизни метрополии не могли не отразиться на судьбе ее колоний и в первую очередь Индии. Колониальная эксплуатация Индии английским капиталом значительно усилилась во второй половине XIX века. Открытие Суэцкого канала чрезвычайно расширило морскую торговлю Индии с Англией. Если в 1871—1872 годах через канал прошло только 422 коммерческих судна, поддерживающих торговые связи с Индией, общим тоннажем в 464 198 тонн, то в 1877—1878 годах число судов возросло до 1137, а их тоннаж — до 1 617 839.

Англии в индийской внешней торговле принадлежало первое место. Более 35% всего индийского импорта в 70—80-х годах XIX века приходилось на долю английских хлопчатобумажных тканей. Импорт этих тканей в Индию за 50 лет (с 1840 до 1890 года) возрос в 10 раз.

Одновременно возрастал спрос английской промышленности на индийское сырье: хлопок, джут, индиго и пр.

Кроме того Индия стала продовольственной базой метрополии. По данным индийской переписи 1890—1891 годов, площадь посевов пшеницы достигала 20 миллионов акров, т. е. была почти равна посевной площади пшеницы в Соединенных Штатах Америки. Основными районами зерновых культур являлись северные провинции Индии и особенно Пенджаб.

Сельское хозяйство Индии приобрело ярко выраженный товарный характер. Земля стала повсеместно объектом купли-продажи, заклада, спекуляции. Норма эксплуатации непосредственного производителя-крестьянина повысилась во много раз. Земельно-податные системы (Land Settlement), установленные англичанами еще в конце XVIII и в начале XIX века, нормы англо-индийского земельного законодательства, практика англо-индийских судов с их неправдой и произволом — все это открывало широкий простор для произвола всех и всяческих эксплуататоров индийского крестьянства, начиная от помещика и сельского ростовщика и кончая городскими торговцами, спекулянтами, стряпчими.

Известный английский историк Индии Хантер, анализируя аграрный вопрос в Индии в период 70—80-х годов XIX столетия, писал: «Земля, являвшаяся прежде только источником существования для земледельца и источником дохода для государства, теперь стала ценной собственностью для ее владельца» («The Indian Empire» by W. W. Hunter).

В Бенгалии, где с 1793 года преобладала система «постоянного земиндарства»¹, земиндары, опираясь на нормы английского законодательства и на формальную установку потариата и судопроизводства, имели возможность неограниченно повышать норму эксплуатации арендаторов, доводить их до полной нищеты и разорения. Знаменитый закон 1793 года, зафиксировавший на вечные времена размеры поземельного налога, вносимого земиндарами правительству, оговорил также и соответствующие постоянные размеры арендной платы крестьян. Однако оговорка эта была сделана в самых общих выражениях, в то время как права земиндара были точно определены в официальных документах. Оттого-то земиндар, платя правительству раз навсегда определенную сумму налога, мог произвольно нарушать контракты со своими арендаторами и требовать от них все более и более высокой арендной платы.

Нередко земиндары находили выгодным славать свои земиндарские права на откуп. Такие откупы не могли иметь распространения в более ранний период английского владычества в Индии: свободных земель было значительно больше, ценность земли была значительно ниже, а сумма налога, составлявшая, согласно уложению 1793 года, 90% всего дохода земиндара, была настолько велика, что рассчитывать на значительную прибыль от осуществления земиндарских прав не приходилось.

В 70—80-х годах положение резко изменилось. Ценность земли и продуктов сельского хозяйства значительно возросла, а вместе с тем чрезвычайно возросла и чистая прибыль земиндаров.

Французский автор Жозеф Шайэ (Chailley «L'Inde Britannique». Paris. 1910), основываясь на статистических данных, утверждает, что если в конце XVIII и начале XIX века земиндар действительно платил правительству 90%

¹ Эта система, введенная лордом Корнваллисом в 1793 году, закрепляла на вечные времена землю за ее тогдашними фактическими владельцами — земиндарами, — обязанными вносить в казну 90% своего дохода.

своего дохода, то к концу XIX века он отдавал правительству лишь 25% фактического своего дохода, оставляя в свою пользу остальные 75%.

Предприимчивым дельцам, спекулянтам и ростовщикам было выгодно брать у земиндаров на откуп право взимания арендной платы и, выжимая все соки из крестьян, оставлять в своих бездонных карманах огромную разницу между суммой откупа и фактическим доходом.

Переход земель наследственных бенгальских земиндаров в руки пришлых людей: коммерсантов, ростовщиков, городских чиновников, стряпчих — совершался не только путем откупов. Часто земиндары старого типа просто не могли приспособиться к новым экономическим условиям, к «духу времени», разорялись, попадали в кабалу к займодавцам и, в конце концов, спускали свои имения за бесценок. Сотни тысяч акров земиндарских поместий переходили в руки оборотистых дельцов, для которых землевладение было наиболее выгодной сферой приложения капитала и наиболее легким средством занять положение в обществе.

Вытеснение аристократических бенгальских помещичьих родов земиндарами нового типа не означало еще развития капиталистического хозяйства. Хотя новые владельцы были в большей степени связаны с внутренним и внешним рынком, чем их предшественники, хотя они совмещали землевладение с коммерческой деятельностью и спекуляциями широкого масштаба, однако они отнюдь не меняли старых способов феодальной эксплуатации крестьян.

Крепостнически порядки, внеэкономическое принуждение, старая система феодальных поборов и повинностей оставались неизбывными в индийской деревне.

Положение крестьянина-арендатора стало еще тяжелее прежнего. Как ни прижимал его старый земиндар, все же эксплуатация эта носила до некоторой степени «патриархальный» характер, определявшийся длительным соседством, старинными связями, наследственными традициями. Новый хозяин был в деревню чужим, пришлым человеком. Своё владение он рассматривал только как средство легкой наживы. Ничто не связывало его с местным населением.

Не легче приходилось трудящимся крестьянам и в тех провинциях, где господствовала система «райствари»².

² Система бессрочной крестьянской аренды, введенная англичанами в Мадрасском и Бомбейском президентствах в начале XIX века.

Индийская деревня. XIX век.

В Мадрааском и Бомбейском президентствах цены на землю беспрестанно поднимались. Между тем поземельный налог, взимаемый правительством с земель «райствари», не только не снизился, но, напротив, значительно возрос. Субарендаторы были поставлены в очень тяжелые условия. Чтобы выполнить свои договорные обязательства и кроме того прокормить себя и семью, они вынуждены были обращаться к ростовщикам. Впрочем, такая же участь постигала и основных арендаторов — райстов, — которые оказывались в столь же бедственном положении и тоже попадали в лапы ростовщиков.

До английского завоевания и в первый период владычества англичан почва для развития сельского ростовничества в индийской деревне не была столь благоприятной. Свободных земель было больше, чем претендентов на них. Ростовщический процент был сравнительно невысок. Гарантий исправности платежей заемодавец не имел, так как не было законов, способных принудить должника к платежу под угрозой лишения его имущества и личной свободы.

Ко второй половине XIX века усиление эксплуатации арендаторов, развитие товарно-денежных отношений в деревне и нужда в земле создали благоприятные условия для развития ростовничества. Британские законы и практика британских судов, установившихся на защиту прав заемодавцев, дали ростовщику невиданное

доселе могущество. Пользуясь новелением и неопытностью крестьянина, ловкий ростовщик заставлял его подписывать кабальные долговые документы, опираясь на которые он имел возможность «на законных основаниях» довести своего должника до полного разорения.

Даже самые «благонамеренные» британские авторы не могли скрыть вопиющего положения индийского крестьянства.

Троттер в своей работе «История Индии при королеве Виктории», каждая строчка которой пропитана высокомерным духом английского шовинизма, также вынужден признать очевидные факты. Анализируя причины великого голода 1873—1874 года, Троттер писал:

«И в западной и в северной Индии лишение имущества и принудительная продажа земли за долги, вздутые разорительными процентами и подложными расчетами, уже выгнали множество старых крестьян из домов их предков либо довели их до крайней кабалы у ростовщиков, которые лишили их земли и имущества» («History of India under Queen Victoria» by L. Y. Trotter, p. 321. London. 1886).

В том же духе высказывается и такой видный представитель английской официальной историографии, как Джордж Чесней, в своем «Описании английской администрации Индии» («Indian Polity — A View of the System of Administration in

Тип ростовщика.

Индия. XIX век.

India» by general sir George Chesney. London, 1894).

В то время как эксплуатация крестьян возрастала, техника земледелия оставалась на том же низком уровне. Все те же первобытные сохи и плуги, те же примитивные методы удобрения, вспашки, посева, жатвы, перешедшие в наследство от предков, продолжали преобладать в индийской деревне. Частые эпизоотии и систематический недостаток кормов губили рабочий скот. Основа индийского земледелия — искусственное орошение — попрежнему оставалась заброшенной.

Лорд Мэйо, занимавший пост вице-короля Индии в 1869—1872 годах, в одном из своих отчетов официально был вынужден признать, что «правительство совершенно пренебрегало земледелием». Правда, во второй половине XIX века британская администрация должна была принять некоторые меры по развитию земледелия и орошения. Эти меры прежде всего диктовались интересами английских капиталистов, предъявлявших все больший спрос на индийское сельскохозяйственное сырье.

Лорд Мэйо создал в составе англо-индийской администрации специальный департамент земледелия, на обязанности

которого должны были лежать заботы о различных агротехнических мероприятиях, метеорологических исследованиях, ветеринарной помощи, регулировании переселенческого дела и пр. Лорд Мэйо предпринял также ирригационные работы в нижней части Гангской долины, в Ауде, в Ориссе, в долине Джумны. Однако эта деятельность Мэйо встречала весьма неблагоприятное отношение в Лондоне.

После смерти Мэйо департамент земледелия был упразднен и снова восстановлен лишь в 1881 году, когда в результате страшного голода 1876—1878 годов даже самым твердолобым английским администраторам стало ясно катастрофическое положение сельского хозяйства Индии.

Но и в дальнейшем меры, принимавшиеся английским правительством, носили паллиативный характер и были совершенно неспособны удовлетворить элементарные нужды коренного населения.

Достаточно отметить, что, по данным «Статистического отчета о земледелии в Британской Индии и Майсоре», в 1890—1891 годах орошаемые земли составляли всего лишь 21,2% всей обрабатываемой земельной площади Индии (обрабатываемая площадь — 137 319 732 акра, орошаемая площадь — 29 215 545 акров).

Троттер, цитируя известную работу деятеля англо-индийской администрации Аллана Юма «Земледельческая реформа в Индии», пишет: «Недостаток удобрения настолько истощил почву, что средний уровень урожая пшеницы был равен 14 бушелям с акра на тех землях, которые во времена Акбара приносили 19 бушелей».

Чуть ли не ежегодно обрушивались на Индию неурожай и голод. Присоединявшиеся к ним эпидемии чумы, холеры и тифа обрекали на смерть миллионы сельских, а нередко и городских жителей.

Страшный голод охватил страну в 1876—1878 годах. Он начался в 1876 году в Мадраасском президентстве и затем распространился на всю Южную Индию. В 1877 году голод охватил север страны (Пенджаб и Раджпутану) и центральные провинции. Только Бенгалия, Ассам и Бирма (то есть северо-восточная часть Индии) избежали катастрофы. По данным «Комиссии по голоду в Индии», голод поразил огромную территорию в 257 300 квадратных миль с населением в 52½ миллиона человек. Убыль населения в Британской Индии в результате смертности и резкого падения рождаемости, вызванных голодом и разразившейся жестокой эпидемией холеры, достигла в 1876—1878 годах 7 миллионов человек.

Тяжкая доля индийского крестьянина толкала его на борьбу против угнетателей и эксплуататоров. Самые острые вспышки этой борьбы, естественно, приходились как раз на годы голодовок и эпидемий.

В 1873 году, во время очередного голода, в части Бенгалии и в Ориссе происходили волнения среди крестьян, направленные против земиндаров и английских чиновников. В том же, 1873 году развернулось движение крестьян в северо-западных провинциях.

Почти в то же время вспыхнули аграрные восстания среди мараттского крестьянства в Западных Гатах. Восставшие крестьяне сурово расправлялись с ненавидимыми им «банья», то есть ростовщиками, жестоко избивали их, разрушали их дома и, главное, сжигали долговые книги и прочие документы, где была записана кабальная задолженность земледельцев.

Крестьянские волнения происходили во время великого голода 1876—1878 годов в Майсоре, в Бомбейском районе, в Синде, Гуджерате. Особенной силы движение достигло в районе, примыкающем к Западным Гатам. В конце 1878 года здесь возникли многочисленные партизанские отряды мараттских горцев, во главе которых стал маратт из касты браминов, по имени Васудео Бальвант Пхалки.

В 1889—1890 годах крестьянское движение охватило центральные провинции; в 1890—1891 годах — Ассам и Бирму.

В письме к Даниэльсону, датированном 19 февраля 1881 года, Маркс писал:

«В Индии для британского правительства готовятся серьезные осложнения, если не всеобщее восстание. То, что англичане отбирают ежегодно у индийцев — в виде ренты, железнодорожных дивидендов от совершенно бесполезных для самих индийцев железных дорог, пенсий военным и гражданским чиновникам, издержек на афганские и иные войны и пр., и пр., — то, что они берут у них без всякого эквивалента, не считая того, что они ежегодно присваивают себе в самой Индии, т. е. стоимостью одних только неоплачиваемых продуктов, которые индийцы должны ежегодно отправлять в Англию, — превышает общую сумму дохода 60 миллионов земледельческих и промышленных работников Индии! Это — кровавое, великое дело! Голодные годы следуют там один за другим, причем голод достигает размеров, о которых в Европе до сих пор даже и не подозревают. Среди населе-

Тип индийского крестьянина.

XIX век.

ния зреет настоящий заговор против англичан, в котором участвуют совместно и индусы, и мусульмане» (Маркс и Энгельс. Т. XXVII, стр. 113).

Грозное крестьянское движение напугало англичан. Правительство вынуждено было провести некоторые аграрные реформы.

В Бенгалии в 1879 году правительством была создана специальная комиссия для разработки нового земельного закона. В результате работ этой комиссии в 1885 году был издан «Акт об аренде земли в Бенгалии» («Bengal. Tenancy Act»), который несколько ограничил произвол земиндаров. По новому закону, арендаторы, разделенные на несколько категорий, в зависимости от давности их аренды, получили ряд льгот. Так например земиндарам запрещалось повышать ставки арендной платы для арендаторов с большим стажем. Что же касается тех, кто арендовал свою землю менее 12 лет, то в случае если они оказывались не в состоянии платить требуемую земиндарами повышенную ставку и предпочитали покинуть свои участки, земиндарами обязаны были уплатить ему известную компенсацию.

В Бомбее были изданы в 1879—1881 годах «Акты о помощи земледельцам Декана» («Deccan Agriculturist's Relief Act»).

Согласно этим актам, суды, рассматривая дела о неплате арендаторами своих долгов, отныне были уполномочены предоставлять некоторые льготы закабаленным должникам.

Однако законодательные акты, проведенные в конце XIX и в начале XX века в различных провинциях Британской Индии, были лишь паллиативами, неспособными облегчить положение крестьян. Это вынуждена была признать сама британская администрация. «Ответ Комиссии, назначенной для изучения действия Акта о Помощи Земледельцам Декана», констатирует: «Факт остается фактом, что обширная и все возрастающая площадь земель все еще ежегодно переходит от земледельческого класса к торговому и прочим классам».

Британское правительство своими реформами в области земельного законодательства лечило лишь симптомы болезни, но не самую болезнь. Основы английской грабительской земельно-податной системы, заложенные еще в конце XVIII и начале XIX века, оставались неизменными.

* * *

В 80—90-х годах XIX века в Индии возникают и развиваются новые общественные силы, растет национальная буржуазия, зарождается индийский пролетариат. Вместе с ростом этих новых классов создаются предпосылки для развития национально-освободительного движения.

В 80-х годах в Индии возникло множество предприятий по первичной обработке сырья: заводы по очистке и прессовке хлопка и джута, табачные фабрики, сахарные заводы, чайные фабрики и пр.

В 80-х годах стала развиваться в различных районах Индии текстильная машинная промышленность. Главными ее центрами стали Бомбей (хлопчатобумажная индустрия) и Калькутта (джутовая промышленность). В 1890—1891 годах в Индии насчитывалось 125 хлопчатобумажных фабрик (из них 89—в Бомбейском президентстве) с общим количеством рабочих в 112 тысяч человек и 25 паровых джутовых фабрик (из них 24—в Бенгалии), на которых было занято более 61 тысячи рабочих.

Молодая индийская текстильная промышленность не ограничивалась только внутренним рынком и искала рынков внешних. Индийские хлопчатобумажные и джутовые ткани вывозились за границу, главным образом в страны Востока: Китай, Иран, Аравию, на Цейлон, на острова Малайского архипелага.

Большая часть промышленных предприятий Индии, особенно хлопчатобумажных, принадлежала акционерным компа-

ниям, в которых главную роль играли индийские капиталисты (парсы и инду-сы). Так, помимо воли британских империалистов, в Индии создается ядро национальной промышленной буржуазии, того класса, который в силу естественного положения вещей должен был составить оппозицию британскому колониальному режиму.

Вначале английское правительство смотрело сквозь пальцы на дело развития в Индии текстильной промышленности: слишком очевиден был огромный перевес ланкаширских фабрик, снабжавших своими изделиями весь мир, слишком ничтожна еще была роль первых индустриальных очагов в Индии. Но уже в 70-х годах ланкаширские фабриканты начинают ощущать некоторую тревогу и оказывают давление на англо-индийскую администрацию, побуждая ее принять меры к ограничению индийской промышленности.

В 1875—1878 годах, во время правления лорда Порсбрука, а затем лорда Литтона, были сделаны первые шаги в этом направлении. До этого времени иностранные товары, в том числе и английские ткани, ввозимые в Индию, облагались незначительной импортной пошлиной. Это делалось в интересах англо-индийского фиска и не представляло никакой опасности для английских фабрикантов, поскольку их товары в то время были вне конкуренции. Но в 1875—1878 годах пошлины на некоторые сорта английских товаров были снижены и одновременно была наложена ввозная пошлина на американский хлопок, который индийские фабриканты использовали для выделки некоторых своих тканей. В 1882 году правительство вообще отменило импортные пошлины на иностранные (то есть английские) хлопчатобумажные товары.

Так все более четко выступали наружу противоречия между английским империализмом и молодой индийской буржуазией.

Экономическая политика британского империализма тяготила не только индийских промышленников: ее болезненно ощущали и другие группы индийской буржуазии: торговцы, банкиры, судовладельцы, помещики нового типа, связанные с рынком. Британский колониальный режим мешал капиталистическому развитию Индии. Индийская буржуазия, разбогатевшая на торговых, ростовщических, банковских, фрахтовых и прочих операциях, теперь не довольствовалась скромной ролью агента и посредника, обслуживавшего хозяев Индии — англичан: она хотела быть хозяином на своем индийском рынке. Такова была социально-экономическая основа

буржуазно-национального движения, зародившегося в Индии в 70—80-х годах XIX века.

3

Возникнув на экономической базе, оппозиция индийской буржуазии вскоре приобрела политический характер. Вопрос о свободе экономической деятельности перерос в вопрос о политических правах: об участии в управлении Индией, о праве туземцев занимать официальные должности в различных ведомствах англо-индийской администрации.

В 1858 году Ост-Индская компания была упразднена и Индия стала «коронной» колонией Великобритании. С этого времени верховное управление Индией было сосредоточено в двух параллельных инстанциях:

1) Статс-секретарь (министр) по делам Индии, входящий в состав британского кабинета министров в Лондоне, с Советом при нем.

2) Вице-король, или «генерал-губернатор в Совете» в Калькутте, назначаемый обычно на пятилетний срок.

Совет при вице-короле Индии, согласно актам 1858 и 1861 годов, делился на две части: 1) Исполнительный совет и 2) Законодательный совет.

Исполнительный совет состоял из пяти высших чиновников, главнокомандующего англо-индийской армией и самого вице-короля. Между членами Совета распределялось руководство основными ведомствами англо-индийской администрации: ведомством иностранных дел, финансов, военным, общественных работ и пр. Таким образом, по своим функциям этот Исполнительный совет являлся подобием кабинета министров.

Законодательный совет состоял из членов Исполнительного совета и «дополнительных членов», также назначаемых вице-королем. Чиновников и нечиновников в составе «дополнительных членов» Совета должно было быть поровну. Законодательному совету было предоставлено право «утверждать законы». Но, по существу, «законодательные» права Совета были чистой фикцией. Во-первых, для того чтобы законопроект, вотированный большинством Совета, приобрел силу закона, он должен был получить утверждение вице-короля, но даже в этом случае он мог быть аннулирован королевой Великобритании «через посредство ее статс-секретаря по делам Индии». Во-вторых, правительство большинства в Совете было обеспечено, поскольку в его составе, кроме половины назначаемых «дополнительных членов», все «основные члены», т. е. чле-

ны Исполнительного совета, являлись государственными чиновниками.

Такое государственное устройство, которое идеологи английского империализма пытались изобразить как благодеяние, дарованное Англией индийцам, как свидетельство «демократической» и «гуманной» политики английских империалистов в Индии, в действительности было сплошным издевательством даже над самым лучшим буржуазным парламентаризмом.

Те несколько туземцев, которых акт 1861 года милостиво разрешил приобщать к «законодательству», разумеется, не оказывали никакого влияния на ход дел. Они к тому же не имели никакого права считаться представителями туземного населения. Их никто не выбирал, и они не отражали мнения не только народных масс, но и мнения индусской буржуазии и интеллигенции. Это были обычно представители индусской или мусульманской высшей феодальной знати, крепко и давно связанные с англичанами, носившие английские аристократические титулы и занимавшие почетные посты в армии и высшей администрации.

Восходящие, молодые силы индусской буржуазии не могли удовлетвориться таким положением. Ее передовые деятели добивались политических прав. Они желали расширения компетенции и влияния законодательных советов, их приближения к типу конституционных парламентских учреждений, широкого участия выборных представителей от коренного населения (точнее, его высших классов) в этих законодательных учреждениях.

Еще более острой и настоятельной была проблема о праве индийцев на занятие государственных должностей.

В манифесте королевы Виктории, изданном в 1858 году после ликвидации главных очагов сипайского восстания, индийцам были обещаны льготы.

«Наше желание, — говорилось в манифесте 1858 года, — чтобы, насколько возможно, все наши подданные, к какой бы расе и вере они ни принадлежали, свободно и беспрепятственно допускались к должностям нашей службы, обязанности которой они смогут исправно исполнять по своему образованию, способностям и честности».

Английские деятели того времени и позднейшие историки поторопились объявить манифест 1858 года «Великой хартией вольностей образованных индийцев». Однако все они знали, что столь патетически выраженный принцип не был воплощен в жизнь. Практически доступ к официальным должностям был чрезвычайно труден для туземцев. Каждый претендент на должность был обязан выдержать

Рам Мохан Рой.

Индия. XIX век.

соответствующий экзамен (как бы в виде проверки тех знаний и способностей, о которых говорилось в манифесте). Экзамены эти производились не в Индии, а в Лондоне. Поездка для испытаний в Англию, особенно в те времена, была делом непростым и недешовым, доступным только очень состоятельным индийцам. Количество туземцев, подвергавшихся испытаниям и получивших право на занятие государственных должностей, было ничтожным.

В 1870 году под давлением усилившихся к тому времени требований индийской буржуазии и интеллигенции британское правительство снова пошло на некоторые уступки. Специальный парламентский билль, изданный в 1870 году, уполномочивал вице-короля избирать туземцев, чьи «заслуги и способности» дают право на занятие государственных должностей, и представлять их кандидатуры на утверждение статс-секретаря по делам Индии. Однако герцог Аргайл, проводивший в качестве тогдашнего статс-секретаря по делам Индии этот билль, сам писал в своих инструкциях о том, что наибольшее количество высших должностей должно было быть закреплено за англичанами; туземцев же следовало пре-

имущественно назначать в судебное ведомство.

Согласно циркуляру, изданному в 1879 году в дополнение к биллю 1870 года, туземцам предоставлялись только низшие должности (с окладом не выше 200 рупий в месяц). Все высшие должности по-прежнему оставались привилегией англичан.

Между тем во второй половине XIX века в Индии выросла буржуазная интеллигенция.

В школах нового типа индусская и мусульманская молодежь знакомилась с всемирной историей, литературой, основами философии и права. Хотя все эти науки преподавались в хайжеско-филистерском духе, приущем английской буржуазной школе, но они все же не могли не расширить умственный и политический горизонт молодежи.

Молодые люди, в большинстве выходцы из буржуазных или помещичьих семей, кончая среднюю и особенно высшую школу, оказывались в очень незавидном положении. Путь к чиновной карьере, к занятию ответственных и хорошо оплачиваемых государственных должностей был для них предельно затруднен.

Англичане не могли добровольно уступить столь важную для них монополию на государственные должности новоявленным индийским конкурентам. Противоречия между английскими колонизаторами и индийской буржуазной интеллигенцией обострялись и неминуемо должны были перерасти в открытую и напряженную борьбу.

4

Общественное движение индийской буржуазии и интеллигенции зародилось еще в первой половине XIX века. В этот ранний период оно шло обособленно от революционной борьбы широких народных масс. Буржуазный либерализм в Индии начался с религиозной реформации, с проповеди обновления религии и религиозного быта на основе заимствованного у Запада просвещения.

Наиболее видным основоположником этого движения был Рам Мохан Рой (1772—1833 годы). Он основал в 1828 году религиозно-реформаторское общество «Брама Самадж», стремившееся восстановить первоначальную чистоту индуизма, очистив его от множества древних изуворских обычаев, и примирить индуизм с христианством, т. е. сочетать древнюю индусскую культуру с европейской.

В 1867 году в Бомбее возникло новое общество — «Партхана Самадж», — являвшееся как бы отпрыском бенгальского «Брама Самадж».

В программе этого общества не было политических пунктов, однако те задачи культурно-бытового обновления, которые ставили прартхана-самаджисты, объективно были задачами борьбы с реакционными, феодальными порядками и перерастали в задачи политические, хотя и в весьма незрелой еще и зачаточной форме. Из рядов общества «Прартхана Самадж» вышли в дальнейшем многие крупнейшие деятели и лидеры Индийского национального конгресса (Бхандаркар, Ранаде, Чандаваркар, Гокхале и др.).

О деятельности «Прартхана Самадж» известный историк религиозных движений в Индии, Фаркухар, писал:

«Величайшая услуга, которую Самадж оказала Индии, была организация движения за социальные реформы. Почти все энергичные попытки в пользу социальных реформ, имевшие место за последние 30 лет, поднимались и проводились членами Самадж, хотя и вне официальной связи с этим обществом» («Modern Religious Movement in India» by I. N. Farquhar, New York, 1918, p. 81).

Либерально-реформаторские течения зародились и среди двух других крупных религиозных общин Индии: среди парсов и мусульман.

В 1859 году бомбейские парсы основали «Ассоциацию религиозных реформ» со своим еженедельным журналом под названием «Раст гофтар» («Говорящий правду»). Основной целью этого общества являлось «возрождение социальных условий жизни парсов и возвращение зороастрийской религии к ее древней простоте».

В верхах мусульманского общества также наметилось своеобразное либерально-просветительское течение, хотя и несравненно менее интенсивное и широкое чем у индусов. Пионером мусульманского движения был знаменитый Сейид Ахмедхан (1817—1898 годы), который в течение почти всей своей долгой жизни играл роль признанного вождя индийских мусульман. Сейид Ахмед при помощи своих более молодых единомышленников (Мухсин-ель-Мольк, Бадрэддин Тиабджи и др.) развернул энергичную деятельность по развитию просвещения среди мусульман. В 1863 году он создал в Газипуре и Алигаре (северозападные провинции) литературное и научное общество, главной задачей которого были переводы на туземные языки произведений английских авторов и ознакомление европейцев с мусульманской и индусской литературой. Он основал также несколько английских школ для детей индийских мусульман, а в 1877 году открыл знаменитый «Мусульманский английско-восточный колледж» в Алигаре, который стал центром культурной и обще-

ственной жизни верхов мусульманского общества.

Однако между просветительской деятельностью мусульман, возглавляемой Сейид Ахмедом, и деятельностью индусских реформаторских организаций того времени была существенная разница. Господствующая мусульманская феодально-клерикальная верхушка находила гораздо более удобным и выгодным сотрудничество с английскими империалистами, поддерживавшими и охранявшими ее традиционные феодальные привилегии, чем с индусской либеральной буржуазией, своим исконным соперником и конкурентом. Равные же индусские либералы, стремившиеся к обновлению феодальной индусской культуры и быта и к распространению западной культуры в Индии, были оппозиционно настроены по отношению к британскому колониальному режиму. На первых порах эта оппозиция была еще слабо выражена, она даже совмещалась с наивной верой в дружескую поддержку «просвещенных англичан», но все же она, несомненно, существовала. На следующем этапе, в период основания Индийского национального конгресса, индусская оппозиция оформилась политически.

Наряду с либерально-реформаторскими течениями среди индусской интеллигенции возникло иное направление.

В 1875 году индусский религиозный деятель Свами Даянанда (Даянанда Сарасвати) создал новое общество — «Ариа Самадж», ставившее целью воспитание народа в «истинно-индусском» духе. Последователи Даянанды в отличие от «Брама Самадж» отстаивали тезис бесспорного превосходства индусского «чистого идеализма» над материалистической мыслью Запада.

Древние Веды, Упанишады, Сутры и прочие главные священные книги индуизма, написанные на санскрите, провозглашались средоточием и вершиной общечеловеческой культуры. Лозунг «Назад к Ведам» становится знаменем целого направления в индийском общественном движении. Несмотря на свою сугубо религиозную деятельность общество «Ариа Самадж» носило политический характер. Лозунги ариа-самаджистов прежде всего были антианглийскими и выражали стремление к борьбе за независимость Индии.

Однако религиозно-мистический элемент преобладал во всей деятельности общества «Ариа Самадж». Именно этим объясняется то обстоятельство, что ариа-самаджисты остались в стороне от широкого освободительного движения народных масс Индии и сблизились с различными иностранными мракобесами-теософами, вро-

Сурендранат Банерджи.

Индия. XIX век.

де полковника Олкотта и пресловутой русской теософки Блаватской.

Политическое оформление индусской либеральной оппозиции относится к концу 70-х — началу 80-х годов. В 1876 году по инициативе видного индусского общественного деятеля Сурендраната Банерджи была организована «Индийская ассоциация», первая политическая оппозиционная организация индусской либеральной буржуазии. Декларация Банерджи гласила, что целью этой ассоциации является «развитие общественного духа и патриотических начал, плодотворных как для людей, так и для родины».

Во всех крупных городах Индии, особенно в Калькутте и Бомбее, в середине 70-х годов наступило заметное оживление общественной жизни. Создавались кружки молодежи, росло количество туземных газет и журналов, издающихся на бенгальском, мараттском, гуджерати, хинди, урду и прочих индийских языках. Многие из этих газет помещали резкие обвинения против англо-индийской администрации.

Национально-освободительные стремления отразились и в художественной литературе. Это особенно относится к наиболее развитой из всех индийских литератур — бенгальской литературе. Бенгальский драматург Дина Балху Митра (1829—1873 годы) написал драму о страданиях крестьян на плантациях индиго, которая произвела глубочайшее впечатление на индийское общество и была переведена на английский язык. К 70—

80-м годам XIX века относится литературная деятельность талантливого писателя Банким Чандра Чаттерджи, которого с полным правом можно назвать создателем новой бенгальской прозы. Среди произведений Чаттерджи наибольшую популярность получила повесть «Анапа-Мат» («Монастырь радости»), в которой автор воскрешает один из героических эпизодов истории Индии — борьбу индусских повстанцев «сапрази» в 1772 году против мусульманских феодалов и их покровителей — англичан. Историческая тема носит в произведении Чаттерджи символический характер; ее цель — вдохновить индусских националистов на борьбу за национальную независимость. В эту повесть входит знаменитая песня «Банде Матарам» («Приветствую родную-мать»), которая стала в начале XX века марсельезой индусских революционеров-патриотов.

К этому же периоду относятся первые шаги на литературном поприще Рабиндраната Тагора, большого поэта, прозаика и общественного деятеля, имя которого в наши дни пользуется мировой славой. Если в первый период своей литературной деятельности Тагор — главным образом лирический поэт, продолжающий старинные традиции индусских поэтико-религиозных гимнов и песен и народной поэзии, то с течением времени он переходит на путь реалистической прозы и публицистики. Тагор пишет «Трактат о национализме» и знаменитый роман «Дом и мир», в котором дает реалистическое изображение индусского общества и индусского национально-революционного движения.

5

В период 1876—1880 годов пост вице-короля Индии занимал лорд Литтон, ставленник консервативного правительства Дизраэли. Это были годы энергичной английской агрессии на Востоке и обострения англо-русского соперничества. Если английской дипломатии не удалось спасти Турцию от поражения в войне 1876—1878 годов, то ей все же удалось помешать России воспользоваться в полной мере плодами победы и овладеть Константинополем. Одновременно Англия вела в 1878—1880 годах захватническую войну в Афганистане, пытаясь остановить наступательное движение России в Средней Азии и сделать Афганистан надежным прикрытием северозападных границ Индии.

В самой Индии правительство Дизраэли принимало энергичные меры по укреплению английского колониального владычества.

В 1878 году был издан «Акт о туземной прессе», или, точнее, «Акт о лучшем контроле над изданиями на восточных языках». Этот акт вводил строгую цензуру над туземными газетами и журналами и давал районным властям широкие полномочия налагать взыскания на издателей в случае появления в их изданиях предосудительных, с точки зрения английских администраторов, материалов. Если проступок повторялся, то это влекло за собой ликвидацию издания и высокий штраф.

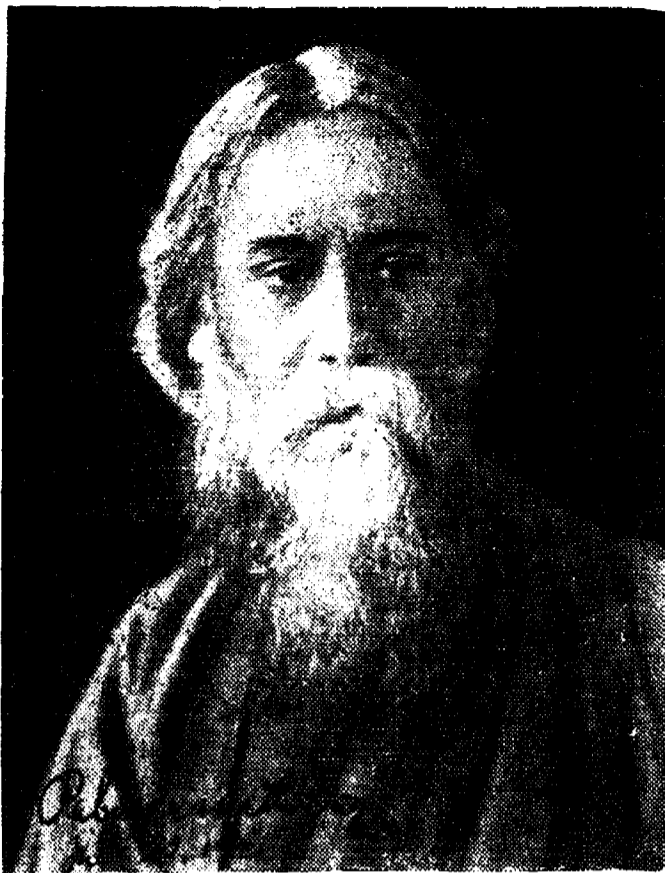
В 1879 году парламентские выборы в Англии принесли блестящую победу либеральной партии. Возжель консерваторов Дизраэли должен был уступить пост премьер-министра своему политическому противнику Гладстону. Лорд Литтон подал в отставку; в 1880 году пост вице-короля Индии занял ставленник либералов лорд Рипон.

Приход либералов к власти не означал ни прекращения агрессии британского империализма на Востоке, ни освобождения Индии от британского колониального гнета. Менялись только формы и методы империалистической политики. Новое либеральное правительство избегало открытых конфликтов с Россией на Востоке и стремилось успокоить индийские буржуазно-либеральные круги не путем репрессий и драконовских мер, а путем обходных маневров и либеральных жестов.

В одном из своих писем министру по делам Индии Рипон доказывал необходимость расширения политических прав туземцев, причем подчеркивал, что речь идет не о «народном представительстве европейского демократического типа», а о мероприятиях, могущих постепенно подготовить «лучших, наиболее интеллигентных и наиболее влиятельных людей местного общества принять активное участие в управлении их местными делами» (Wolf-Life of Lord Ripon. Т. II. Глава XIX).

Таким образом, с 1880 года намечается переход к более гибкой политике английского правительства в отношении индийского либерального движения. Это нашло свое отражение в целом ряде административных мероприятий, проведенных в период 1881—1884 годов, и прежде всего в отмене реакционного закона о печати.

Наибольшее значение и наибольший резонанс приобрело законодательное мероприятие Рипона, получившее название «билля Пилберта» (по имени одного из ближайших сотрудников вице-короля). Билль этот намечал полное уравнение в компетенции и правах туземных судей с английскими. До сих пор туземцы, занимавшие посты судей, не имели права судить европейцев; такое положение было

Рабиндранат Тагор.

Индия. XIX век.

морально унижительным для местной интеллигенции.

Но билль Пилберта встретил самое отрицательное отношение среди английских чиновников и плантаторов Бенгалии, Ассамы и прочих провинций. Оппозиция была настолько упорной, что английское правительство было вынуждено отступить и отклонить билль.

Борьба вокруг билля Пилберта усилила и активизировала деятельность индусских либеральных организаций.

В декабре 1885 года в Пуне, историческом центре индусской Мараттской империи XVII—XVIII веков, открылся общендийский съезд всех общественных национальных организаций и отдельных деятелей из различных частей Индии. Съезд был официально назван Индийским национальным конгрессом.

В проспекте, изданном к первому конгрессу, цель его созыва была сформулирована следующим образом: «а) дать наиболее активным деятелям в области национального прогресса возможность лично узнать друг друга; б) обсудить и решить вопрос о политических действиях, которые надлежит предпринять в предстоящем году».

В заключение проспект декларировал, что «косвенно эта конференция явится как бы зародышем туземного парламента, и если она будет соответственно руководиться, то через несколько лет она даст неопровержимый ответ на утверждения, будто Индия еще совершенно не созрела

для какой бы то ни было формы представительных учреждений».

На первом конгрессе присутствовало всего 72 делегата, которых удалось собрать из наиболее крупных центров Индии. Это были главным образом интеллигенты: адвокаты, педагоги, журналисты, врачи. Подавляющее большинство составляли индусы; из их среды вышли все руководящие деятели Конгресса (Сурендранат Банерджи, Гокхале, Ранаде, Чаттаваркар, Айар, Бхандаркар). Активное участие в работах Конгресса приняли также бомбейские парсы (Далабхай Наороджи, Малабари, Фирузнах Мехта).

В подготовительных и организационных работах Конгресса активно участвовал также ряд английских общественных деятелей и крупных чиновников (Аллан Октавиан Юм, сын известного английского либерального деятеля Джозефа Юма, сэр Уильям Уэддербери, занимавший пост секретаря бомбейского правительства; лорд Рэй, губернатор Бомбея, и др.). Особенно горячее участие принимал в этом деле Юм, который фактически являлся автором декларации первого Конгресса. Недаром англо-индийские и индусские либералы называли Юма «отцом Индийского национального конгресса».

Участие влиятельных английских деятелей в подготовке Конгресса объясняется стремлением их избежать таким путем подлинно народной революции. Они считали полезным допустить и поддержать верхушечную умеренную и безусловно лояльную оппозицию. Сам «отец Конгресса» Юм писал: «Необходимо во что бы то ни стало найти открытый конституционный канал, чтобы дать выход тому растущему брожению, которое является результатом западных идей и западного образования» («The History of the Indian Nationalist movement», by sir Verney Lovett. London 1921, стр. 34).

И действительно, первые конгрессы были именно той лояльной и мирной оппозицией, на которую рассчитывали Юм и его единомышленники.

В своих резолюциях Конгресс требовал: 1) расширения верховного и провинциальных законодательных советов и включения в их состав значительного количества членов, избранных муниципальными и уездными органами самоуправления, 2) предоставления расширенным советам права вносить предложения и запросы исполнительной власти по всем административным вопросам, 3) образования «Постоянного комитета» при палате общин в Лондоне, который был бы уполномочен рассматривать протесты большинства новых индийских законодательных советов на действия исполнительной власти, 4) од-

новременных экзаменов в Индии и Англии для допущения на государственные должности в англо-индийской администрации.

Второй Национальный Конгресс собрался год спустя, в декабре 1886 года, в Калькутте. На нем присутствовало 440 делегатов, избранных в различных городах Индии. Однако и второй Конгресс представлял лишь очень небольшую часть коренного населения.

Резолюции второго Конгресса также не затрагивали наиболее важных для Индии вопросов: о положении угнетенных и разоряемых масс, о разрешении аграрной проблемы, о борьбе с феодально-ростовщической эксплуатацией, о борьбе против колониального грабежа Индии. Они ограничивались лишь платонической констатацией факта «растущей нищеты среди обширного количества населения Индии».

Между тем антибританские настроения усиливались в народных массах, а также среди мелкой буржуазии и разночинной интеллигенции.

Молодые английские радикалы не могли удовлетвориться компромиссной политикой Национального Конгресса.

6

Организатором и признанным вождем радикального национально-освободительного движения стал выдающийся индусский политический деятель и литератор Бал Гангадхар Тилак. Он происходил из высшей касты мараттских браминов. Свою политическую деятельность Тилак начал в 90-х годах XIX века. Он издавал газету «Кезари» («Лев») на мараттском языке и еженедельный журнал на английском языке под названием «Маратты». В этих изданиях он пропагандировал идею свержения иноземного владычества и реставрации «истинно-индусской» Мараттской империи.

Английские историки и люди из лагеря индусских национал-реформистов, глубоко враждебные идеям индусского революционно-демократического движения, намеренно подчеркивают аристократическое происхождение Тилака, выпячивают кастовую, браминскую сущность его воззрений.

В действительности же движение Тилака далеко выходило за скромные оппозиционные рамки, в которых действовали индусские буржуазные либералы типа Гокхале, Банерджи, Ранаде и пр. Тилак с презрением отзывался о либеральных вождях Конгресса, называя их «сателлитами (спутниками) британского империализма». Не примирения с англичанами хотел Тилак, не подачек с барского стола добивался он, а упорной борьбы до пол-

ной победы, до полного достижения своей заветной цели — национальной независимости Индии.

Но, будучи пламенным патриотом и демократом, Тилак все же оказался неспособным преодолеть идеалистическо-утопические иллюзии мелкобуржуазного интеллигента. Обуреваемый ненавистью к английским империалистам, Тилак стал на путь огульного отрицания всего иноземного, всей европейской цивилизации, порожденной западным капитализмом. Именно отсюда, из утопическо-народнических иллюзий, вытекал лозунг реставрации Мараттской державы, лозунг борьбы против иноземной культуры и иноземных обычаев, лозунг борьбы против современной машинной промышленности, лозунг возврата к старому, патриархальному, домашнему ремеслу.

Резкие противоречия в деятельности Тилака, его постоянные метания, политические ошибки и срывы типичны для него, как представителя индусской мелкобуржуазной интеллигенции конца XIX и начала XX века.

У Тилака было много общего с воззрениями общества «Ариа Самадж». Но было здесь и весьма существенное различие: ариа-самаджисты стояли в стороне от политической борьбы и ограничивались лишь областью религиозно-идеологической; движение Тилака носило ярко выраженный боевой, политический характер и опиралось на народные массы.

Ленин в 1908 г. с горячим сочувствием отзывался о Тилаке и называл его «индийским демократом» (См. Ленин. Т. XII, стр. 306).

Тилак сделал первую в истории Индии попытку связать демократическое движение городского населения с борьбой крестьянских масс, которая до сих пор шла обособленно. Сподвижники Тилака разезжали по деревням и принимали участие в крестьянских восстаниях. Тилак провозгласил лозунг «неплатежа налогов и арендной платы» и призывал массы к борьбе против правительственных чиновников и туземных ростовщиков.

Под влиянием агитации Тилака в ряде районов Бомбейского президентства вспыхнули крестьянские восстания и были совершены террористические акты против английских должностных лиц. Двое последователей Тилака — братья Чапекар — в июле 1897 года убили английского комиссара Ранла, против которого вел кампанию Тилак. Убийцы были арестованы и приговорены к смертной казни. Затем было начато судебное дело против самого Тилака по обвинению его в возбуждении противоправительственных настроений и в под-

стрекательстве к террору. Тилак был приговорен к восемнадцатимесячному тюремному заключению.

Эти меры не могли подавить национального движения. Газета Тилака «Кезари» продолжала выходить, протестуя против правительственных репрессий и требуя освобождения Тилака. Газета эта приобрела огромную популярность далеко за пределами Бомбейского президентства. В других местах также росла активность радикальной прессы.

Тилак действовал и среди пролетариата Индии; немало рабочих Бомбея, этого крупнейшего индустриального, пролетарского центра Индии, шло за Тилаком и сочувствовало ему. Индийское рабочее движение находилось тогда еще в зачаточном состоянии и было проникнуто узко-экономическим духом. Для самостоятельного движения рабочий класс Индии был еще недостаточно развит. Лишь десять лет спустя индийский пролетариат вступил на путь сознательной политической борьбы.

В Национальном Конгрессе в этот период оформились две фракции: фракция национально-революционная, возглавляемая Тилаком, члены которой получили прозвище «экстремистов» (крайних), и фракция умеренно-либеральная, к которой принадлежали все прежние лидеры Конгресса: Банерджи, Гокхале, Айар, Бхандаркар, Наорджи и пр.

Британское правительство с тревогой следило за ростом национального движения в Индии. Рост противоречий между индийской буржуазией и английским империализмом, резко обострившихся в конце 90-х годов XIX века, усугублял серьезность положения. Английскому империализму надо было укрепить во что бы то ни стало колониальный режим. Это было тем более важно, что в конце 90-х годов началась ожесточенная борьба империалистов за передел мира.

Руководители британского правительства резко изменили курс колониальной политики в Индии. Либеральное свободомыслие времен Рипона сменилось политикой бронированного кулака. Осуществление этого нового курса было возложено на лорда Керзона, занявшего пост вице-короля Индии в 1899 году.

Агрессивная политика Керзона, пытавшегося разгромить и подавить не только революционное, но даже и безобидно либеральное движение, не привела, однако, к тем результатам, на которые рассчитывали британские империалисты. Напротив, эта политика создала предпосылку того грозного революционного взрыва, который разразился в Индии в 1905—1908 годах.

Е. Луцкий

Куликово поле

«Уже бо те соколы и кречеты за Дон борзо перелетели и ударились о многие стада лебединые,— то наехали русские князья на силу татарскую и ударили коньями харалужными о доспехи татарские, возгремели мечи булатные о шеломы хиновские на поле Куликове, на речке Непрядве... Костями татарскими поля засеялись, кровью их земля полита была. Сильные полки сошлись вместе и протоптали холмы и луга, и возмутились реки, потоки, озера... И олоети рать татарскую на поле Куликове, на речке Непрядве»¹,— так описывает старинная повесть «Залюшина» знаменитую победу русского ополчения над полчищами татар, одержанную 8 сентября 1380 года на Куликовом поле. Надолго сохранилась в народе память о Куликовской битве. Эта победа была прославлена в сказаниях, о ней говорят многочисленные предания.

Куликовская битва имела огромное историческое значение. Она дала мощный толчок развитию национального движения русского народа против ига татаро-монгольских завоевателей. Победа русского ополчения под руководством московского князя Дмитрия Ивановича над полчищами татарского хана Мамаю продемонстрировала мощь объединенного выступления русских, подготовила уничтожение татаро-монгольского ига и указала на необходи-

мость объединения всей страны для успешной борьбы с многочисленными внешними врагами. Легенда о непобедимости татар была развенчана. Сила Московского княжества и роль Москвы как центра национального объединения русского народа необычайно возросли.

Товарищ Сталин писал, что интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия. Куликовская битва содействовала начавшейся ликвидации феодальной раздробленности русских земель и явилась важным этапом в процессе образования национального русского государства.

Куликово поле, где произошло одно из величайших событий в истории нашей родины, находится в верховьях Дона, в пределах современного Куркинского района, Тульской области. Ближайшими станциями к полю являются Елифань на линии Тула — Ряжск и станция Куликово поле на линии Смоленск — Богоявленск. От станции Елифань через город Елифань до Красного Холма, представляющего центр поля, — 40 километров, от станции Куликово поле — 22 километра.

Куликово поле, растянувшееся на 15—20 километров, ограничено с востока и северовостока Доном, с запада и северо-запада — правым притоком Дона — речкой Непрядвой, с юговостока — речкой Рыхоткой, которая является правым притоком Дона. Во всех направлениях поле прорезано оврагами и ложбинами — руслами преж-

¹ «Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и о брате его Владимире Андреевиче яко победили сулстата своего Мамаю». «Временник Московского общества истории и древностей российских». Кн. 14-я, стр. 4. 1852.

них рек: Смолки, Курпы и Нижнего Дубки. Когда-то, во времена Куликовской битвы, берега этих рек, так же как и берега Дона, Непрядвы и Рыхотки, были покрыты густыми лесами. Остатки этих лесов сохранились и поныне. О самом Куликовом поле летописец сообщает: «Бе бо поле чисто и велико зело»¹. Поле это было местами болотистым. На нем водились кулики, дупеля, бекасы и степные кулики — крошшепы. Отсюда, видимо, и произошло название поля.

За пять столетий, прошедших со времени битвы, леса, окружавшие поле, почти полностью были вырублены, самое поле превратилось в сухую равнину. С начала XIX века поле начали распахивать. Распашки подверглись прежде всего возвышенные, более сухие места. Например Красный Холм был уже распашан в первой четверти XIX века. В других местах болота оставались и в более поздние времена. Так, местные колхозники передают, что, по рассказам недавно умерших стариков, между Красным Холмом и деревней Ивановкой были такие болота, что в них купали лошадей. Сейчас в этом месте нет и следа болот. Здесь расположены колхозные пашни.

Во времена Куликовской битвы поле, видимо, совершенно не было заселено. Источники не упоминают ни одного поселения на самом поле. Поселения были только по берегу Дона. В 25 километрах к юго-востоку от Красного Холма, на высоком левом берегу Дона, у современного села Стрешнева, находился древний городок Дубок. В XII веке тот город имел большое военное и торговое значение. Отсюда начиналось судоходство вниз по Дону. Вся местность по верхнему течению Дона была тогда пустыня.

Весной 1389 года по Дону, начиная с верхнего течения в пределах Рязанского княжества, проехал митрополит Пимен, направлявшийся в Константинополь. В описании этого путешествия говорится о верхнем течении Дона до впадения в него Красивой Мечи: «Всюду была пустыня, не было видно ни городов, ни сел... Нигде не было видно людей, точно в пустыне, а зверей множество: коз, лосей, волков, лисиц, выдр, медведей, бобров, птиц — орлов, гусей, лебедей, журавлей и прочих»².

Летописи и сказания о Куликовской битве также упоминают о большом количестве волков, лисиц, орлов, лебедей и других представителей животного царства, населявших Куликово поле. Волки в райо-

Дмитрий Донской.
По титулярнику.

не Куликова поля встречаются и поныне — в лесу между деревнями Хворостянской и Даниловкой. Из пород орлов в Тульской области и теперь часто встречается подорлик. Это крупная птица, размах ее крыльев достигает 175 сантиметров. Изредка залетают сюда орлы — беркуты и могильники.

Русские войска пришли на Куликово поле с севера. Как известно из источников, ополчение Дмитрия Донского из Коломны, где был сборный пункт, шло по левому берегу Оки «и ста у Оке, на усть Лепастны». Переправившись здесь через Оку, ополчение вступило в пределы Рязанского княжества и двинулось на юг, к верховьям Дона, к Иван-Озеру, через древний городок Березуй (Берестей, Береза), который, очевидно, находился несколько южнее города Венева, возможно, на месте нынешнего села Березова, в 4 километрах от Венева³.

Татарские войска пришли на Дон, к устью реки Воронежя, с низовьев Волги. Отсюда они двинулись вверх по Дону к Куликову полю. Огромные отряды орды Мамай пополнил, как указывает летописец, отрядами наемников с Северного Кавказа и даже крымскими италянцами.

К 6 сентября 1380 года русские войска сосредоточились у Дона, на месте слияния его с Непрядвой. Летописец сообщает: «От начала миру такова не бываша сила

¹ Полное собрание русских летописей. Т. IV, стр. 79. СПб. 1848.

² Полное собрание русских летописей. Т. XI, стр. 96. СПб. 1897.

³ См. Иван А. Фремов «Историческое обозрение Тульской губернии» № 1, стр. 115 и др., карта. 1850.

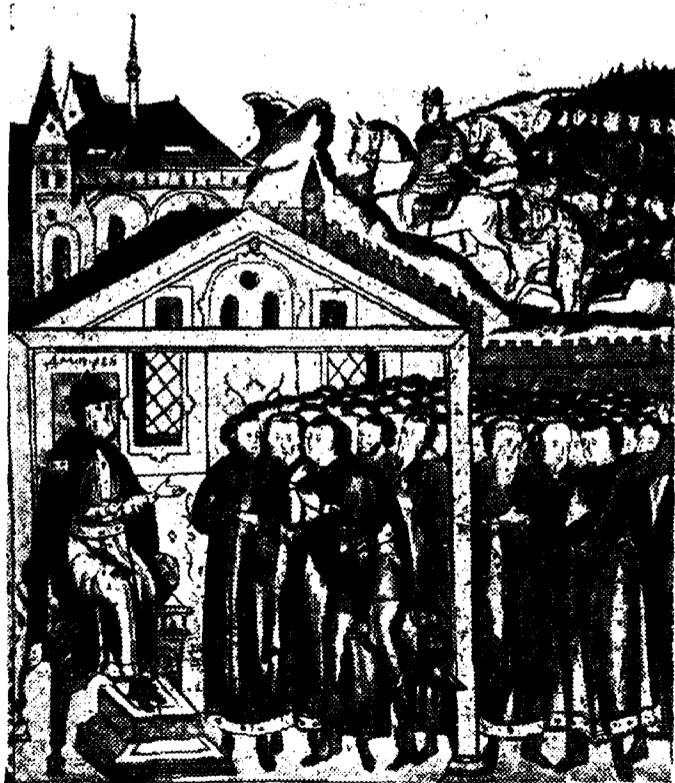
русских князей и воевод местных». Страшная угроза объединила русских под руководством великого князя.

Русский стан расположился на левом берегу Дона, на возвышенности между деревней Татинкой и речкой Себенкой. Видимо, сюда к Дмитрию прибыли из передового сторожевого отряда Петр Горский и Барп Александрович и привели с собой языка — знатного татарина. Пленный показал, что Мамай находится в трех переходах, поджидая своих союзников: литовского князя Ягайло и рязанского князя Олега.

На совещании князей, бояр и воевод Дмитрий отдал приказ о переходе через Дон. Это было смелое решение. Отступление стало невозможно. Надо было победить или погибнуть.

Для переправы пехотных частей через Дон были построены мосты. Конница перешла реку вброд. Предание говорит о том, что мосты по приказанию Дмитрия Донского после переправы были разрушены.

Переправа происходила в 1—2 километрах от устья Непрядвы, в районе современного села Татинки. В настоящее время Дон в этом районе очень мелок, часты броды. В те времена, когда лесов было гораздо больше и в Дон впадало много ныне высохших притоков, река была, конечно, многоводнее и броды были редки. Между тем Тотинский брод упоминается в писевой книге «писма и меры» Андрея Щепотева «с товарищи», относящейся к 1610 году.

Дмитрий Донской призывает князей на борьбу с татарами. XIV век.
Со старинной русской миниатюры

Численность русских войск доходила до 150 тысяч человек. Переправа такой массы людей, хотя бы в большинстве и конных, перешедших реку вброд, должна была занять продолжительное время — не менее суток.

Около полудня 7 сентября в русский стан прискакал передовой сторожевой отряд Семена Мелюка. За ним гнались татары, но, увидев русские войска, повернули назад. Мелюк сообщил Дмитрию о приближении главных сил Мамая: «Одна ночь между нами». Это значило, что татары были уже севернее Красивой Мечи и шли к Куликову полю. Сообщение Мелюка ускорило переправу, и она была закончена в ночь с 7 на 8 сентября.

Русские войска расположились у Дона и Непрядвы, в районе села Рождествена-Монастырщины. Отсюда выезжал ночью Дмитрий Донской с воеводой Боброком в разведку на поле между русским и татарским станом.

На большом ровном поле, у правого высокого берега Непрядвы, туманным утром 8 сентября 1380 года строились в боевой порядок русские рати.

Район села Монастырщины интересен еще и в другом отношении: по старинному преданию, на месте села были похоронены тела русских воинов, павших на Куликовом поле. Село Монастырщина расположено в 5—6 километрах от вероятного места наиболее ожесточенной схватки главных сил противников. Однако вполне возможно, что похороны убитых русских воинов происходили именно у устья Непрядвы, на месте села Монастырщины. В битве пало до 100 тысяч русских и еще больше татар. Русские войска находились на поле битвы 8 дней, трупы русских были отделены от татарских и похоронены, трупы татар были оставлены на поле. Рыть могилы среди этой массы разлагающихся трупов было невозможно. Вероятно, поэтому русский стан в эти дни был перенесен к устью Непрядвы, где он находился перед битвой в ночь на 8 сентября, после переправы через Дон. Здесь же состоялись и похороны. По преданию, Дмитрий Донской тогда же построил «на святых костях», т. е. на могилах, деревянную церковь рождества богородицы. Отсюда и происходит официальное название села — Рождествено. Церковь в дальнейшем несколько раз строилась заново. Ныне существующая на этом месте церковь села Монастырщины была последний раз перестроена в 1791 году.

Самое село возникло не позже XV—XVI века. В XVI веке оно упоминается в архивных документах. После основания в 1591 году в Москве Донского монастыря

Русское войско строит мосты через Дон. XIV век.
Со старинной русской миниатюры.

зело Монастырщина было приписано к этому монастырю.

Где же развернулась битва, какие позиции заняли русские и татарские войска? Где именно были расположены центр, правый и левый фланги войск? Где находился засадный полк Владимира Андреевича и Боброка? Источники — летописи и указания — не описывают точного расположения русских и татарских войск и их передвижение на местности во время битвы. Авторы, пытавшиеся найти на местности размещение войск и отдельных событий Куликовской битвы, решали эти вопросы по-разному.

Военный историк Н. С. Голыцын считал, что линия боевого порядка русских войск к полудню, т. е. уже после начала битвы, тянулась от сел Красное, Доброе и Зуйцы на Непрядве мимо деревень Хворостянки, Куликовки (Телятинки) и Сабуровой до Больших и Малых Курцев на Дону. Татары располагались южнее этой линии. Автор считает, что ставка Мамаю находилась у возвышенности между верховьями Среднего Дубика и Рыхотки. Таким обра-

зом, фронт оказывался растянутым на 18 километров — от среднего течения Непрядвы до Дона.

Авторы «Географического описания России» под редакцией В. П. Семенова относят центр русской позиции к месту нынешних деревень Самохваловки и Куликовки (Шаховской), то есть за 12 километров от устья Непрядвы.

Ни с тем, ни с другим мнением согласиться нельзя.

В летописном сборнике, именуемом Патриаршей, или Никоновской, летописью, говорится следующее:

«И бе уже 6 час днь; сходящимся им на усть — Непрядвы реки, и се внезапно сила великаа Татарская борзо с шоломяни грядуще, и ту пакы, не поступающе, стаща, ибо несть моста, где им разступитися; и тако стаща, кониа покладше, стена у стены, кождо их на плещу предних своих имуще, преднии краче, а заднии должае. А князь велики такоже с великою своею силою Русскою з другаго шоломяни поиде противу им. И бе страшно

Дмитрий Донской во главе русского войска. XIV век.

Со старинной русской миниатюры.

видети две силы великия сънимающися на кровопролитие, на скорую смерть»¹.

Если, как утверждает Голицын, битва развернулась на таком широком фронте от Непрядвы до Дона, то непонятно, почему татарам не хватило места развернуть свои войска и они должны были остановиться.

Почти все источники указывают, что русские и татарские войска, вступая в бой, спускались с холмов. Между тем, по Голицыну, получается, что оба войска, сближаясь между собой, должны были подниматься на Красный Холм. Кроме того, чтобы занять такую позицию, русские войска должны были преодолевать в развернутом боевом строю на фронте в 6—7 километров долину речки Смолки, покрытую лесом, и кроме того все лесное пространство к северу от Смолки до Дона — так называемую Зеленую Дуброву. В таком же положении были бы и татары, преодолевая долину речки Курпы. Подобное движение войск, преимущественно конницы, в боевом порядке совершенно невероятно.

¹ Полное собрание русских летописей. Т. XI, стр. 59. СПб. 1897. «Борзо с шоломяни» — быстро с холма; часы считались от восхода солнца, «6 час дний» — около 11 часов утра.

Все источники определенно указывают, что битва произошла у слияния Непрядвы с Доном. Поэтому никак нельзя согласиться и с авторами «России», относящими центр русских войск за 12 километров от устья Непрядвы.

При тщательном анализе источников и изучении местности возможно восстановить наиболее вероятное расположение войск и ход сражения, которые можно считать на данной стадии изучения Куликовской битвы общепринятыми.

Большая поляна, окруженная лесом по берегам Непрядвы, Нижнего Дубика и Смолки, соединялась безлесным промежуточком между верховьями Нижнего и Среднего Дубиков с одной стороны и Смолки, Курпы и Рыхотки — с другой стороны, с такой же безлесной степной возвышенностью. Эта возвышенность тянулась на юг от Куликова поля, к рекам Птани и Красной Мечи. Только отсюда и могли прийти татары на Куликово поле. После ночного марша под 8 сентября татары расположились на большой поляне, протяжением 7—8 километров, между верхними отрогами Нижнего Дубика, Смолкой и Курпой.

Под покровом густого тумана, который начал расходиться в 9 часов утра, рус-

ские рати построились в боевой порядок на поле у Песрядвы. Построением войск руководил опытный полководец Дмитрий Михайлович Боброк, выходец из Волыни, зять Дмитрия Ивановича.

Простой арифметический подсчет говорит, что 150 тысяч русских воинов при глубине строя в 15—25 человек должны были занять по фронту не менее 3—5 километров, то есть растянуться к западу от Монастырщины, за Большой и Рыбий овраги. Князь Дмитрий Иванович объехал войска, обращаясь с речью к каждому полку и призывая постыять за землю русскую.

К югу от села Монастырщины местность понижается к верховьям рек Смолки и Нижнего Дубика. Туда и продвинулись русские войска около 11 часов утра. Татары спускались в эту долину с противоположной стороны — от Красного Холма, который находится, как сказано, южнее Смолки, между верховьями Смолки и Курцы.

Заметив движение русских, татары бросили свой стан, начали строиться и затем двинулись навстречу русским.

Русские войска заняли боевую позицию протяжением примерно 5 километров, правым левым крылом к Смолке, а правым — к Дубику. Татары стали на линии нынешних деревень Даниловки, Казипки, Куликовки (Телятинки) и Моховой. Такой выбор позиции свидетельствует об исключительных полководческих талантах русских военачальников и прежде всего

Вооружение татарских воинов. XIV век.
Государственный Эрмитаж.

самого Дмитрия Ивановича, командовавшего всеми русскими войсками. Фланги русского расположения прикрывались естественными препятствиями. Татары, превосходившие русских численностью почти вдвое, не могли использовать свою конницу для широкого маневра. Они не имели возможности прибегнуть к излюбленному своему маневру: охвату флангов и окружению противника. Трехсоттысячная масса войск Мамай в начале боя, после того как татары спустились в долину и сблизились с русскими, оказалась стеснутой на пространстве около 3 километров между Дубиком и его правым Большим оврагом и Смолкой. И летопись вполне справедливо говорит о татарах: «И несть места, где им расступитися».

Именно такое расположение войск объясняет исключительную сосредоточенность войск и упорство боя, которые отмечают почти все источники.

В дальнейшем, к часу — двум дня, фронт русских войск был поколеблен, а затем левый фланг прорван татарами. Битва теперь развертывалась на более широком пространстве. Сомкнутый строй начал рассыпаться. В это время, как говорит летопись, «инде баше видети Руси за Татаринном гоняшеса, а Татарин сии настигаше, смятоша бо ся и размескиша, коняко бо своего супротивника искаша побесити...»¹.

Битва охватила теперь пространство, как отмечают источники, в 10 верст. Расширение поля битвы шло и к западу, и к се-

Татарский шлем с личиной. XIV век.
Государственная оружейная палата.

¹ Полное собрание русских летописей. Т. IV, стр. 80. СПб. 1848.

веру, возможно, до самой Пепрядвы, и к востоку, примерно до нынешней деревни Оболенщины (Балашовки) на Смолке и деревни Хутора (Сабурова) на Курце.

Исходя из описанного общего расположения войск, мы можем остановиться на отдельных пунктах Куликова поля, связанных с теми или иными эпизодами битвы 8 сентября 1380 года.

Выйдя из села Монастырщины по направлению на юг, через 5 километров можно попасть в деревню Хворостянку. В одном или полутора километрах правее дороги тянется овраг Рыбий Верх. В овраге показывают большой камень со следом человеческой ноги. По местному преданию, это след ноги Александра Певского, который пришел на помощь Дмитрию Донскому. В действительности Александр Певский умер за 117 лет до Куликовской битвы. К югозападу от Хворостянки начинается Большой овраг Нижнего Дубика. По оврагу и по склонам Дубика тянется лес, преимущественно дубовый. В долине Дубика и сейчас течет ручей, на склонах оврага то тут, то там пробиваются роднички. Пятьсот лет назад здесь была настоящая река с крутыми берегами, покрытыми густыми, дремучими лесами. Осматривая Дубик, легко можно себе представить, какую трудно проходимую преграду представлял он для конных масс татар. Дубик прикрывал правый фланг русских войск. Полк правой руки, очевидно, выстроился севернее Большого оврага, между Дубиком и Хворостянкой. Здесь находились коломенские войска с воеводой Николаем Васильевичем Вельяминовым, брянские войска.

Командовал полком правой руки князь Брянский Андрей Ольгердович. В разгар боя татарская конница, стоявшая на левом фланге татар, неоднократно пыталась сбить русский полк правой руки.

От Хворостянки вниз по Дубику до Пепрядвы около 6 километров. На правом, высоком берегу Пепрядвы, напротив села Буйцы, находилось имение графа Олсуфьева. Граф Олсуфьев, как и другие помещики: Печаев, Чебышев, Сафонов,— владевшие землей на Куликовом поле, собрал в свое время значительные коллекции оружия с Куликова поля: панцирей, кольчуг, мечей, копий. Часть этих вещей находится сейчас в Тульском и Елифанском краеведческих музеях. Теперь в бывшем имении—совхоз имени Н. С. Хрущева. По рассказам работников совхоза, когда на Куликовских полях трактора начали пахать землю, пахарь находили кинжалы, кресты. К сожалению, никто этих вещей не собирал, и они были утеряны.

Эти находки свидетельствуют о том, что боевые схватки происходили у правого бе-

рега Пепрядвы, севернее Нижнего Дубика. Видимо, отдельным отрядам татар, пытавшимся обойти правый фланг русских, удалось преодолеть Дубик. Однако полк правой руки стоял твердо. Андрей Ольгердович с успехом отражал татар и мог бы даже перейти в наступление, но воздерживался от этого, чтобы не открыть фланга большого полка, который к полудню попал в очень тяжелое положение. Только после атаки засадного полка полк правой руки перешел в наступление, очевидно, по направлению деревень Даниловки и Козинки, находящихся в 2 километрах южнее Хворостянки.

Сейчас же к северу и северовостоку от Хворостянки тянутся ровное поле и лощины, образуемые верхними левыми отрогами Смолки,—овраги Утиный и Липовый. Здесь был центр расположения русских войск, а именно место большого полка во главе с московским воеводой Тимофеем Васильевичем Вельяминовым. Кроме москвичей здесь были владимирские и суздальские войска. В центре расположения большого полка находился двор московского князя. Здесь же было черное великокняжеское знамя. Впереди большого полка стал передовой полк под командованием Дмитрия и Владимира Всеволодовичей Друцких. В его состав входили пехотная «сермяжная рать», сторожевой отряд Семена Мелика и другие части.

Где-то на этом поле, у Хворостянки, русский воин Пересвет схватился в поединке с татаринном Телебеем. С коньями наперевес понеслись противники друг на друга. От удара копий кони упали на колени, а всадники свалились мертвыми. Тогда начался общий бой. Передовой полк, где в одежде простого воина сражался Дмитрий Донской, атаковал татар, «и бысть сеча зла и велика, и брань крепка». Но силы были неравны. Татарская пехота из наемных и союзных войск опрокинула передовой полк. Пехотная «сермяжная рать» вся полегла в бою. Князя и воеводы передового полка были перебиты.

С еще большей силой бросились татары на большой полк. В бой входили все новые, свежие части татар, которые не могли ранее принять участие в битве из-за недостатка места. Передние ряды московского полка были уничтожены. Молодые, неопытные воины, «небывальцы в боях», бросились бежать. Татары прорвались к великокняжескому знамени. Вокруг него завязалась отчаянная схватка. Древяно знамя было полрублено.

Князю Глебу Брянскому и воеводе Тимофею Васильевичу Вельяминову удалось сомкнуть русские ряды, и ожесточенный бой продолжался на том же месте до 2—3 часов дня.

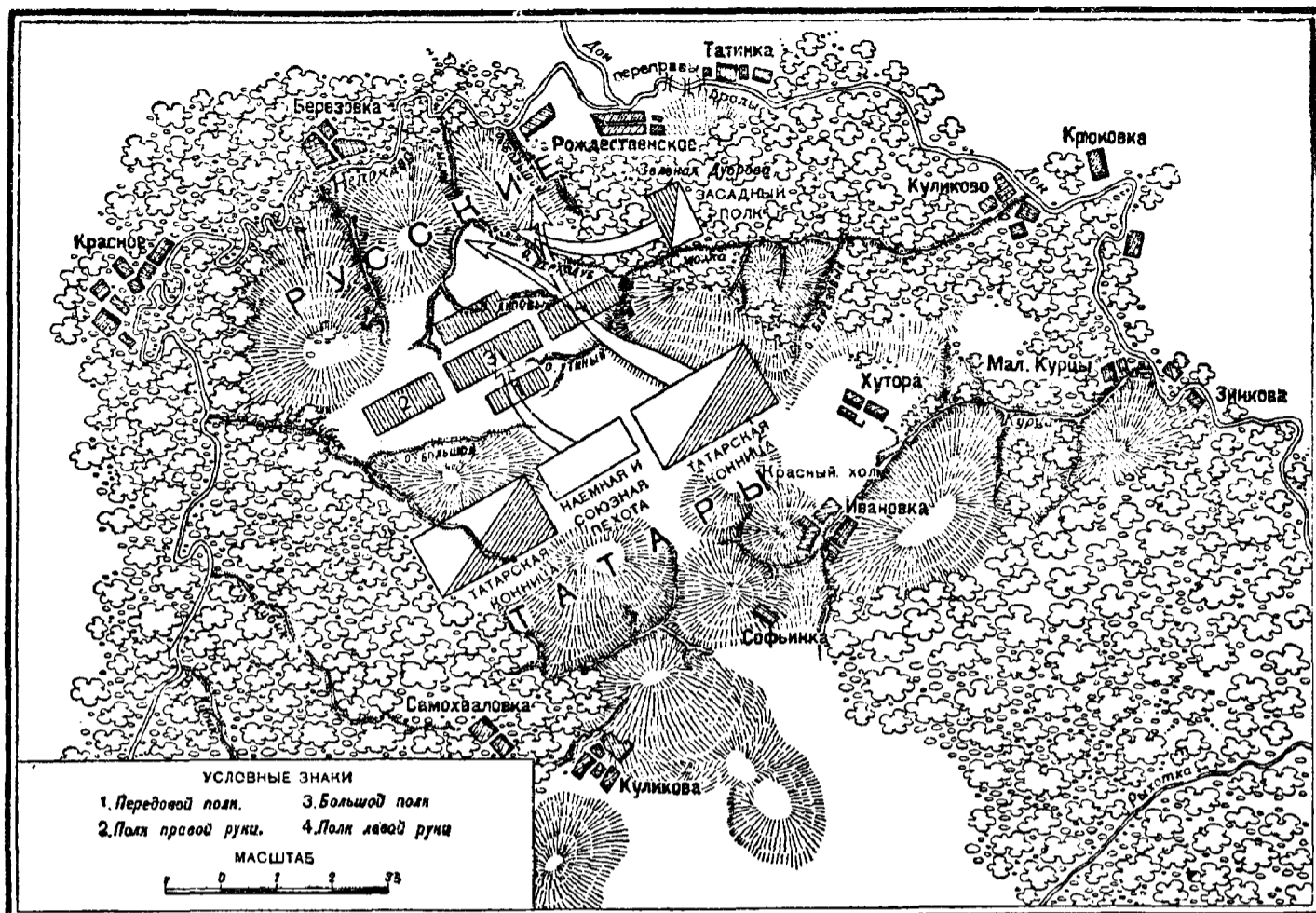

Схема расположения русских и татарских войск перед битвой около 11 часов утра 8 сентября 1380 года.

Еще далее на северо-восток от Хворостянки, за Утиным и Липовым оврагами, по направлению к Смолке и ее оврагу Верходубу, располагался полк левой руки, которым командовали князья Белозерские. Сюда-то и направили татары свой главный удар, особенно после неудачной попытки прорвать и уничтожить большой полк. Разбив русский полк левой руки, татары могли прорваться к устью Непрядвы и захватить переправы через Дон, отрезав от них русских. Русские войска были бы тогда прижаты к Непрядве, которая в своем нижнем течении была довольно глубока и имела болотистые берега. Окруженные с флангов татарской конницей, русские войска были бы уничтожены на поле у правого берега Непрядвы, от устья Нижнего Дубика до слияния Непрядвы с Доном. Огромные массы татарской конницы, преодолевая Смолку, бросились на левый фланг русских. Русские изнемогали в неравной битве. Кровь здесь текла потоками. В поэтическом сказании о Куликовской битве¹ говорится: «В то же время тутюшныя реки мутно пошли, вострепетаха лузи и болота, озера выстоупиша из мест своих, протопташеся холми высокии, траву же

кровию подымывало, льюшеся кровем аки речным быстринам на все страны».

Между 2 и 3 часами дня татарам удалось одержать верх. Часть воинов полка левой руки была перебита. Были убиты и военачальники — князья Белозерские. Другая часть начала отступать, многие бежали к Непрядве и Дону.

Татары прорвали расположение полка левой руки. Они начали обходить большой полк, угрожая его левому флангу. Псковские войска под командованием Дмитрия Ольгердовича, стоявшие в резерве сзади большого полка, изменили фронт и прикрыли фланг большого полка, оголенный после разгрома полка левой руки. Преследуя отступающих и бегущих русских воинов, татары устремились к переправам через Дон. Казалось, татарский план охвата русских полков был близок к осуществлению. Именно в этот момент внезапная атака русского засадного полка Владимира Андреевича и Дмитрия Боброка создала перелом в ходе боя и привела затем к общему поражению татар.

Где же находился засадный полк? Источники очень смутно говорят об этом. Рассказывая, как русские войска утром в тумане строились в боевой порядок на поле у Непрядвы, летописец сообщает: «князь велики же отпусти брата своего из двоюродных князя Володимера Андреевича вверх по Дону в дубраву западней полк, дав ему

¹ «Поведание и сказание о побойше великого князя Дмитрия Донского». «Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских». Т. III, стр. 56. М. 1838.

Погребение убитых на Куликовом поле, XIV век.

Со старинной русской миниатюры.

достойных из своего двора избранных, еще же отпусти с ним известному воеводе Дмитрею Боброкову Вольница»¹.

На основании этого сообщения, Н. С. Голицын считал, что засадный полк был расположен на правом фланге русских войск, а именно в роще вверх по Непрядве, за Рыбым оврагом. Эту точку зрения разделял и Н. П. Костомаров, писавший, что избранный русский отряд для засады стоял «в дубраве на западной стороне поля, то есть на правом фланге». Это неверно. Если согласиться, что засадный полк был послан от русского стана утром 8 сентября 1380 года вверх по Дону, то это означало бы, что он находился за рекой Непрядвой, что совершенно исключается. Расположение засадного полка на правом фланге не имело никакого смысла. Фактически, по Голицыну, он оказался бы во время боя (а все источники говорят, что он находился на своем месте почти до конца боя) даже не на правом фланге,

а позади полка правой руки. Отсюда он мог ударить татарам только в лоб, действуя вместе с остальными русскими войсками. Это исключает всякую возможность засады с внезапным ударом во фланг или тыл.

Можно предположить, что в летописи была допущена опечатка, повторенная затем всеми переписчиками.

Засадный полк должен был находиться на левом фланге и не вверх, а вниз по Дону. К тому же местные предания указывают определенный пункт засады — Зеленую Дуброву. Так и поныне называется местность на северном берегу Смолки, вниз от оврага Верходуба, в 3 километрах к юговостоку от села Монастырщины, по дороге в деревню Моховую. Здесь издавна был лес. В начале XVIII века дубовая роща тянулась до церкви села Монастырщины. Здесь бывал Петр I, приехавший со строительства Иван-Озерского канала. Петр повелел заклеить и сохранять все дубы этой дубравы. Роща вековых дубов в 70 деревьев, недалеко от Смолки, сохранилась до середины XIX века и затем была вы-

¹ Полное собрание русских летописей. Т. XI, стр. 58. СПб. 1897.

рублена. В 1933 году близлежащие колхозы снова засадили обрэг Верходуб березняком и елью.

В Зеленой Дуброве и расположился засадный полк из отборной конницы. С высоких деревьев дозорные легко могли наблюдать ход битвы на поле к западу и югозападу от леса. С большим трудом Боброку удавалось удерживать десятитысячную или еще большую массу бойцов, рвавшихся в бой на помощь своим товарищам. Источники говорят, что Боброк запрещал атаку, пока ветер не переменится и не перестал дуть в лицо русским. Некоторые историки — Голыцын, Костомаров — повторяют без всякой критики изложение источников. Дело было, конечно, не в направлении ветра, а в направлении движения татар, в обстановке на поле битвы. Около 3 часов дня татары прорвали расположение полка левой руки. Они неслись теперь галопом на север мимо русской засады. И ветер, дувший с юга прежде в лицо русским, теперь стал попутным для удара в тыл татарам. Медлить с выступлением было нельзя. В этот момент «возони же Волынец гласом великим, и рече: «Князь Владимир, время прииде и час приспе!» И пакы рече: «Дерзайте, братия и други!» И выедоша из дубровы единомыслиения друзи, аки соколы испущени, и оударихася на стада журавлина»¹. Засадный полк, внезапно ударив в тыл татарам, быстро рассеял татарские отряды, прорвавшиеся в русское расположение. Много татар было изрублено на месте. Другие спасались бегством к Непрядве, тонули в ней или избивались тыловыми русскими сторожевыми частями на другом берегу.

Исключительная роль засадного полка в победе русских отмечается в сказаниях о Куликовской битве. Местные предания связывают эту победу с Зеленой Дубровой. По преданиям (нам удалось записать 3 варианта), Зеленая Дуброва выросла в одну ночь перед битвой, татары принялись лес за русскую рать, испугались и бежали.

Атаки засадного полка позволили перейти в наступление правому крылу и центру в общем направлении на деревни Козинки и Куликовку (Телятинку) и далее, на Красный Холм. Мамай пытался организовать отпор русским у своего стана на Красном Холме. Началась упорная сеча. Сюда подошел свежий засадный полк, только что разгромивший правый фланг та-

тар². Сопротивление татар было сломлено, и они бежали.

Красный Холм представляет собой наиболее замечательный пункт Куликова поля. Он находится в 7 километрах южнее Монастырщины и в 1½—2 километрах от деревень Куликовки (Телятинки) и Меховой.

Красный Холм представляет собой плоскую возвышенность, постепенно опускающуюся к северу — к Смолке и к югу и юговостоку — к руслу высохшей речки Курцы. Распашка Куликова поля, которая велась с начала XIX века, сильно сгладила рельеф местности. Но и сейчас Красный Холм остается самой возвышенной точкой Куликова поля. Отсюда открывается вид на все Куликово поле. Отсюда спускались татары, занимая боевую позицию в начале битвы. Здесь находился наблюдательный пункт Мамай. Как сообщает летописец, «Мамай с пятма князи болгими възиде на место высоко, на шоломя, и ту стана, хотя видети кровопролитие человеческое...»³.

После последней ожесточенной схватки русские захватили в районе Красного Холма татарский стан со всем скотом и обозом: «и доспехи, и кони, и волю, и верблуды, и вино, и сахар, и дорогие узорчине». Здесь были захвачены драгоценности самого Мамая, в том числе его золотой кубок. Этот кубок позднее, в 1591 году, был пожалован царем Федором Борисовичем Годунову за спасение Москвы от крымских татар⁴.

Заняв Красный Холм, Владимир Андреевич приказал трубить сбор. Страшную картину представляло тогда с Красного Холма Куликово поле: «Князь же Владимир Андреевич ста на костех под черным знаменем. Грозно, братие, зрети тогда, а жалостно видети и гръко посмотриги челевечьскаго кровопролитна, аки морскаа вода, а трупы челевчъа, аки сенныа громалы: борзь конь не может скочити, а в крови по колени бродяху, а реки по три дни кровню течаху»⁵.

На юг с Красного Холма открывается вид на поле. Оно тянется к Софьишке и Куликовке (Шаховской). Туда бежали татары, которых преследовал на 40 километров, до реки Красивой Мечи, засадный полк под командованием Дмитрия Боброка.

С Красного Холма велись поиски великого князя Дмитрия Ивановича. Битва кон-

² От Зеленой Дубровы до Красного Холма около 4 километров.

³ Полное собрание русских летописей. Т. XI, стр. 59. СПб. 1897.

⁴ Карамзин «История государства Российского». Кн. 3-я. Т. X, стр. 90. СПб. 1843.

⁵ С. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». Т. XXXI, № 7, тексты сказания, стр. 68. СПб. 1906.

¹ «Поведание и сказание о побоище великого князя Дмитрия Донского». «Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских». Т. III, стр. 59. М. 1838.

чилась, но Дмитрия Ивановича не было видно. Никто не мог объяснить, где он находится. Его видели во время боя. Татары убили под ним коня. Он сел на другого, но и этот скоро упал под ударами татарских мечей и коний. Затем его видели сражающимся в стороне с 4 татарами. После долгих поисков 2 воина из костромской рати, Сабуров и Хлопнищев, нашли Дмитрия, лежавшего без сознания под срубленной березой. Доспехи его были избиты, но сам он был жив и даже не ранен. Место, где был найден Дмитрий, точно установить трудно. Известно, что костромская рать входила в состав полка левой руки. Следовательно, Дмитрий был найден где-то близко к месту действия русского левого крыла. Источники прямо указывают, что Сабуров и Хлопнищев в поисках князя уклонились в правую сторону, то есть, если смотреть с Красного Холма, — к месту левого фланга русских.

В 3 километрах на северо-восток от Красного Холма есть овраг Березовый, впадающий в Смолку справа. Возможно, что это и есть место березовой рощи, где был найден Дмитрий. Замечательно то обстоятельство, что когда передовой полк, в котором сражался Дмитрий, был разгромлен, то Дмитрий не бежал вместе с другими, а направился в сторону, к левому флангу, стремясь, очевидно, пробиться к засадному полку, чтобы в нужный момент ввести его в бой.

Придя в себя, Дмитрий Иванович сел на коня и в сопровождении Владимира Андреевича и других князей приехал на Красный Холм, объехал поле битвы и отдал приказ о подсчете потерь и оставшихся в живых.

На Красном Холме стоит монументальный памятник героям Куликовской битвы. Памятник был отлит из чугуна на заводе Берда в Петербурге и установлен на Красном Холме в 1849 или 1850 году. Конусообразная колонна из труб, охваченных 4 поясами, стоит на трехъярусной площадке, сложенной из массивных чугунных плит. Площадка расположена на каменном фундаменте. На чугунном основании верхнего яруса площадки вокруг колонны симметрично расположены 8 прямоугольных столбов трехметровой высоты. На столбах прикреплены щиты с изображением Георгия Победоносца, а поверх столбов помещены шлемы, обвитые лаврами. Между столбами находятся ниши. В 7 из них можно увидеть копыя, на которые положены лавровые венки. Над копиями — бронзовые полумесяцы. Бронзовый купол увенчивает памятник.

Памятник производит большое впечатление. К сожалению, от времени он обветшал. Отсутствие охраны привело к частичному разрушению памятника: сбит один шлем, расколоты чугунные плиты, разрушены тумбы и цепи, окружавшие памятник, сбиты буквы и надписи в одной из ниш, свинец, скреплявший чугунные плиты, растащили на пули местные охотники за куликами.

Мы описали основные пункты Куликова поля, придерживаясь последовательного хода битвы 8 сентября 1380 года и предполагая, что осматривающий это историческое место прибыл на поле через Елифань. Для прибывающих со станции Куликово поле, через Куркино, можно рекомендовать иной маршрут. Начать осмотр поля можно с Красного Холма, затем пройти через расположение левого фланга татар — через деревни Козинку и Даниловку, — по Дубинку до Непрядвы. После этого можно продолжать осмотр в том порядке, как выше описано, то есть через Хворостянку, к Смолке и Зеленой Дуброве, и закончить районом села Монастырщины и Татинги.

В заключение необходимо сказать, что Куликово поле, этот замечательный памятник героям борьбы за нашу родину, изучено еще очень слабо. Не существует литературы о Куликовом поле как историческом памятнике.

Куликово поле может и должно стать местом постоянных исторических экскурсий. Для развития экскурсионной работы на Куликовом поле необходимо составить и издать методические руководства и массовую, популярную литературу. Надо, наконец, принять действенные меры к охране и реставрации памятника героям Куликовской битвы. На Куликовом поле нужно создать музей, посвященный Куликовской битве. Для него можно использовать здание церкви, находящейся у памятника. На самом поле надо отметить указателями важнейшие пункты. Разумеется, все эти работы могут быть проведены только после тщательного изучения поля. Совершенно необходимо, чтобы руководство этой работой взял в свои руки непосредственно Музейно-краеведческий отдел Наркомпроса, не передавая ее целиком музеям Тульской области, которые также не должны остаться в стороне от этого большого и важного дела.

Осмотр и изучение Куликова поля надо сделать доступными для широких масс, так как оно представляет собой живой замечательный памятник победы великого русского народа над чужеземными завоевателями.

Когда и как произошло прикрепление крестьян к земле в Московской Руси

1

Разбирая старые рукописи, историк первой половины XVIII века Татищев нашел Судебник 1550 года. В 88-й статье Судебника говорилось об установлении срока для свободного перехода крестьян от одного владельца к другому. «А крестьяном отказываться из волости в волость и из села в село один срок в году: за неделю до Юрьева дни осеннего, и неделя по Юрьеве дни осеннем».

Кроме того в дополнениях к Судебнику оказался указ 21 ноября 1597 года, гласивший, что «которые крестьяне... из-за всяких людей, из поместей и из вотчин... выбежали до нынешнего 106 (1597) году за 5 лет, и на тех беглых крестьян в их побеге... давати суд».

Из этих документов Татищев вывел заключение, что в промежутке между 1550 и 1597 годами крестьяне были лишены права свободно переходить от владельца к владельцу. Историк высказал предположение, что за пять лет до 1597 года, то есть в 1592 году, «закон о непереходе крестьян учинен», то есть последовало общее распоряжение об отмене Юрьева дня и о прикреплении крестьян к земле, на которой они сидели, но что текст этого закона не сохранился¹.

К мнению Татищева присоединился Карамзин, заявивший, что Годунов в 1592 или 1593 году «на веки укрепил их (крестьян. — К. П.) за господами»². «Сей закон 1593 г. до нас не дошел: но об нем упоминается в законе 1597 года»³.

Такой же точки зрения придерживались В. Лешков, С. Соловьев и Б. Чичерин.

Первое расхождение во взглядах историков обнаружилось только в конце 50-х годов XIX века, когда М. Погодин заявил, что указа 1592 года вообще не существо-

вало, а указ 1597 года не имел никакого отношения к крепостному праву.

Доводы Погодина не убедили, однако, Н. Костомарова, который продолжал «верить в существование указа 1592 года», так как указ 1597 года «признает крестьян, о которых идет в нем речь, с одними правами после 1592 и с другими перед 1592 годом, следовательно, в 1592 году должно было последовать относительно крестьян важное распоряжение, сделавшееся выною указа 1597 года»⁴.

В своей работе «Крестьяне на Руси», вышедшей в 1860 году, И. Беляев также говорил о том, что прикрепление крестьян было результатом мероприятий московского правительства⁵.

В связи с этим вопросом представляют интерес высказывания профессора Дерптского университета Энгельмана. Признавая в своей книге о крепостном праве в России, вышедшей на немецком языке в 1884 году, что никакого закона об отмене права свободного перехода крестьян в Юрьев день ни в 1592 году, ни раньше издано не было, Энгельман считал, что начало прикрепления крестьян было положено не прямо, а косвенно, самим указом 1597 года. По этому указу, беглыми считались крестьяне, покинувшие самовольно землю, на которой они сидели. Пятилетний же срок давности был установлен потому, что в 1592 году закончено было составление новых писцовых книг, которые должны были облегчить землевладельцам доказательство их прав на крестьян.

По этому поводу Ключевский заметил, что поскольку закон, как правило, не имеет обратной силы, объявлять без всякого предварительного запрещения незаконными все крестьянские переходы, совершавшиеся в последние пять лет с соблюдением закона, было бы необычным делом: «Говоря

¹ В. Татищев. Судебник царя Ивана Васильевича, стр. 123. 1768. Указ был перепечатан в журнале «Русская беседа» за 1858 год. Кн. 12-я, стр. 162—164.

² Н. М. Карамзин «История Государства Российского». Т. X, стр. 209. СПб. 1824.

³ Там же. Примечания, стр. 116.

⁴ Н. Костомаров «Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права». «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России». Кн. 2-я. 1859.

⁵ И. Д. Беляев «Крестьяне на Руси», стр. 95—96. М. 1903. 4-е изд.

проше, московское правительство обмануло целый класс своего народа, тихонько подкараулило и украдо его свободу»¹. Такое предположение Ключевский считал невероятным, поэтому он отверг толкование указа 1597 года, предложенное Энгельманом.

В подкрепление своего мнения Энгельман ссылаясь на то, что подобным же образом в конце XVIII века были прикреплены крестьяне на Украине, но эта его аналогия была спорной.

В. Сергеевич, со своей стороны, обратил внимание на то, что, по указу 1597 года, крестьяне, выбежавшие за 6, 7, 10 лет и больше до издания указа, закреплялись за новыми владельцами только в том случае, если прежние владельцы не подали своевременно жалоб на ушедших крестьян. Из этого факта Сергеевич сделал вывод, что «общее прикрепление крестьян надо относить к первому или второму году царствования Федора Ивановича (1584—1585)»².

Поиски пресловутого указа 1592 года потерпели неудачу. Среди сторонников теории законодательной отмены Юрьева дня обнаружился разброд относительно даты этой отмены. Все это сильно ослабило авторитет этой теории. Сторонники конкурирующего с ней направления получили видимый перевес. Предвкусная близкую полную победу, С. Адрианов с пафосом восклицал: «Гипотеза об указе 7101 и 7093 года подобна смоковнице, у корня которой лежит уже секира. Мощные удары Аксакова, Погодина, Ключевского и Дьяконова настолько подрубили ее, что теперь достаточно небольшого усилия и все дерево с шумом рухнет»³.

Однако «дерево» так и не рухнуло, ибо, с легкой руки Адрианова, в 1895 году стал разрабатываться вопрос о так называемых «заповедных летах»⁴. Этому вопросу суждено было сыграть роль поворотного пункта в споре о закреплении крестьян.

Первые исследователи «заповедных лет» частью не умели определить их истинного значения, смешивая их с «урочными летами»⁵, частью же пытались найти в

«заповедных летах» аргумент против теории законодательной отмены «крестьянского отказа».

Впервые важное значение документов о «заповедных летах» было оценено Д. Одиным:

«Если в заповедные годы запрещено вывозить чужих крестьян (указ 1592 года) и разрешено возвращать обратно на старые места тех, кто в эти годы сделался крестьянином арендатором на владельческой земле (указ 1590—1591 года), то значит, в заповедные лета вообще запрещен переход крестьян. Запрещение перехода с места на место — таково содержание этой срочной заповеди⁶ по отношению к владельческим крестьянам. Существование такого запрещения само по себе подразумевает право иска о беглых крестьянах, если только существование известной исковой давности — урочных лет — не смягчит до известной степени действия заповедных лет... Такой порядок вещей уже вполне определенно указывает на роль правительства в деле крестьянского прикрепления, подтверждая выставленное раньше предположение, что крестьянская крепость возникла путем указной деятельности правительства. Бытовое прикрепление крестьян совершенно несовместимо с понятием заповедных лет»⁷.

Однако при определении начальной даты действия указа о «заповедных летах» Одинец несколько запутался.

Считая подготовкой к нему постановление церковного собора, созванного в 1584 году, об уничтожении тарханов⁸, он пришел к заключению, что «впервые документы 1591 и 1592 года начинают говорить о заповедных летах и об отпуске», но это утверждение оказалось в противоречии с опубликованными вскоре после этого материалами.

ния беглого крестьянина. Этот срок в различные периоды колебался между 5 и 15 годами.

⁶ «Срочная заповедь» — запрещение, установленное на известный срок.

⁷ Д. Одинец «К истории прикрепления владельческих крестьян». «Журнал министерства юстиции» № 1 за 1908 год.

⁸ Тарханные, или несудимые, грамоты являются разновидностью жалованных грамот, которые выдавались удельными князьями духовным и светским землевладельцам и предоставляли им право суда и управления над жившим на их землях населением. Крестьяне охотно переходили к владельцам, имевшим тарханные грамоты, так как крестьянство, жившее на тарханных землях, освобождалось на некоторый срок от государственных повинностей. При Иване IV церковный собор вынес постановление об отмене тарханов, но фактически они продолжали существовать и позже.

¹ В. О. Ключевский «Опыты и исследования», стр. 223. Петроград. 1918.

² В. Сергеевич «Русские юридические древности». Т. I, стр. 254. СПб. 1902. 2-е изд.

³ С. Адрианов «К вопросу о крестьянском прикрепении». «Журнал Министерства народного просвещения» № 1. 1895.

⁴ «Заповедные лета» — года, в которые запрещался переход крестьян от владельца к владельцу.

⁵ «Урочные лета» — срок, в течение которого владелец мог требовать возвраще-

Основателем направления, отрицавшего законодательное закрепощение крестьян, принято считать московского историка М. Погодина. В 1858 году Погодин выступил со статьей «Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права?» По мнению автора, указ 1597 года не дает оснований для вывода о законодательном прикреплении крестьян; такой акт никогда не был издан, а крепостное состояние сложилось под влиянием обстоятельств...

«Борис Годунов вовсе не был основателем крепостного права в настоящем смысле этого слова.

Никакого общего, безусловного указа о прикреплении крестьян к земле он не давал.

Указа 1592 года отнюдь не существовало.

Указ 1597 года не имеет никакого отношения к крепостному праву и значит совсем другое...

Кто же был основателем у нас крепостного права?

Никто.

Кого надо влиять в его развитии?

Обстоятельства»¹.

Ближайшим продолжателем Погодина явился В. О. Ключевский. Вопреки обычному представлению о том, что крестьяне были прикреплены к земле, Ключевский считал, что крестьянская крепость заключается в себе основные черты личного прикрепления крестьян к помещикам. По мнению Ключевского, закрепощение крестьян было, в сущности, заменой крестьянских обязательств по отношению к землевладельцу, вытекающих из договора о ссуде, то есть из факта задолженности, такой формой зависимости, которая создавалась договором о служилой кабале между господином и кабалным холопом. Служилая кабала возникала из договора о займе, по которому должник обязывался покрыть долг и проценты по нему службой во дворе кредитора.

По мнению Ключевского, выдача денег в заем с условием возмещения долга и процентов личной работой, «издельное серебро» широко применялась землевладельцами и по отношению к крестьянам. Возникшее отсюда состояние зависимости крестьян от владельцев должно было привести к уничтожению права выхода.

«Издельное серебро» оказалось таким образом роковым для крестьянства. Крепостное право на крестьянский труд развивалось из принципа долгового холоп-

ства. Итак, «законодательство не устанавливало крепостного права на владельческих крестьян ни прямо, ни косвенно: оно не только не прикрепляло их к земле, но не отменяло и права выхода»².

«...крестьянин, рядясь с землевладельцем на его землю со ссудой от него, сам отказывался в порядной записи навсегда от права каким-либо способом прекратить принимаемые на себя обязательства»³.

Мнение Ключевского о роковой роли «издельного серебра» в процессе закрепощения крестьян встретило, однако, сильное возражение со стороны М. Дьяконова, который выяснил, что «с половины XVI века и даже несколько ранее «издельное серебро» перестает упоминаться в памятниках»⁴.

Мнение же Ключевского о том, что крестьяне прикреплялись к владельцу, а не к земле и что это прикрепление развивалось из кабального холопства, не встретило поддержки даже у тех, кто подобно Ключевскому отрицал законодательное закрепощение крестьян.

Так, Владимирский-Буданов доказывал, что «нельзя смешивать развитие крепостного (крестьянского) состояния с развитием холопства (полного или кабального): холопство есть личная зависимость, крестьянство — поземельная. Кабала кончается или жизнью кабального или жизнью господина; прикрепление — вечно; кабала есть личная служба «во дворе», крестьянство — сельскохозяйственная работа, соединенная с отправлением государственного тягла...»

Решающее же значение Владимирский-Буданов приписывал крестьянской задолженности, осложненной старожилством. Для крестьян, берущих у землевладельца подмогу, или ссуду, деньгами или инвентарем (скот, орудия и прочее), «выход становится невозможным фактически... Крестьянин, фактически не могший воспользоваться правом выхода долгое время, становился «исстаринным» и терял это право навсегда. К XVI в. такой разряд крестьян, фактически прикрепленных, сделался самым многочисленным; к нему приравнялось положение и всех прочих крестьян»⁵.

² В. О. Ключевский «Опыты и исследования», стр. 244.

³ Проф. В. Ключевский «Курс русской истории». Ч. 2-я, стр. 350. Соцэкгиз. 1937.

⁴ Сборник статей, посвященный Ключевскому, стр. 320. 1909.

⁵ Проф. М. Ф. Владимирский-Буданов «Обзор истории русского права», стр. 137. СПб — Киев. 1888.

¹ «Русская беседа» за 1858 год. Кн. 12-я, стр. 119—120.

Мысль о том, что право перехода отмерло вследствие долговременного пребывания крестьян на одном и том же месте, «застарения», была развита затем проф. М. Дьяконовым.

«Эти факты... позволяют заключить, что крестьяне старожильцы, на каких бы землях они ни жили, правом перехода во второй половине XVI века вовсе не пользуются. Они оказались в положении «непохожих», «заседелых» крестьян и составили первую по времени категорию наших крепостных крестьян»¹.

Однако в дальнейшем Дьяконов сам должен был признать, что нельзя «указать срока, по истечении которого поселенец становится старожильцем», и выразил сомнения в том, чтобы «в руках московского правительства был готовый критерий для разрешения споров о старожильцах и чтобы вообще существовала указная норма для разрешения таких споров»².

К тому же между старожильством и крепостным правом нет еще логической связи. Ибо, как правильно указал Дебольский, «пока крестьянин не был прикреплен к земле, до тех пор, как бы долго он ни был арендатором, он не мог стать крепостным, ибо старина подтвердила бы лишь существование аренды и ничего более».

Долговременное пребывание крестьян на одном и том же месте означало лишь, что у них не было причин менять владельца, а вовсе не то, что они отказывались от права перехода.

Утверждение Дьяконова и Владимирского-Буданова, что крестьяне-старожилы, на каких бы землях они ни жили, правом перехода во второй половине XVI века не пользовались, находится в вопиющем противоречии с тем фактом, что именно в это время происходило в небывалых размерах передвижение крестьянства.

В сельских местностях Новгородской области число заброшенных деревень с 6,2% в 60-х годах XVI века повысилось до 57,1% в 70-х и 82,2% — в 80—90-х годах. То же явление наблюдалось и в центре, то есть в районах, тяготеющих к Москве. В 50—60-х годах пустоши составляли здесь 14,2%, а в 80—90-х годах достигли 49,2% всех селений³.

Эклектическую позицию в этом споре

¹ М. Дьяконов «К истории крестьянского прикрепления», стр. 34. СПб. 1893.

² М. Дьяконов «Заповедные лета» и «старина». Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову, стр. 113. Киев. 1904.

³ См. Н. Огановский «Очерки по истории земельных отношений в России», стр. 110. Саратов. 1911.

занят П. Н. Милюков. По его мнению, крестьянская крепость была создана гораздо ранее конца XVI века без всякого вмешательства закона, действием трех обстоятельств: прикрепления крестьян к тяглу, старожильства и роста долговых обязательств, которыми землевладельцы опутывали крестьян: «Юрьев день играл самую ничтожную роль как в переходе, так и в перевозе крестьян»⁴.

Подобную же точку зрения встречаем мы и в советской историографии первых лет революции: в работах Покровского, Рожкова, Кулишера, Геймана, Тхоржевского.

М. Н. Покровский отмечал, что в конце XV и первой половине XVI века в Московской Руси усиленно распространялось среднее помещное землевладение и совершался переход к более интенсивной сельскохозяйственной культуре. «И эта интенсивность, — писал Покровский, — совершенно меняла отношение земли и крестьянина — с помещичьей точки зрения. При подсечном хозяйстве не было ни смысла, ни возможности долго удерживать крестьян на одном месте: выпахав все, что можно было, в лесу, земледельческое население, в силу условий хозяйства, должно было уйти в другое место. При перелоге, это оказывалось уже возможно, при трехполье — даже необходимо. Переход к более интенсивным формам культуры создавал, таким образом, для владельцев и интерес и возможность не только на время подчинить себе крестьянина, но привязывать его к себе надолго, по возможности навсегда»⁵.

Инициаторами в этом деле выступали старые вотчины, густо заселенные крестьянами; при помощи великокняжеских грамот они начали добиваться закрепления крестьян, «застаревших» на своих местах. Эта тенденция встречала, однако, на первых порах противодействие со стороны среднепоместных земледельцев, которые остро нуждались в рабочих руках и были заинтересованы в вывозе их на свои вновь устраивавшиеся деревни. «Как только конфискованные в опричнину боярские вотчины оказались в руках дворянства, новые владельцы поспешили закрепить за собой население доставшихся им деревень. Опричные конфискации приходятся на 1560-е годы, а в 1570-х на «старину»

⁴ П. Милюков «Крестьяне в России». Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVI А, стр. 680. СПб. 1895.

⁵ М. Н. Покровский «Очерк истории русской культуры». Ч. 1-я, стр. 59. Петроград. 1923. 5-е изд.

ссылаются уже как на непрерываемое основание для того, чтобы не выпускать из-за себя крестьянина. Затем, повидимому, была сделана попытка закрепить крестьян за владельцами совсем, запретив «выход» на несколько лет («заповедные лета») ¹.

«В основе двух крупнейших социальных переворотов XVI века, смены боярства дворянством и закрепощения крестьян, лежит, таким образом, прогресс сельскохозяйственной техники — переход к более интенсивной культуре земли. Русского крестьянина закрепили о трехполье — то трехполье, которое и до днесь является традиционной формой русского земледелия. Это отвечает нам на вопрос, откуда, экономически, взялось крепостное право» ².

Попытки Покровского объяснить закрепощение крестьян распространением трехполья вытекали из его немарксистской методологии «экономического материализма», которая определила все его историческое мировоззрение.

Но в этих высказываниях Покровского, кроме методологической ошибки, заключалась еще и фактическая. Впоследствии Покровский должен был согласиться с Рожковым, что во второй половине XVI века происходил регресс сельского хозяйства, и если в 60-х годах в большинстве центральных уездов господствовала паровая зерновая система, то к концу столетия она уступила место переложной.

По вопросу о том, какие же именно мероприятия правительства имели решающее значение в закрепощении крестьян, взгляды Покровского не отличались большой определенностью и устойчивостью.

Покровский не указывает, когда и кем были изданы правила о «заповедных летах» и в чем эти правила заключались. В позднейших работах, говоря о Судебнике Федора Ивановича, составление которого относится к 1589 году, Покровский усматривает в одной из его статей «переходную ступеньку к отмене крестьянского отказа» ³.

Отсюда можно заключить, что автор перестал считать «заповедные лета» началом закрепощения крестьян и отодвинул возникновение крепостного права к концу царствования Федора.

Но уверенности по этому вопросу у Покровского не было. В «Русской истории в самом сжатом очерке» дело изображается так: «Помещики не желали расстаться с рабочими руками и выпрашива-

ли у правительства указ о беглых один за другим. Эти указы о поимке и возвращении беглых подали повод потом рассказывать, будто крестьяне при сыне Ивана Грозного — царе Федоре Ивановиче — были прикреплены к земле» ⁴. Этим, повидимому, автор хотел сказать, что Юрьев день в действительности не был отменен и что беглыми считались лишь те крестьяне, которые уходили от владельцев без соблюдения правил Судебника. Но это уже переход на позиции Ключевского.

В конце концов точной формулировки своих взглядов по вопросу о происхождении крепостного права М. Н. Покровский так и не дал.

Поворотным пунктом в затянувшемся споре явилась статья Б. Д. Грекова.

Примыкая к аргументации, развитой Олинцом, Греков внес в нее на основании архивных документов, опубликованных Самоквасовым в 1909 году, поправку, уточняющую время появления предполагаемого указа.

«...Указ о заповедных годах, — писал Греков, — мог появиться только в 1580, т. е. в том году, когда созывался церковный собор и шли рассуждения о том, в каком бедственном состоянии находятся государевы служилые люди, которым едва ли не больше всего причиняло ущерба право свободного перехода крестьян, о чем речь шла... и в следующем заседании собора, в 1584 году» ⁵.

Возражая М. А. Дьяконову, по мнению которого указ о «заповедных годах» имел местное значение, Б. Д. Греков указывает, что закон этот, «если даже допустить, что не был общим в первый момент по его опубликованию (хотя и нет видимых оснований делать это допущение), то скоро стал, несомненно, общим. Это видно как из судебной практики, где упоминаются «заповедные годы» вообще, без всяких ограничений, ни территориальных, ни социальных, так и из известных указов 1601 и 1602 годов, где мы ясно читаем: «В нынешнем во 110 году... царь... Борис Федорович и сын его... пожаловали во всем своем государстве... велели крестьяном давати выход». Раз отмена закона распространяется на всю территорию государства, следовательно, и закон имел такое же пространство действия» ⁶.

Однако и после выступления Грекова

⁴ М. Н. Покровский «Русская история в самом сжатом очерке», стр. 45. Партиздат, 1932.

⁵ Б. Д. Греков «Юрьев день и заповедные годы». «Известия Академии наук СССР». Т. XX. Ч. 1-я, стр. 79. Л. 1928.

⁶ Там же, стр. 83.

¹ М. Н. Покровский «Очерк истории русской культуры». Ч. 1-я, стр. 61. 1923. 5-е изд.

² Там же.

³ Там же, стр. 224.

голоса сторонников теории «самозакрепления» крестьяне продолжали численно преобладать.

«Превращение заповеди из местной и временной в повсеместную и постоянную было делом бытовых условий, — говорит Н. П. Пососин, — и вряд ли когда-либо было «скреплено законодательным актом»¹.

С. В. Юшков также считает, что закрепощение представляет не что иное, как «юридическое оформление уже сложившихся отношений»².

Теория «самозакрепощения» проникла и в учебную литературу.

«В настоящее время, — читаем мы в недавно вышедшем учебном пособии, — можно считать доказанным и общепринятым мнение, что собственно никакого законодательного акта, устанавливавшего закрепощение крестьян и отмену правил Судебников о праве отхода в Юрьев день вовсе не было. Это право отхода в Юрьев день отмерло само собой к концу XVI века»³.

Причиной такой разногласности, можно думать, является то, что в вопросе о «заповедных летах» остаются еще темные пункты, нуждающиеся в разъяснении.

В последующем изложении мы попытаемся выяснить, какие же выводы можно сделать из сделанного обзора и какое разрешение вопроса наиболее соответствует данным источников.

3

Увеличение задолженности, распространение старожилства, усиление податной тяжести могли, конечно, подготовить обстановку, благоприятствующую закрепощению, но решающую роль сыграло здесь вмешательство государства. Долговременное фактическое пребывание большего или меньшего количества крестьян на одних и тех же участках земли — совсем не то же самое, что юридическое закрепление всех крестьян на тех землях, на которых они сидели.

Если эту разницу неясно представляли себе многие историки XIX—XX веков, то в ней очень хорошо разбирались помещики второй половины XVI века, когда в результате аграрного кризиса борьба за рабочие руки стала особенно острой.

¹ Ученые записки Института истории, стр. 37. 1928. Т. IV.

² Проф. С. В. Юшков «К вопросу о развитии крепостного права в Московском государстве в XIV—XVI веках». Ученые записки Свердловского государственного педагогического института. Вып. 1-й, стр. 63. Свердловск. 1938.

³ П. Лященко «История народного хозяйства СССР», Т. I, стр. 170. Москва. Соцэкгиз. 1939.

Уступая настойчивым требованиям помещиков, правительство Ивана Грозного решилось на отмену санкционированного Судебниками 1497 и 1550 годов права свободного перехода. Текст царского указа о «заповедных летах» не сохранился, но зато сохранилось немало документов, в которых имеется ссылка на него и из которых видно, что в эти годы выход и вывоз крестьян были запрещены. Дату этого указа можно установить если не с абсолютной, то, во всяком случае, с достаточной точностью.

В московских писцовых книгах 1580 года говорится о крестьянах, вышедших с тверских земель князя Симеона Бекбулатовича с соблюдением всех правил, требуемых Судебником. Это — самое позднее свидетельство источников о свободном переходе крестьян к другому владельцу⁴.

Следующий год считался уже заповедным.

Так например в 1588 году в Млевском погосте, Деревской пятины, был произведен сыск по челобитью Ивана Непецына на старца Стахия Никольского монастыря о беглых крестьянах: «на Ваську, да на Трешку на Гавриловых детей, что они збежали в заповедные годы, 90 году (1581 году.— К. П.) из за Ивана из за Непецына, из деревни с Крутца».

И обыскные люди показали: «Из за Ивана Непецына из деревни Крутца Васька да Трешка Гавриловы дети в заповедные годы, 90 году, збежали, и ныне живут те крестьяне... в Никольском монастыри»⁵.

По мнению Самоквасова, указ о «заповедных летах» был издан в 1582 (7091) году. Но из приведенного выше документа видно, что и предшествующий (7090) год был заповедным.

Отсюда можно заключить, что действие указа о «заповедных летах» началось именно с этого года. Это и являлось началом общего закрепощения крестьян. Догадка Татищева и его многочисленных последователей, что в 1592 году был издан указ об отмене Юрьева дня, не подтвердилась. Но ошиблись и его противники, утверждавшие, что такого указа вообще никогда не было: он был издан, но только не при Федоре, а при его отце.

С 1581—1582 года все вышедшие или вывезенные без согласия владельца крестьяне именуется уже в актах беглыми. Юридическим основанием для их возвращения служит просто указание на то, что они вышли или были вы-

⁴ Н. И. Лапко «Тверской уезд в XVI веке», стр. 46. 1893.

⁵ Д. Самоквасов «Архивный материал. Новооткрытые документы». Т. II, стр. 450. 1909.

везены в «заповедные годы». При сысках 70-х годов XVI века допрос велся о том, выходили ли или вывозились крестьяне «в срок о Юрьеве дни и с отказом ли или без отказа, после срока силно». С начала же 80-х годов органы власти, разбиравшие дела о крестьянах, ушедших от владельцев, допытывались, выходили ли крестьяне в «заповедные лета», сколь давно и в котором году¹.

«Случаи применения к крестьянам, ушедшим не в срок и без отказа, прилагательного «беглый», — говорит Н. Дебольский, — до последнего десятилетия XVI века никто не мог привести до сих пор, несмотря на поиски в архивах. «Беглым» до сего времени были лишь холопы и престоупники»².

Первый случай появления термина «беглый» в официальном документе автор относит к 1595 году, но Дьяконов отыскал впоследствии документ с предписанием о сыске беглого крестьянина, помеченный 1586 годом³. А из документов, опубликованных Самоквасовым, видно, что первое упоминание о беглых крестьянах должно было быть отнесено к 1581—1582 году.

Поэтому догадка Дебольского, что начало прикрепления крестьян нужно искать в промежутке «между 1589 и 1595 годами», является беспочвенной. Но самая мысль о том, что термин «беглый крестьянин» появился лишь после отмены Юрьева дня (впервые ее высказал Н. Костомаров), остается правильной.

Шаткой представляется и догадка Сергеевича. Исходя из того, что в указе 1597 года говорится еще о крестьянах, которые выбежали «за шесть и за семь и за десять (лет) и больше», Сергеевич писал: «Мы не сделаем большой ошибки, если под «больше» будем разуметь еще два года, итого получится 12 лет. Следовательно, можно было бить челом о возвращении бежавших крестьян уже в 1585—1586 году»⁴.

Предположение о том, что под «больше» нужно разуметь двенадцатилетний срок, является совершенно голословным. Оно не подтверждается какими-либо источниками.

Из цитированного отрывка можно вывести лишь то заключение, что запрещение перехода состоялось сравнительно недавно, и только.

¹ Д. Самоквасов «Архивный материал». Т. II. Ч. 2-я, стр. 48—52, 449—453.

² Н. Дебольский «Гражданская дееспособность по русскому праву», стр. 147—149. 1903.

³ Сборник статей по истории права, посвященный Владимирскому-Буданову, стр. 123.

⁴ В. Сергеевич «Русские юридические древности». Т. I, стр. 253.

Может возникнуть, конечно, вопрос: почему в указе 1597 года не было прямо упомянуто о 1581 годе, с которого началось закрепощение? На это можно ответить, что московским приказным вовсе не было выгодно говорить коротко и ясно о таком щекотливом деле. Они предпочли облечь указ в запутанную и туманную форму, чтобы создать впечатление, будто в указе речь идет о чем-то, освященном стариной. Д. Самоквасов полагал, что издание указа о «заповедных летах» имело целью обеспечить успешное составление новых помещичьих книг. Но по окончанию перепиши указ не был отменен. Очевидно, дело было не в перепиши. Главной назначением указа состояло в том, чтобы затормозить передвижение крестьян, недовольных усилением эксплуатации.

Указ вносил коренную ломку в сложившиеся отношения и затрагивал интересы не только широких народных масс, но и части землевладельцев. Это побуждало правительство действовать осторожно. Есть основание думать, что в тексте указа о «заповедных летах» содержалось указание на временный характер запрещения перехода.

При составлении Судебника 1589 года предполагалось внести в него статью, восстанавливавшую право перехода в Юрьев день. В грамоте от 1592 года по делу о бегстве крестьян из Никольского монастыря наряду с предписанием о производстве сыска содержится наставление земскому судье:

«Да и впредь бы есте из Никольские вотчины крестьян в заповедные лета до нашего указа в наши черные деревни не волозили...»⁵.

Эти недомолвки в официальных документах отражали известные колебания правительства и борьбу существовавших в нем двух группировок. Но так как аграрный кризис и нужда в рабочих руках не ослабевали, а усиливались, то перевес оказался на стороне тех, которые стремились сохранить закрепощение крестьян.

И вот 21 ноября 1597 года появляется указ окончательно распевающий надежды крестьян и опасения крепостников-помещиков на счет восстановления права отказа: «Которые крестьяне из за бояр, и из за приказных людей, и из за детей боярских, и из за всяких людей, из поместий и из вотчин... выбежали до нынешнего 106 году за 5 лет, и на тех беглых крестьян в их побеге, и на тех помещиков и вотчинников, за кем они, выбежав, живут, тем помещиком, из за кого выбежали, и патриаршьим и митрополичьим и владычным детям боярским и монастырских сел

⁵ «Русская историческая библиотека». Т. XIV, стр. 137. СПб. 1894.

приглашением и слушанием давати суд, и сыскивати нарочно всякими сыски, и по суду и по сыску тех беглых крестьян с женами и с детьми и со всеми их животы возити назад, где кто жил»¹.

Устанавливая пятилетнюю давность для исков о беглых, указ 1597 года, правда, несколько ограничивал огульное запрещение перехода. Выбежавшие или вывезенные крестьяне могли оставаться у новых владельцев, если им удавалось укрыться от преследования в течение означенного срока; но, с другой стороны, указ лишил крестьян надежды на восстановление Юрьева дня. Правильно об отмене отказа превращалось из временного в постоянное. Таким образом, указ 1597 года можно рассматривать как второй решительный шаг в закреплении крестьянства².

Правда, по мнению Сперанского, к которому присоединились впоследствии и другие исследователи (Погодин, Ключевский, Владимирский-Буданов, Кулишер), указ 1597 года не имел никакого отношения к закреплению. Истинный смысл указа состоял будто бы в том, чтобы сократить исковую давность для дел о крестьянах, «кои оставили прежнее их жительство или не в положенный срок или не разделавшись с владельцами установленным в Судебнике порядком», то есть уменьшить судебную волокиту.

Такое толкование не согласуется с источниками и должно быть признано ошибочным. В период действия Судебников 1497 и 1550 годов крестьяне, вышедшие с нарушением правил об отказе, не именовались беглыми. Этот термин появляется в актах лишь после отмены Юрьева дня. Если сравнить указ 1597 года со статьей XI Уложения 1649 года, то окажется, что о беглых крестьянах они трактуют в совершенно одинаковом духе. А между тем не может подлежать сомнению, что беглым, по Уложению, признавался всякий крестьянин, оставивший землю без разрешения владельца, независимо от вопроса о сроках и уплате вознаграждения.

Отмена Юрьева дня была ударом по крестьянству, но она вместе с тем затрагивала интересы некоторой части господствующего класса. Чтобы смягчить недовольство крестьян и той части помещиков,

¹ «Русская беседа». Кн. 12-я, стр. 162—163. 1858.

² Доподлинно Энгельмана, что указ 1597 года давал помещикам право отыскивать и возвращать всякого крестьянина, покинувшего в течение последних 5 лет землю без его согласия, оказалась правильной — вопреки сомнениям Ключевского, — но только потому, что нашелся предшествующий указу 1597 года указ об отмене Юрьева дня, существование которого оба историка отрицали.

которой закрепощение крестьян было невыгодно, правительство издало указ 21 ноября 1601 года.

Начинается указ многообещающим заявлением о желании нового царя (Бориса Годунова) «во всем своем Московском государстве... крестьяном дати выход»³. Это заявление имеет важное значение для историка. Оно доказывает, что до указа 1601 года крестьяне не имели права выхода. Это существенный довод против тех исследователей, которые утверждали, что до Уложения царя Алексея Михайловича не существовало правительственных актов, запрещавших крестьянские переходы. Кроме того выражение «во всем своем Московском государстве... дати выход» дает основание полагать, что «заповедные лета» имели, вопреки мнению Дьяконова и др., не местное, а общегосударственное значение.

«А срок крестьянам отказывати Юрьев день осенний, да после Юрьева дни две седмицы; а пожилowo крестьяном платити положено за двор рубль и 6 копеек»⁴.

Пойдя на уступку крестьянам и мелким помещикам, правительство постаралось, однако, ограничить ее размер.

Из дальнейшего текста указа выясняется, что речь идет главным образом о вывозе крестьян, причем разрешение вывозить их дается только мелким землевладельцам и притом в ограниченном размере (одного или двух человек «промеж себя») и лишь на окраинах — за пределами Московского уезда. А самое главное: эта льгота давалась лишь на один год. Правда, в следующем году ее пришлось пролить, — повидимому, в связи с продолжением голода — еще на такой же срок, но дальнейших уступок уже не делалось.

По истечении этого срока вступало в силу прежнее правило, и более уже о Юрьеве дне в официальных актах упомянутый не встречается.

Голод побудил правительство и при Лжедмитрии, сменившем Годунова на престоле, заняться крестьянским вопросом. 1 февраля 1606 года состоялся боярский приговор, по которому разрешалось крестьян, покинувших свои участки в голодные годы из-за того, что им «было... прокормиться не мочно», оставлять у тех помещиков и вотчинников, которые их приютили у себя. Тех же крестьян, которые выбежали до голодных лет или хотя и в голодные годы, но без нужды и «прожить им было мочно», предписывалось «сыскивая, отдавать старым помещикам»⁵.

³ «Русская беседа». Кн. 12-я, стр. 164. 1858.

⁴ Там же, стр. 165.

⁵ Там же, стр. 168.

Очевидно, что по приговору 1606 года переход крестьян разрешался в виде исключения из общего правила. Он допускался лишь при исключительных обстоятельствах в течение точно ограниченного срока. Прозвучало поэтому умозаключение Погодина, усматривающего в этом приговоре следы «указания на право свободного перехода».

Отмена освященного веками обычая и усиление помещичьего гнета не прошли незамеченно. Вопреки утверждению Погодина о том, что установление крепостного режима происходило неслышимо, бесшумно, крестьянство не замедлило ответить на него бурным протестом.

Этот протест был слышен не только на окраинах, но и в самой Москве. Да и нельзя было его не услышать, когда Болотников во главе чуть ли не ста тысяч холопов, крестьян и казаков, разбивая царских воевод и беря один город за другим, подходил к стенам самой столицы.

Недостаток сплоченности и сознательности в рядах повстанцев и предательство случайных союзников помешали успеху восстания. Оно было подавлено. Чтобы положить конец каким-либо сомнениям в прочности взятого правительством курса на закрепощение крестьян, новый царь Василий Шуйский тотчас после первой победы над Болотниковым выступил с новым указом, подтверждавшим прежние постановления. А для того чтобы придать больше веса этому указу, издание его было облечено в особо торжественную форму.

Авторитет царя Василия, избранного не земским собором, а Боярской думой, не казался достаточным в этом деле. Поэтому к выработке указа был привлечен «святейший Гермоген патриарх», «весь освященный собор» и «царский синклит».

Так появилось Соборное Уложение 9 марта 1607 года, согласно которому крестьяне признавались юридически принадлежащими к тем владениям, в которых они записаны были по книгам 1592 года:

«Которые крестьяне от сего числа перед сим за 15 лет в книгах 101 году положены, и тем быти за теми, за кем писаны»¹.

Тексту Уложения предпослано вступление, в котором, между прочим, говорится, что при Иване Грозном «крестьяне выход имели вольный», а царь Федор Иванович по наговору Бориса Годунова «выход крестьяном заказал». В этом можно усмотреть противоречие с высказанным выше утверждением о том, что Юрьев день был отменен указом Ивана Грозного о «заповедных годах».

Есть, однако, основания думать, что

¹ «Русская беседа». Кн. 12-я, стр. 170. 1858.

эта часть документа была если не составлена, то, по крайней мере, отредактирована Татищевым².

Отыскав указ 1597 года, Татищев высказал предположение, что за пять лет до него состоялось общее распоряжение об отмене Юрьева дня. Татищев к тому же ничего не знал о «заповедных годах». Поэтому не удивительно, что он изложил ход событий не совсем точно.

После изложения Шуйского начались переговоры о приглашении польского королевича Владислава на московский престол. В договорах, заключенных с королем Сигизмундом 4 февраля 1610 года от имени второго Самозванца, а затем 17 августа того же года от имени Боярской думы, не был забыт и пункт о запрещении крестьянского выхода. Приговор земского ополчения 30 июня 1611 года, отражавший интересы мелких и средних служилых людей, также подтверждал старое правило, что вывезенных и выбежавших «крестьян и людей отдавать назад старым помещикам»³.

Не поднимается вопрос о восстановлении Юрьева дня и при воцарении Михаила Романова, только срок давности для отыскания бежавших крестьян был сокращен с пятнадцати лет до пяти.

Дальнейшие же реформы в этой области заключались в удлинении срока давности, а затем и в окончательной отмене ее.

Представляется очень вероятным, что сокращение давности до 5 лет вытекало из желания правительства новой династии не столько облегчить самовольный переход крестьян, сколько сократить число тяжб ввиду расстройств административно-судебного аппарата. Когда же с прекращением «смуты» государственяный аппарат несколько окреп, жалобы помещиков на то, что они за службою не могут в короткий срок отыскивать беглых, возымели действие. В 1637 году «урочные лета» были увеличены для служилых людей украинских и замосковских городов до 9 лет, а в 1642 году по новому холодайству служилых людей «всех городов» исковая давность была установлена в 10 лет для беглых крестьян и в 15 лет для сылка вывозных крестьян.

Не довольствуясь этим, в 1646 году дворяне и дети боярские, бывшие на службе под Тулой, подали новую челобитную

² Предположение о том, что Татищев скопировал доставленный список дословно, опровергается его собственным показанием. В примечании Татищева к Судебнику говорится, что некоторые фразы вставлены им самим.

³ С. Ф. Платонов «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.», стр. 398. Москва. Соцгиз. 1937.

только что вступившему на престол царю Алексею, в которой просили «урочные лета отставить», так как-де сильные люди в течение этого срока крестьян их «развозят по дальним своим вотчинам, и как-де тем их беглым крестьянам урочные лета пройдут, и они тех их беглых крестьян привозят в вотчины свои, которые с ними смежно, да и достальных людей их крестьян из за них ввозят в свои вотчины и поместья и тех их беглых крестьян называют своими старинными крестьянами».

Требование это было удовлетворено Соборным уложением 1649 года. «Будет кто вотчинники и помещики, — говорится в статье 2-й главы XI, — учнут госулярю бити челом о беглых своих крестьянах и бобылях... и тех крестьян и бобылей по суду и по сыску отдавати по писцовым книгам... А отдавати беглых крестьян и бобылей из бегов по писцовым книгам всяких чинов людям без урочных лет».

Эту именно дату считают началом закрепощения крестьян те исследователи, которые отрицали существование указа об отмене Юрьева дня и придерживались мнения, что крепостное право образовалось бытовым путем и «узаконилось» само собой.

«В уложение (1649 год) не попал уже закон Судебника об отказе крестьянском, — говорит Погодин¹, — потому ли, что обычай этот пресекался сам собою, потому ли, что заправлявшие делом бояре и дельторы уступили господствующему образу мыслей?»

Владимирский-Буданов также утверждает, что «общий действительный закон о прикреплении есть XI глава Уложения ц. А. М.»² (царя Алексея Михайловича. — К. П.).

Однако сущность закрепощения заключалась не в сроках давности для исков о беглых крестьянах, а в том, что изменилось радикально самое понятие об объекте иска.

Пока сохраняли свою силу Судебники 1497 и 1550 годов, помещики могли отыскивать и возвращать ушедших со своего участка крестьян только в том случае, если крестьяне уходили не в срок или без уплаты вознаграждения; по мнению же некоторых исследователей, даже в этом случае мог возбуждаться иск лишь об убытке, а не о возвращении ушедшего на прежнее место. Теперь же при сыске обо всем этом перестали спрашивать. Кто вышел, тот и беглый. Такое «понятие беглого крестьянина совершенно новое, оно имеет свой источ-

ник не в правилах Судебников о Юрьеве дне, а в отмене Юрьева дня»³.

Этот переход в жизненных условиях крестьянства был произведен не Уложением 1649 года, а совершился значительно раньше, еще в конце XVI века. И он не мог совершиться житейским частноправовым путем, а мог быть только навязан крестьянству принудительным путем, силой государственного вмешательства.

В Московском государстве были очень распространены договоры, устанавливавшие различные формы личной зависимости, но таких договоров, которые устанавливали бы личную зависимость для лиц, не участвовавших в них (оставляя в стороне зависимость членов семьи), не существовало. Поэтому отмена Юрьева дня никак не могла явиться юридическим оформлением фактически существовавших отношений.

Сторонники бытовой теории ссылались также на статью 3-ю главы XI Уложения 1649 года, в которой говорилось, что «по нынешний государев указ государевы заповеди не было, что никому за себя крестьян не приимати». Они толковали это место как официальное подтверждение того, что до 1649 года указа о прикреплении крестьян не было.

Такое толкование нужно, однако, признать совершенно неправильным. В цитированных словах говорится не о том, что до 1649 года существовало право перехода, а лишь о том, что не запрещалось принимать пришедших крестьян.

В той же статье 3-й дальше говорилось: «а указаны были беглым крестьяном урочные годы...» А установление «урочных лет» само собой предполагает существование указа об отмене статьи 88-й Судебника 1550 года, т. е. об отмене Юрьева дня.

Таким образом, если принять толкование статьи 3-й главы XI Уложения 1649 года сторонниками бытовой теории, то получится, что в этой статье одновременно подтверждалось и отрицалось существование указа о прикреплении крестьян.

Можно, конечно, быть невысокого мнения о способности приказных XVII века к связному изложению мыслей, но нельзя думать, что они могли не заметить такого противоречия.

Очевидно, цитированная выше фраза заключала в себе какой-то иной смысл.

Указом 1597 года помещикам предоставлялось право требовать возвращения беглых крестьян, но правительство не начинало таких дел по своей инициативе и не наказывало владельцев за прием беглых крестьян. С изданием же Уложения 1649

¹ «Русская беседа». Кн. 12-я, стр. 155. 1858.

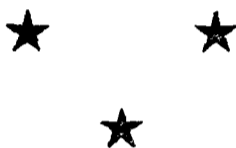
² Проф. М. Ф. Владимирский-Буданов «Обзор истории русского права», стр. 141.

³ В. Сергеевич «Русские юридические древности». Т. I, стр. 251.

года вводится новый порядок. Владельцы, принявшие беглых крестьян, подлежали наказанию. Дела об отыскании беглых могли возбуждаться не только по челобитным владельцев, но и по инициативе властей. Только это, можно думать, и хотел сказать автор статьи 3-й главы XI, и никакого противоречия с указанной теорией прикрепления крестьян здесь нет.

Указная теория в ее новом варианте наиболее точно соответствует данным историков. Она основана на марксистско-ленинском учении о роли классовой борьбы в историческом процессе. Ибо если согласиться с Погодиным, Ключевским, Дьяконовым и Милюковым, утверждавшими, что право перехода в Юрьев день продолжало существовать до самого Уложения 1649 года, то выходит, что уже задолго до этого

крестьянство само перестало дорожить этим правом, само себя прикрепило, по мягкости народного характера, как прямо говорил Погодин, или по хозяйственной беспечности, давая опутывать себя безнадежными долгами или «застаревая» на месте, как утверждали позднейшие сторонники «бывшей» школы. Эта точка зрения затухает в процессе закрепощения крестьян помещичьим классом. Помещики использовали аппарат государственной власти, чтобы закрепить свое классовое господство и сломить сопротивление крестьянства усиливавшемуся с середины XVI века гнету феодальных повинностей. В этом заключается классовый смысл законодательных актов, превративших русских крестьян в крепостных.

Историческая наука в средние века

На протяжении средних веков, до XVII столетия включительно, история рассматривалась не как отрасль научного знания, а как особый вид литературной деятельности или искусства красноречия. Историю называли, по Цицерону, «родом ораторского искусства» (*opus maxime oratorium*). Еще в XVII веке преподавание истории в университетах поручалось обычно профессорами «риторики и поэтики», реже — правоведам. Об истории как науке заговорили только с XVIII века.

Однако элементы научной критики появились в историографии значительно раньше этого времени. Некоторые феодальные историки XII века пытались критически оценивать источники или отдельные сообщаемые в этих источниках факты. Позже, в XV—XVI веках, итальянские историки-гуманисты впервые начали более или менее систематически применять историческую критику и даже пробовали делать исторические обобщения. Их опередил в этом отношении замечательный арабский историк XIV века Ибн-Халдуи, высказавший соображения о влиянии климата, почвы и других природных условий на ход исторического развития. Несмотря на это, лишь со времени появления больших исторических трудов итальянских гуманистов мы вправе говорить о зарождении исторической науки.

Но историография средневековья должна представлять для нас интерес даже на самых ранних этапах своего развития, независимо от наличия в ней элементов научного понимания прошлого. Историческое и связанная с ним историческая мысль, как определенная форма идеологии, всегда выполняли известную общественную функцию. Они служили для обоснования и пропаганды общественных, политических, религиозных взглядов и представлений господствующего класса или его антагонистов. Исходя из этого, следует различать в развитии историографии в средние века два основных периода: 1) период полного господства феодальной историографии, 2) период зарождения и развития буржуазной историографии.

1. Феодальная историография V—XIV веков

В основе творчества феодальных историографов лежит христианская историческая концепция, выработанная еще в IV—V веках «отцами церкви» — Иеронимом и особенно Августином (354—430 годы). Наиболее характерными чертами этой концепции являются дуалистическое мировоззрение и провинциализм. Августин в своем «Государстве божьем» противопоставляет друг другу два царства, находящиеся в состоянии ожесточенной борьбы: небесное (царство бога) и земное (царство дьявола). История человечества рассматривается как история этой борьбы, которая началась с момента первого грехопадения и неизбежно приведет к победе бога, то есть христианской церкви. Земное государство впервые создано братоубийцей Каином и представляет собою не что иное, как «общирный разбойничий стан». Оно погибает и отчасти уже погибло в лице языческого Рима, а возникшее при императоре Константине христианское государство является необходимой предпосылкой для установления «божьего царства». Человечество в своем развитии проходит через шесть «возрастов». Последний из них наступил с появлением христианства и закончится с его окончательной победой. Полное торжество христианства будет концом человеческой истории.

Дуализм Августина, возникший под влиянием манихейства¹, отличается от по-

¹ Манихейство — учение, возникшее в III веке нашей эры в иранском государстве на основе древнеперсидской религии, учившей о борьбе в мире двух сил: доброго, светлого Ормузда и бога зла и тьмы Аримана. Этот древнеперсидский дуализм в соединении с некоторыми положениями иудейской и христианской религий и составил манихейство, получившее свое название от основателя этого учения Мани, казненного в 274 году. Манихеи утверждали, что весь земной мир создан богом зла, что государство, семья, собственность — все людские установления являются порождением злого бога.

следнего своей более оптимистической окраской. Манихейство выражало бесплывный протест угнетенных масс против зла и насилия. Оно представляло дьявола извечным и равным по могуществу с богом. Августин же стремился доказать временный, переходящий характер всех форм насилия и гнета, внушить людям уверенность в превосходстве «добра» над «злом», бога — над дьяволом.

Августинский дуализм пронизывает собою произведения всех феодальных историков и хронистов. Всякое выступление против церкви и поддерживаемого ею феодального строя (ереси, крестьянские восстания) они неизменно изображают как дело рук дьявола, как «дьявольское наваждение».

Отсюда вытекает и другая черта феодальной исторической концепции — провиденциализм, то есть стремление изобразить весь исторический процесс как осуществление божественного плана, а каждое отдельное событие — как проявление воли или непустительства бога. Наиболее отчетливое выражение провиденциализм получил в той периодизации всемирной истории, которая через Иеронима, Августина и ученика последнего — испанского священника Орозия (V век) — проникла в феодальную историографию и была твердо ею усвоена. Согласно этой периодизации, общество с момента возникновения государства прошло четыре ступени, которым соответствовали четыре монархии: Ассиро-Вавилонская, Мидо-Персидская, Греко-Македонская и Римская. Римская империя считалась последним земным государством. Ее падение должно было повести к светопреставлению, а затем к наступлению царства божия. Последовательная смена четырех монархий не является случайной, а происходит по воле «провидения божьего», ведущего род человеческий ко все большему единству — сначала политическому, а затем и религиозному. Так, крупный феодальный историк Оттон, епископ Фрейзингенский, родственник императоров из дома Гогенштауфенов (умер в 1158 году), в своей «Хронике от сотворения мира» доказывает, что бог способствовал могуществу Римской империи, дабы люди, будучи дисциплинированы подчинением одному человеку — императору — и страхом перед одним городом — Римом, — научились придерживать также одной веры и стали более способными к пониманию истины христианства.

По схеме «четырех монархий», Римская империя не могла погибнуть до окончания веков. Отсюда возникла идея о «перенесении империи»: после падения Рима власть римского императора перешла сначала к королю франков Карлу Великому, а потом к германскому государю Оттону Великому

и его преемникам, конечно, опять-таки по «созволению божьему».

Эта концепция утверждает неизменность существующего феодального строя до самого конца земной истории. Никакие попытки людей нарушить богом предустановленный порядок не могут иметь успеха: стремление к переменам является беззачетным и греховным делом. Эти основные «философские предпосылки» феодально-католической историографии были сформулированы в XIII веке Фомой Аквинским. Примером применения этой схемы является уже упомянутая хроника Оттона Фрейзингенского; этот историк, желая дать «прогноз» будущего, последнюю книгу своего труда посвящает вопросу о пришествии Антихриста, о страшном суде и воздаянии.

Феодальная историография в течение почти всего рассматриваемого периода находилась в руках духовенства. Поэтому она, помимо своей основной задачи — защиты феодального строя, — ставила перед собою и задачи более специальные. Историографы-церковники восхваляли христианскую религию, укрепляли политическую власть церкви, обосновывая ее притязания и всячески очерняя ее врагов. Церковные историки пропандировали аскетическое мировоззрение, победа которого облегчила бы нашествие осуществление его теократических идеалов. Подобно всем другим «наукам» средневековья историография была, по крайней мере до XIII — XIV веков, «служанкой богословия». Отсюда вытекали ее особые черты, которые Эйкен в своей «Истории и системе средневекового мирозерцания» определяет следующим образом: «Представление о конечной цели исторического развития, пренебрежение причинной связью явлений земного мира, оценка как общих условий, так и отдельных личностей по их отношению к церкви, подставление божеских откровений на место психологических мотивов, наконец, и летописная форма изложения и счет времени — все это было отражением аскетическо-иерархического духа в средневековой историографии».

Все же феодальная историография была шагом вперед по сравнению с античной. Для античных авторов история человечества была картиной регресса, она началась «золотым веком» и дошла до «века железного». В античной историографии господствовало пессимистическое представление о цикличности развития: по этому представлению, в каждом из сменяющих друг друга государств все исторические явления повторяются с неизменной правильностью, причем за расцветом неизбежно следует упадок. Феодальная историография повала с идеей цикличности. Она представила исторический процесс, руководимый богом,

как прогрессивный, прямолинейно ведущий к определенной цели — грядущему блаженству человечества в «божьем царстве». Идея прогресса — конечно, в чисто богословской оболочке — лежит в основе любой средневековой всемирной хроники. Наконец, феодальная историография, исходя опять-таки из богословских предпосылок, впервые выдвинула идею всемирной истории. Самый термин «всемирный» в приложении к истории появился только в середине века. Конечной целью исторического развития считалось религиозное единство всего человечества и наступление единого царства божия, поэтому историков интересовали судьбы всего человеческого рода. Произведения типа всемирных хроник стали возможными только после падения грабительского рабовладельческого римского государства, которое, нивелируя под своим гнетом различные народности, почти не интересовалось их предшествующей историей.

Однако по фактическому материалу, по форме, по технике обработки и подачи материала средневековые исторические произведения стояли бесконечно ниже античных образцов. Эти произведения были заполнены различными чудесами, легендами, нелепыми измышлениями. Иначе и не могло быть при низком уровне культуры, господстве грубых суеверий даже в верхах общества, неспособности тогдашних ученых сколько-нибудь разумно осмыслить явления общественной жизни. Но не только в этом дело: многие басни средневековых историков обнаруживают определенную политическую тенденцию. Они представляют собой своеобразный прием фальсификации истории — прием, весьма примитивный, но вполне соответствующий примитивному уровню самой техники исторического описания.

Например один из самых крупных и ученых историков XIII века, Матвей Парижский (умер в 1259 году), «объяснил», почему мусульмане не едят свинины (этот факт поразил крестоносцев, для которых свинина была основной мясной пищей). Магомет однажды так наелся, что упал без чувств на навозную кучу, где его задушили свиньи. С того времени мусульманская религия запрещает своим приверженцам есть свинину. В том разделе «Большой Хроники» Матвея Парижского, откуда взята басня о Магомете, мы находим много других измышлений о происхождении ислама и истории арабов. Эти выдумки объясняются не только легковерием хрониста: Матвей Парижский писал в то время, когда мусульмане вытесняли крестоносцев из «святой земли». Весь феодальный мир был возмущен соглашением императора Фридриха II с мусульманином — египетским султаном — и войнами этого же христианского императора против папы с помощью му-

сульманских войск. Задача хрониста заключалась поэтому в осмеянии ислама и всего восточного мусульманского мира. Эту задачу он и выполнил в главах, посвященных арабам. Другие хронисты были еще более изобретательны. Они пустили в ход басню, будто Магомет был римским кардиналом, неудачно пытавшимся занять папский престол. Мстя церкви за свою неудачу, Магомет выдумал новую ересь — мусульманство.

Примеры еще более прозрачной политической тенденции мы находим в «Истории королей Британии», написанной Жоффруа, архидиаконом Монмаутским, между 1130 и 1138 годами. Ссылаясь на какую-то (никогда не существовавшую) «очень старинную книгу на британском языке, доставленную ему из Британии», Жоффруа подробно рассказывает о деятельности мифического короля Артура. Этот государь якобы покорил саксов, прошел с войсками всю Норвегию, завоевал Галлию и т. п. При покорении Британии Артуру пришлось бороться с чудовищами, из которых одно убивало королей в таком количестве, что носило одежду, сотканную из их бород. Феодальный романист Кретьен де Труа заимствовал легенды о короле Артуре и его рыцарях «Круглого стола» из истории Жоффруа. В этой же «Истории» впервые встречается рассказ о короле Лире и его дочерях, послуживший сюжетом для знаменитой трагедии Шекспира.

Рассказывал ли хронист все эти басни просто из-за легковерия и невежества? Конечно, нет. Жоффруа посвятил свой труд дочери английского короля Генриха I — Матильде. Она претендовала на престол, но встретила упорное сопротивление со стороны многих феодалов, которые утверждали, что никогда в прошлом женщина не сидела на английском престоле. Нужно думать, что Жоффруа Монмаут и сочинил «замечательных» королей: Корделию, Гвендолену, Елену, — чтобы опровергнуть досады врагов Матильды и обосновать ее приязания.

Таким образом, дело не только в «легковерии»: хронисты совершенно бесцеремонно обращались с фактами, искажали или выдумывали их в угоду определенным политическим, классовым и вероисповедным интересам.

Немецкий историк Г. Эллигер, специально исследовавший вопрос об «отношении общественного мнения к истине и лжи в X, XI и XII веках», приходит к выводу, что «никогда так откровенно не лгали и не фальсифицировали, как в эту эпоху»¹. Это справедливо не только по отношению к

¹ G. Ellinger. Das Verhältniss der öffentlichen Meinung zu Wahrheit und Lüge im X, XI und XII Jahrhundert, 1884, S. 78.

истории и публицистике, но и по отношению к официальным документам. Количество самых грубых подделок в эту эпоху превосходит всякое воображение.

Главную роль в деле всевозможных фальсификаций документов играли монастыри. В течение многих столетий средневековья важные политические интересы и притязания основывались на подложных документах вроде «Константинова дара» и «Псевдонисидоровых декреталий»¹. Монахи-историком с такою же легкостью фабриковали или искажали исторические факты, с какою их собратья подделывали деловые или политические документы монастырских архивов.

В настоящее время подавляющее большинство подлогов и фальсификаций, которыми изобилуют произведения хронистов, раскрыто исторической критикой. Эта работа была облегчена тем обстоятельством, что техника исторического описания, особенно до XII века, стояла на весьма низком уровне. Обычно автор хроники пользовался каким-либо одним источником, который он почти дословно списывал, иногда сокращая отдельные его части и дополняя его данными из других источников; известную оригинальность он проявлял лишь в рассказе о современных ему событиях. Нередко историк приводил рядом противоречащие друг другу свидетельства, предоставляя самому читателю выбрать то из них, которое покажется ему более заслуживающим доверия. Свою политическую тенденцию хронист раннего средневековья проводил преимущественно путем сочинения нужных ему данных: овладеть материалом, осветить источники в желательном духе он чаще всего не был в состоянии.

С конца XI — начала XII века в технике историографии можно констатировать известный прогресс. Автор одной из известнейших всемирных хроник, написан-

¹ «Константинов дар» — фальшивка, выпущенная из папской канцелярии около середины VIII века. Согласно этому подложному документу, император Константин переносит столицу из Рима в Константинополь, якобы даровал папе Сильвестру власть над всей Италией и даже западной частью империи. В подлинность этого документа верили даже такие враги папства, как Джон Виклиф и Ян Гус. Подложность «Константинова дара» была вскрыта и доказана только в XV веке знаменитым гуманистом Лоренцо Валлой. «Псевдонисидоровы декреталии» — другая фальшивка, сфабрикованная в IX веке и представлявшая сборник папских актов и постановлений (декретов), якобы собранных святым Исидором в конце IV или в первой трети V века. Фактически первые декреталии, т. е. сборники декретов папы, появились только в XIII веке.

ных в этот период, монах Эккегард, применял уже приемы элементарной критики устной и письменной традиции. Он стремился использовать наиболее надежные источники, отмечал в них противоречия, выражал сомнение в достоверности той или иной легенды, особенно если она противоречила его политическим симпатиям. А так как эти симпатии Эккегарда с течением времени изменялись (сначала он был сторонником императора Генриха IV, затем — его сына, восставшего против отца, наконец — римского папы), то эти перемены отразились в последовательных редакциях его хроник.

Еще отчетливее зарождение исторической критики можно обнаружить в произведениях Гвиберта, аббата Ножанского монастыря во Франции (умер в 1124 году), автора истории первого крестового похода, знаменитой «Автобиографии» («De vita sua»), где, между прочим, рассказано о восстании Ланской коммуны². В критической работе «О мощах святых» Гвиберт разоблачает наиболее грубые подделки мощей, отвергает многие легенды о «чудесах святых», доказывает недостоверность ряда житий. Разоблачения Гвиберта имели целью освободить католическую церковь от ответственности за чересчур грубые подделки «чудес» и явно недостоверные биографии святых. Дальше этих элементов исторической критики церковно-феодаловая литература не пошла и в последующие столетия.

За очень редкими исключениями средневековая историография до XIV века была классово однородной, то есть чисто феодальной. Многие историки были сами из духовных и светских феодалов (граф Нитгард; Фульк, граф Анжуйский; епископы Титмар Мерзебургский, Оттон Фрейзингенский и т. д.). Те же историки, которые были выходцами из народных низов, служили господствующему классу, как члены католического клира. Однако в раннее средневековье презрительное или враждебное отношение феодальных историков к народу открыто проявлялось только в единичных случаях. Гораздо чаще классовая окраска исторических произведений сказывалась просто в том, что все внимание авторов сосредоточивалось исключительно на деятельности верхов феодального общества. Жизнь народной массы, движения низов совершенно не интересовали феодальных хронистов. Вот почему мы так плохо

² Гвиберт Ножанский — крупнейший французский историк XII века. Орывки из его произведений имеются в хрестоматии Стасюлевича (том III) и в сборнике «Социально-экономическая история средних веков» под редакцией Удальцова и Коосминского. Т. II. ГИЗ. 1927.

сведомлены о многочисленных восстаниях сервов и закрепощаемых свободных в Каролингскую эпоху, о ранних еретических движениях, о начальном периоде борьбы горожан за вольности. Если хронисты и упоминают о событиях этого рода, то исключительно скупо, без всяких подробностей. Лишь с того времени, когда классовая борьба в феодальном обществе приобретает особенно острые формы (примерно с XII века), замалчивание народных движений становится невозможным. Тогда становится все более заметной неприкрытая классовая ненависть средневекового историка к крестьянам и буржуазии.

За феодальной анархией и глубоким кризисом феодального хозяйства X — XI веков последовала консолидация господствующего класса. Военно-землеладельческая аристократия с иерархией своих вассалов оформилась в наследственно-привилегированное дворянство. Крестовые походы дали выход воинственной энергии и разбойничьим склонностям наиболее авантюристских элементов класса феодалов. Образовались относительно крупные феодальные государства. Но одновременно обострялась классовая борьба внутри феодального общества. Экономический рост городов привел к развитию коммунального движения, имевшего «заговорщический и революционный характер»¹. Учащались и становились все более опасными выступления крестьян против сеньеров. Борьба императоров с папами, раскалывавшая феодальный мир на два лагеря, ослабляла его способность к сопротивлению скромным на первых порах требованиям поднимавшихся низов и открывала дорогу многочисленным ересям. В таких условиях представители феодальной идеологии мобилизовали свои силы на борьбу со всеми оппозиционными течениями. Гвиберт Ножанский метал громы и молнии против «нозого, отвратительного слова — «коммуна»; церковные проповедники поучали с кафедр мятежных сервов, что они должны быть, «по слову апостола, покорны своим господам», и запрещали им «ссылаться ввиде предлога на жестокость и жадность сеньеров»; Бернард Клервосский и другие «святые» громили еретиков духовным и светским оружием. Светила схоластической науки обосновывали в своих трактатах неизбежность феодального строя.

Историография не осталась в стороне от задач своего времени. Исторические произведения сделались одним из каналов, через которые распространялись в обществе как консервативно-феодальные, так и оппозиционные идеи. Доминиканские монахи —

главный оплот папства в XIII веке в его борьбе с ересями — реорганизовали церковную школу. Они учитывали при этом значение изучения истории для подготовки опытных проповедников и инквизиторов. Доминиканцы создали целую учебную литературу по истории: таковы учебники и исторические хрестоматии Викеттия из Бовэ, Мартина из Труапу, Бернара Гюн², много сделавших для пропаганды и укрепления церковно-феодальной концепции истории. Францисканцы, ешеринки, а иногда и враги доминиканцев, представлявшие своеобразное демократическое течение в среде духовенства, пытались популяризировать новую историческую концепцию, порывавшую с учением Августина, и традиционными воззрениями феодальных историков. Создателем этой концепции был аббат одного из монастырей в Калабрии (Италия), Иоахим Флорекский, умерший в 1202 году. Иоахим пытался установить закономерность развития общества, понять на основе этой закономерности настоящее и предсказать будущее. Это будущее, в противоположность учению церкви и августиневской исторической схеме, он рисовал не как конец мира и успокоение человечества в царстве божьем, а как наступление переворочного строя на земле. Римская империя и католическая церковь не являются, с его точки зрения, последней формой существования человеческого общества: они подвергнутся коренным изменениям и исчезнут задолго до конца мира.

Согласно учению Иоахима, человечество проходит в своем развитии три фазы. Первая фаза — это время «бога-отца», когда общество держится страхом и повиновение человека «закону» обусловлено «рабством». С появлением Христа начинается вторая фаза — время «бога-сына», когда суровое рабство сменяется более мягким сыновним послушанием, или зависимостью (*servitus filialis*): в этот период человек еще не свободен, хотя страх уже сменился сознательным повиновением, «дисциплиной». Следовательно, государство и церковь как формы принудительной организации общества еще необходимы. Развитие монашества создает предпосылки для перехода общества к третьей, последней и высшей фазе: это — время полной свободы духа (*plend spiritus libertas*), когда единственной связующей силой общества будет не страх и не дисциплина, а любовь; государство и церковная организация с присущими им элементами насилия исчезнут.

Учение Иоахима заключало в богословской оболочке определенно революционные,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXII, стр. 49.

² Бернар Гюн — знаменитый французский инквизитор, действовавший на юге Франции. См. о нем Ли «История инквизиция».

антифеодалные элементы. Оно было осуждено последовательно тремя соборами, усмотревшими в нем угрозу существующему порядку. Сам автор избежал кары только потому, что успел умереть до широкого распространения его учения. Но в середине XIII века среди францисканцев возникли кружки для изучения иоакхимизма. В эти кружки входили не только монахи, но и образованные светские люди, первые представители нарождавшейся буржуазной интеллигенции: судьи, врачи, нотариусы и пр. Эти кружки подверглись жестоким репрессиям и были разгромлены. Но идеи Иоахима проникли в среду еретиков, например амальрикан во Франции, «братьев свободного духа» в Германии, «апостольских братьев» и дольчинистов в Италии. Знаменитый «римский трибун» середины XIV века Кола ди Риенци, называвший себя «рыцарем святого духа», был под влиянием иоакхимизма.

Со всеми проявлениями иоакхимизма церковь расправлялась беспощадно. Иоакимитов, проникнутых, по выражению одного современника, «духом дьявольской свободы» (*spiritus libertatis diabolical*), сажали в тюрьмы, а их произведения уничтожали. Очевидно, поэтому до нас не дошел ни один из исторических трудов иоакимитов, которые, нужно думать, существовали. Иоаким, указывая на лживость существовавших в его время хроник (*culpa scriptorum vitiate sunt cronice*), как бы приглашал своих учеников писать исторические работы.

Богословская по форме и революционная по содержанию, историческая концепция Иоахима не оставила заметных следов в исторических трудах того времени. Тем не менее историография утратила с XIII века свою классовую однородность. Появились историки — выходцы из городского купечества, проникнутые светскими и притом нефеодалными интересами и симпатиями. Сначала в Италии, затем в других странах возникли городские хроники — их авторы сохраняли церковно-феодалную схему исторического процесса, но заполняли ее новым, светским и реалистическим содержанием. Эта секуляризация исторической мысли была еще очень неполной, непоследовательной, по одним из ее важных следствий было вытеснение латинского, мертвого и непонятного массам языка подавляющего большинства хроник народным, разговорным языком, особенно со второй половины XIII века. Даже в Испании, отставшей от Италии в своем развитии, с середины этого столетия и до конца XV века (когда историки-гуманисты снова ввели в употребление латинский язык в научных работах) решительно все исторические работы писались на национальном, испанском языке. Характерно, что и боль-

шинство церковно-феодалных историков перешло в этот период на национальный язык. Мало того: феодальная историография под несомненным влиянием городских хроник утрачивала свою церковную окраску. Христианско-морализующие тенденции уступали в ней место политическим оценкам. Объяснения действий исторических лиц приобретали нередко чисто светский характер. Историк уже не ограничивался традиционной ссылкой на волю божью или на козни дьявола, а стремился найти глубокие причины событий.

Наиболее блестящий представитель классовой феодальной историографии XIV века Фруассар, хотя и был духовным лицом, интересовался не церковью и не «священной историей» от Адама и грехопадения, а войнами и турнирами, жизнью и бытом феодального рыцарства и княжеских домов. Вместо монаха, который, сидя в своей келье, списывает старые хроники и регистрирует случайно дошедшие до его слуха факты, в лице Фруассара появился историк, который ищет материал повсюду и проводит всю жизнь в разъездах, охотясь за новостями и очевидцами событий. Вместе с тем классовая физиономия Фруассара, физиономия слуги и нахлебника феодалов, страстного поклонника рыцарства, выступает весьма отчетливо в повествовании о Жакерии и восстании Уота Тайлера, проникнутом лютой ненавистью к народным массам.

В том же, XIV столетии появляется и лучший образец нефеодалного, буржуазного по своей окраске исторического произведения — хроника флорентинца Джованни Виллани, богатого торговца сукном и паищика банковского дома Перуции. Как типичный представитель купеческой верхушки, «жирного народа», Виллани на простых ремесленников смотрит с презрением и является яростным противником демократии. Но в его хронике всюду сказывается деловитость и практический ум купца; реальные экономические и политические интересы играют в его изложении решающую роль; вопросам социальной борьбы в своем родном городе он уделяет также большое внимание.

Виллани по своему мировоззрению — типичный средневековый человек, а по особенностям писательской техники — типичный средневековый историк. Там, где непосредственно не затрагиваются интересы его родины — Флоренции, трезвый купеческий ум Виллани нередко подчиняется схематизму и церковному аскетизму средневекового мышления. Его хроника еще построена по августиновской схеме: в начале истории — грехопадение, в конце ее — светопредставление. Дуализм и провиденциализм пронизывают все его оценки и обжа-

нения событий. И в стихийных бедствиях и во внутренних раздорах одинаково видна «рука божья», кара за грехи. Иногда вместо бога в качестве сил, произвольно вторгающихся в человеческую историю, выступают «святые».

Таким образом, хотя хроника Виллани по своей классово-окраске не является феодальной, она еще принадлежит по стилю, манере, композиции, общему мировоззрению и исторической концепции к средневековой церковно-феодальной историографии. Созданная в колыбели Возрождения — во Флоренции, — она, в сущности, ничем еще не предвещает нового периода в развитии человеческой мысли и творчества. Виллани был поклонником Данте и старшим современником первых гуманистов, но он ни с какой стороны не был затронут новыми веяниями. Гуманистическая историография, в значительной степени возросшая на родине Виллани, не продолжает его дела, а порывает с ним и со всей феодальной историографией, чтобы начать новый этап в развитии исторической мысли и заложить основы буржуазной исторической науки.

2. Буржуазная (гуманистическая) историография (XV — XVII века)

Обширное культурное движение, зародившееся около XIV века в Италии и известное под названием Возрождения, или Ренессанса, имело своим результатом преобразование и обновление в самых различных областях умственной деятельности. Плодотворного влияния этого движения не избежала и историография. Историки эпохи Возрождения, являвшиеся одновременно филологами и литераторами в самом широком смысле этого слова, именовались гуманистами, то есть представителями знаний, направленных на служение человеку (*studia humana*), поэтому все историческое направление этой эпохи мы называем гуманистическим.

Ренессанс, возникший при еще не поколебленном господстве феодализма, был отрицанием и феодального общественного строя и в особенности церковно-феодальной культуры. Творцы и носители нового культурного движения были идеологами понимаемой — прежде всего в городах Италии — богатой буржуазии, «жирного народа», купцов, банкиров и предпринимателей нового типа, частично применяющих уже капиталистические методы эксплуатации. Эта буржуазия укрепляла свое экономическое и политическое господство в наиболее крупных и передовых итальянских городах. Она стремилась эмансипироваться в культурном отношении от феодализма и теоретически обосновать превосходство богатства, ума и знаний над

«благородством» происхождения, обосновать, иными словами, свое право на руководящую роль в обществе. Гуманисты, выходявшие из рядов самого «жирного народа» или ему служившие, выполняли эту задачу, создавая новое мировоззрение, литературу, искусство, науку, политические и философские учения. Таким образом, все области творчества в той или иной мере пропитывались буржуазным духом. Буржуазной становилась и историография.

Гуманисты отворачивались от церковно-феодальной схоластики, от богословия или «науки о боге». Они стремились объяснить деятельность человека и в прошлом и в настоящем рационально, то есть без ссылки на вмешательство бога и прочих потусторонних сил. Как купец или банкир XV — XVI веков строил свое хозяйство на коммерческом расчете, не надеясь на «чудо» или божественное вмешательство в его дела, так и для историка чудо стало неучитываемой величиной. Если историки-гуманисты и упоминают в своих произведениях о «чудесах», то лишь для того, чтобы над ними посмеяться. Величайшие гуманисты-историки Макиавелли и Гвиччардини прямо издеваются над верой в божественное вмешательство. Гвиччардини советует читателю никогда не говорить, что «бог помог такому-то, ибо он хороший человек, и заставил страдать такого-то, ибо он дурной человек, так как часто мы видим прямо противоположное». При рациональном истолковании прошлого вместе с богом исчезает и дьявол: для августиновского дуализма и провиденциализма не остается места.

Устранение из истории чудесного, попытки рационального истолкования фактов предполагают критическое отношение к историческим свидетельствам. Многие историки-гуманисты, будучи прежде всего филологами, впервые применили к историческим текстам методы филологической критики. Все они, используя хроники предшествующего периода для своих исторических произведений, с презрением отбрасывали легенды и басни «легковерных и невежественных монахов». Успехи исторической критики в трудах гуманистов обнаруживаются и в коренной перемене отношения историка к источнику. Гуманисты уже строго различают источники по степени их достоверности. Они относятся с большой осторожностью к устной традиции и опираются главным образом на письменные свидетельства, привлекая в отдельных случаях археологические данные и вообще намятники материальной культуры. Историки-гуманисты начинают систематически проверять и соотносить источники. Для этой цели они стремятся сосредоточить в своих руках возможно больше источников

интересующей их эпохи. Этим объясняется повышенный интерес гуманистов к разысканию и изданию источников, что сыграло немалую роль в развитии исторической науки. Много источников было открыто и опубликовано именно в эпоху Возрождения. Итальянские гуманисты интересовались исключительно памятниками античной литературы (Цицерон, Квинтилиан, Пелот, Плиний, Тацит и др.), а их ученики, немецкие гуманисты, много сделали для издания средневековых исторических произведений (Эйнгарт, Иордан, Павел Диакон и др.).

Новые методы использования источников в исторической работе стали возможны благодаря тому важному перевороту, который в эпоху Возрождения произошел в деле производства книг. Если бы не было изобретено книгопечатание, успехи гуманистической критики были бы несравненно более ограниченными. Гуманисты с конца XV века получили возможность, пользуясь печатными книгами, сосредоточивать в своих руках сравнительно большое количество текстов, сопоставлять их и устанавливать наиболее достоверную или правдоподобную версию того или иного события.

Появление печатных книг привело к перемене в обращении с историческими текстами. Не пользуясь данными различных источников, приводя из них цитаты, некоторые гуманисты уже начинают выделять чужие слова и мысли в своем тексте, применяя для этого сноски и примечания с точным указанием книги и страницы, откуда заимствован материал. Так зарождается та система ссылок, которую мы называем «ученым аппаратом» произведения. Повидимому, инициатором этого нововведения был римский гуманист-историк Флавио Биондо.

Освобождая историографию от мертвящего груза церковно-феодальных представлений, гуманисты не могли, естественно, сохранить в своих работах церковно-феодальную схему «четырёх монархий». Они создали новую концепцию исторического развития, новую периодизацию европейской истории, решительно порывавшую с феодальной традицией «вечного Рима» и «переноса империи». Они, можно сказать, открыли, что Римская империя, а с ней античное общество и культура погибли к концу V века и что с этого времени начался новый этап исторического развития — средние века. Хотя самый термин «средние века» лишь от случая к случаю встречается в произведениях гуманистов XV — XVI веков, нет сомнения, что понятие средневековья выработано именно ими. Средним векам они противопоставляли, с одной стороны, «древность», с другой — время, в которое жили они сами («новое время»). Правда, создавая новую периоди-

зацию, гуманисты на первых порах не считали возможным полемизировать с отвергаемой ими богословской схемой, но в середине XVI века французский гуманист Жан Бодэн уже открыто выступил против «застарелого заблуждения относительно четырёх монархий».

Гуманисты, особенно итальянские, враждебно относились ко всему культурному наследию средневековья. Относясь с восторженным почтением к античности, периоду блеска и процветания искусств и литературы, они называли время, наступившее после падения Рима, «варварским», «готическим», временем полной тьмы, и в этом отношении они являются, несомненно, прямыми предшественниками историков-просветителей XVIII века. Так, итальянский гуманист Вазари в своих биографиях знаменитейших художников и архитекторов писал: «После Константина все виды доблести были утрачены, прекрасные души и умы испортились, став безобразными и низкими, а горячее усердие приверженцев христианства причинило огромный вред искусствам».

Основные политические силы старофеодального мира — папство и империя — получили в исторических произведениях гуманистов самые неприязненные оценки и характеристики. Лоренцо Валла, Макнавелли и другие гуманисты своими писаниями причинили папству немалый вред. Что касается средневековой империи, то они отказывались видеть в ней преемницу империи римских августов. Для Макнавелли Карл Великий — не преемник древних императоров, а король варваров, обязаный своим императорским титулом папе. Для Леонардо Бруни средневековая империя — совершенно новое учреждение, которое только по имени напоминает древнее римское государство.

Из вражды к предшествующим столетиям средневековья вытекало и презрительное отношение многих гуманистов к народным языкам, образовавшимся именно в эти столетия из средневековой латыни. Гуманисты отвергали феодальное право, считая единственно достойным изучения право римское. Они игнорировали по тем же основаниям литературу и поэзию, архитектуру и живопись средневековья. Они впервые назвали средневековую архитектуру «готической», т. е. «варварской».

Конечно, не следует преувеличивать ни глубины идейной борьбы гуманистов с феодализмом, ни ее последовательности. В их сознании было еще не мало феодальных пережитков: ведь они еще действовали в условиях феодального строя, только кое-где подорванного начинавшимся капиталистическим развитием. Естественно, что и гуманистическая историография сама не пре-

одолела церковно-феодалных представлений об историческом развитии. Это сказывается прежде всего в невнимании гуманистов (за очень редким исключением) к общественным отношениям и к экономике. Главным содержанием их работ является так называемая «внешняя» политическая история. Как и в феодальных хрониках, народ, масса всегда остается на заднем плане или даже вообще не фигурирует. Главные действующие лица — попрежнему короли, князья, папы и лишь иногда выходящие из «жирного народа», ведущие за собой «толпу». В композиции исторических работ гуманистов также сильно еще влияние феодальной историографии; за исключением Макнавелли и немногих других историков гуманисты сохраняют систему изложения событий по годам.

К числу серьезных недостатков гуманистической историографии, ослаблявших ее научное значение, относится увлечение гуманистов внешними красотами стиля, риторическими приемами, заимствованными у античных писателей. Из историков древности образцами для подражания в эпоху гуманизма были преимущественно Ливий, Тацит, Плутарх и Светоний, у которых исторические факты нередко искажаются с целью приспособить их к требованиям риторики и ораторских приемов. Следуя этим авторам, гуманисты влагают в уста действующих лиц длинные речи, выдуманные с начала до конца. Часто эти речи даже не соответствуют исторической обстановке и, в сущности, отражают только политические убеждения самих историков. Особенно заметна искусственность подобного приема там, где на основе речей строится изложение всего последующего хода событий: та или иная речь, вложенная в уста исторического деятеля, оказывается решающим фактором исторического развития. Так, Леонардо Бруни, излагая историю возникновения новой флорентийской конституции в 1293 году, прибегает к обычному приему античных историков: выводит в качестве руководителя движения Джано делла Белла и приписывает ему речь, в которой излагаются претензии купечества и всего «народа». Далее, автор рассказывает, что воодушевленный этой речью народ поднялся на борьбу и изменил общественный строй Флоренции. Причины крупного события в истории Флоренции автор свел к чудесному влиянию речи, характер и содержание которой определялись личностью «вождя».

Историки-гуманисты стремились применять в своих работах исключительно тот лексикон, который они находили у античных писателей. В средние века в латинском языке появились новые слова и новые способы выражения мысли, но гуманисты в угоду «чистоте» языка отказывались

пользоваться этими новообразованиями. Этот пуризм речи обесцвечивал изложение, лишал его необходимого исторического колорита. Гуманисты заставляли своих героев говорить на идиологической латыни и вообще причисляли их к античному манеру.

Эти недостатки гуманистической историографии присущи, однако, не всем историкам XV — XVI веков, а главным образом тем из них, которые примыкали к важнейшей исторической школе этой эпохи, представленной именами Бруни, Макнавелли и Гвиччардини. Творчество этих историков и их последователей тесно смыкается с политической публицистикой. Видя в истории, подобно древним, «учительницу жизни», они ищут в ней уроков и политических рецептов, пригодных и для современной обстановки. Они далеко не всегда обращаются непосредственно к источникам и охотно используют чужие исследования, комбинируя их в соответствии со своими задачами и делая из них оригинальные выводы. Эту школу можно назвать политико-риторической.

Другая, менее влиятельная в XV — XVI веках школа историков-гуманистов ставила перед собой не чисто политические, а научно-исследовательские задачи, преимущественно установление подлинных исторических фактов. Выработка критических приемов анализа источников, привлечение не только письменных свидетельств, но и вещественных памятников — все это является достижением и особенностью именно этой школы, представленной в Италии Флавио Бионью, а в Германии — Беатом Ренаном. Эту школу можно назвать эрудитской исторической школой.

В XVI столетии, в период ожесточенной классовой и политической борьбы, известной под общим названием Реформация и Контрреформация, перевес в историографии принадлежал, естественно, политико-риторической школе. К этой школе примыкали все те итальянские историки-гуманисты, которые перенесли из Италии в другие страны Европы гуманистические приемы исторического повествования: Эмилий Павел из Вероны, действовавший во Франции; Поллор Виргиллий — в Англии; Луцио Маринео — в Испании. К этой же школе принадлежала и основная масса представителей национальной гуманистической историографии, возникшей в XVI веке почти во всех странах Европы.

Национальная историография, хотя и развивавшаяся всюду под влиянием итальянских гуманистов, отличалась от гуманистической историографии Италии рядом особенностей. Итальянские историки, за исключением, пожалуй, одного только Макнавелли, который был горячим патриотом и скорбел о политической раздроб-

ленности своей родины, были настроены отнюдь не националистически. Обычно они обнаруживали в своих произведениях локальный патриотизм, не распространявшийся за пределы того города-республики, с которым они теснее всего были связаны. Наоборот, работы итальянских историков проникнуты сильным национальным чувством, в угоду которому историческое прошлое их родины нередко искажается.

Для итальянских гуманистов характерно, далее, равнодушие к религиозным вопросам, к церкви и ее роли в истории. Если они и касаются истории папства, то лишь в связи с деятельностью пап как светских государей, а не как руководителей католической церкви. Тем самым итальянские гуманисты обедняли содержание средневековой истории, на всем протяжении которой церковь играла крупнейшую роль. Гуманистическая же историография вне Италии, развиваясь в обстановке социальной и политической борьбы, проходившей под знаменем реформы церкви, нередко обращала на церковь преувеличенное внимание. В результате, особенно в Германии, между гражданской историей и произведениями историко-богословского характера стирались всякие границы.

Наконец, итальянская историография заостряла свое внимание на проблемах внешней политики и на взаимоотношениях мелких итальянских государств. Происходило это потому, что исторические судьбы Италии в значительной степени определялись международными политическими комбинациями и результатами происходивших на итальянской территории войн. В крупных государствах Европы, где в эту эпоху чрезвычайно обострилась классовая и партийная борьба, историки обращали больше внимания на государственные и общественные учреждения и вообще на «внутреннюю» историю.

Перейдем к краткой характеристике важнейших работ историков-гуманистов.

Достоинства и недостатки политико-исторической школы нашли свое наиболее яркое выражение в трудах Макиавелли (1469 — 1527) и Гвиччардини (1483 — 1540). Лучшим историческим произведением Макиавелли считается «История Флоренции». В ней впервые провозглашается и доказывается историческими фактами мысль, что между явлениями внутренней и внешней политики, между состоянием страны и ее дипломатией и войнами существует самая тесная связь. Излагая «внутреннюю историю», автор интересуется в первую очередь явлениями социальной жизни, причем он обнаруживает умение устанавливать причинную связь между ними. Макиавелли строит свое изложение по определенному плану, который соответству-

ет ходу социальной борьбы во Флоренции. Различные этапы этой борьбы автор формулировал следующим образом: «Сначала произошла борьба внутри аристократии, затем между аристократией и народом, наконец между народом и престонародьем (plebe)». Историк всюду подчеркивает, что каждое звено в этой цепи явлений вытекает из предыдущего с железной необходимостью, независимо от вели исторических деятелей.

Характерны политические оценки и суждения Макиавелли. Полное отстранение аристократии от власти после победы «народа» (буржуазии) он считает крупной политической ошибкой, приведшей в конечном итоге к возникновению кондотьерства — этого «бича Италии» — и к росту притязаний народных низов. В политической раздробленности и бессилии Италии он винит главным образом папство, которое в своих интересах поддерживало внутренние раздоры и призывало в Италию чужеземцев. Тоска по сильной власти и социальному «порядку», которой проникнут его знаменитый трактат «О государе» («Il Principe»), проходит красной нитью и через всю «Историю Флоренции».

Гвиччардини — младший современник Макиавелли — известен своей «Историей Италии», охватывающей период с 1494 по 1534 год. Это был наиболее бурный и трагический период в жизни этой страны, когда она стала объектом хищнической политики не только своих тиранов, но и соседних государств — Испании и Франции. Бесконечные политические комбинации и непрочные союзы, хитрые извороты итальянской и иностранной дипломатии, игра личных интересов и честолюбий, в жертву которым с полным равнодушием приносились будущее страны и благосостояние ее жителей; кровавые сражения, осады и грабежи городов; уничтожение свободы и независимости городских республик; невероятное падение нравственности в верхах общества, яд и кинжал как привычные средства политической борьбы; быстрые успехи феодальной реакции на фоне общего политического и экономического развала — такова картина, которую развертывает Гвиччардини перед своим читателем. Немало внимания уделяется и важнейшим событиям общеевропейской истории: завоеваниям турок, реформации в Германии, географическим открытиям.

Но создатель этого широкого исторического полотна в отношении понимания событий стоит ниже Макиавелли. Важнейшие события он нередко объясняет интригами отдельных лиц и политических групп, в действиях которых он видит только своекорыстные мотивы, жажду денег, власти и т. д. Исход политической деятельности

«правителей» определяется игрой случая — фортуной. Народные массы, их движения совершенно игнорируются. Факты открыто оцениваются с точки зрения наиболее консервативных кругов землевладельческой аристократии.

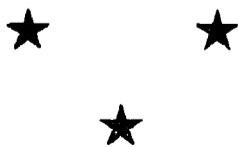
В Германии и Франции историки-гуманисты разделялись на несколько лагерей, в зависимости от их отношения к реформации, к народным движениям и к проблемам организации политической власти. Так, в Германии была группа официальных придворных историков (Шейтингер, Куспинцан и др.), обслуживавших политические и династические интересы Габсбургов; группа историков — идеологов бюргерской оппозиции, стоявших за политическое единство Германии и целостность ее территории (Яков Вимпфеллинг и др.), причем крайнее левое крыло этой группы (Иоганн Авсинг) резко выступало против князей и вообще против правящих верхов, требуя политических свобод для народа; был, наконец, историк Себастьян Франк, который в своих, написанных на народном языке «Хрониках и исторической библии» выступал с протестом против «тирании князей и господ», против феодальных повинностей и поборов. Время этих поборов, неоднократно заявлял Франк, вынуждает и будет впредь вынуждать народ к восстаниям.

Во Франции историки разбились в период гугенотских войн на три политически-религиозные партии: католиков, гугенотов и «политиков». Наиболее крупных историков выдвинули два последних направления. Из гугенотских историков, защищавших преимущественно интересы феодальной аристократии в ее борьбе с королевским абсолютизмом, следует назвать Франсуа Отмана, автора «Франко-Галлии», и Агриппу д'Обинье, автора «Всеобщей истории» в 3 томах, написанной на основе личных воспоминаний, архивных документов, переписки политических деятелей и других источников. Из историков, защищавших идеи «политиков», а затем интересы централизованной монархии, наибольшее значение имеет теоретик истории и гениальный экономист Жан Бодэн, а специально для истории второй половины XVI века — автор «Истории моего времени» Де Ту, видный судебный чиновник при Генрихе IV.

В XVII веке укрепился королевский и княжеский абсолютизм, усилился социальное и политическое господство феодалов в новой экономической обстановке, в ряде стран революционные массы, выступавшие под знаменем реформации, потерпели поражение. Все это привело к упадку общественной жизни и политической активности (исключая, конечно, Голландию и Англию, где буржуазная революция одержала частичную победу), а тем самым и к упадку политической историографии. На передний план выступили историки-эрудиты, замыкавшиеся в скорлупу своих узко специальных изысканий, оторванных от окружающей жизни. Эрудиты, вышедшие преимущественно из рядов монашества, выполняли, в сущности, полезную работу, подготавливая своими исследованиями и публикациями источников позднеестественное развитие исторической науки, но они лишали эту науку ее жизненной функции — воздействия на выработку общественных идей — и тем самым резко снижали ее общественно-политическую роль.

Если в эпоху Возрождения и Реформации эрудитская школа не возбуждала ни в правящих верхах, ни в обществе в целом почти никакого интереса, то в XVII и начале XVIII века только она пользовалась покровительством монашества и королевской власти, ставшей теперь, после окончательной победы над феодальным сепаратизмом, резко реакционной. Эрудиты получили возможность издавать огромные фоланты и обширные, многотомные серии публикаций, включающих целое море источников средневековья, впервые пушенных в научный оборот; они создали ряд вспомогательных дисциплин: дипломатику, назографию, геральдику и т. п. В то же время политическая историография влачила самое жалкое существование, вырождаясь в сухой перечень фактов из истории правящих домов, в чисто династическую историю.

Возрождение и необычайный подъем политической историографии происходят только в XVIII веке, в «эпоху просвещения». В это время историческая наука становится в руках передовой буржуазии орудием борьбы с феодализмом и всеми пережитками средневековья — орудием идеологической подготовки буржуазной революции конца XVIII века.

Проф. Н. П. Киселев

Изобретение книгопечатания и первые типографии в Европе

(К 500-летию книгопечатания)

Введение

Известно, сколь большое значение придавали изобретению книгопечатания великие ученые XIX века, основоположники научного социализма. В первом разделе «Диалектики природы», перечисляя причины, вызвавшие возрождение наук в XV—XVI веках, Фридрих Энгельс наравне с основными производственными факторами, такими, как развитие промышленности, усиление связи между народами Западной и Центральной Европы и великие географические открытия, называет также «печатный станок». К последним словам Энгельс делает примечание, полное глубокого смысла: «До сих пор хвастались лишь тем, что производство обязано науке, но наука бесконечно большим обязана производству»¹.

В другой работе («Крестьянская война в Германии») Энгельс назвал книгопечатание блестящим изобретением². Маркс под-

черкнул, что оно является необходимой предпосылкой буржуазного развития³.

Однако в широких кругах образованных людей редко встречается знакомство с фактами истории и техники книги, хотя, казалось бы, этот предмет должен интересовать каждого читающего, независимо от его специальности. Напротив, широким распространением пользуются различные предрассудки, давно ликвидированные в специальных исследованиях, но с необыкновенной живучестью удерживающиеся в общей литературе. Один из таких предрассудков состоит в том, будто типографский процесс изобретен на основе практики изготовления ксилографических, т. е. гравированных на дереве, книг. Другим предрассудком является мнение, будто в первых произведениях печати буквы были вырезаны из дерева. На самом деле даже поверхностное изучение шрифта в древнейших памятниках книгопечатания обнаруживает, что все они изготовлены при помощи шрифтов, отлитых из металла. В технике отливки литер и состояла оригинальность и величие изобретения, давнего жизни печатной книге, ибо процесс писания сам по себе не яв-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XIV, стр. 439.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. VIII, стр. 116.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XXIII, стр. 131.

лялся чем-то новым, а в различных формах существовал и ранее.

Если сущность изобретения представляется в настоящее время несомненной, то вопрос о происхождении печатания книг литьем металлических литер, т. е. о том, когда, где, кем, при каких обстоятельствах оно изобретено, принадлежит к числу наиболее сложных и спорных исторических вопросов. Как всегда, когда положительные и неоспоримые данные отсутствуют или недостаточны, открывается широкое поле для всякого рода догадок. В этом отношении книгопечатанию имело обычную судьбу великих новых явлений, открытий и изобретений. Поколения исследователей подвергли детальнейшему критическому изучению факты начального периода книгопечатания, но выводы исследователей крайне противоречивы.

Даже после того, как значительная часть существующих в литературе утверждений отнесена к области легенд, остается огромная трудность — связать факты и памятники первоначальной печати с определенной исторической личностью изобретателя. В качестве такового наиболее упорно выдвигались следующие семь человек: Прокоп Вальдфельд в Авиньоне, Памфило Кастальди в Фельтре, Иоганн Ментелин в Страсбурге, Иоганн Брито в Брюгге, Иоганн Фуст в Майнце, Лауренс Янзон Костер в Гарлеме, Иоганн Генсфлейш цум Гутенберг в Майнце.

Каждый из этих кандидатов в «изобретатели книгопечатания» имел своих защитников, причем вопрос дебатировался с исключительной страстностью. Более или менее общепринятая в исторической и библиологической науке точка зрения признает изобретателем книгопечатания Иоганна Гутенберга, и только о нем будет идти речь в этой статье.

Время возникновения книгопечатания относится к периоду между подвигами французской народной героини Жанны д'Арк (1429—1431) и взятием Константинополя турками (1453); последний факт оказал влияние на содержание книжной продукции. В социально-экономическом и культурном отношении весь XV век представляет особенный интерес. С одной стороны, это была эпоха завершения борьбы между демократией и аристократией в средневековых городах, с другой — расцвета гуманизма и начала невиданного роста художественного творчества. Чувствовались также первые предвестия крупных классовых битв, облеченных в религиозную форму (1415 — сожжение Яна Гуса).

Чрезвычайно яркую характеристику эпохи Возрождения дал Фридрих Энгельс в «Старом введении к «Диалектике природы» (1880). По мнению Энгельса, эта эпо-

ха начинается «со второй половины XV столетия». В «Диалектике природы» Энгельс называет 1453 год, т. е. год падения Константинополя, «концом средневековья». Таким образом, Энгельс решительно отступил от общепринятой исторической концепции, которая начинала новую эпоху не с половины, а с конца XV века, с открытия Америки. Хронологическая дата, данная Энгельсом, как раз совпадает с тем временем, когда книгопечатание начало распространяться из мест своего возникновения в другие города и страны. Анализируя основные черты этой эпохи, Энгельс говорит: «Это был величайший прогрессивный переворот, пережитый до того человечеством, эпоха, которая рождалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страстности и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное господство буржуазии, были чем угодно, но только не буржуазно-ограниченными. Наоборот, они были более или менее обвешаны авантюризм характером своего времени»¹. Трудно подобрать более меткие, более красочные слова для характеристики человека эпохи Возрождения, чем это сделал Энгельс, и опять-таки эта характеристика целиком приложима к изобретателю книгопечатания Гутенбергу.

В XIII и XIV веках основную массу населения германских городов составляли ремесленники, обьединенные в цехи; однако большинство ремесленников не участвовало в решении городских дел: все управление городом было сосредоточено в руках немногих родов городской знати. Эти городские патриции считались ниже феодального землевладельческого дворянства, осуществлявшего политическую власть в стране, но всячески старались вступить в его круг; подобно этому и цеховые ремесленники, разбогатев, стремились войти в круг патрициев. То и другое становилось возможным, так как допускались смешанные браки. Хозяином цехов городской аристократии нередко приводило к печальным для города последствиям: финансы приходили в расстройство, а в низших классах возрастало недовольство вследствие несправедливого налогового обложения. Если добавить, что патрициат ревниво охранял свои привилегии и не желал делиться с цехами хотя бы частицей власти, то станет ясно, что в средневековых городах имелись налицо достаточные условия для возникновения обостренной классовой борьбы. Эта борьба началась еще в XIV веке, а в XV она закончилась победой мелкой городской буржуазии, причем во многих

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XIV, стр. 476.

Майнц. Гравюра на дереве. 1493 год

местах борьба дошла до прямых революционных выступлений.

Местом возникновения книгопечатания является область среднего течения реки Рейна — та земля, которая с незапамятных времен служила ареной военных столкновений, где каждая пядь земли пропитана кровью. В более узком смысле местами деятельности Гутенберга, поскольку они нам известны, были два прирейнских города — сначала Страсбург, потом Майнц. До последнего времени в этих городах насчитывалось: в первом — 200 тысяч, во втором — более 100 тысяч человек; а в XV веке в них насчитывалась едва одна десятая часть этого числа жителей. Борьба демократической и аристократической партий в Страсбурге закончилась раньше чем в других городах победою цехов (1332—1334), после чего часть городской знати была вынуждена покинуть город. Особенно сильно революционное движение цехов разгорелось в XV веке. В Майнце оно имело место, когда Иоганн Гутенберг был еще мальчиком или юношей, в 1411 и 1420 годах; в эти годы значительное число майнцских патрициев бежало или было изгнано из города.

В культурном отношении существенным различием между двумя городами было то, что Майнц являлся центром одного из важнейших архиепископств, тогда как в Страс-

бурге церковное влияние чувствовалось слабее; зато в нем успешно развивалось гуманистическое движение.

Жизнь Гутенберга

К майнцским патрицианским родам принадлежали родители изобретателя книгопечатания: отец — Фриле Генсфлейш, мать — Эльза Вирих цум Гутенберг; последнее наименование принадлежало ее родовому дому в Майнце. У Фриле и Эльзы было два сына и дочь; младший сын получил имя Иоганна (или Хенне) Генсфлейш цум Гутенберг. Старший сын, Фриле, умер в 1447 году; дочь Эльза была еще жива в 1443 году. Генсфлейши имели наследственную привилегию чеканки монеты, откуда становится понятным знакомство младшего сына с ювелирными работами.

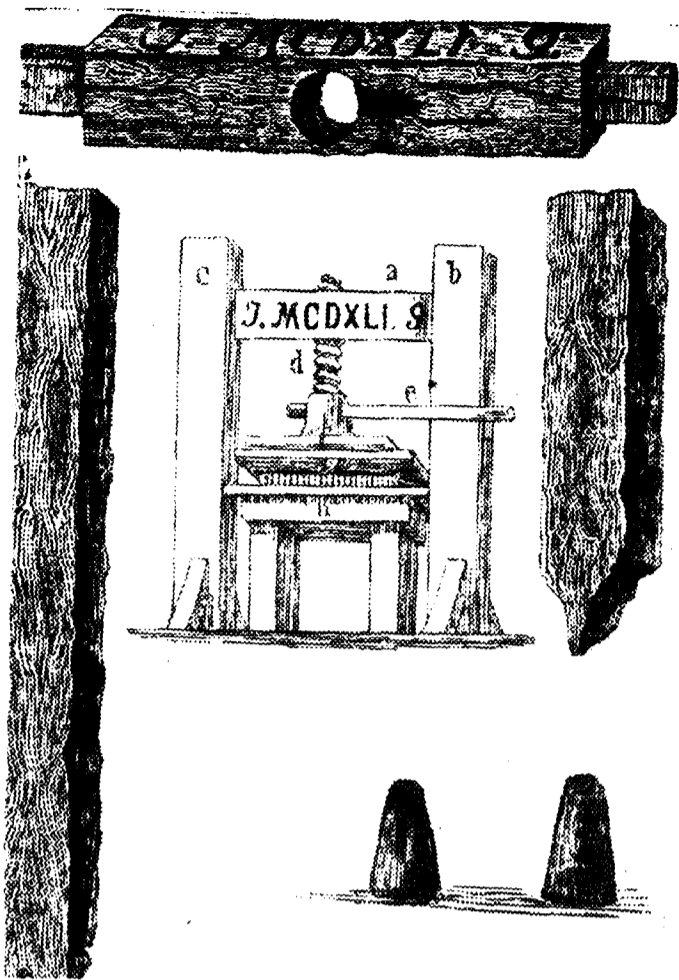
Во время возстаний цехов 1411 и 1420 годов некоторые члены рода Генсфлейш и родственные им семейства были вынуждены удалиться из Майнца; в 1420 году та же судьба постигла семью Фриле Генсфлейша. Сперва они поселились в городке Эльтвиле, в 10 километрах ниже Майнца, на противоположном берегу Рейна. Эльтвиль остался, повидимому, местом жительства Фриле-младшего, который упоминается здесь в 1434 году. Правда, в одном страсбургском документе 1429 года упоми-

шается Фрице Генсфлейш из Майнца, но некоторые исследователи склонны думать, что в этом случае подразумевается Фриц-отец и что в Страсбурге он проживал вместе с младшим сыном. Вот и все данные о первых 35 годах жизни Иоганна Гутенберга. Ни об его образовании, ни об его образе жизни, ни об его местопребывании или путешествиях ничего не известно. В 1430 году состоялось соглашение между цехами и знатью, согласно которому многие эмигранты получили право вернуться в родной город. В тексте договора среди других указано имя Хенхен (уменьшительное от Иоганн) цум Гутенберг, однако имеются сведения, что он тогда не воспользовался этим разрешением; несомненно, вернулся в Майнц его мать. Из текста договора заключают также, что и в момент восстания цехов (1420) Гутенберг не находится в Майнце и был приговорен к изгнанию заочно.

Определенные биографические данные о жизни Гутенберга начинаются лишь с 1434 года. Достоверный документ свидетельствует, что в это время Гутенберг проживал в Страсбурге, в 180 километрах от Майнца вверх по Рейну. Обстоятельства, вызвавшие появление этого документа, показывают, что Гутенберг был в хороших отношениях с городским советом Страсбурга и старался выказать свое уважение к нему; однако он не являлся полноправным гражданином города.

В Страсбурге Гутенберг занимался делом, близким к традициям его семьи: он был золотых дел мастером. Будучи одарен выдающимися техническими способностями, Гутенберг соединил с этим основным занятием и другие, как например шлифование камней, применявшихся для ювелирных работ. Несомненно, он был знатоком своего дела, потому что два страсбургских горожанина, Андрей Дритцен и Андрей Хейльман, пожелали поступить к нему в обучение и образовать совместно с ним товарищество, за что заплатили по 80 гульденов. К этим трем мастерам присоединился еще четвертый, Ганс Риффе, ограничивавшийся финансированием предприятия и получавший за то часть прибыли. Образование этого товарищества произошло, вероятно, около 1436 года.

Одновременно с ювелирными работами Гутенберг производил еще какие-то опыты, о которых ничего не сообщал своим компаньонам. Для этих опытов потребовалось изготовление деревянного пресса, закупались свинец и другие материалы; хранились эти предметы или некоторая их часть в доме Андрея Дритцена. В декабре 1438 года Дритцен заболел и

Остатки печатного станка Гутенберга, найденного в Майнце. 1856 год.

умер. Незадолго до смерти Дритцена Гутенберг направил в его дом своего слугу с поручением уничтожить «формы». По этому поводу Гутенберг выражал сожаление, но взял верх опасения, что посторонние проникнут в тайну его работ. Когда Дритцен умер, Гутенберг послал в дом Дритцена столяра, чтобы разобрать на составные части «пресс»; однако это намерение не удалось привести в исполнение, так как станок исчез: возможно, был приспрятан братом умершего. После смерти Дритцена между его наследниками и компаньонами возникли споры из-за денежных дел. Отсюда судебное дело в большом совете города Страсбурга; протоколы его, найденные двести лет назад, раскрыли некоторые подробности страсбургских опытов Гутенберга. Особенно любопытно свидетельство золотых дел мастера Ганса Дюнье, что он благодаря Гутенбергу заработал в 1436 году около 100 гульденов посредством «того, что относится к печатанию (zu dem trucken)». Однако вряд ли было бы правильно истолковывать это выражение в том смысле, будто он продал на сто гульденов печатной продукции; скорее всего имеется в виду оплата каких-нибудь работ, связанных с изготовлением инструментария для экспериментирования или приобретением материалов. Если все-таки понимать это высказывание в смысле печатания каких-то книг и однострочек, то все равно невозможно до-

казать, что они были изобретены при помощи подвижных литер, а не другим способом; гораздо проще предположить, что речь идет о ксилографических книгах или о каком-либо ином производстве. Допустить, что это были книги, размноженные типографским путем, вряд ли можно, так как ни один из сохранившихся остатков ранних произведений печати, по общему мнению исследователей, не может быть приурочен к Страсбургу. Пришлось бы, следовательно, допустить и то, что вся страбургская продукция 1436—1444 годов исчезла без всякого следа, а это весьма неправдоподобно.

Решение суда последовало через год после смерти Дригцена, в декабре 1439 года, и было в общем благоприятно для Гутенберга. Однако его денежные дела уже находились в плохом состоянии. Средства, оставшиеся от его наследственного имущества, были израсходованы, и вся дальнейшая жизнь Гутенберга прошла в поисках денег для реализации своего изобретения. Некоторые известия о его денежных делах рассеяны в архивных документах города Страсбурга; последнее из них датировано 12 марта 1444 года. Вскоре после этой даты Гутенберг покинул Страсбург и возвратился в родной Майнц.

В Майнц Гутенберг привез вполне разработанный идею изобретения и в 1445 или 1446 году, но никак не позднее чем в 1447 году приступил к непрерывному печатанию книг; документально пребывание его в Майнце засвидетельствовано 17 октября 1448 года. Как увидим дальше, первые произведения Гутенберга представляли собою небольшие брошюры и однолистники; для более крупных работ он не имел капитала и должен был искать его у других. В начале 1450 года Гутенберг вступил в сообщество с богатым майнцским бюргером Иоганном Фустом, одолжившим ему необходимые денежные средства. Это сообщество не оказалось удачным, ибо в ноябре 1455 года, в самый разгар работ над 42-строчной Библией, Фуст потребовал возврата ссуды. Вследствие невозможности для Гутенберга уплатить весьма значительные суммы возникло судебное разбирательство, закончившееся трагически для Гутенберга: он лишился не только всей второй типографии, служившей обеспечением займа, вместе с находившимися в ней чистыми листами 42-строчной Библии, но и значительной части оборудования своей первой типографии. В составе утраченного были, помимо прочего, и матрицы первого гутенберговского шрифта; сам же шрифт, уже сильно сбитый, остался собственностью Гутенберга. Но наиболее тяжким ударом было то, что тайна печатания перестала быть

тайной, и тем самым Гутенберг утратил монополию приложения изобретенного им процесса. При таких условиях он не мог выдержать конкуренции своего богатого соперника и, выпустив несколько небольших книг, должен был прекратить дело. Возобновить печатание ему удалось лишь на краткий срок, в 1460—1462 годах, о чем будет сказано ниже. После этого времени, т. е. после разграбления и пожара Майнца 28 октября 1462 г., Гутенберг не выступал более в роли печатника. В начале 1465 года Адольф Нассауский, архиепископ Майнцский, в награду за заслугу в деле печатания включил Гутенберга в свой придворный штат, что по тем временам равнялось назначению пенсии. Гутенберг скончался между 24 ноября 1467 и 24 февраля 1468 года и похоронен в Майнце, в церкви францисканцев.

Первые произведения печати

Такова печальная, законченная в своей трагичности история жизни Иоганна Гутенберга. Что касается истории книгопечатания первого десятилетия (1447—1457), то она, собственно говоря, сводится к истории типографских шрифтов. От принятия той или иной точки зрения на последовательность отливок шрифтов будет зависеть хронологическая последовательность типографских мастерских.

Новые фрагменты гутенберговской печати находят довольно часто, иногда в самых неожиданных местах и неожиданным образом. В то же время рассчитывать на открытие архивных документов о Гутенберге не приходится: оно могло бы произойти лишь как исключительно счастливая случайность.

Наибольший интерес представляет, естественно, самый первый шрифт Гутенберга — крупный готический шрифт, высота 20 строк которого равна 164 миллиметрам. Он называется «шрифт 36-строчной Библии» и обозначается В³⁶. Напечатанные этим шрифтом книги об'единяются в четыре группы соответственно четырем стадиям его развития, частью представляющим новые отливки. Во всех четырех состояниях шрифт В³⁶ широко использовался для печатания доната, т. е. краткого учебника латинской грамматики, автором которого был римлянин Элий Донат, живший в середине IV века. При небольшом объеме, облегчавшем изготовление, этим учебникам был обеспечен верный и быстрый сбыт. Печатались книги в 1440-х годах большей частью на пергаменте, но иногда на бумаге. Выходных сведений не было.

Первым состоянием шрифта напечатаны несколько 27-строчных донатов и так на-

**LEVEN WIL NIEMER LO NIEN DO GOT OECEN WIL
 gebē Sie gene mit schreckē dohien Die
 got nre erkante notforcht en Niema
 mag sich ōbergz nūht Doc dē godliche
 angelecht Christus wil do urtel sprechen
 Wn wil alle bozheit rechen Die die ge-
 dadē den willē in Den wil er gebe ewige
 pin Wn wil den gudē gebē In ym freude
 on ewig lebē Sijt die werlt on alle ding
 Die in d werlt geschaff sint Zu gene
 on werde auch zu nicht Als man wol**

Отрывок из «Сивиллина книга». Одно из первых произведений, напечатанных Гутенбергом.

зываемая «Сивиллина книга» — поэма на немецком языке. В настоящее время она не известна ни в одном экземпляре, и до конца XIX века никто не подозревал о ее существовании. В 1892 году был обнаружен в Майнце небольшой клочок бумаги, содержащий 11 строк на передней стороне и 11 — на обороте, — все, что осталось от книги, имевшей приблизительно 74 страницы, по 28 строк на каждой. Этот клочок бумаги, по своему содержанию получивший название «фрагмент о страшном суде», хранится в Гутенберговском музее в Майнце и признается древнейшим памятником печати подвижными литерами, хотя не исключено, что ему предшествовал один из 27-строчных донатов.

Второе состояние шрифта показывает его в полной законченности и на высоком техническом уровне. Кроме нескольких донатов им был напечатан астрономический календарь на немецком языке — однолистка, предназначавшаяся для прикрепления к стене. Содержащиеся в календаре данные позволили вычислить, что календарь составлен на 1448 год, следовательно, напечатан в конце 1447 года. В полном экземпляре было 3 столбца, приблизительно по 55 строк; в настоящее время известен только первый столбец. Уцелевшие фрагменты, печатанные на пергаменте, принадлежат областной библиотеке в Висбадене.

Третье состояние шрифта относится к 1455—1457 годам, после того, как Гутен-

берг и Фуот уже расстались. Им печатались донаты, а также некоторые весьма интересные произведения, по счастью, уцелевшие целиком, хотя лишь в одном экземпляре каждое. Два из них касаются животрепещущего в середине XV века вопроса о борьбе с турками. Одно озаглавлено: «Увещание к христианам против турок» и называется также «Турецкий календарь», ибо имеет форму стихотворного календаря на 1455 год (на немецком языке); другое представляет немецкий перевод буллы папы Каликста III против турок (1456). Далее, этим шрифтом были напечатаны медицинский альманах на 1457 год на латинском языке и «Cisioianus» на немецком — мнемонические стихи для запоминания календаря (около 1457 года). Сюда же относится уникум, открытый в апреле 1935 года Борисом Ивановичем Зланевичем и находящийся в библиотеке Украинской академии наук в Киеве, — «Provinciale Romanum» — перечисление епископств католической церкви на латинском языке (см. Б. И. Зданевич. Нові дані до історії початків друкарства; в «Вісті Академії Наук УРСР» № 40, жовтень — грудень 1936, столб. 9—24).

В четвертом виде шрифт B³⁶ уже не составлял собственности Гутенберга и, весьма вероятно, вскоре после отливки был перевезен из Майнца в Бамберг. Предположительно в Бамберге в 1458—1459 году возникла 36-строчная латинская Библия, о которой сказано выше.

Таким образом, шрифт B³⁶, пока он на-

ходился в руках своего творца, служил исключительно для печатания одного небольшого учебника и нескольких мелких брошюр народного характера; ничего капитального в то время не было создано, да и не могло быть создано вследствие недостаточности денежных средств у изобретателя.

В начале 1450 годов проект такого капитального издания начал овладевать мыслями первопечатника и окружавших его лиц — проект по тому времени грандиозный, с которым не может идти в сравнение ничто из напечатанного ранее. Предполагалось было издать полный текст Библии на латинском языке. Именно для этой работы Гутенбергу пришлось занимать у Иоганна Фуста большие суммы денег, и можно думать, что Фуст давал их охотно, предвкушая немалые прибыли. Есть известия, что для печатания Библии была оборудована самостоятельная мастерская; шрифт было решено отлить новый, и таким образом возник второй шрифт Гутенберга — В⁴², в котором высота 20 строк составляет 140 миллиметров. Следует подчеркнуть, что первая по времени Библия напечатана вторым шрифтом, а вторая Библия — первым шрифтом. Долгое время первая Библия почиталась как первая печатная книга вообще; теперь мы знаем, что это не так, но все же она является первой книгой, в собственном смысле слова, ибо книги, выходявшие ранее, по своему объему, скорее, заслуживают названия брошюр. Кроме того это первая книга, дошедшая до нас целиком, причем в довольно большом числе экземпляров, тогда как все предшествовавшие ей сохранились лишь во фрагментах. В процессе печатания несколько менялся полус и увеличивался тираж; сначала Библия набиралась по 40 строк на странице, но потом — по 41, наконец — по 42. От последнего числа она получила название 42-строчной Библии. По своему оформлению она принадлежит к числу прекраснейших книг всех веков, а что касается ее продажной стоимости в XIX и XX веках, то ни за какую другую книгу не уплачивались столь баснословные суммы. На беду, после того как печатание было начато, произошел разрыв между Гутенбергом и Фустом, приведший к устранению Гутенберга от работ второй типографии. Гениальный творческий замысел Гутенберга и Шеффера был закончен, по видимому, одним Шеффером; барышни, полученные после выхода Библии в свет, потекли в широкий карман Иоганна Фуста.

Создание шрифта В⁴² совпадает с существенным поворотом в направлении издательской деятельности первопечатников. Как было изложено выше, первые книги,

Страница из 42-строчной Библии. Майнц, 1454—1455 годы.

напечатанные подвижными литерами, и по содержанию, и по языку, и по небольшому объему относятся преимущественно к числу народных изданий, предназначенных для людей грамотных, но не для ученых и не для церковников. С 50-х годов XV века новое изобретение начинает эксплуатироваться для практических и ученых нужд церкви; насколько можно проследить, начало применения книгопечатания для церковных потребностей относится к 1454 году. В это время печатание латинской Библии уже заканчивалось, одновременно начали усиленно печатать бланки так называемых индульгенций, т. е. отпущений грехов за деньги. Индульгенции выпускались церковниками по какому-нибудь специальному поводу для того, чтобы экстренно собрать значительную сумму денег, так например они были выпущены при постройке собора Петра в Риме. В тексте индульгенции оставлялось место для вписывания имени жертвователя, времени и размера пожертвования; иногда для мужчин и для женщин изготовлялись различные формуляры. Так как самый текст занимал два—три десятка строк и так как число продаваемых индульгенций было велико, то понятно, какой колоссальной работы требовало размножение их путем переписывания и сколь значительную выгоду представлял типографский способ раз-

множения. То отпущение, текст которого был впервые воспроизведен печатью, возникло с дозволения папы Николая V, по просьбе короля кипрского Иоанна II, которому сильно угрожали турки. Распространением индульгенций ведал советник и посол короля, Паулин Шарре или Зарре, а вырученные суммы предназначались для ведения войны против турок и защиты от них острова Кипра. Для печатания индульгенций майнцкие типографы отлили два новых шрифта мелкого размера, близкие к формам скорописи. В одном случае высота 20 строк шрифта была 96 миллиметров, для заглавий при нем употреблялся шрифт B³⁶, текст занимал 31 строку. В другом случае высота 20 строк — 90 миллиметров, для заглавий пользовались шрифтом B⁴², текст укладывался в 30 строк вследствие того, что строка была несколько длиннее. В настоящее время 30-строчная индульгенция известна в 6 вариантах набора или последовательных изданиях, 31-строчная — в 7. Большое число вариантов объясняется тем, что в неработоспособном наборе производились небольшие исправления.

Иоганн Фуст получил возможность эксплуатировать чужое изобретение. Обладая капиталом, но не имея достаточной технической опытности, он привлек в качестве технического помощника Петера Шеффера, ученика Гутенберга, который во время процесса 1455 года свидетельствовал в пользу Фуста, против своего хозяина. Частично используя доставшиеся от Гутенберга материалы, но приступив немедленно и к самостоятельной отливке новых шрифтов, эти два ловких человека образовали фирму «Иоганн Фуст и Петер Шеффер». Эта третья печатня Майнца была первой в истории коммерчески поставленной типографией. Десять лет, до смерти Фуста осенью 1466 года, предприятием руководили Фуст и Шеффер совместно, причем второй занимался печатными работами, а первый ведал распространением готовой продукции, между прочим, и экспортом ее в Париж. За время до смерти Фуста было выпущено 10 книг более крупного объема и много однолистовок. После смерти Фуста Шеффер, женатый на его дочери, сделался единоличным хозяином предприятия и продолжал дело в течение еще 36 лет, до самой своей смерти в декабре 1502 или в начале 1503 года. Считая годы обучения у Гутенберга, Шеффер проработал в типографской промышленности не менее 50 лет, производя книги, высоко совершенные по шрифтам, верстке и печати.

Первая книга, вышедшая из мастерской Фуста и Шеффера, так называемая майнцская Псалтирь, во многих отношениях

представляет памятник первостепенной важности. Она является первой книгой, имеющей полные выходные данные, т. е. наименование типографии и дату выхода в свет. Колофон, т. е. выход, гласит: «Настоящий том Псалтири, украшенный красивыми заглавными буквами и в достаточной мере разделенный рубриками, отличен так помощью искусного изобретения печати и изготовления лигатур, без какого-либо писания пером, и трудолюбиво закончен Иоганном Фустом, гражданином Майнцем, и Петером Шеффером из Гернехейма, в лето господне 1457, накануне Успения», т. е. 14 августа. Это заявление не оправдывалось потомками: дивная красота инициалов производит и на человека XX века сильнейшее впечатление. Не удивительно, что высказывания библиологов об этом шедевре представляют единодушный хор похвал. Да и не только благодаря инициалам, а вообще с точки зрения оформления и техники «на эту Псалтирь можно смотреть только как на чудо». Сохранилось ее до наших дней 10 экземпляров, все на пергаменте.

Также весьма замечательна выпущенная Фустом и Шеффером 14 августа 1462 года латинская 48-строчная Библия — первая книга, имеющая типографскую марку.

Дата выхода майнцкой Псалтири представляет бесспорную и незыблемую отправную точку, с которой начинается история распространения книгопечатания. Предшествующий ей 20-летний подготовительный период явственно расчленяется на два десятилетия: 1436/1437 — 1446/1447 — время разработки общих принципов изобретения и первых попыток преодоления технических трудностей, 1446/1447—1456/1457 — время появления первых произведений печати. Таким образом, три основные вехи, отмечающие зарождение и первые шаги типографского искусства, приходится на одни и те же 6-е или 7-е годы трех десятилетий.

Материальная катастрофа, постигшая Гутенберга в конце 1455 года, не сломила его настойчивости и самоотверженной преданности идее, которой он стремился дать воплощение. Документально известно, что ему удалось еще раз найти необходимые средства для возобновления типографских работ. С другой стороны, существует печатное издание книги Иоганна Бальба под заглавием «Catholicon» с выходными сведениями «Майнц 1460», но без имени печатника. Этот Бальб (умер в 1298 году) был доминиканским монахом, родом из Генуи, а книга его, весьма объемистая, представляющая соединение латинской грамматики и словаря, закончена составлением в 1286 году. Для издания был специально отлит мелкий готический шрифт, характеризую-

лии»; но и такой выход, вернее говоря, обход затруднений, нельзя считать окончательным, и все гипотезы относительно ее творца до сих пор остаются висеть в воздухе.

Поучительный пример 36-строчной Библии ярко обнаруживает, сколь неустойчивы и спорны взгляды ученых на различные вопросы, относящиеся к начальному периоду книгопечатания. По основным вопросам — относительно времени, места и печатника — существуют резкие разногласия. То утверждали, что 36-строчная Библия напечатана ранее 42-строчной, то, что — позднее; то, что печатник был Гутенберг, то, что Пфистер, то, что Йоганн Пумейстер, то, что неизвестный; то, что в Майнце, то, что в Бамберге. Если вопрос о времени можно считать решенным окончательно, в том смысле, что выпуск 42-строчной Библии приурочивается к 1454—1455, а выход 36-строчной — к 1458—1459 годам, то прочие два весьма далеки от удовлетворительного разрешения. Кроме всего этого назойливо влиял вопрос о роли резных (не отлитых) букв из металла или даже из дерева в печатании 36-строчной Библии.

Что касается Альбрехта Пфистера, то он напечатал в Бамберге между 1460 и 1464 годами шрифтом В³⁶, уже несколько сбитым, 9 изданий, в большинстве народного характера и на немецком языке. Некоторые издания Пфистера имеют гравюры на дереве и являются первыми иллюстрированными печатными книгами.

Третьим городом, в котором появилось книгопечатание, был Страсбург — один из крупнейших центров немецкого гуманизма. Однако если 36-строчная Библия была напечатана в Майнце, а не в Бамберге, то Страсбург займет второе место, а Бамберг — третье. Первопечатником Страсбурга был тамошний гражданин Йоганн Ментелин. Неизвестно, где и при каких обстоятельствах Ментелину была открыта тайна печатного процесса, до начала 60-х годов строго засекреченного: узнал ли он ее от Гутенберга или от Фуста и Шеффера? Как бы то ни было, уже в 1458 году Ментелин приступил к оборудованию типографии в Страсбурге. Первое произведение его станка, латинская 49-строчная Библия, печаталась в течение 1459—1461 годов; в 1460 году был выпущен в продажу том I, в 1461 — том II.

Вторым печатником Страсбурга был так называемый «Печатник с причудливым R». Причудливость состоит в том, что в его латинском шрифте прописная буква R как бы слита из A и K. В новейшее время установлено, что его

звали Адольф Руш, что он был женат на дочери Ментелина и умер в 1489 году. Руш был одним из значительнейших печатников XV века и первый в Германии ввел шрифт антиква в печатные книги.

После Страсбурга наступил перерыв в 5—6 лет, и затем, начиная с 1465 года, типографское искусство совершает свое победное шествие по Европе, с неудержимой быстротой перекидываясь из страны в страну, так что каждый год в нескольких новых городах возникают типографии. Правда, печатные мастерские XV века были вовсе не похожи на огромные книжные фабрики XX века, организованные на капиталистических основаниях и рассчитанные на длительный период деятельности: в большинстве печати XV века представляли предприятия эфемерные, иногда кочевого типа. Тем не менее они выпускали книги несравненной, недостижимой красоты, оформлению которых современные полиграфические гиганты могут только завидовать. Заметим кстати, что в XV—XVI веках первопечатниками становились люди с самобытным, сильным характером, одаренные талантами и предприимчивостью, обладавшие серьезными для своего времени знаниями; многие из них оставляли по себе след не только как печатники, но и как писатели. Такими самородками были, не говоря об Йоганне Гутенберге, Петер Шеффер, Йоганн Пумейстер, Тьерри Мартене, Уильям Кекстон, наш Франциск Скорина и Иван Федоров.

Основные направления в распространении книгопечатания, а также интенсивность печатной продукции в разных странах развивались неравномерно. Из средне-рейнской области книгопечатание прежде всего перекинулось через Альпы на юг и почти одновременно на запад, потом на север, где долго не получало заметного развития, наконец, на восток, где оно в течение столетий едва-едва прозябало. Таким образом, изобретение Гутенберга распространялось со всеобразной постепенностью, которой точно соответствуют, во-первых, интенсивность работы типографского станка, во-вторых, качество продукции.

До 1800 года книгопроизводственное творчество было особенно интенсивным на территории 6—7 стран: Германии, Италии, Франции, Нидерландов, Испании и Англии; в совокупности они составляют немного более 1/5 части поверхности Европы (22%) и менее чем 1 1/2% всей суши земного шара. В этом узком кругу сосредоточивался в течение 350 лет весь технический прогресс типографского дела.

В Германии вслед за Майнцем, Бамбергом и Страсбургом получили

Цветной инициал из Псалтири, напечатанной Фустом и Шеффером. Майнц, 1457 год.

книгопечатание Кельн (около 1465), Эльтвиль (1467), Аугсбург (1468) и Нюрнберг (1470). Первопечатником Кельна сделался Ульрих Целль, изучивший в Майнце технику типографского искусства и с 1464 года имматрикулированный в Кельнском университете. При покровительстве университета он и приступил к печатанию книг. В противоположность другим товарищам по ремеслу Целль начал свою деятельность изданиями исключительно в 4-ю долю листа. Этот формат составляет одну из характерных особенностей его печати. И с экономической и с типографской точек зрения Целль совершил великое деяние, перегнув лист дважды и облюбовав формат in-quarto, который до него почти не применялся. В полном смысле слова Целль сделался первым популяризатором книги, обратившись к печатанию небольших по объему и портативных брошюр; несомненно, и цена его изданий должна была быть доступнее чем у других. Прямым результатом этого практического подхода было то, что из всех ранних печатников Целль обладал наиболее обширным издательским каталогом и с большой выгодой вел свои дела.

Небольшой городок Эльтвиль, о котором упоминалось выше в связи с жизнью Гутенберга, обладал типографией с 1467 до 1476 года; хозяевами ее были братья Гейрих и Николай Бехтермюнце. Гейрих

умер во время печатания первой книги, а Николай в течение десятка лет издал несколько небольших книг, среди которых та же «Сумма об артикулах веры» Фомы Аквинского, которую начал свою работу «Печатник Католикона» в Майнце, и четыре издания латинского словаря. После того типографские работы в Эльтвиле прекратились, и в позднейшей истории книгопечатания он не играет никакой роли.

Зато огромное значение для развития книжного производства и книжного искусства имели два следующие города: Аугсбург и Нюрнберг. Аугсбург, первопечатником которого сделался Гюнтер Цайнер (печатал в 1468—1478 годах), оказал огромное влияние на развитие книжной иллюстрации и орнаментики и количественно уступает лишь немногим германским городам XV века. В Нюрнберге печатание начал Иоганн Зензеншмидт в 1470 году, и оно быстро развилось как в количественном, так и в качественном отношении. Здесь в течение 43 лет развернулась типографская и издательская деятельность Антона Кюбергера (около 1445—1513), вероятно, крупнейшего немецкого печатника XV века и, бесспорно, одного из замечательнейших печатников за все полутысячелетнее существование книгопечатания. Кюбергер имел в своей печати 24 печатных станка и пользовался трудом более 100 рабочих. В течение 30 последних лет XV века Кюбергер напечатал приблизительно 250 названий, в большинстве весьма объемистых и тяжеловесных изданий, часто многотомных. Почетное место среди этих изданий занимают иллюстрированные книги исторического содержания. В XVI веке книгопечатная деятельность Кюбергера несколько ослабевает, потому что он предпочитает отдавать свои издания для напечатания в чужие типографии и усиленно занимается книжной торговлей.

Книгопечатание Швейцарии многими нитями связано с германским. Главный культурный, гуманистический и университетский центр Швейцарии Базель в XV и XVI веках приобрел мировое значение как один из крупнейших центров книжного производства, наряду с Парижем и Венецией. Первопечатником Базеля был Бертольд Рунпель (умер в 1494—1495 году) из Ганау, ученик Гутенберга, выступивший свидетелем в его пользу во время тяжбы с Фустом. Точная дата начала деятельности Рунпеля в Базеле неизвестна, но, повидимому, относится к 1468 году. В 1470—1473 годах в Беромюнстере, маленьком городке кантона Ааргау, работала печатня каноника Элиаса Элиэ из Лауфена. Он напечатал всего 6 книг, среди которых интересен трактат о кометах (около 1472).

После Германии первое место в книгопроизводстве XV века принадлежит Италии.

В Германии еще не была изжита средневековая готика, а в Италии все замыслы, все творчество были устремлены на освоение новых форм, создание нового стиля, известного под именем ренессанса. В Германии шрифт антиква распространялся медленно и встречался не часто, а в Италии он нашел самое широкое применение и появился в столь совершенных формах, что они оказывали влияние на развитие европейского шрифта в течение нескольких столетий. Этот шрифт антиква соответствовал содержанию произведений: в то время как в Германии долго преобладала церковная литература, в Италии главное внимание было направлено на издание древнеклассических писателей.

Первым очагом книгопечатания в Италии был монастырь Субиако, близ Рима, где в 1465—1467 годах работали печатники Конрад из Свейнхейма (близ Майнца) и Арнольд Панпартц из Праги. В Субиако они напечатали всего 4 книги; четвертою было сочинение Августина «О граде божием» (12 июля 1467 года) — большая редкость, имеющаяся в Лепинской библиотеке, с собственноручной надписью императора Карла V. В 1468 году оба мастера перенесли свою деятельность в Рим, где 24 января 1469 года выпустили сочинение Цицерона «Об обязанностях». Римские издания Свейнхейма и Панпартца принадлежат к числу прекраснейших произведений типографского искусства.

В том же, 1469 году книгопечатание было принесено в Венецию двумя братьями, происходившими из прирейнского города Шпейера. Печать основал Иоганн Шпейерский, и первыми книгами, вышедшими в Венеции в 1469 году, были «Письма к друзьям» Цицерона и «Естественная история» Плиния. После смерти Иоганна дело продолжал Венделин Шпейерский, известный тем, что он напечатал первую Библию на итальянском языке (1 августа 1471 года) и четвертое издание «Божественной комедии» Данте (1477). Вторую мастерскую в Венеции имел в 1470—1480 годы Николай Ненсон, или Жансон, который по повелению французского короля Карла VII ездил в 1458 году для изучения искусства печати в Майнц, к Иоганну Гутенбергу; последний характеризуется в тексте приказа как «человек искусный в гравировании букв и пунсонов, который произвел на свет изобретение печатать пунсонами и литерами». Ненсон в полной мере овладел искусством Гутенберга и сделался одним из наиболее прославленных печатников XV века, осо-

бенно благодаря удачному усовершенствованию шрифта антиква — того шрифта, который является прародителем множества позднейших латинских шрифтов. Третий печатник Венеции, Христофор Вальдарфер, печатал там в 1470 и 1471 году. Он широко известен благодаря тому, что выпустил первое датированное издание «Декамерона» Боккаччио (1471). В настоящее время эта книга является одной из наиболее дорогих и самых редких; известно во всем мире 4 экземпляра, из которых 2 не совсем полны.

Лишь через 25 лет после изобретения книгопечатания, когда типографское искусство уже широко применялось в ряде городов Германии, Италии и Швейцарии и когда книги из Майнца массами импортировались в Париж, оно было введено во Францию. Инициаторами этого дела были доктор Сорбонны Гильом Фише и ректор университета Иоганн Хейнлих фон Штейн. В 1470 году Хейнлих пригласил в Париж в качестве печатника Ульриха Геринга из Констанца, изучившего технику печатания в Майнце, а Геринг привез с собою двух товарищей: Мартина Кранца из Базеля и Михаэля Фрибургера из Кольмара. Эти три первопечатника Парижа и Франции устроили типографию в самом здании Сорбонны и в том же, 1470 году выпустили первую книгу. Несмотря на то что Сорбонна славилась прежде всего как высший авторитет в области теологии, выпускавшиеся книги носят отнюдь не церковный, а гуманистический характер; преимущественно это были издания римских классиков. Весьма любопытен и тот факт, что первым шрифтом типографии был антиква, а не готик. Сообщество трех печатников продолжалось недолго: в 1478 году имена Кранца и Фрибургера исчезают. Ульрих Геринг остался в Париже и продолжал печатать то один, то в компании с другими печатниками вплоть до своей смерти, последовавшей 23 августа 1510 года.

Выше рассказано о первых шагах книгопечатания, от его изобретения до 1470 года, т. е. приблизительно за 25 лет. В течение двух последующих десятилетий оно проникло почти во все страны Западной Европы. Хронологически это движение выражается следующими датами:

1473 — Бельгия, Испания и остров Сицилия.

1476 — Англия.

1482 — Австрия и Дания.

1483 — Швеция.

1487 — Португалия.

1493 — Сардиния.

В XVI веке:

1508 — Шотландия.

[1530/34] — Исландия.

1551 — Ирландия.

После этого без типографии оставался лишь атлантический берег Скандинавского полуострова, т. е. Норвегия, где первая книга была напечатана через 200 лет после Гутенберга, в 1634 году.

В Восточной Европе книгопечатание распространялось и развивалось неравномерно. Так было, например, в Венгрии, где первые книги появились в 1473 году, после чего последовал длительный перерыв. Регулярно и довольно интенсивно печатались книги в Польше, начиная с 1474 года (с перерывами в 1476—1490 и 1492—1500 годах) и в Чехии начиная с 1476 года.

Что касается группы стран, находящихся на Балканском полуострове, то здесь положение книгопечатания до XIX века было самое несчастное, потому что в Турецкой империи, в состав которой они входили, книгопечатание было запрещено государственной властью. Некоторые послабления допускались только для немусульман, изредка появлялись книги на еврейском, церковно-славянском, румынском, греческом, армянском языках.

Первой из балканских стран получила книгопечатание Югославия — в 1493 году; Румыния — в 1508. В Константинополе евреи начали печатать с 1505, в Салониках — с 1515 года. Заезжий из Венеции типограф напечатал одну книгу в Албании в 1563 году, после чего здесь последовал перерыв в книгопечатании до 1731 года, а затем вскоре — второй перерыв, более чем на столетие. В Болгарии не было напечатано ни одной книги вплоть до середины XIX века.

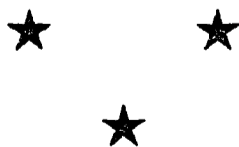
Из стран, лежащих на восточном берегу Балтийского моря, книгопечатание проникло сначала в Литву (1525), благодаря усилиям ученого и талантливого белоруса Франциска Скорины, после которого в Литве ничего не печатали целых 50 лет. За Литвою печатать книги начали Латвия (1588), Эстония (1632) и Финляндия (1642).

В России, Белоруссии и на Украине (берега все три республики в границах 1940 года) книгопечатание появилось почти одновременно в течение третьей четверти XVI века. Москва, столица Руси, опередила все прочие города, однако история появления книгопечатания в Москве пред-

ставляет немало загадочного и спорного. Нельзя дать определенного ответа прежде всего на два основных вопроса: какими путями и через каких лиц пришло оно в Москву, и когда точно появились первые напечатанные здесь книги. В 1555—1557 годах в Москве начала работать группа из нескольких печатников, причем имена первых по времени остаются неизвестными.

В одном письме Иоанна Грозного от 1556 года упоминается мастер печатных книг Маруша Нефедьев, но о том, каково было его положение в типографии и печатал ли он какие-либо книги, ничего не говорится. Важное значение, особенно по своим связям с Западом, несомненно, имел Петр Тимофеев, родом из белорусского города Мстиславля. Но наиболее известным, безусловно самым одаренным из всех печатников Москвы, был коренной москвич Иван Федоров, выпустивший совместно с Петром Тимофеевым первую книгу с полными выходными сведениями — «Апостол», законченный 1 марта 1564 года. В Белоруссии первая книга вышла в Бресте в 1559 году, но политика угнетения, проводившаяся польскими панями, не давала развиваться белорусской печати, и количество книг, вышедших на этой обширной территории до 1800 года, совершенно ничтожно. Переводчиком Украины является москвич Иван Федоров, 15 февраля 1574 года выпустивший во Львове «Апостол» — довольно близкое повторение московского.

Таково было начало книгопечатания у русского народа и его единокровных братьев — белоруссов и украинцев. А что было дальше, какова мощь и распространенность книгопечатания в настоящее время, — это известно каждому. Чтобы ощутить их, достаточно осмотреть хорошую типографию, посетить хранилище или читальный зал крупной библиотеки, зайти в книжный магазин, взглянуть на толпы людей, расхватывающих миллионы газет. При этом надо учесть, что книгопечатание еще далеко не исчерпало всех своих возможностей, не дошло до своего предела. То, что было до сих пор, является не более, как предвестием того, что будет. Полного расцвета типографское искусство достигнет в ближайшие десятилетия в стране социализма.

Х. Пеклер

Древнее государство Мари

Всего только 4—5 лет тому назад название древневосточного государства Мари было известно лишь в самом узком кругу специалистов по истории древнего Востока. Да и они знали (на основании случайных упоминаний названия Мари в отдельных шумерийских, аккадских, хеттских и ассирийских надписях) лишь то, что некогда существовало государство Мари, что находилось оно в стране Хана, расположенной к северозападу от Вавилонии, по среднему течению реки Евфрата, у устья одного из его притоков — реки Хабур. Этим почти исчерпывались знания даже крупнейших востоковедов о государстве Мари.

Сейчас, после раскопок на холме Тель-Харири, произведенных французской археологической экспедицией под руководством Андре Парро, история и культура государства Мари становится достоянием широких кругов читателей, интересующихся древней историей.

Раскопки в Мари были начаты в конце 1933 года и продолжались, по крайней мере, по 1938 год¹. Были открыты развалины города (отдельные его кварталы и места погребений), остатки храма со множеством предметов культа и руины грандиозного царского дворца, занимающего площадь в 1½ гектара и имеющего свыше 300 помещений. Но самое важное открытие Парро — государственный архив с 20 тысячами клинописных табличек. Этот архив занял почетное место в ряду таких

крупнейших архивов древности, как тель-амарнский архив в Египте, хеттский архив из Богазкеоя, финикийский архив из Рас-Шамры, архивы из Телло и Ура, библиотека Ассурбанипала.

Архив Мари состоит из документов хозяйственной отчетности и договорных плиток (до 2 тысяч табличек), исторических и религиозных текстов и дипломатической переписки царей Мари с царями соседних и более отдаленных государств: Вавилона, Эшнуны, Кархемиша, Ассирии, государств в горах Загра и др. Архив Мари проливает свет не только на историю (политическую и экономическую) Мари, но и всей Месопотамии, в особенности средней и северной ее частей, которые до сих пор очень плохо нам известны. Между прочим, архив Мари уже дал около 200 новых названий местностей, стран, городов и народов.

Разбор архивных документов был поручен крупнейшим французским ассириологам. Публикация документов уже началась. Царская переписка опубликована ассириологом Доссеном в журнале «Syria» (1938 год, выпуск 2-й) и ассириологом Г. Жаном в «Revue d'Assyriologie» (1938 год, № 2). Целый ряд исторических текстов опубликован Тюро-Данженом в «Revue d'Assyriologie» (1936 год, № 4). Тексты, относящиеся к гаданиям, опубликованы ассириологом П. Рутан в том же журнале (1938 год, № 1).

Хотя опубликована только незначительная часть архива, все же уже сейчас можно в общих чертах охарактеризовать культуру и политическую историю государства Мари.

¹ Подробные отчеты Андре Парро печатаются во французском журнале «Syria». Номера этого журнала за 1939 год в Москве еще не поступили.

Дворец Мари.

Раскопки на территории государства Мари.

Оно существовало в продолжение всего третьего тысячелетия до нашей эры. Население Мари по своему языку принадлежало к семитам. Но это население являлось, видимо, неоднородным: оно, надо полагать, состояло из многих семитических народностей. О смешанном характере населения мы судим по исключительному разнообразию типов и форм погребений. Раскопки обнаружили и трупосожжения, и расчлененные кости, и захоронения в земле. Захоронения в земле представлены разными формами: погребениями в глиняных саркофагах, в больших урнах (глиняных бочках) и в колоколообразных сосудах. Различные типы и форм погребений должно быть объяснено в первую очередь различным историческим прошлым отдельных составных частей населения Мари, но на способы погребения отчасти могли оказать влияние и различные окружающие Мари народы (аккадийцы, субарийцы и др.).

Анализируя материальную и духовную культуру государства Мари, сопоставляя ее с культурой других государств Месопотамии третьего тысячелетия (Ассирии, аккадских и сумерийских патеснатов¹), мы приходим к заключению, что все упомянутые государства составляли единый культурный круг, принадлежали к одной цивилизации, которую Франкфорт называет «сумерийской», а ассириолог Парро — «месопотамской». Общность культуры всех этих стран видна и в технике (металлургия, керамика), и в религии (сходство амулетов, общность пантеона богов), и в искусстве (общность скульптурных мотивов и архитектурных форм). Архив Мари свидетельствует о наличии общего языка во всей Месопотамии не только для меж-

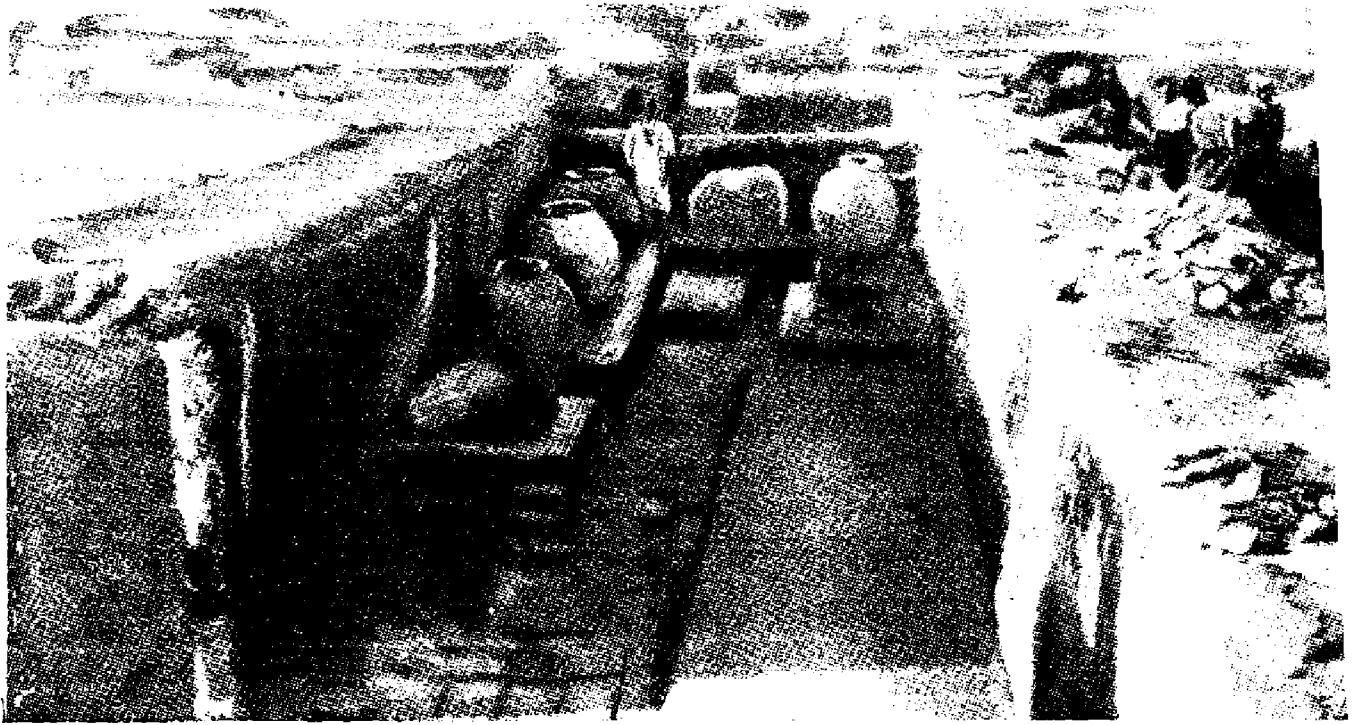
дународных сношений, но и в области духовной культуры. Если тель-амарнский архив доказал, что в середине второго тысячелетия до нашей эры на всем цивилизованном Переднем Востоке вавилонский язык был международным языком, то архив Мари свидетельствует о том, что в Месопотамии вавилонский язык стал международным языком уже в третьем тысячелетии (по крайней мере, в конце его).

Состояние производительных сил в Мари соответствовало в общем состоянию их в Вавилонии в третьем тысячелетии до нашей эры. Как и Вавилония, Мари в эту эпоху знало бронзовую технику (найденны бронзовые гвозди, иглы, булавы, много бронзовых изваяний). Таким образом, не только Вавилония, но и вся Месопотамия опередила Египет в развитии производительных сил, в частности металлургии (как известно, Египет перешел к бронзе на тысячу лет позже, во втором тысячелетии).

Характеризует состояние производительных сил Мари и глиняная посуда, которая сделана на гончарном круте и хорошо обожжена. Наконец, и строительная техника в Мари вполне соответствовала вавилонской. Основным строительным материалом, как в Сумере и Аккаде, был необожженный кирпич, так как обжиг из-за недостатка топлива стоил дорого. Применялся либо кирпич солнечной сушки, либо кирпич-сырец. Из таких кирпичей построен царский дворец в Мари. Так как необожженные кирпичи непрочны, во дворце сделаны толстые стены — до 3—4 метров.

Основными отраслями хозяйства в Мари судя по царской переписке, были земледелие и скотоводство. Земледелие было ирригационным. Большое значение в оросительной системе Мари имели два известных нам канала: так называемый «Большой канал» и «Иним-Пахдунлим». Эти каналы пополнялись в значительной ме-

¹ Патеснат — сумерийское государство-город, во главе которого стоял патеси (царь-жрец).

Погреб с глиняными сосудами.

Раскопки на территории государства Мари

осадкам. Дожди бывали иногда столь сильны, что уровень реки Хабур, питавшей своей водой ирригационную сеть Мари, поднимался на 4 локтя (2 метра).

Ирригация регулировалась государством. Об этом свидетельствуют донесения чиновников царю о состоянии каналов. Об этом же говорит один из исторических текстов, в котором царь Иахдунлим возвещает миру, что он соорудил новые каналы, в частности «Ишим-Иахдунлим».

Бычком земледелия в Мари являлась саранча, производившая иногда большие опустошения.

В скотоводстве Мари, как и Вавилонии в третьем тысячелетии до нашей эры, господствовала молочная система. В Мари было известно изготовление сыра, о чем свидетельствуют две сыроваренные печи, обнаруженных во дворце.

Внешняя торговля была довольно развита. Общность культуры во всей Месопотамии свидетельствует о тесных торговых связях между странами бассейна рек Тигра и Евфрата.

Царская переписка дает нам ценные сведения о характере марийской торговли. Ввозили в Мари ткани, вино, металл и коней для упряжи. Этот последний факт имеет исключительное значение для истории материальной культуры. Если до сих пор первое упоминание об упряжной лошади относилось к самому концу XVIII века до нашей эры (ко времени шествия гиксосов на Египет), то архив Мари заставляет нас отодвинуть дату возникновения коневодства на три века назад:

царь Зигмрилим, современник Хаммурапи (2067—2025), ввозил коней для своих колесниц.

Большую роль в торговле Мари с севером играло государство Кархемиш, лежавшее на пути, который вел из Месопотамии в средиземноморские страны. Кархемиш доставлял вино, ткани и коней. В торговле лошадьми государство Кархемиш было посредником: оно вывозило их из других стран.

Материалы раскопок дают нам представление о социально-экономической структуре и формах эксплуатации в Мари. Несомненно, грандиозный и роскошный царский дворец в Мари свидетельствует о рабском труде и, следовательно, о существовании двух классов: свободных и рабов. Раскопки обнаружили наряду с дворцом городские кварталы с весьма скромными домиками; наряду с богатыми гробницами, построенными из больших каменных плит, бедные могилы, в которых тело умершего погребено без гроба и покрыто только просмоленной циновкой. Это, бесспорно, свидетельствует о том, что и класс свободных не был однороден, что он распадался на две прослойки: простолюдинов и аристократию.

Всеми благами культуры пользовались одни аристократы. Их пища была обильна и разнообразна. Во дворце найдены 47

¹ Хаммурапи—один из наиболее выдающихся правителей древней Вавилонии. Он объединил под своей властью всю южную Месопотамию, свергнул иго эламитов, заставил платить себе дань народы большей части Месопотамии, Ассирии и Элама, составил свод законов, носящий его имя.

Статуэтка, изображающая богиню воды.
Раскопки на территории государства Мари.

форм для изготовления пшеничных, молочных кушаний и сыров, обнаружено множество хозяйственных помещений: кухня, сыроварен, кладовых, складов, погребов. В погребах находились громадные кувшины, высотой в 1 метр 15 сантиметров и с диаметром, равным 1 метру 10 сантиметрам.

Для аристократии ввозилось лучшее вино из других стран. Аристократия знала и роскошь и комфорт. Во дворце были ванные комнаты¹. Под жилых помещений дворца покрыт либо обожженным кирпичом, либо толстым слоем полированного гипса. Стены парадных комнат украшены геометрическими узорами или фресками. Однако комфорт придворной аристократии был ограничен уровнем техники того времени. Окон дворец в Мари не имел, и свет проникал в комнаты через двери, выходящие во двор.

Деятельность аристократов, судя по царской переписке, проявлялась и в области хозяйственной, и в области военной, и в области политической. Во всех этих областях аристократы были руководителями. Досуг свой они проводили либо в пирах (найден фрагмент рельефа с изображением пириества), либо на охоте и на рыбной ловле. Любимейшим средством развлечения являлись животные. В письмах царя Замрилама виден большой интерес к белым коням, к собакам, к живой рыбе и в особенности к львам. Как только львы бывали замечены где-либо в государстве, они должны были быть пойманы и доставлены царю живыми.

В общих чертах может быть охарактере-

ризован и государственно-политический строй. Его первая особенность — монархическая форма правления древневосточной разновидности, то есть деспотия. Нам известны имена двенадцати царей этого государства и их чередование. Резиденцией царей и столицей государства Мари, по видимому, являлся город Мари. Вторым административным центром был город Тирка.

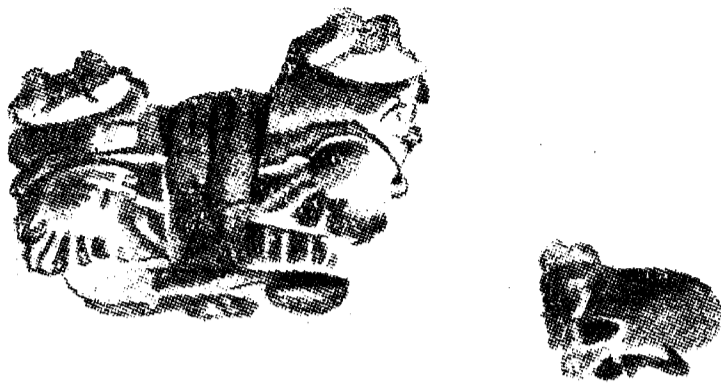
О могуществе царей Мари свидетельствует их грандиозный дворец, построенный в конце третьего тысячелетия. Во дворце был величественный тронный зал, занимавший площадь в 200 квадратных метров.

Цари Мари, как и многие другие древневосточные цари, видимо, были и верховными жрецами. Во всяком случае, их личность считалась священной. Об этом свидетельствует и то, что тронный зал был непосредственно соединен с дворцовой часовней, а в особенности то, что в средней части царского дворца обнаружен храм.

Цари Мари, как и другие древневосточные цари, выполняли некоторые общественные обязанности. Еще Энгельс в «Анти-Дюринге» отметил: «...политическое господство повсюду вытекало из общественных должностей и бывало устойчиво только тогда, когда выполняло свои общественные обязанности. Многочисленные деспотии, поднимавшиеся и падавшие в Персии и Индии, все отлично помнили свою первейшую обязанность: заботиться об орошении долин, без которого в этих странах невозможно земледелие»².

¹ Канализация имела не только во дворце, но и в городских кварталах.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XIV, стр. 182.

Амулеты из камня.

Как показывает царская переписка, царям Мари приходилось много заботиться об ирригации, урожае и пастбищах для скота. Если в плотине появлялась брешь, для ее исправления немедленно посылалось должностное лицо. «Так говорит Бахдулим, твой слуга, — гласит одно донесение царю Зимрилиму. — Я нахожусь у самого сооружения при реке Хабур, уровень воды которой поднялся на два локтя. Сейчас, пока не спадет вода в Хабуре, я не смогу заделать брешь. Как только спадет вода, я заделаю брешь».

Местные чиновники, ведавшие оросительной сетью, сообщали царю также о выпадении дождевых осадков, питавших водой каналы. Особые чиновники следили за состоянием урожая и посылали регулярные донесения в царскую канцелярию о ходе уборки хлеба.

Таким образом, второй характерной особенностью государственно-политического строя Мари являлась централизованная система управления. Особое место занимала дворцовая бюрократия. До нас дошла статуэтка чиновника Идиарум, носившего титул «заведующего снабжением мукой и зерном». Особенно много было в царской канцелярии счетчиков и писемоводителей. Они же, вероятно, были и архивариусами. Документы хозяйственной отчетности хранились в большом порядке; они складывались в большие кувшины, где и были найдены при раскопках.

Таковы в общих чертах материальная культура, социально-экономический строй и государственное устройство Мари. Вырисовывается перед нами и духовная культура. В религии были еще сильны пережитки тотемизма (поклонение животным). В частности был распространен культ быка. Найденные при раскопках амулеты представляют собой изображение быка,

Раскопки на территории государства Мари.

иногда — с головой человека. Господствующей же формой религии был культ сил природы, в особенности воды, огня и земли. Богиня воды изображалась в виде женщины с сосудом в руках. Был сильно развит и культ вавилонских богов: Дагана (верховного бога воды и рек), Шамаша (солнца), Ану (неба). Особенно почитался главный из сумерийских богов — Энкиль (бог земли). Цари Мари носили титул «Ишаку¹ Энкиля». Исключительно популярна была вавилонская Иштар (богиня плодородия, любви и красоты). Храм, развалины которого обнаружены при раскопках, был посвящен богине Иштар.

Весьма распространенным религиозным обрядом в Мари было приношение в жертву богам статуэток. Приходящие в храм клали на жертвенник эти статуэтки, которые после уносились жрецами в святилище храма. Приношение статуэток делалось обычно по данному ранее обету, поэтому статуэтки получили в науке название «вотивных» («обетных»).

Вотивные статуэтки обнаружены при раскопках храма Иштар в большом количестве. Они сделаны либо из дорогого алебастра, либо из дешевого гипса. Размеры их различны (от 15 сантиметров до полуметра), различно и качество выполнения: одни являются продуктом ремесленного массового производства, другие — художественные произведения с отпечатком индивидуальности мастера. Статуэтки второго типа дают портретное изображение дарителя. На них обычно имеются надписи, обозначающие имя и титул изображаемого человека и имя бога, которому посвящена статуэтка.

¹ Ишаку — аккадическое слово, означающее «вождь», «царь».

Каков смысл этой формы приношений? Французский ассириолог Тюра-Данжен считает votивные статуэтки как бы заместителями людей, постоянными ходатаями за них перед богом. Тюра-Данжен при этом ссылается на следующую надпись на votивной статуэтке ассирийского царя Ассурбанипала: «Я ставлю свою парекую статую... чтоб она являлась ходатаем в моей жизни перед богами». Но нам кажется, что Тюра-Данжен здесь неправ. Нельзя сопоставлять культовые объекты Мари начала третьего тысячелетия с культовым объектом Ассирии такого же типа, но относящимся к середине первого тысячелетия. За это время смысл обряда мог измениться. И в самом деле, надписи на статуэтках Мари совсем иные. Вот типичная надпись: «Ламги-Мари, царь Мари, великий ишаку Эллиля, свою статую (богине) Иштар посвятил». Из надписи видно, что приношение статуэток носило характер посвящения их богам, т. е. жертвоприношения. Нам кажется поэтому, что аналогий следует искать не в новоассирийском царстве, а в ханаанейской культуре третьего тысячелетия. При раскопках ханаанейских городов третьего—второго тысячелетий (например, в Гезере) найдены сосуды с остатками детей, принесенных в жертву, и серебряные фигурки, которые являются, по всеобщему мнению, символическими дарам, как бы заменяющими человеческие жертвоприношения¹.

Человеческие жертвоприношения существовали у всех народов на определенной (варварской) ступени их развития. Но у многих семитических племен (например ханаанян, финикийцев) они сохранились как пережиток и на ранней ступени цивилизации. Votивные статуэтки как бы заменяли собой человеческие жертвоприношения. Посвящение своего изображения богу являлось символом принесения себя в жертву.

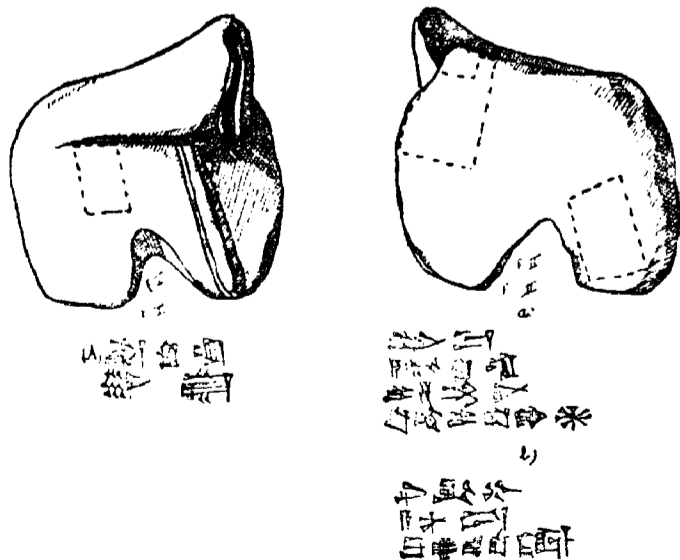
В религии Мари, так же как в вавилонской религии, играло большую роль гадание. Во время раскопок обнаружена уникальная коллекция из 32 глиняных моделей печени для обучения гаданию. Народы Мари, как и вавилоняне, практиковали гепатоскопию (гадание по печени). Особенности печени жертвенного барана, те или иные отклонения от нормы, считались предзнаменованиями. Для подготовки будущих гадателей применялись глиняные модели печени, на которых были отмечены главные части печени и написаны те предзнаменования, которые были связаны с аномалиями этих частей. При этом модели из Мари имеют некоторые

особенности по сравнению с вавилонскими и хеттскими. На вавилонских и хеттских моделях надпись примерно такая: «Если такая-то часть печени имеет такую-то аномалию, то произойдет то-то». На моделях же Мари порядок слов обратный: «Если то-то произошло (или произойдет), то печень имеет (или будет иметь) следующий вид».

Перечень предзнаменований, переведенных ассириологом Н. Рутан, убеждает нас в том, что гепатоскопия в первую очередь обслуживала царя и высокопоставленных лиц. Цари советовались с гадателями по всем вопросам, прежде чем принять какое-либо решение.

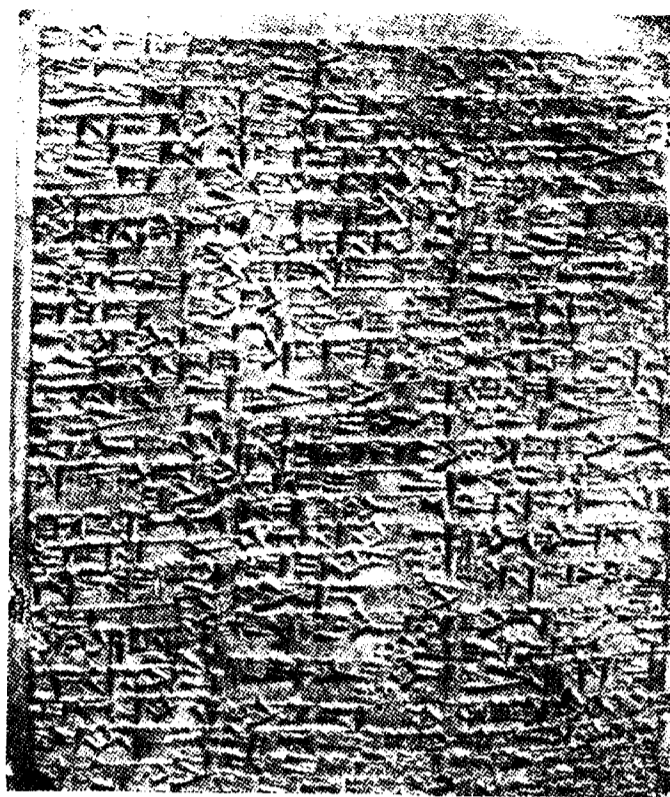
Жречество в Мари было, видимо, организовано в особое сословие и обладало большими богатствами. В восточной части храма Иштар обнаружены жилые помещения для жрецов. В этих помещениях было найдено много драгоценностей.

Несколько меньше чем религия нам известны другие формы идеологии в Мари. Народы Мари усвоили вавилонскую клинопись и писали так же, как вавилоняне, на глиняных табличках разного формата и величины. Самые маленькие таблички, обнаруженные во дворце Мари, имеют форму квадрата, каждая сторона которого равна 3 сантиметрам. Самые большие таблички представляют собой прямоугольники, имеющие 15 сантиметров в длину и 10 сантиметров в ширину. Большинство документов, дошедших до нас, имеет от 20 до 30 строк, некоторые же имеют свыше 100 строк. Письмена на табличках хотя и очень отчетливы, но все же очень мелкие и неудобны для чтения простым глазом. Небольшой размер табличек можно объяснить тем, что он являлся лучшей гарантией их сохранности. Все маленькие таблички дошли до нас в целости, тогда как большие найдены в поврежденном виде.

Глиняная модель печени для гадания. Раскопки на территории государства Мари.

¹ См. Тураев «История Древнего Востока». Т. I, стр. 162. 1935.

Клинописные таблички Мари.
Раскопки на территории государства Мари.

Народы Мари усвоили не только вавилонскую клинопись, но и все вавилонские (сумеро-аккадские) знания. В частности в Мари был известен вавилонский эпос о Гильгамеше¹. При раскопках были обнаружены цилиндрические печати с изображением Гильгамеша и Энкиду, побеждающих зверей.

Нужна была большая подготовка для того, чтобы усвоить вавилонские знания, язык и клинопись. В обучении писцов была прежде всего заинтересована царская власть. Вот почему школа писцов, обнаруженная при раскопках, находилась в самом дворце. Она занимала 2 комнаты. В первой находилось 6 кирпичных скамеек, рассчитанных на одного, двух и четырех человек. Во второй, несколько меньшей, обнаружены 3 ряда скамеек. В школе, таким образом, училось около 20 учеников, а она, возможно, была единственной во всей стране.

Пластические искусства в Мари были на уровне той эпохи. Скульптура отличалась реализмом. Возможно, это объясняется тем, что наиболее частыми сюжетами являлись вотивные статуэтки, от которых требовалось портретное сходство с дарителем.

Для изваяний характерна больше простота линий чем утонченное изящество. Любимым художественным приемом является инкрустация. Так, глаза статуй обычно инкрустированы, что придает изваяниям жизненность. У знаменитых бронзовых льви-

¹ Гильгамеш — древнейший царь сумерийского города Эреха. Его деятельность получила фантастическое отражение в сумерийском эпосе.

ных фигур, найденных в Мари, глаза сделаны из белого известняка, а зрачки — из серого, отдающего синевой сланца. Найдены целые композиции, выполненные при помощи инкрустации, например инкрустация из раковин, красного камня, шифера и лазурита, изображающая воинов, ведущих пленников.

В области скульптуры чувствуется влияние Вавилонии. Излюбленными сюжетами скульптуры в Мари, как и в Вавилонии, являлись изображения львов и львиноголового орла.

Чувствуется влияние Вавилонии и в области архитектуры. В Мари преобладали конструкции из глины, так же как и в Сумере третьего тысячелетия, была та же грандиозность и колоссальность форм. Композиция дворцового ансамбля в Мари примерно такая же, как в Телло². Основным принципом планировки помещений во дворце Мари являлось их размещение вокруг длинного двора.

Не следует, однако, переоценивать влияние вавилонской культуры на культуру Мари. Даже сейчас, когда культуру Мари только начали изучать и, естественно, преобладают поиски сходства с уже известными формами культуры, бросаются в глаза отличия культуры Мари от вавилонской культуры. Так, в строительном деле в Вавилонии третьего тысячелетия применялись плоско-выпуклые кирпичи, в Мари же применялся плоский кирпич. В Вавилонии в третьем тысячелетии камень не применялся, в Мари наряду с кирпичом-сырцом применялся и камень. Отсюда различия в архитектуре: в Вавилонии третьего тысячелетия не было колонн, в Мари были колоннады. Так, двор храма Иштар в Мари имеет с двух сторон портики, состоящие каждый из пяти величественных колонн. Таким же портиком из пяти колонн украшено и святилище.

В Вавилонии никогда не закладывали фундаментов, так как в наносной почве вавилонской равнины твердый грунт залегает очень глубоко. Вместо фундамента вавилоняне насыпали между зданием и почвой искусственный холм или террасу, которая и служила основанием здания. В Мари террас не делали, а строили здание на каменном фундаменте.

Такова была культура — материальная и духовная — в государстве Мари.

Его политическая история представляется пока в следующем виде. Государство Мари, возникшее на рубеже четвертого и третьего тысячелетий, являлось одним из

² Телло — современное название городища древнего сумерийского города Лагаша. Раскопки обнаружили в Телло развалины дворца, относящегося к древнейшему периоду истории Месопотамии.

основных государств, оспаривавших в третьем тысячелетии первенство в бассейне рек Тигра и Евфрата. Главные соперники государства Мари находились на юге — это были Аккад и Сумер. Ветаром главные оборонительные сооружения Мари были устроены на его южной стороне. До покорения царем Хаммурапи всего Сеннаара борьба между Мари и южными патесиатами велась с переменным успехом.

В конце XXX века (по нашей эры) отношения между странами, видимо, складывались благоприятно для южной Месопотамии. Патеси сумерийского города Лагаша, Жаннагум, около 2900 года вторгся в Мари и, видимо, покорил его. Но через некоторое время Мари взяло реванш и покорило Сумер. Сумерийская традиция говорит о существовании династии Мари в Сумере. Современная ассириология в лице Тюр-Данжсена вполне допускает историчность этой династии, но сомневается лишь в реальности традиционных хронологических ее рамок. Можно лишь полагать, что она восходит ко времени досаргоновскому.

Объединенные Саргоном¹ Сумер и Аккад перенесли в контрнаступление в середине XXVIII века. Мари пошло в зависимость от сумеро-аккадийского объединенного государства. В надписи одной из статуй Саргона он назван царем «Верхней страны», включавшей, согласно той же надписи, государство Мари. Зависимость Мари от Аккада осталась, повидному, и при Нарамсине, хотя Мари при царе Мижир-Дагане делало попытки освободиться от этой зависимости. Впоследствии, после крушения государства Саргонидов под натиском Гутеев (в середине XXVI века до нашей эры), Мари восстановило свою самостоятельность. Однако в XXV веке до нашей эры, после установления III династии Ура в Сеннааре, Мари опять пошло в зависимость от царей Ура. Правда, Мари пользовалось широкой автономией. Это — время царствования в Мари Тура-Дагана, Пузур-Иштара, Илум-Исара и Иди-Илума.

Около 2300 года до нашей эры, когда государство Ура под ударами эламитов ослабело, а затем распалось, Мари восстановило свою самостоятельность. В XXIII веке до нашей эры начался период возвышения Мари, началась пора его могущества и расцвета.

В этот период особенно выделяется время царствования Нахдунлима (первая половина XXI века до нашей эры). В одной из надписей Нахдунлим сообщает о покорении семи стран, об укреплении берегов Евфрата, о сооружении каналов, об укреплении горо-

¹ Саргон — царь Аккадо, впервые объединивший всю Вавилонию (Сумер и Аккад) в одно государство. Покорил Сирию и южные области Малой Азии.

Статуэтка мужчины.
Раскопки на территории государства Мари.

дов Мари и Тирка и, наконец, об основании нового города, которому царь дал название «Дур-Нахдунлим» и где он открыл кабал, названный «Ишим-Нахдунлим».

При сыне Нахдунлима, Зимрилиме, являвшемся современником Хаммурапи, Мари сначала сохранило свое могущество. Время Зимрилима известно нам лучше чем другие царствования Мари, так как открытый в Мари архив относится к его времени.

Зимрилим продолжал строительную деятельность, начатую его отцом, и закончил строительство города Дур-Нахдунлим.

Зимрилим был одним из наиболее могущественных царей Месопотамии. Государство Кархемиш находилось в вассальных отношениях к нему. Так, Патар-Ами, царь Кархемиша, писал Зимрилиму следующее верноподданническое письмо: «Мой отец Аплаханда не умер; он живет вечно: это Зимрилим является моим отцом! Патар-Ами является твоим верным сыном».

Хаммурапи заключил союз с Зимрилимом для того, чтобы обеспечить себя с севера в борьбе с другим претендентом на объединение Сеннаара, царем Ларсы Римсином. Хаммурапи и Зимрилим помогали друг другу в войнах. Нам известно письмо Зимрилима к Хаммурапи, в котором первый жалуется на то, что Хаммурапи ему недостаточно помогает в войне с субарийцами, так как прислал лишь отряд в 3 тысячи человек.

В ответе Зимрилиму писал Хаммурапи Бахдимм писал: «Так сказал Хаммурапи: я послал многочисленные войска Зимрилиму.

Охота на оленя. Каменный барельеф.
Раскопки на территории государства Мари.

Как ты знаешь, путь, который должно пройти войско, длинен. Я посылаю привет Зимрилиму, привет его войску, привет войску, которое я отправил Зимрилиму. Я посылаю сведения о врагах, которые осаждают Расабу. Чтоб твои сведения ко мне приходили регулярно!»

В результате союза, заключенного между Хаммурапи и Зимрилимом, они стали вершителями судеб в Месопотамии во второй половине XXI века до нашей эры. Об этом свидетельствует письмо одного из мелких царей Месопотамии к Зимрилиму: «И теперь я, с тех пор, как сел на престол своего отца, являюсь твоим сыном и сыном Хаммурапи. То, что Хаммурапи мне говорит, я делаю».

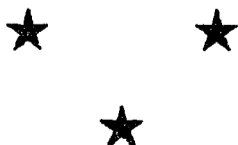
Союз с Зимрилимом, царем Мари, Хаммурапи использовал для сокрушения государства Ларсы, что ему и удалось сделать на 37 году своего царствования, в 2037 году до нашей эры. После этого союз с Мари только стеснял Хаммурапи. Государство Мари заирало ему путь на север — к Сирии, к побережью Средиземного моря.

Между тем международная обстановка сложилась для Мари неблагоприятно. Зимрилиму пришлось одновременно вести борьбу и против Эшнуны и против Субарту,

которому оказывал помощь Элам. Хаммурапи решил использовать естественное положение государства Мари, чтобы покончить с этим вторым после Ларсы соперником вавилонского государства. В 2035 году до нашей эры (через два года после покорения Ларсы) Хаммурапи вторгся в Мари и разгромил его. Войско Хаммурапи подожгло дворец, разрушило фрески его стен, псувчило статуи и срыло стены города Мари.

Зимрилим оказался последним царем государства Мари. В 2035 году до нашей эры государство Мари закончило навсегда свое самостоятельное существование и вошло в состав Вавилонской монархии.

Таковы краткие итоги раскопок в Мари. Как видим, добытый при раскопках богатый материал пополнил наши знания по истории Вавилонии. Эпоха первой вавилонской династии, в особенности время царствования ее наиболее выдающегося представителя, Хаммурапи, вырисовывается теперь более отчетливо. Основное же значение этих раскопок в том, что они способствовали выяснению малоизвестной истории средней и северной Месопотамии, в частности дали нам возможность воссоздать историю и культуру довольно значительного государства древнего Востока — Мари.

Г. Москаленко. П. Попов

Борьба рабочего класса за восьмичасовой рабочий день

1

В капиталистическом обществе неутолимая жажда прибыли вызывает у предпринимателя стремление безгранично увеличивать продолжительность рабочего времени наемного рабочего. Это стремление обуславливается самым характером капиталистического способа производства как производства прибавочной стоимости. «Атомы времени суть элементы прибыли» — таков девиз капиталистического общества.

История нормирования рабочего времени при капитализме является историей борьбы между классом капиталистов и рабочим классом за предел рабочего дня.

В истории этой борьбы обнаруживаются, по выражению Маркса, «два противоположных течения». На заре капиталистической эры, в эпоху так называемого первоначального накопления, нарождавшаяся буржуазия использовала государственную власть для удлинения рабочего дня законодательным путем. Напротив, в период развитого капиталистического производства буржуазное государство под натиском рабочих вынуждено было ограничивать продолжительность рабочего дня.

Маркс в I томе «Капитала» приводит яркие факты, характеризующие эти две тенденции. «Маркс развертывает грандиозную картину борьбы рабочего класса за сокращение рабочего дня и вмешательства государственной власти за удлинение рабочего дня (XIV—XVII века) и за сокращение его (фабричное законодательство XIX века)»¹.

После возникновения в конце XVIII века в Англии крупной машинной промышленности ненасытная алчность капитала, подстрекаемого конкуренцией, привела к небывалому увеличению рабочего дня. «Всеякие пределы, которые ставятся правами и природой, возрастом и полом, сменой дня и ночи, были разрушены... Капитал свиреплял свои оргии»². Под лозунгом «свободы

труда» фабриканты заставляли рабочих в том числе женщин и детей, работать по 15—16 часов в сутки за мизерное вознаграждение.

С ростом крупной промышленности рос пролетариат, развивалось и становилось все более грозной силой рабочее движение. Бесчеловечная эксплуатация рабочих и их детей угрожала физическим вырождением рабочего класса. Эти два фактора вынудили буржуазное государство, как писал Маркс, наложить на капитал цепи законодательного регулирования, установить принудительное ограничение рабочего дня.

Законодательство об ограничении рабочего времени является результатом ожесточенной классовой борьбы, вынужденной уступкой господствующего класса эксплуататоров-капиталистов, а не плодом благочестивых намерений парламентских деятелей.

Маркс указывал, что постановления, регулирующие время, пределы и перерывы работы, «постепенно развивались из данных отношений как естественные законы современного способа производства. Формулировка их, официальное признание и провозглашение государством явились результатом длительной классовой борьбы»³.

В ожесточенных классовых битвах с капиталом и его апологетами пролетариат отстоял у буржуазного государства законы, которые установили минимальный возраст для допуска к труду детей и подростков, ограничили продолжительность рабочего дня сначала несовершеннолетних, затем взрослых женщин и, наконец, взрослых мужчин.

Одним из первых таких законов в Англии был фабричный акт 1833 года. По этому закону, рабочий день должен был начинаться в 5½ часов утра и оканчиваться в 8½ часов вечера. В пределах этого 15-часового срока малолетние в возрасте от 9 до 13 лет должны были работать по 8 часов в день, а подростки от 13 до

¹ Ленин, Том XVIII, стр. 18.

² К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 264. 1937.

³ Там же, стр. 268.

18 лет — 12 часов в течение первых 5 дней недели и 9 часов по субботам.

По закону 1847 года, рабочий день для подростков от 13 до 18 лет и для женщин, занятых в текстильной промышленности, был сокращен с 1 мая 1848 года до 10 часов. А так как в текстильной промышленности больше половины работающих составляли женщины и подростки, то на практике осуществление закона 1847 года повлекло за собой распространение 10-часового рабочего дня и на взрослых мужчин, работавших совместно с женщинами и подростками.

Английский закон о 10-часовом рабочем дне, являясь одним из крупнейших событий в истории фабричного законодательства, привлек пристальное внимание основоположников марксизма. Об этом законе упоминается в «Манифесте Коммунистической партии» в связи с указанием на значение политической партии пролетариата для завоевания законов, охраняющих интересы рабочих.

Энгельс посвятил быльню о 10-часовом рабочем дне 2 статьи: «Вопрос о десятичасовом рабочем дне» и «Английский быльня о десятичасовом рабочем дне».

Борьба за сокращение рабочего дня, учил Энгельс, должна быть связана с борьбой за социальную революцию и господство пролетариата. «Единственное разрешение вопроса о десятичасовом рабочем дне, как и всех вопросов, основанных на противоречиях между капиталом и наемным трудом, лежит в пролетарской революции»¹.

И Энгельс показывает на примере борьбы за закон о 10-часовом рабочем дне, какое революционизирующее влияние на рабочие массы оказала борьба за сокращение рабочего дня, как экономическая борьба пролетариата перерастала в политическую борьбу. Агитация за 10-часовой рабочий день способствовала объединению рабочих, помогала им уяснить их классовые интересы, их социальное положение, превращала пролетариат в мощную общественную силу.

В сентябре 1866 года состоялся Женевский конгресс I Интернационала, который по предложению Лондонского генерального совета постановил: «Предварительным условием, без которого все дальнейшие попытки улучшения положения рабочих и их освобождения должны потерпеть неудачу, является ограничение рабочего дня... Мы предлагаем признать 8 часов труда законным пределом рабочего дня»².

Это постановление, принятое при ближайшем участии Маркса, вооружило рабо-

чий класс боевым лозунгом 8-часового рабочего дня, который с тех пор огненными буквами горит на знамени рабочего движения в капиталистических странах. 8-часовой рабочий день стал одним из центральных требований первомайских выступлений рабочего класса всех стран.

В течение всего XIX века английское фабричное законодательство регулировало рабочее время только детей, подростков и женщин. На взрослых мужчин оно формально не распространялось. Только наиболее сильным отрядам рабочего класса удавалось добиться от буржуазного правительства законодательного ограничения рабочего дня взрослых рабочих. Так, законом 1903 года, в коях и рудниках Англии был установлен 8½-часовой рабочий день для взрослых мужчин.

В 1937 году английский парламент принял новый фабричный закон, вступивший в силу с 1 июля 1938 года. Согласно этому закону, рабочее время женщин и подростков от 16 до 18 лет не должно превышать 9 часов в день и 48 часов в неделю. Для малолетних, не достигших 16 лет, установлена 44-часовая рабочая неделя, однако министр внутренних дел имеет право увеличить ее до 48 часов. Если предприятие работает 5 дней в неделю, то есть неполную неделю, то для женщин и подростков может быть установлен 10-часовой рабочий день.

Закон разрешает начинать работу на предприятиях, применяющих труд женщин и подростков, в 7 часов утра и заканчивать в 6 часов вечера, а на фабриках и заводах, работающих 5 дней в неделю, — даже в 7 часов вечера. Таким образом, рабочий день вместе с перерывами доводится до 11 и даже до 12 часов. Этот же закон предусматривает широкое применение сверхурочных работ как для женщин, так и для подростков старше 16 лет. Рабочее время взрослых мужчин закон 1937 года не нормирует.

После вступления Англии во вторую мировую империалистическую войну правительство при поддержке реакционных лидеров тредюнионов и лейбористской партии провело через парламент закон о мобилизации рабочей силы. Этот закон дает министру труда и национальной повинности самые широкие полномочия в области приема, увольнения и распределения рабочей силы. Начало военных действий ознаменовалось широким наступлением английской буржуазии на жизненный уровень рабочего класса. Война привела к резкому повышению цен. В связи с ростом цен резко сократилось потребление продуктов трудящимися. Уже в первые месяцы войны английская печать сообщала, что рабочая неделя на некоторых предприя-

¹ Маркс и Энгельс. Том VIII, стр. 111.

² К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 235. 1937.

тиях Англии превышает 70 часов. Активизация военных действий привела к еще большему удлинению рабочего дня, отмене воскресного отдыха и отпусков. На многих предприятиях установлена 74-часовая рабочая неделя. Подростки работают 55—60 и больше часов в неделю. Недавно английский министр труда Бевин должен был признать, что на английских военных заводах рабочие работают 84 часа в неделю.

2

Вслед за Англией на путь законодательного регулирования рабочего времени вступила Франция. Законодательная регламентация рабочего дня на фабриках появилась во Франции, как и в Англии, с развитием крупной промышленности, с увеличением численности и сплоченности пролетариата, с ростом его классового самосознания и политической активности.

Под влиянием революционных выступлений лионских ткачей был издан закон 1841 года об охране труда малолетних. По этому закону, прием на работу детей моложе 8 лет был запрещен. Для детей от 8 до 12 лет установлен 8-часовой рабочий день, а для детей от 12 до 16 лет — 12-часовой.

Французская революция 1848 года, совершенная в значительной мере парижскими рабочими, показала, какой грозной для буржуазии силой является пролетариат. Под непосредственным давлением рабочих буржуазное временное правительство издало декрет 2 марта 1848 года об установлении для всех рабочих Парижа 10-часового рабочего дня и в провинции — 11-часового рабочего дня.

Однако это завоевание пролетариата оказалось недолговечным. Спровоцировав рабочих Парижа на июньское восстание 1848 г., буржуазия с неслыханной жесткостью подавила это восстание и немедленно отобрала сделанные пролетариату уступки. Декретом 9 сентября 1848 г. был отменен 10-часовой рабочий день и установлен 12-часовой. Но и этот рабочий день мог быть увеличен по усмотрению предпринимателей.

Наступившая после июньского восстания реакция, усиленная в период второй империи, надолго затормозила развитие фабричного законодательства во Франции.

Парижская коммуна за короткий срок своего существования успела издать целый ряд декретов по вопросам труда, в частности декрет 2 апреля 1871 года об уничтожении высоких окладов чиновникам, декрет 20 апреля о запрещении ночного труда в булочных, декрет 13 мая об обязательном минимуме заработной платы

и др. Эти декреты, исходившие от диктатуры пролетариата, принципиально отличаются от декретов буржуазного правительства. Они проникнуты заботой о трудящихся и стремлением организовать труд на новых, социалистических началах.

Буржуазная третья республика разгромила Коммуну и укрепила ее законодательство.

В обстановке революционного подъема, наступившего после первой мировой империалистической войны и социалистической революции в России, во Франции был издан 23 апреля 1919 года закон о 8-часовом рабочем дне. Версальский мирный договор включил 8-часовой рабочий день в число «общих принципов» Международной организации труда, учрежденной при Лиге Наций. Первая конференция Международной организации труда, собравшаяся в ноябре 1919 года в Вашингтоне, приняла проект конвенции о рабочем времени в промышленных предприятиях. Конвенция формально установила принцип 8-часового рабочего дня и 48-часовой рабочей недели, но с целым рядом оговорок. Так, указывалось в конвенции, если она в целом трудно осуществима в какой-либо стране, то правительство этой страны может придать силу закона соглашению союзов предпринимателей и союзов рабочих о введении рабочего времени иной продолжительности.

Однако и эта половинчатая конвенция была ратифицирована лишь немногими малыми государствами (Бельгией, Болгарией, Румынией и другими, всего 14 из 48 членом Международной организации труда).

Победа народного фронта на парламентских выборах в мае 1936 года создала во Франции благоприятную обстановку для развертывания экономической и политической борьбы рабочих масс. Грандиозное стачечное движение в июне 1936 года, охватившее миллионы рабочих и служащих, сопровождалось закрытием фабрик, заводов, мастерских, магазинов и т. п. Правительство было вынуждено издать целый ряд фабричных законов, в частности по вопросам рабочего времени. Законом 21 июня 1936 года была введена 40-часовая рабочая неделя.

В акте 21 июня 1936 года лицемерно подчеркивается, что «никакое снижение уровня жизни трудящихся не может вытекать из настоящего закона, который не может быть определяющей причиной снижения заработной платы». Номинальная заработная плата с установлением 40-часовой рабочей недели повысилась в пределах до 30%. Однако рост дороговизны, особенно после девальвации франка в ок-

тябре 1936 года, резко снизил реальную заработную плату. Индекс стоимости жизни в Париже, даже по официальным, сильно прикрашенным данным, вырос с 77,4 в I квартале 1936 года до 104,5 в I квартале 1937 года, а в течение 1937 года — еще на 50%.

Введение 40-часовой рабочей недели имело целью смягчить безработицу. На 12 июня 1937 года указанная неделя была распространена на 7800 тысяч рабочих и служащих. Но сколько-нибудь значительного уменьшения безработицы это не принесло. Так, на цензовых предприятиях, полностью переведенных на 40-часовую рабочую неделю, число работающих увеличилось в начале февраля 1937 года всего на 6%. Это объясняется в значительной мере тем, что проведение 40-часовой рабочей недели сопровождалось повышением эксплуатации за счет роста интенсивности труда.

Таким образом, введение 40-часовой рабочей недели, явившееся само по себе крупной победой рабочего класса, объединившегося в единый народный фронт, не принесло рабочим и служащим коренного улучшения их материального положения и условий труда.

Предприниматели встретили закон о 40-часовой рабочей неделе враждебно.

В своей ненависти к рабочим они не останавливались перед закрытием фабрик и заводов.

Начавшийся во второй половине 1937 года новый экономический кризис вызвал новое наступление капитала на жизненные интересы рабочего класса. Реакционное правительство Даладе, ссылаясь на тяжесть экономического положения страны и на задачи национальной обороны, издало целый ряд декретов, значительно урезавших завоевания рабочих.

В 1939 году финансовая и промышленная олигархия Франции продолжала нажим на рабочих под лозунгом национальной обороны. Декретом 20 марта 1939 года на всех предприятиях, работавших на оборону, еженедельная продолжительность рабочего времени была увеличена до 60 часов. В случаях необходимости министр труда мог увеличить продолжительность работы и сверх 60 часов в неделю.

Вступление Франции во вторую империалистическую войну катастрофически ухудшило положение французских рабочих.

Вслед за отменой (незатолго до объявления войны) оплачиваемого двухнедельного отпуска был отменен еженедельный отдых на всех военных заводах и на всех предприятиях, выполнявших правительственные заказы, а также увеличена продолжи-

тельность рабочего дня и уменьшена заработная плата.

Декретом 1 сентября 1939 года был установлен новый режим труда. Статья 1-я декрета разрешала увеличить рабочее время во всех предприятиях, промышленных, торговых, ремесленных и кооперативных, до 60 часов в неделю. В этих пределах продолжительность рабочего дня могла достигнуть 11 часов, а с разрешения инспектора труда — 12 часов. Продолжительность рабочего дня для подростков и женщин была повышена до 10 часов в день и до 60 часов в неделю. Удлинение продолжительности работы до 45 часов в неделю производилось без увеличения заработной платы. Работа сверх 45 часов в неделю оплачивалась, согласно статье 9-й декрета 1 сентября 1939 года, в размере 75% вознаграждения за нормальные часы, а остальные 25% вносились работодателем в так называемый «национальный фонд солидарности», учрежденный для покрытия расходов «по выдаче военных пособий, военных пенсий и всевозможной помощи, оказываемой мобилизованным или их семьям».

Декретом 27 октября 1939 года размер оплаты за сверхурочную работу понижен до 60%, а остальные 40% обращаются в «национальный фонд солидарности».

Декретом 1 сентября 1939 года и последовавшими за ним распоряжениями Франция превращена в военно-каторжную тюрьму для рабочих, на плечи которых буржуазия переложила всю тяжесть войны.

Война предъявляла огромный спрос на уголь и металл. Чтобы удовлетворить этот спрос, правительство распространяло каторжный режим и на подземные работы. Декретом 10 сентября 1939 года рабочая неделя на подземных работах в рудниках увеличена до 52 часов, а рабочий день — до 8 часов 45 минут.

Декретом 20 сентября 1939 года 60-часовая рабочая неделя была установлена также для органов публичного управления. Наконец, декретом 25 октября 1939 года отменены праздничные дни, установленные законом.

3

В царской России рабочий класс начал борьбу за сокращение рабочего дня с конца XIX века. Здесь промышленный капитализм, как известно, стал быстро развиваться только после отмены крепостного права в 1861 году. С этого времени идет усиленный рост фабрик, заводов и занятых на них рабочих.

Крестьяне, освобожденные от крепостной зависимости, а заодно и от земли, ограбленные помещиками, вконец разоренные ценю-

спальными выкупными платежами, полатами и налогами, уходили в города, где они в качестве дешевой рабочей силы поступали на фабрики и заводы.

К моменту реформы 1861 года в России было около 550 тысяч рабочих, а уже через 5 лет после реформы, в 1865 году, — 706 тысяч.

Особенно быстро развивалась крупная капиталистическая промышленность в 90-х годах прошлого столетия. К концу 90-х годов количество рабочих на крупных фабриках и заводах, а также на железных дорогах возросло до 2792 тысяч. «Это был современный промышленный пролетариат, в корне отличавшийся от рабочих фабрик крепостного периода и рабочих мелкой, кустарной и всякой иной промышленности, как своей сплоченностью на больших капиталистических предприятиях, так и своими боевыми революционными качествами»¹.

Данные фабрично-заводской статистики, санитарных и других обследований свидетельствуют о невыносимо тяжелых условиях труда и жизни рабочих в царской России.

С момента поступления на капиталистическое предприятие рабочий попалал в жестокую кабалу. Исследователь рабочего быта Погжев так описывает обстановку найма рабочих на завод. «Об эту пору, — рассказывал один из агентов кирпичного завода Погжеву, — приедешь в деревню — мужик тощ, как моль: наголодался за зиму. Тут он сам тебе в руки лезет, только бери, ради Христа: ни за что пойдет работать. Остановишься у волостного старшины, чайку с ним попьешь, волочки выньешь, тары-бары, туды-сюды, глядишь, он уже твою руку тянет: как никак, а он нам все же более мирволит. Соберутся к волостному правлению мужики-то и начнешь с ними торговаться с прохладцей, а старшина стоит на крыльчке да, знай, покрикивает: «Податся, братцы, податся! Бесперечь, чтобы в срок представить, а то...»².

Изголодавшиеся крестьяне шли работать на любых условиях.

Хроническое недоедание и непосильная работа приводили к полному истощению и болезням, которые уносили в могилу сотни тысяч рабочих и их детей.

За нищенское вознаграждение рабочие работали в среднем 12½—13 часов. На многих предприятиях рабочий день доходил до 14—15 часов в сутки. Ставровская мануфактура работала с 5 часов утра до 8 часов 30 минут вечера, то есть 15½ часов.

¹ «История ВКП(б)», стр. 7.

² Цит. по книге М. Балабанова «Очерки по истории рабочего класса в России». Ч. 2-я, стр. 104. 1925.

К началу 80-х годов продолжительность рабочего дня по трем уездам Московской губернии была следующая:

менее 12 часов	. . . 10%	всех фабрик
12—12½ часов	. . . 29,6%	» »
13—13½ часов	. . . 44,0%	» »
14—14½ часов	. . . 11,6%	» »
15 и более часов	. . . 5,4%	» »

Средняя продолжительность рабочего дня по всей России была не менее 12½ часов, а в текстильной промышленности — от 13 до 14 часов. В некоторых отраслях производства рабочий день продолжался 16—18 часов (рогожные фабрики, ватные и костюпальные заводы, парусиноткацкие заведения и др.).

В горячую пору рабочий день доходил до 19½—21½ часов. Рабочие запечатлели эту каторгу в песне:

«Там шутить не любят шутки,
Там работали мы в сутки
Двадцать два часа!»

Особенно бесчеловечно капиталисты эксплуатировали женщин, подростков и детей. Женщины и дети работали то же количество часов, что и взрослые мужчины, и привлекались к ночным работам. «На бумаго-прядельной и самоткацкой фабрике «Далинская мануфактура», например, дети принимаются с 8 лет и работают по двенадцати часов в сутки... — читаем в обширном исследовании фабричного инспектора П. П. Янжул. — На ткацкой фабрике Решетникова — с 8 лет и по тринадцать часов в сутки. На ткацкой фабрике Чернышева, где дети принимаются с десяти лет, они работают столько же, сколько и взрослые — по пятнадцать часов в сутки. В красильном заведении Тереховой дети принимаются с 10 лет и работают по шестнадцати часов»³.

На московских текстильных предприятиях процент женщин доходил до 40—78, процент детей и подростков — до 13—30. За одинаковую работу дети получали в 7—9 раз меньше чем взрослые. Заработная плата женщин была в 4—3 раза ниже заработной платы мужчин.

Измурительно длинный рабочий день, отсутствие элементарной охраны труда вели к огромному числу несчастных случаев и гибели тысяч рабочих. Капиталет выбрасывал искалеченного рабочего с предприятия, ограничиваясь в ряде случаев ничтожной полаткой в 3—5 рублей. Страхование рабочих полностью отсутствовало.

Заработная плата составляла 7—8 рублей в месяц. Даже квалифицированные рабочие на металлообрабатывающих и литейных

³ П. Янжул «Очерки и исследования». Т. II, стр. 143. 1884.

заводах получали не больше 35 рублей в месяц. Ужасающими были жилищные условия пролетариев, которые жили в тесных и душных каморках, по 10—12 человек в каждой. Наконец, форменным блочом для рабочих были штрафы.

По мере развития капиталистических отношений классовый антагонизм между капиталистами и рабочими обострялся. Рабочие начали сообща выступать против зверских условий найма, устраивали забастовки, число и размеры которых из году в год увеличивались.

В 60-х годах прошлого века крупные стачки происходили на строительстве Нововолгодского канала (1861 год), на работах по сооружению Свицкого канала (1863 год), на строительстве Южной железной дороги (1865 год), на Никольской мануфактуре в Орехово-Зуеве (1865 год), на горнозаводских предприятиях Урала и в ряде других районов.

В 70-х годах стачечное движение продолжало расти. В мае 1870 года вспыхнули стачки на Невской бумагопрядильне в Петербурге. В этом же году бастовали рабочие Воронежско-Ростовской железной дороги, кренштадтских доков, ряда фабрик в Москве и других предприятий. В 1872 году забастовало более 5 тысяч рабочих Кренгольмской мануфактуры. В 1878 году произошла крупная забастовка на Новой бумагопрядильне и на других предприятиях.

Стачки кончались в большинстве случаев поражением рабочих. Участников и особенно зачинщиков стачек подвергали репрессиям — арестам, ссылке и пр.

В процессе борьбы переломные рабочие стали понимать, что причиной провала выступлений рабочих является их неорганизованность. В конце 70-х годов появились первые рабочие союзы.

В 1878 году в Петербурге организовался «Северный союз русских рабочих»; в числе программных требований «Союза» было ограничение рабочего дня. Царское правительство разгромило этот «Союз». Однако рабочее движение продолжало расти. В период промышленного кризиса первой половины 80-х годов возникло около 50 стачек, в которых участвовало 80 тысяч рабочих.

Под давлением рабочего движения царское правительство издало в 80-х годах первые фабричные законы.

1 июня 1882 года были утверждены «Правила о работе малолетних на заводах, фабриках и мануфактуре». Согласно этим правилам, приложению труда детей моложе 12 лет было запрещено. Для малолетних в возрасте от 12 до 15 лет был установлен 8-часовой рабочий день, воспрещена ноч-

ная работа, а также работа в воскресные и праздничные дни.

Уступив на бумаге требованиям рабочих, царское правительство на деле оберегало интересы капиталистов и предпринимало все для того, чтобы ослабить действие закона 1 июня 1882 года. Вступление в силу этого закона было отсрочено на 2 года со дня опубликования, а затем еще на 4 года.

Кроме того закон 1 июня 1882 года был составлен так расплывчато и туманно, что при проведении его в жизнь возник целый ряд неразрешимых вопросов. Так, в этом законе не было точно указано, на какие предприятия он распространяется, каким путем надлежит удостоверить возраст малолетних и т. д.

Закон 1882 года касался только малолетних, рабочий же день для взрослых рабочих устанавливался по усмотрению хозяина предприятия.

Правила внутреннего распорядка, изданные в 1894 году на одном из крупнейших предприятий того времени — Путиловском заводе, — так определяли рабочий день:

«Для мастерских: мартиновской, бессемеровской, тигельно-литейной, сталепрокатной, закалочной, кирпичной рабочим днем считается: для дневной смены время с 6 часов 30 минут утра до 6 часов 30 минут вечера и для ночной смены с 6 часов 30 минут вечера до 6 часов 30 минут утра.

В этих мастерских производится работа непрерывно и рабочие для обеда домой не отпускаются».

Расцвет промышленности в 90-х годах, сопровождавшийся увеличением количества рабочих и усилением эксплуатации их, вызвал новый подъем рабочего движения. С 1895 по 1899 год бастовало свыше 221 тысячи рабочих.

Организованный в 1895 году по инициативе Ленина «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» связывал борьбу рабочих за улучшение условий труда, за сокращение рабочего дня, за повышение заработной платы с политической борьбой против царизма.

Летом 1896 года в Петербурге забастовало 30 тысяч текстильщиков, основным требованием которых было сокращение рабочего дня. Под напором этой забастовки царское правительство вынуждено было издать закон 2 июня 1897 года, ограничивающий рабочий день 11½ часами. Это был основной закон царского правительства о рабочем времени. Он был кодифицирован в «Уставе о промышленном труде» и просуществовал вплоть до отмены его Великой Октябрьской социалистической революцией.

По этому закону, рабочий день при дневной работе был установлен в 11 часов 30 минут, а по субботам и накануне празд-

пятичных дней в 10 часов. При работе в ночное время (с 9 часов вечера до 5 часов утра при односменной работе и с 10 часов вечера до 4 часов утра при работе двумя и более сменами) рабочее время не должно было превышать 10 часов в сутки.

Издания в развитие этого закона «Правила министерства финансов» допускали производство сверхурочных работ в фактически не ограниченных размерах.

Действие закона 2 июня 1897 года распространялось на фабрики и заводы, предприятия горной и горнозаводской промышленности, золотые и платиновые промыслы и на железнодорожные мастерские. На сельское же и лесное хозяйство, на строительство и целый ряд других отраслей народного хозяйства и предприятий где рабочие были менее сплочены и организованы, этот закон не распространялся. Рабочее время на этих предприятиях не было нормировано.

По данным выборочного обследования, рабочий день батраков в дореволюционной России достигал 17—20 часов в сутки¹.

Сколько-нибудь существенного облегчения рабочим закон 2 июня 1897 года не принес. До его издания рабочие многих предприятий Петербурга, Одессы и других промышленных центров добились путем стачечной борьбы сокращения рабочего дня до 10 часов. Следовательно, условия труда этих рабочих новый закон прямо ухудшал.

Ограничение рабочего дня 11 часами 30 минутами было некоторым шагом вперед для бумагопрядильных и бумаготкацких фабрик, работавших 12—14 часов. Но и здесь в результате уменьшения количества праздников, по новому закону, на 22 дня в году и предоставления хозяйствам права увеличивать рабочий день за счет сверхурочных часов положение мало изменилось.

Значение закона 1897 года состояло в том, что он явился вынужденной уступкой царского правительства организованным рабочим, а также в том, что он дал новый толчок рабочему движению в России.

Ленин в своей знаменитой работе «Новый фабричный закон» указывал, что для того, чтобы закон этот применялся в интересах рабочих, последние должны сильнее давить на правительство.

«Только борьбой, сознательной и стойкой борьбой добились рабочие и здания этого закона. Только борьбой могут они добиться того, чтобы этот закон действительно применялся и применялся в интересах рабочих. Без упорной борьбы, без стойкого отпора объединенных рабочих каждому притязанию фабрикантов, новый

закон остается пустой бумажкой, одной из тех нарядных и лживых вывесок, которыми наше правительство старается подкрасить прогнившее насквозь здание полицейского произвола, бесправия и угнетения рабочих»².

В программе РСДРП, принятой II съездом в 1903 году, было записано требование ограничить рабочий день 8 часами в сутки.

Закрепив требования о 8-часовом рабочем дне в своей программе, большевики мобилизовали рабочих на борьбу за осуществление этого требования, соединяя борьбу за частные экономические требования с политическою борьбой за свержение царского самодержавия.

В декабре 1904 года рабочие бакинских нефтепромыслов под руководством Бакинского комитета большевиков и лично товарища Сталина добились в результате успешно проведенной стачки заключения первого в России коллективного договора. По этому договору, рабочий день для основных кадров промышленных рабочих сокращался до 8 часов, запрещались систематические сверхурочные работы и проч.

Примеру бакинских рабочих последовали рабочие Черноморского торгового флота. Под давлением всеобщей забастовки моряков, портовых и железнодорожных грузчиков одесские судовладельцы были вынуждены заключить «Соглашение 1905 года», которым были установлены 8-часовой рабочий день, особая оплата за сверхурочные работы и проч.

В самом начале революции 1905 года, когда на рабочих собраниях в Петербурге обсуждалась петиция царю, в нее под влиянием большевиков было включено требование о 8-часовом рабочем дне.

Для того чтобы подвести массы к восстанию и сделать самое восстание всенародным, Ленин выдвинул наряду с другими требованиями лозунг «немедленного осуществления революционным путем 8-часового рабочего дня и других стоящих на очереди требований рабочего класса»³.

Тактика революционного осуществления 8-часового рабочего дня, не считаясь с властью и законом, явилась новым средством борьбы, которая парализовала аппарат царской власти и развязывала активность и творческую инициативу масс.

На основе этой тактики выросли революционные стачечные комитеты, которые развились потом в Советы рабочих депутатов.

Возникнув первоначально в Петербурге и Москве, Советы рабочих депутатов в течение октября—декабря 1905 года были созданы в ряде крупных городов и почти во

¹ «СССР — страна социализма». Статистический сборник, стр. 73. 1936.

² Ленин. Т. II, стр. 144.

³ Ленин. Т. VIII, стр. 47.

всех рабочих центрах. Будучи зародышами революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, эти Советы осуществили ряд функций революционной власти, в частности они устанавливали 8-часовой рабочий день.

В 1905 году на целом ряде предприятий рабочие революционным путем добились введения 8-часового рабочего дня.

После разгрома революции 1905 года, в тяжелые годы столыпинской реакции, царские опричники и капиталисты повели беспощадное наступление на рабочий класс, на его политические и экономические завоевания. 8-часовой рабочий день был отнят в первую очередь.

Уже в 1908 году рабочий день был удлинен до 10—12 часов.

Но и в мрачные годы реакции партия большевиков не отказалась от борьбы за 8-часовой рабочий день, изменив лишь тактику соответственно новой обстановке.

В 1909 году Ленин написал объяснительную записку к проекту закона о 8-часовом рабочем дне. Этот проект большевики готовили для внесения через социал-демократическую фракцию на рассмотрение Государственной думы.

По указанию Ленина законопроект должен быть проникнут «духом пролетарского недовольства к предпринимателям и к государству, как органу, служащему предпринимателям: другими словами, дух классовой борьбы должен пропитывать все построение законопроекта, должен вытекать из суммы отдельных постановлений»¹.

Законопроект о 8-часовом рабочем дне, как и следовало ожидать, не был принят, но сыграл огромную агитационную роль.

Торжество реакции оказалось недолговечным. Репрессии не могли сломить сопротивление масс. Ленские события в апреле 1912 года дали толчок новому подъему революционного движения. Первомайская забастовка 1912 года охватила около 400 тысяч рабочих. Стачки, носившие ярко выраженный политический характер, проходили под большевистскими лозунгами: «Демократическая республика», «8-часовой рабочий день» и «Конфискация всей помещичьей земли».

Рабочий класс развернул упорную борьбу за сокращение рабочего дня. В результате средняя продолжительность рабочего дня в 1913 году сократилась до 10 часов. Однако в ряде отраслей промышленности рабочие продолжали работать по 11—12 часов.

За 10—12 часов напряженной работы в тяжелых, антисанитарных условиях рабочие получали в среднем 20 рублей в месяц. Этого заработка едва хватало для полуголодного существования. Рабочий класс из-

нывал под тяжестью непосильной работы, а предприниматели получали колоссальные барыши.

Начавшаяся в 1914 году империалистическая война еще более ухудшила положение рабочих и обострила классовые противоречия в стране.

В то время как цены быстро росли, рубль обесценивался, реальная заработная плата рабочих катастрофически падала, предприниматели и банкиры наживались на войне. В 1916 году владельцы Коломенского машиностроительного завода получали на каждый рубль основного капитала 50 копеек дохода в год. Страховое общество «Волга» на каждый рубль основного капитала получало прибыли 1 рубль 66 копеек в год. Эти баснословные доходы капиталисты получали путем усиления эксплуатации рабочего класса. Под предлогом «работы на оборону» рабочий день был увеличен до чудовищных пределов.

Февральская буржуазно-демократическая революция свергла царское самодержавие. Однако Временное правительство, состоявшее из виднейших представителей капиталистов и помещиков, продолжало линию царизма по всем основным вопросам. Временное правительство не сделало ничего для улучшения положения широких трудящихся масс, игнорировало требования рабочих о сокращении рабочего дня.

Рабочие, руководимые партией большевиков, явочным порядком вводили на предприятиях 8-часовой рабочий день, организовывали профсоюзы и фабзавкомы.

4

Великая Октябрьская социалистическая революция свергла господство эксплуататоров, разбила буржуазно-помещичью государственную машину, аннулировала царские законы и немедленно развернула созидательную работу. «Разрушив старое, буржуазное, она принялась строить новое, социалистическое»².

Диктатура рабочего класса создала уже на первом этапе социалистического строительства в стране, разоренной грабительским царским режимом и империалистической войной, самое передовое в мире законодательство о труде, проникнутое заботой о трудящихся.

«Впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров является возможность работы на себя, и притом работы, опирающейся на все завоевания новейшей техники и культуры»³.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 176. 11-е изд.

³ Ленин. Т. XXII, стр. 161.

¹ Ленин. Т. XIV, стр. 227.

Одним из первых актов рабоче-крестьянского правительства и первым советским законом о труде было постановление 29 октября (11 ноября) 1917 года «О 8-часовом рабочем дне, продолжительности и распределении рабочего времени». В этом постановлении указывалось, что рабочий день «не должен превышать 8-ми часов в сутки и 48 часов в неделю» (ст. 3). На вредных работах, перечисленных в особом списке, рабочий день подлежал дальнейшему сокращению. Сверхурочные работы могли иметь место лишь в исключительных случаях и только с разрешения рабочих организаций. Постановлению 29 октября 1917 года предусматривало также перерывы в работе для отдыха и принятия пищи, а также освобождение от работы в воскресные и праздничные дни. Особые правила были установлены для несовершеннолетних и женщин.

Так, молодая Советская республика немедленно провела в жизнь лозунг о 8-часовом рабочем дне и показала тем самым трудящимся всего мира, что коренного улучшения условий труда можно добиться только путем свержения капиталистического ига.

Постановление 29 октября 1917 года возвело в закон все основные требования рабочего класса в области охраны труда, которые содержались в программе, принятой в 1903 году на II съезде РСДРП. «С установлением диктатуры пролетариата впервые создалась возможность осуществить полностью программу-минимум социалистических партий в области охраны труда»¹, — говорится в программе, принятой VIII съездом РКП(б).

Восьмичасовой рабочий день, являющийся, по выражению Ленина, «основой законодательства о труде», закреплен в первом советском «Кодексе законов о труде» в 1918 году и подтвержден в действующем ныне «Кодексе законов о труде 1922 года».

В соответствии с указанием программы ВКП(б) о дальнейшем сокращении рабочего дня по мере роста производительных сил в стране ЦИК СССР издал 15 октября 1927 года постановление о переводе фабрично-заводских рабочих на 7-часовой рабочий день. В течение первой пятилетки этот рабочий день был установлен для подавляющего большинства рабочих.

В условиях второй империалистической войны над нашей социалистической родиной, находящейся во враждебном капиталистическом окружении, нависла военная угроза. В этой обстановке, когда задача укрепления оборонной и хозяйственной

мощи нашей страны приобрела исключительное значение, Верховный Совет СССР по представлению ВЦСПС принял Указ 26 июня 1940 года «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семичасовую рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», который имеет исключительное значение для поднятия производительности труда и развития производства.

Рабочий класс и интеллигенция нашей родины единодушно приветствовали Указ Верховного Совета СССР и с готовностью пошли на жертвы в целях укрепления обороноспособности Советской страны.

«Если в капиталистических странах рабочий вынужден работать по 10—12 часов в сутки на буржуазию, то наш советский рабочий может и должен работать больше, чем сейчас, но крайней мере 8 часов, ибо он работает на себя, на свое социалистическое государство, на благо народа» (из Обращения ВЦСПС).

Надо сказать, что и после этого мероприятия рабочий день в СССР остается самым коротким рабочим днем в мире. «Мы должны добиться того, чтобы он стал и самым производительным» (Ш е р ш к).

Производительность труда, говорил Ленин, — это в последнем счете самое важное, самое главное для победы нового социалистического строя.

Развитие и укрепление социалистической дисциплины труда, решительная борьба с прогульщиками, лодырями, летунами, рвачами и их пособниками и покровителями приобретает исключительное значение для повышения производительности труда, для подъема хозяйственной и военной мощи страны социализма.

В процессе социалистического соревнования, начавшегося с коммунистических субботников в 1919 году и принявшего в настоящее время новую, высшую форму стахановского движения, вырастают десятки и сотни тысяч овеянных славой героев труда.

Коммунистическое воспитание трудящихся и борьба с пережитками капитализма в сознании людей есть прежде всего воспитание коммунистического отношения к труду, создание социалистической дисциплины труда, изживание привычек и взглядов на труд, унаследованных от общества эксплуататоров.

Рабочий класс, трудящиеся массы, весь советский народ под руководством коммунистической партии и вождя народов товарища Сталина еще больше укрепят экономическую и оборонную мощь нашей родины, сделают ее еще более неприступной и грозной для врага.

¹ «Программа и устав ВКП(б)», стр. 72. Партиздат, 1936.

Г. Хабас

Манифест 17 октября 1905 года

9 января 1905 года — начало первой русской революции. Она быстро развивалась и к осени достигла своей высшей точки.

«Октябрь и декабрь 1905 года знаменует высшую точку восходящей линии российской революции»¹, — указывал Ленин. В октябре 1905 года в России разразилась первая в истории мирового революционного движения всеобщая политическая забастовка: «Октябрьская политическая забастовка стала всероссийской, охватив почти всю страну, вплоть до самых отдаленных районов, охватив почти всех рабочих, вплоть до самых отсталых слоев»². Всеобщая забастовка парализовала все средства сообщения, приостановила экономическую жизнь страны. Встали железные дороги, пароходы, трамваи, фабрики, заводы, перестали действовать телеграф, коммунальные учреждения, закрылись торговые заведения, банки и т. д. В огне борьбы шла быстрая организация сил революции. Революционная молодежь открыла двери университетов, и в их аудитории хлынули тысячи

революционно настроенных интеллигентов и рабочих. Быстро создавались и росли всевозможные комитеты и союзы. В крупнейших промышленных центрах России возникли Советы как массовые организации пролетариата, как зародыши революционной власти.

Всеобщая политическая забастовка произвела сильное впечатление во всем мире. Она показала силу пролетарского революционного движения и несостоятельность одной из основных догм лидеров II интернационала, утверждавших, что метод общей политической стачки неприемлем для пролетариата. «...разве революция в России не показала, — писал товарищ Сталин, — что общая политическая забастовка является величайшей школой пролетарской революции и незаменимым средством мобилизации и организации широчайших масс пролетариата накануне штурма твердынь капитализма... Разве не ясно, что практика революционной борьбы разбивает и эту догму оппортунистов?»³.

¹ Ленин. Т. XIX, стр. 352.

² «История ВКП(б)», стр. 74.

³ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 11. 11-е изд.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всеобщая забастовка!

Товарищи! Рабочий класс возстал на борьбу. Бастует под Москвой. Скоро может быть забастует вся Россия. В жгучем порыве рабочий класс стремится свергнуть вѣковой гнет самары и произвола. Рабочий класс объявил борьбу на жизнь и смерть правительству воров и разбойников—царскому самодержавию. Он объявил войну и капиталистам—виновникам его нищеты. В этот великий миг каждый, кто не обратился в безчувственный камень, каждый в груди у кого бьется пролетарское сердце должен встать на борьбу. Кто не с нами—тот против нас, кто сидит теперь сложа руки—тот паяльник рабочему делу.

Бастуйте же всё до единого. Идите на улицы, на наши собрания. Выставляйте наши требования экономических уступок и политической свободы.

Московский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

Октябрь 1905-го года.

Прокламация МК РСДРП, призывающая ко всеобщей забастовке. Октябрь 1905 года.

Музей революции СССР.

Губернаторы и полиция, налуганные размахом стачечной борьбы, посылали со всех концов России отчаянные донесения царскому правительству о росте революционного движения и о своем бессилии справиться с ним. Но и правительство было бессильно. Забастовка отрезала царя в его дворце от всего мира. Николай II и его семья жили в Петергофе. Его министры находились в Петербурге. Для того чтобы русский император мог встретиться со своими приближенными и министрами, приходилось каждый раз снаряжать специальные казенные пароходы, которые привозили и отвозили обратно людей, вызванных царем. На придворных это производило удручающее впечатление. Н. П. Вунч, бывший управляющий комитетом министров, рассказывал, что когда Витте 14 октября 1905 года ехал на таком пароходе, там говорили «о постыдности положения, при котором верноподданные должны добираться к своему государю чуть ли не вплавь»¹.

19 октября 1905 года Николай II писал своей матери, Марии Федоровне, гостившей тогда в Дании: «Петербург и Москва оказались отрезанными от внутренних гу-

берний. Сегодня неделя, что Балтийская дорога не действует. Единственное сообщение с городом морем—как это удобно в такое время года? После железных дорог стачка перешла на фабрики и заводы, а потом даже в городские учреждения и в департамент железных дорог мин. путей сообщения. Подумай, какой стыд!»².

Николай II был сторонником подавления революции военной силой, противником всяких уступок. Летом 1905 года он написал резолюцию на докладе о революционных событиях в Севастополе: «Приведение восставших к покорности возложено на военную власть. О принятии каких-то требований, предъявляемых мятежниками, речи быть не может»³. Царское правительство привыкло опираться на солдатские штыки, но в октябре 1905 года правительство не имело сил и средств прекратить забастовку. 14 октября Витте как председатель комитета министров собрал совещание, на которое пригласил некоторых министров. Здесь военный министр Редигер и петербургский генерал-губернатор Трепов

² Переписка Николая II и Марии Федоровны. «Красный архив» за 1927 год. Т. 3 (22), стр. 167.

³ «Красный архив» за 1925 год. Т. 11—12, стр. 434.

¹ Граф С. Ю. Витте «Воспоминания». Т. II, стр. 15. М. и П. 1923.

единодушно заявили, что в Петербурге нет воинских частей, которые могли бы восстановить движение поездов, хотя бы от столицы до Петергофа. Даже Трехов, всегда бывший сторонником жестокой военной диктатуры, говорил, что на армию полагаться нельзя, так как ее основные контингенты — запасные — ненадежны. Мнение Трехова имело для царя особенное значение: Трехов был неизменным советником Николая и неофициальным диктатором России. Николай II писал своей матери: «Трехов для меня незаменимый, своего рода, секретарь. Он опытен, умен и осторожен в советах. Я ему даю читать чуждые записки от Витте, и затем он мне их докладывает скоро и ясно. Это, конечно, секрет для всех»¹.

Невозможность подавить революцию вооруженной силой вызывала растерянность в высших сферах. О панике, охватившей придворные круги, свидетельствуют слова эбер-гофмаршала двора генерал-адъютанта графа Бенкендорфа. 15 октября на пароходе, шедшем в Петергоф, он сказал Вунчу: «...в данном случае жаль, что у их величества пятеро детей... так как, если на днях придется покинуть Петергоф на корабле, чтобы искать пристанища за границей, то дети будут служить большим препятствием»².

Всеобщая забастовка нанесла сильный удар самодержавию, напугала его, но не могла разрушить государственный аппарат, не могла заставить капитулировать правительство. Самодержавие устояло, но оно вынуждено было лавировать, искать новых методов борьбы с революцией. Одним из таких новых методов было опубликование манифеста 17 октября. Ленин характеризовал создавшееся в октябре 1905 года положение как «равновесие сил»³.

«Самодержавию уже не в силах открыто выступить против революции, — писал Ленин. — Революция еще не в силах нанести решительного удара врагу. Это колебание почти уравновешенных сил неизбежно порождает растерянность власти, вызывает переходы от репрессий к уступкам, к законам о свободе печати и свободе собраний»⁴.

В настоящее время опубликовано много исторических документов, рисующих положение правительства в этот период, его колебания и борьбу внутри него. Эти документы полностью раскрывают цели и политическое значение манифеста. Они дают возможность восстановить картину его подготовки и закулисной борьбы вокруг него.

Неудачная война 1904 — 1905 годов поколебала последнюю опору царского правительства — его вооруженные силы. Поразительные поражения в войне подорвали престиж царизма среди населения. Война крайне обострила все классовые противоречия в России. Ленин писал: «Значение этого краха, как краха всей политической системы царизма, становится все яснее и для Европы и для всего русского народа с каждым новым ударом, наносимым японцами»⁵. Роковую роль русско-японской войны в судьбе царского самодержавия понимал даже «близкий друг» Николая II, германский император Вильгельм II. 21 февраля 1905 года Вильгельм писал Николаю Романову: «Война очень не популярна во всех классах России, не исключая и офицерства»⁶. Германский император осторожно намекал, что рост революционного движения делает необходимыми реформы: «Россия теперь как бы переворачивает страницу своей истории и в своем развитии обнаруживает стремление положить начало некоторому обновлению»⁷.

Николай II дрожал перед революцией, но еще больше боялся реформ.

Реформы рекомендовала царю либеральная часть бюрократии во главе с Витте, который под давлением иностранного капитала («европейского общественного мнения») видел в смягчении политического кризиса путем уступок либеральной буржуазии единственное средство преодолеть революцию и спасти самодержавие.

Царь окружал себя крайними реакционерами, сторонниками кровавой расправы с недовольными. Еще в октябре — ноябре 1904 года министр внутренних дел Святополк-Мирский подал царю доклад с предложением проекта указа о привлечении выборных членов в Государственный совет. Для обоснования этого доклада Николай II созвал совещание. На этом совещании Витте заявил, что продолжение реакционной политики Плеве (одного из реакционнейших министров) может привести правительство к гибели. Министр финансов В. И. Коковцев указал, что эта политика ведет к потере доверия в финансовых кругах за границей и в результате неудачной войны может привести финансы к полному истощению. Все это не подействовало на Николая Романова.

На другой день царь заявил Витте, что вычеркивает из проекта Святополк-Мирского пункт о привлечении выборных обще-

¹ «Красный архив». Т. 3 (22), стр. 191.

² Граф С. Ю. Витте «Воспоминания». Т. II, стр. 29.

³ Ленин, Т. VIII, стр. 351.

⁴ Там же, стр. 333.

⁵ Ленин, Т. VII, стр. 336.

⁶ Переписка Вильгельма II с Николаем II, стр. 99.

⁷ Там же, стр. 95.

Митинг на заводе. 1905 год.
С картины художника Шестопалова.

ственных деятелей в Государственный совет, так как такое привлечение явилось бы шагом к установлению представительного образа правления: «Да я никогда, ни в каком случае не соглашусь на представительный образ правления, ибо я его считаю вредным для вверенного мне богом народа»¹.

Поражение на фронте, а главное, бурное развитие революции делали все более невозможным сохранение царского «никогда». Против царского правительства — этого злейшего врага народа — выступил широким фронтом весь русский народ. Кроме того царскому правительству приходилось считаться с экономическим и политическим давлением западных государств, господствующие классы которых учитывали международное значение русской революции, боялись ее революционизирующего влияния на свои страны и особенно дрожали за свои капиталы, вложенные в русские займы. Ленин указывал: «Как ни азиатски-дико наше самодержавие, как ни много в нем допотопного варварства, консервированного в необыкновенно чистом виде в течение веков, а все же самодержавное правительство есть пра-

вительство капиталистической страны, связанной тысячами неразрывных нитей с Европой, с международным рынком, с международным капиталом»².

В секретном архиве министра иностранных дел была особая папка документов с подписью: «Rossica». События 9 января 1905 г. в С.-Петербурге и отношение к внутренним делам России «общественного мнения заграницей». Часть документов этой папки была опубликована во 2 (9) томе «Красного архива» за 1925 год. О том, какие отклики заграницей вызвало побоище 9 января, можно судить по письму из русского посольства в Брюсселе от 25 января (7 февраля) 1905 года. «Петербургские беспорядки послужили сигналом к проявлению враждебных нам демонстраций в Европе и Америке»³. Газетная кампания и демонстрации не действовали на царское правительство, но ему приходилось считаться с настроением биржи. За время войны в России удвоилось количество бумажных денег (с 600 миллионов до 1200 миллионов рублей). Продолжение массовой эмиссии денежных знаков грозило финансовой катастрофой. Было очевидно, что без иностранного займа не обойтись. Между тем сведения из-за границы были все менее утешительны для царского правительства. Особенное значение имело настроение французской буржуазии, являвшейся крупнейшим держателем русских ценных бумаг. Будучи владельцами этих бумаг на сумму 8 миллиардов рублей, финансовые круги Парижа не могли не откликнуться на такие явления русской жизни, как война и революция. Французская биржа реагировала на события русской революции сильнее чем на известия с фронта. 10 марта 1905 года русский посол Нелидов писал в своем донесении из Франции: «Излишне повторять, что главным предметом беспокойства финансового мира является положение дел внутри России»⁴. 17 (30) ноября 1905 года Нелидов телеграфировал: «Наша ценность процветает их владельцами, постепенно теряющими доверие в прочность финансового положения России»⁵. Царское правительство усиленными взятками французским газетам старалось снасти свой кредит, но без особого успеха. Особенно сильное возбуждение заграницей вызвали известия о революционном движении в русской армии. 25 июня (8 июля) русский посол в Англии Бенкендорф сообщил из Лондона: «По поводу недавних печальных событий, разыгравшихся в России, я должен указать вашему сиятельству, что ни одно из них —

² Ленин, Т. VIII, стр. 336.

³ «Красный архив», Т. 2 (9), стр. 38.

⁴ «Красный архив», Т. 11—12, стр. 424.

⁵ «Красный архив», Т. 9, стр. 42.

¹ Граф С. Ю. Витте «Воспоминания», Т. I, стр. 274. Гиз. 1924.

даже наши военные неудачи — не произвели на общественное мнение и, полагаю, на правительство более тягостного впечатления, чем последние одесские события и восстание на «Князе Потемкине». Впервые я увидел ясно, что здесь серьезно встал вопрос, не угрожает ли вспыхнувшая в России революция неизбежности существования правительства»¹.

Иностранные биржи требовали политических реформ. Послы, хотя и робко, пытались намекать на это в своих донесениях правительству.

Массовые забастовки, рост аграрно-крестьянского и национально-освободительного движения, открытая противоправительственная кампания буржуазно-демократических слоев населения, жестокое поражение на фронте, давление заграничных финансовых кругов, а главное, все растущее революционное движение в последней опоре царизма — армии — заставили правительство несмотря на сопротивление царя идти на уступки. Оно давало реформы, чтобы хоть немного замедлить рост революционной волны и, дав маленькую подачку буржуазии, заключить соглашение с либералами.

Началась игра в парламентаризм. Рескрипт царя на имя министра внутренних дел Булыгина от 18 февраля 1905 года о разработке проекта закона о привлечении к законодательству выборных от населения России произвел некоторое впечатление за границей и приостановил на короткое время падение русских бумаг на парижской бирже. Николай II так боялся малейшей уступки народу, что, прежде чем издать августовский манифест о «Булыгинской» думе, он четыре раза созывал в своем петергофском дворце совещания из наиболее близких ему людей.

Целью булыгинского проекта было дать небольшое удовлетворение требованиям русской и иностранной буржуазии и в то же время оставить неприкосновенным самодержавный строй. Ленин сразу после выхода манифеста о Булыгинской думе указал на его контрреволюционное значение. «...надо припомнить прежде всего, — писал Ленин, — в чем состоит сущность и коренное значение Булыгинской «конституции». В сделке царизма с помещиками и крупными буржуа, которые посредством невинной и совершенно безвредной для самодержавия якобы-конституционной подачи должны быть постепенно раз'единены с революцией, т. е. с борющимся народом, и примирены с самодержавием»². Согласившись, наконец, на Булыгинскую думу, царь по-прежнему никому не позволял сомневаться в том, что его власть останется самодер-

жавной. Вильгельм II прислал ему поздравительную телеграмму и письмо. Он советовал Николаю II в связи с происходившими мирными переговорами предоставить будущей Думе решить вопрос о заключении мира с Японией: «Прежде, чем ты примешь окончательное решение в пользу мира или продолжения войны... я считал бы превосходною мерою, если бы ты сперва предложил этот вопрос на обсуждение Государственной думы»³. Николай II обиделся. Романов в ответе подчеркнул, что Дума будет чисто совещательным учреждением и что он не боится личной ответственности. Гогенцоллерну в ближайшем письме от 22 августа 1905 года пришлось извиниться: «Прости меня за посланную наднях телеграмму, но я думал, что это, может быть, хорошая мысль подвергнуть Думу маленькому испытанию и посмотреть, насколько она работоспособна»⁴.

Опубликованный 6 августа крайне реакционный проект создания Государственной думы без законодательных прав (Булыгинская дума) не только не принес «умиротворения», но вызвал бурю негодования в массах и рост революционных выступлений. Революционный вихрь уничтожил Булыгинскую думу раньше, чем она была созвана. Именно поэтому Булыгинская дума не удовлетворила европейских финансистов. На поездку Витте в Портсмут для мирных переговоров с Японией французские рантье, желавшие скорейшего окончания русско-японской войны, реагировали повышением цен русских бумаг на бирже, но они попрежнему отказывали России в новом займе. Посылая Витте в Портсмут, царь поручил ему не только мирные переговоры: после отъезда Витте министр финансов Кокорцев послал ему телеграмму, в которой предлагал Витте на обратном пути настаивать в Париже на займе. Витте подписал мир, но он не смог добиться займа. Причину этого Витте объяснял в письме из Портсмута: «Чувствовалось, что при настоящем настроении достать денег за границей более чем трудно... это настроение основано не только на внешнем (нашем), но, пожалуй, еще более на внутреннем положении»⁵. 17 (30) ноября 1905 года русский посол писал из Парижа, что есть только одна возможность изменить это неблагоприятное для русского правительства настроение: «Возможность заключить новый заем была бы сохранена, если бы в то время, когда о нем снова начнутся переговоры, в России могло бы установиться хотя

³ Переписка Вильгельма II с Николаем II, стр. 110.

⁴ Там же, стр. 112.

⁵ «Красный архив» за 1925 год. Т. 3 (10), стр. 4.

¹ «Красный архив». Т. 9, стр. 41—42.

² Ленин. Т. VIII, стр. 144.

бы временное успокоение на несколько недель, необходимых для оборудования и осуществления этого предприятия»¹.

2

Против «никогда» Николая Романова выступила могучая сила революционного народа. Ленин писал: «Эта рука, мановение которой произвело переворот в вопросе о Думе, есть рука русского пролетариата... Всероссийская политическая стачка охватила на этот раз действительно всю страну, объединив в героическом походе самого угнетенного и самого передового класса все народы проклятой «империи» Российской»². В октябре 1905 года царское правительство увидело, что ему необходимо расколоть противоположительный фронт.

На первом этапе революции против самодержавия выступала и либеральная буржуазия, которая стремилась к участию в политической власти.

Однако буржуазия вовсе не была заинтересована в победе революции, в свержении самодержавия. Буржуазия нуждалась в царском режиме для борьбы против рабочих и крестьян. Она стремилась лишь к некоторым реформам.

Пугая правительство революцией, буржуазия старалась выторговать себе у царя наилучшие условия для соглашения.

«Боясь революции и вместе с тем пугая царя революцией, она искала сделки с царем против революции и требовала небольших реформ «для народа», чтобы «успокоить» народ, расколоть силы революции и предупредить тем самым «ужасы революции»³.

Бурные события осени 1905 года убедили царское правительство, что в его интересах возможно скорее добиться соглашения хотя бы с частью буржуазии.

18 октября 1905 года Ленин писал: «полная невозможность управлять страной без сделки хотя бы с частью буржуазии, как класса, обнаружилась несомненно»⁴. «Самодержавию необходимо «помириться» с буржуазией, и оно вынуждено стремиться к этому, — причем, разумеется, оно хочет надуть общественное мнение Европы и России»⁵.

Переговоры либералов с царским правительством, то более, то менее активные, продолжались в течение всей революции. Один из самых крайних реакционеров, генерал Трепов, поддерживал сношения с либеральным товарищем министра финансов В. И. Ковалевским, который в свою очередь

сговаривался с вождями будущей кадетской партии. В 1907 году Ковалевский передал в архив Витте несколько документов об этих сношениях либеральной буржуазии с царем. Среди этих бумаг имеется объяснительная записка о положении страны и проект манифеста, которые были переданы царю в апреле 1905 года. Манифест 17 октября отчасти повторяет этот проект. На документах имеются пометки, сделанные рукой Витте. Они подтверждают получение им этих документов от В. И. Ковалевского и указывают их авторов: «Участники: Миллюков, В. И. Гессен, Головин, Лазаревский, Муромцев, оба Ковалевских»⁶. Письмо Бурбоерга, главного управляющего Комитетом прошений, В. И. Ковалевскому, сохранившееся в этом же архиве, доказывает, что бумаги были тогда же переданы царю.

Буржуазия толкала правительство на путь конституционной монархии, и царизм вынужден был считаться с ней. «Зависимость самодержавия от буржуазии вся Россия, — писал Ленин, — есть самая сильная материальная зависимость, которая может быть прикрыта сотнями средневековых приспособок, которая может быть ослаблена миллионами индивидуальных или групповых придворных подкупов (чинами, местами, концессиями, поличками, поблажками и пр. и пр. и пр.), — но которая в решительные моменты народной жизни должна проявиться с решающей силой»⁷.

Октябрь 1905 года был таким моментом. Для того чтобы заключить соглашение с буржуазией, царю нужен был маклер, который выторговал бы правительству максимальную выгоду в этой сделке и на которого можно было бы свалить потом вину в случае неудачи. Эту роль Николай II предназначил Витте, который уже раньше оказал царю серьезную услугу при заключении Портсмутского мира с Японией.

6 октября Витте просил царя о приеме. 8 октября он получил приказ прибыть 9 октября в Петергоф. На приеме Витте подал царю записку с изложением своего взгляда на политическое положение. С большим пафосом Витте писал, что происходящее в России революционное движение имеет глубокие исторические корни. «Его корни в глубине веков, в Новгороде и в Пскове, в Запорожском казачестве, в низовой вольнице Поволжья, в церковном расколе, в протесте против реформ Петра с призывом к идеализированной самобытной старине, бунте декабристов, в деле Петрашевского, в великом акте 19.11.1861 года и говоря вообще, в природе всякого человека»⁸.

¹ «Красный архив». Т. 2 (9), стр. 43.

² Ленин. Т. VIII, стр. 331, 332.

³ «История ВКП(б)», стр. 59.

⁴ Ленин. Т. VIII, стр. 336.

⁵ Там же, стр. 337.

⁶ «Красный архив». Т. 11—12, стр. 107.

⁷ Ленин. Т. VIII, стр. 336.

⁸ «Красный архив». Т. 11—12, стр. 52.

Все это либеральное фразерство Витте имело целью запугать царя тем, что «идея гражданской свободы восторжествует, если не путем реформ, то путем революции»¹. Витте старался привести царя к выводу, что «государственная власть не имеет выбора: ей надлежит смело и откровенно стать во главе освободительного движения... Раз правительство станет во главе движения, оно сразу приобретет опору и получит возможность ввести движение в границы и в них удержать»². Витте предлагал царю дать конституцию и ряд реформ, цель которых была в том, чтобы путем уступок либеральной буржуазии и кулакам привлечь их на сторону самодержавия. Он писал, что необходимо дать гражданские свободы и народное представительство. Он говорил о всеобщем избирательном праве, но умалчивал при этом о равных и прямых выборах. Витте полагал, что «дарованием» избирательных прав широким слоям населения, лишенным этих прав по проекту Булыгина, можно будет «успокоить» народные массы. Вместе с тем сохранению имущественного и сословного ценза даю бы возможность настолько уменьшить представительство в Думе от демократических слоев, что они не могли бы иметь там серьезного значения.

Для умиротворения национальных окраин Витте предлагал дать автономии десяти польским губерниям, местное самоуправление Грузии и другим частям Кавказа. Он проектировал «мероприятия, смягчающие подавление труда капиталом: нормирование рабочего дня, государственное страхование рабочих, образование примирительных камер и т. п.»³.

Витте предложил царю свою аграрную программу, которая была ставкой на кулаков, имевших возможность покупать землю. Он предлагал удовлетворить земельный голод крестьян за счет использования казенных земель и Крестьянского банка. Он даже решился осторожно заговорить о принудительном выкупе у помещиков земли в пользу крестьян: «Выкуп ренты, получаемой частными собственниками в виде арендной платы за землю, не может почитаться мерой совершенно недопустимой»⁴. Главной задачей предлагаемых им аграрных реформ было увеличение «площади землевладения на началах личного земледельческого труда».

Крестьянское революционное движение принуждало даже часть помещиков заговорить об уступках. «Надо прирезать землю крестьянам, иначе они нас прирежут»,—

говорили либеральные помещики»⁵. Революционного крестьянства испугался и самый крупный помещик России—царь. Николай II написал Марии Федоровне: «Как ты, конечно, знаешь, внутри России начались аграрные беспорядки. Это самое опасное явление, вследствие легкости подбивать крестьян отнимать землю у помещиков, а также потому, что войск везде мало»⁶.

Вся программа Витте имеет так много общего с программой, которую позже выдвинула кадетская партия, что, несомненно, это объясняется не только их общим классовым происхождением, но и общим документальным источником. В 1912 году Ленин, говоря об аграрной программе кадетов, указал, что она взята ими из проекта министерства Витте: «Вот что говорят нам исторические факты. Кадетский аграрный проект есть проект министра⁷ при Витте «сыграть» в крестьянский цезаризм»⁸.

По существу, предложения Витте были планом ликвидации революции путем уступок. Не ограничиваясь этим, Витте указывал царю и на возможность другого выхода: назначения военного диктатора для решительного подавления «смуты». Он предлагал Николаю II обсудить оба плана с государственными деятелями и лицами царской семьи.

На следующий день, 10 октября, Витте снова был вызван в Петергоф, где он изложил свои соображения о двух способах ликвидации революции и свою программу.

11 и 12 октября Николай II обсуждал предложенную Витте программу в кругу наиболее приближенных лиц. Витте эти два дня не получал никаких известий из Петергофа. 13 октября Витте получил от царя телеграмму с назначением его председателем совета министров и с предложением объединить действия министров. В ответ на назначение Витте послал царю письмо. Он писал, что не может стать первым министром, если не будет принята его программа. В этот же день Витте составил доклад «По вопросу об объединении деятельности министров впредь до утверждения законопроекта о совете министров». Этот доклад, более сдержанный чем записка, гораздо меньше говорил о реформах, ограничиваясь общими фразами о «гражданских свободах» и о «началах народного

⁵ «История ВКП(б)», стр. 59.

⁶ «Красный архив». Т. 3 (22), стр. 173.

⁷ Аграрный проект разработал Н. Н. Кутлер, работавший в министерстве финансов в 1899—1904 годах. В 1905 году Кутлер был товарищем министра внутренних дел, а в министерстве Витте стал министром земледелия и землеустройства. Впоследствии кадет.

⁸ Ленин. Т. XVI, стр. 118.

¹ «Красный архив». Т. 11—12, стр. 55.

² Там же, стр. 56.

³ Там же, стр. 58.

⁴ Там же.

представительства», которые будет разрабатывать правительство. Основным содержанием доклада была идея о необходимости иметь однородный состав правительства, обеспечивающий единство его целей.

Придворные убеждали царя, что Витте стремится стать президентом будущей Российской республики. Они предлагали царю издать манифест, с тем чтобы все меры, которые должны были «успокоить Россию», исходили от царя, а не от министерства. Витте требовал, чтобы Николай II ограничился утвердительной резолюцией на его докладе. Таким образом, вся честь «восстановления порядка» была бы предоставлена Витте.

14 октября на приеме в Петергофе Витте потребовал срочно обсудить и принять его программу. Сам царь составил список лиц, которых следовало пригласить на совещание. 15 октября Витте снова вызвали во дворец, предварительно предложив ему составить проект манифеста. По воспоминаниям Витте, проект был составлен на пароходе по дороге в Петергоф. Составлял манифест близкий Витте придворный, позже оберпрокурор синода А. Д. Оболенский. Редактировал манифест сам Витте. Характерно для двуличной политики этого «министра-клоуна», как назвал его Ленин, что Витте, говоривший в «записке» о «мерах для смягчения рабочего вопроса», вычеркнул соответствующий пункт из проекта Оболенского.

На совещании в Петергофе участвовал специально вызванный царем предполагаемый кандидат в диктаторы великий князь Николай Николаевич. Совещание решило только одно: необходимо издать манифест от имени царя. Витте выступил против. Он доказывал, что утвердительная резолюция на его докладе менее свяжет царя чем манифест.

Не успел уехать Витте, как приехали вызванные царем Горемыкин¹ и Будберг, которые тоже составляли проект манифеста по предложению царя. С ними царь совещался отдельно и тайком от Витте. Несомненно, что на проекте Будберга должен был отразиться тот проект манифеста, который он перед тем в апреле передавал царю. Николай все еще колебался. Вечером 15 октября царь послал дежурную минопоску и фельд'егерского офицера с проектом Витте к Трепову. Царь спрашивал его мнение о манифесте и программе и просил ответить, сколько дней может Трепов поддерживать порядок в Петербурге и возмож-

но ли вообще «водворить порядок» без больших жертв. Ответа минопоска должна была ждать только три часа. Трепов не решился гарантировать, что в Петербурге не будет пролита кровь. Он сделал ряд замечаний по пунктам записки Витте, стараясь свести к минимуму «свободы», которые должен был даровать манифест. Вместе с тем Трепов предложил царю «даровать» конституцию по прусскому образцу: «Прусская конституция, не надо бояться этого слова, умеренна и могла бы служить канвою для разработки сего проекта»².

В то же время Трепов убеждал царя, что «манифест не должен содержать в себе угроз»³.

Царь и придворная камарилья отнюдь не собирались выбирать один из двух путей, предложенных Витте. Дума и манифест не означали отказа от правительственного террора. Они нужны были царю и его правительству только для того, чтобы выиграть время, внести расколение в оппозиционное движение и задавить революцию более медленным, но более надежным способом. Царь усиленно готовил кровавую расправу с революцией. Об этом намекал Трепову, препровождая ему проект Витте, князь В. Орлов, помощник начальника всенно-походной канцелярии царя, особенно близкий императрице и императору. Орлов писал: «Мое личное мнение — в Манифесте лишние слезы по поводу смут и напрасно так распространяться про кулак, можно бы это только вскользь упомянуть, и лучше кулак на фактах показать, чем еще раз письменно упоминать»⁴. К этой же цели был направлен совет Трепова в его ответе царю: «В заключение почитаю своим священным долгом сказать, что войско должно всегда оставаться в руках В. В.; оно должно быть сильным, преданным, сплоченным корпоративным духом; к достижению этого должны быть направлены Ваши царственные заботы и работы ближайших сотрудников Ваших в этом деле первой государственной важности»⁵.

В это время Витте узнал, что его проект обсуждается без него и может быть подписан царем в измененном виде. Витте телефонирует Фредериксу — министру двора, доверенному царя, — и ультимативно потребовал поставить его в известность о сделанных в его проекте изменениях, в противном случае поставить во главе дела автора изменений — Горемыкина. Пришлось выбирать между Витте и Горемыкиным. Репутация Горемыкина была такова,

¹ Горемыкин, будучи министром внутренних дел в 1895—1899 годах, проводил крайне реакционную политику. В 1906 году он был по настоянию Трепова назначен председателем совета министров вместо Витте.

² «Былое» № 14 за 1919 год, стр. 111.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 110.

⁵ Там же, стр. 111.

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТЪ.

ВОИМЕРЪ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКИЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКИИ, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯДСКОЙ,

и прачимъ и прочимъ и прочимъ

Суть и волеи въ становить и во аугкиа востановить. Именемъ Божиимъ и воимеръ милостию. Мы, Николай Второй, Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочимъ и прочимъ и прочимъ. Суть и волеи въ становить и во аугкиа востановить. Именемъ Божиимъ и воимеръ милостию. Мы, Николай Второй, Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочимъ и прочимъ и прочимъ.

НИКОЛАЙ

Къ сему манифесту... Г. Штребельъ... 12 на 1 часу или Кемперъ 14... Пулеметъ... Сатирический журнал «Пулемет» № 1 за 1905 год.

Манифест Николая II 17 октября 1905 года с кровавым отпечатком пуки Трепова. Сатирический журнал «Пулемет» № 1 за 1905 год.

что составленный им манифест не мог пользоваться доверием даже у правой части либералов. Когда 16 октября среди петербургских либералов распространился слух, что принят проект не Витте, а Горемыкина, это сразу произвело на них удручающее впечатление. Витте указывал на два главных отличия его проекта от горемыкинского: 1) в проекте Витте говорилось, что царь предлагает правительству озаботиться о проведении реформ, а по проекту Горемыкина, царь прямо «даровал» реформы своим манифестом; 2) в проекте Горемыкина был опущен пункт о правах Государственной думы на законодательный почин.

Ночью 16 октября министр двора Фредерикс приехал к Витте, чтобы убедить его подписать проект Горемыкина. До Витте он побывал у Трепова. Витте наотрез отказался. 17 октября, утром, царь молча выслушал переданный ему Фредериксом ультиматум Витте. Этот ультиматум был тут же поддержан Николаем Николаевичем. Фредерикс сообщил Витте, что великий князь докладывал царю о невозможности за недостатком войск прибегнуть к военной диктатуре. Фредерикс конфиденциально рассказал Витте о происшедшей во дворце сцене: «Великий князь вынимает из кармана револьвер и говорит — «ты видишь этот револьвер, вот я сейчас пой-

ду к государю и буду умолять его подписать манифест и программу гр. Витте; или он подпишет, или я у него же пушу себе пулю в лоб из этого револьвера...»¹. Что заставило великого князя настаивать на подписании манифеста? Отсутствие у правительства надежных войск было так явно, что кандидат в диктаторы испугался. Прежде чем говорить с царем, великий князь вызвал к себе зубатовца Ушакова, который был рабочим Экспедиции заготовления государственных бумаг, и советовался с этим провокатором, как подействовать на рабочих. Ушаков убеждал Николая Николаевича сказать, «чтобы государь отрекся от самодержавия для своей же пользы, за что народ будет ему вечно благодарен»².

Необходимость пойти на уступки была так очевидна, что это, наконец, понял даже Николай II. Он написал своей матери: «Представлялось избрать один из двух путей: назначить энергичного военного человека и всеми силами постараться раздавить крамолу; затем была бы передышка и снова пришлось бы через несколько месяцев действовать силою; но это стоило бы потоков крови и в конце концов привело бы

¹ Граф С. Ю. Витте «Воспоминания». Т. II, стр. 32.
² «Красный архив». Т. 4, стр. 415.

подписав мани-
фест в 5 час.. После такого дня
голова стала тяжелой и мысли
стали путаться.

Запись из дневника Николая II — 17 октября 1905 года.

Музей революции СССР.

неминуемо к теперешнему положению, т. е. авторитет власти был бы показан, но результат оставался бы тот же самый и реформы вперед не могли осуществляться бы.

Другой путь — предоставление гражданских прав населению — свободы слова, печати, собраний и союзов и неприкосновенности личности; кроме того, обязательство проводить всякий законопроект через Госуд. Думу — это, в сущности, и есть конституция. Витте горячо отстаивал этот путь, говоря, что хотя он и рискованный, тем не менее единственный в настоящий момент. Почти все, к кому я ни обращался с вопросом, отвечали мне так же, как Витте, и находили, что другого выхода кроме этого нет»¹.

Витте рассказывает, как был подписан манифест. 17 октября Витте вместе с Фредериксом и Николаем Николаевичем вошли к царю. Николай II обратился к Витте и сообщил, что он решил утвердить его доклад и подписать манифест. Затем Николай II встал, перекрестился, сел за стол и подписал манифест и доклад. В этот день в своем дневнике царь записал: «Подписал манифест в 5 часов. После такого дня голова стала тяжелой и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, умироти Россию»². Через год, 17 октября 1906 года, царь писал в дневнике: «Головщина крушения и мучительных часов прошлого года! Славу богу, что оно уже пережито»³.

В придворных кругах и среди членов семьи Романовых не было единодушного мнения о манифесте 17 октября. К. Успенский в своем очерке о царствовании Николая II рассказывает о бурной сцене, происшедшей во дворце после подписания манифеста. Царица Александра

Федоровна уверяла впоследствии, что Витте вырвал манифест у царя, а черносотенная пресса, получавшая от казны субсидию через Александру Федоровну, прямо писала, что Витте — изменник, масон, полкушлен и т. д. Иным было настроение Николая Николаевича. Возвращаясь в Петербург после подписания манифеста, он был весел и сказал Витте: «Сегодня 17 октября и 17 годовщина того дня, когда в Борках была спасена династия»⁴. Думается мне, что и теперь династия спасается от не меньшей опасности сегодня происшедшим историческим актом»⁵.

Манифест был компромиссом между царем и буржуазией. Витте не сумел добиться даже упоминания в манифесте слова «конституция», и все-таки союз был заключен.

3

18 октября 1905 года в очередном номере «Правительственного вестника» — официального органа царского правительства — был обнародован текст «Высочайшего манифеста», подписанного Николаем II. Манифест начинался с указания на «великую и тяжкую скорбь», какой было исполнено «сердце наше» (то есть Николай II) вследствие смут и волнений «в столицах и во многих местностях империи...» Далее сообщалось: «Мы, для успешнейшего выполнения общих предназначаемых нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего Правительства. На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли».

Правительству поручалось: «Даровать населению незыблемые основы

¹ «Красный архив». Т. 3 (22), стр. 167 — 168.

² «Дневник Николая II», стр. 222.

³ Там же, стр. 231.

⁴ 17 октября 1888 года на станции Борки произошло крушение царского поезда. Александр III и его семья остались живы.

⁵ Граф С. Ю. Витте «Воспоминания». Т. II, стр. 34.

гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Манифест обещал созвать законодательную Государственную думу и привлечь к выборам в нее и те классы населения, которые были лишены избирательных прав по положению о выборах в Буржуазную думу. Впрочем, это обещание тут же ограничивалось словами «в мере возможности» и ссылкой на краткость срока до созыва Думы. Манифест устанавливал, что все законы должны быть одобрены Государственной думой. Он обещал, что выборным от народа будет обеспечена «возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей»¹.

Вместе с манифестом под заголовком «Действия правительства» было напечатано «высочайшее повеление» графу Витте — «принять меры к объединению деятельности министров, впредь до утверждения законопроекта о Совете Министров». В том же номере был помещен «Всполнительнейший доклад статс-секретаря графа Витте», которому предшествовало коротенькое сообщение: «На подлинном его Императорскому Величеству, в Петергофе, в 17-й день октября 1905 года, благоугодно было собственноручно начертать: «принять к руководству». В этом докладе Витте обещал, что первой задачей правительства будет осуществление основ правового строя: свободы печати, совести, собраний, союзов и личной неприкосновенности. Доклад говорил о преобразовании Государственного совета «на началах широкого участия в нем выборных элементов»². В дополнение к этому 19 октября был опубликован закон «о мерах к укреплению единства деятельности министров и главных управлений». Этим законом создавался кабинет министров с председателем (премьер-министром) во главе. Ему давалось право влиять на всех министров, за исключением военного, морского и в некоторой степени министра внутренних дел. Реальная сила правительства — армия и полиция — оставалась в руках царя и его приближенных.

Для либеральной буржуазии манифест 17 октября, открывший возможность участия буржуазии в политической власти, стал поворотным моментом от политики заигрывания с революцией к открытой измене ей и к заключению теснейшего союза с самодержавием.

После октябрьских дней и обнародования манифеста либеральная буржуазия уже не старалась сохранить видимость враждебности царизму. Она все более откровенно

показывала себе контрреволюционное лицо. Бывшие участники земских съездов и «Союза освобождения» раскололись. Часть из них попрежнему поддерживала на словах требование конституции на «английский образец». Они создали партию конституционных демократов (кадетов). Другая часть избрала своей политической платформой манифест 17 октября. В ноябре 1905 года была создана партия «17 октября» («октябристы»). «...датой конституционного манифеста воспользовались, как названием партии, крупно-буржуазные элементы, вставшие на сторону царского правительства, которое принялось приспособлять новую конституцию к самодержавию»³. Эта партия крупной торгово-промышленной и землевладельческой буржуазии открыто поддерживала политику правительства.

Переход буржуазии на сторону контрреволюции отметил и сам Николай II. Он писал матери: «Как я тебе писал последний раз, настроение совершенно переменялось. Все прежние легкомысленные либералы, всегда критиковавшие каждую меру правительства, теперь кричат, что надо действовать решительно»⁴.

Вместе с тем манифест 17 октября, будучи уступкой, к которой царизм был вынужден политической забастовкой, был первой крупнейшей победой революции. Эта победа воодушевила народные массы России. Сотни тысяч и миллионы людей, прежде не участвовавших в политической жизни, теперь во всех краях России устремились на митинги и собрания. Митинги собирались в учебных заведениях, мастерских, театрах и под открытым небом. Революционные митинги и демонстрации 18 октября 1905 года (в день опубликования манифеста) проходили по всей России: в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Саратове, Ташкенте, Киеве, Полтаве, Кишиневе, Казани, Одессе, Варшаве, Сосновцах, Петрокове, Пабланцах, Вильне, Кременчуге, Ростове на Дону, Ярославле, Твери, Пензе, Архангельске, Тифлисе, Екатеринославе, Орле и т. д., и т. д. В корреспонденции из Петербурга в № 25 «Пролетария» (центральный орган большевиков) говорилось: «Нет ни одного, кажется, высш. уч. заведения, где не было бы одного, а то и 2-х, 3-х и 4-х митингов. Митингами бывают заняты не только актовые залы, но и чертежные аудитории, и т. д. ...»

Публика на митингах присутствует разнообразная: студенты, курьетки, гимназисты, тысячи рабочих и работниц, матросы, солдаты, офицеры, городская бедно-

¹ «Правительственный вестник» от 18/X 1905 г., стр. 2.

² Там же.

³ Ленин, Т. X, стр. 75.

⁴ «Красный архив», Т. 3 (22), стр. 180.

Еврейские погромы. 1905 год.

С картины художника Шапиро.

та...»¹. Так революционный народ осуществлял завоеванную им в октябрьские дни свободу слова, свободу собраний.

Пролетарские демонстрации, не ожидая осуществления обещанной царем частичной амнистии, шли к тюрьмам и освобождали политических заключенных.

Революционным почином («захватным правом») рабочих осуществилась на некоторое время и свобода печати, так как союз типографских рабочих постановил не набирать и не печатать те газеты, которые будут посылать свои номера в царскую цензуру. Ни один издатели не осмелился нарушить запрет союза, а правительство не решилось тогда принять какие-либо меры. В Петербурге выходили три ежедневных социал-демократических газеты с тиражом в 50—100 тысяч экземпляров. Рабочий класс начал борьбу за завоевание революционным путем восьмичасового рабочего дня.

Советы рабочих депутатов, созданные революционным творчеством рабочих масс в дни исторической октябрьской политической стачки, укреплялись как новые, еще невиданные в истории центры воюющего народа и уже тогда рассматриваются большевиками как зачатки революционной

власти, противопоставленной старой царской власти, еще не свергнутой, но уже расшатанной и ослабленной.

В некоторых городах, например в Казани, наряду с освобождением политических заключенных происходило разоружение полиции и организация народной милиции. Революционное движение поднялось на более высокую ступень, подошло вплотную к вооруженному восстанию. Ленин писал об этом периоде: «Некоторые города России переживали в те дни период различных местных маленьких «республик», в которых правительственная власть была смещена и Совет Рабочих Депутатов действительно функционировал в качестве новой государственной власти. К сожалению, эти периоды были слишком краткими, «победы» слишком слабыми, слишком изолированными»².

Николай II подписал не только манифест, но и указы о частичной амнистии политическим, о возвращении автономии Финляндии. Он согласился на отставку Трепова, разрешил Витте привлечь в министерство либералов. Но, уступая натиску революциям, царь в то же время вдохновлял кровавую расправу с революционным народом. В день объявления манифеста Трепов издал свой знаменитый приказ «патрону не жалеть, стрелять в народ». Избиения и расстрелы демонстрантов про-

¹ «Вперед» и «Пролетарий». Вып. VI, стр. 112. Госиздат. 1925.

² Ленин. Т. XIX, стр. 353.

пеходили 18 октября в Петербурге, Лодзи, Кишиневе, Кременчуге, Казани, Полоцке, Минске, Твери, Пензе, Орле, Севастополе, Симферополе, Белостоке. В тот же день начались кровавые еврейские погромы в Одессе, Киеве, Ростове на Дону, Генчесске, Елизаветграде, Херсоне, Орле, Твери, Курске, Владимире, Ярославле, Архангельске, а 19 и 20 октября — в Екатеринославе, Николаеве и ряде других городов. В Москве и Ростове на Дону 18 октября произошло вооруженное столкновение демонстрантов с черной сотней. В Москве в этот день был убит только что освобожденный из тюрьмы тов. Бауман. Погромы, карательные экспедиции и карательные поезда стали основными методами борьбы с революцией. Погромы были в 110 пунктах России, число убитых во время погромов достигло 4 тысяч человек. За весь 1905 год царскими властями было убито, по официальным сведениям, 14 654 человека и ранено 18 052 человека. В действительности количество жертв было, вероятно, гораздо больше. Николай II выражал особую благодарность и благоволение тем, кто отличался особенными зверствами и жестокостью в борьбе с революцией. В департаменте полиции был создан особый отдел под руководством ротмистра Комиссарова, который фабриковал провокационные, погромные листовки и целыми тюками рассылал их в провинцию. Погромы организовывала сама полиция с ведома и под покровительством царя.

Правительство широко использовало для расправы с народом крайне правые монархические организации: «Союз объединенного дворянства», «Союз русского народа», «Союз Михаила архангела». Эти черносотенные организации создавались в эпоху первой русской революции, особенно после манифеста 17 октября, самым правительством как ударный кулак контрреволюции, для борьбы за интересы крепостников-помещиков, высшего духовенства, крупных чиновников. В своей программе черносотенцы открыто провозглашали охрану крепостнического помещичьего землевладения, сословных привилегий, царского самодержавия. Их излюбленным оружием было разжигание ненависти и презрения русского населения к «иногородцам», то есть к другим народам России, под флагом защиты «истинно-русских» устоев — православия и самодержавия. Ленин писал о них: «Черносотенцы образуют последний тип наших политических партий. Они хотят не «конституции 17-го октября», как гг. Гучковы, а сохранения и формального восстановления самодержавия. В их интересах — вся та грязь, темнота и продажность, которые процветают при всевластии обожаемого монарха. Их сплачивает бешеная борьба за

«Никакого волшебства, одна ловкость рук». Карикатура на манифест 17 октября 1905 года. Музей Революции СССР.

привилегии камариллы, за возможность по-прежнему грабить, насильничать и затыкать рот всей России»¹.

Фактически политикой России руководила группа ультрареакционных сановников во главе с Треповым. Она сложилась в результате ряда секретных совещаний, созывавшихся Николаем II для обсуждения проекта Булыгина и перед изданием манифеста 17 октября. Эта группа, получившая прозвище «Звездной палаты», отражала интересы наиболее реакционных русских сановников и богатейших помещиков России. Трепов и его шайка вдохновляли погромы, организовывали кровавую расправу с революцией, а Витте служил им ширмой для успокоения русской буржуазии и для получения займа за границей. Яркую характеристику этой двойственной политики царизма дал товарищ Сталин. 5 ноября 1905 года от имени Тифлисского комитета Кавказского союза РСДРП была издана прокламация «К солдатам», написанная товарищем Сталиным: «Правительство уступило. Оно издало манифест с провозглашением свободы слова, союзов, собраний и неприкосновенности личности.

Но, товарищи, царь не дал нам свободы. Он дал только бумагу. Все, что написано

¹ Ленин. Т. X, стр. 94.

было на этой бумаге, им не было исполнено.

На бумаге была написана свобода слова и собраний, а царь в этот же день велел расстреливать участников собраний и многих арестовывать. В этот же день, день объявления манифеста, министр вн. дел Трепов издал по всей России приказ — «не жалеть патронов и стрелять в народ». В этот же день казаки расстреливали мирных гурийцев. На другой же день после объявления манифеста были устроены по всей России погромы на евреев и на интеллигенцию. Убито было несколько тысяч евреев, разграблено на сотни миллионов имущества. Гремиллами были шпионы, полицейские, жандармы и пьяницы-хулиганы¹.

Подчеркивая, что издание манифеста было, несомненно, первой победой революции, Ленин в статье «Первая победа революции» писал: «...царское правительство в последнюю минуту пошло на уступку, сознав, что взрыв неизбежен, что одержать полную победу оно ни в каком случае и безусловно уже не в состоянии, а потерпеть полное поражение оно очень и очень может»². Ленин в то же время подчеркивал, что эта первая победа революции вовсе еще не означает капитуляции самодержавия.

На самом деле самодержавие только обещало народу права, с тем чтобы ему их не дать: «...манифест 17 октября был обманом народных масс, царской уловкой, своего рода передышкой, необходимой царю для того, чтобы усыпить легковверных, выиграть время, собраться с силами и потом ударить по революции»³. Именно поэтому буржуазия встретила манифест ликованием. «Известия Совета Рабочих Депутатов» рассказывали о заседании петербургской городской думы 18 октября: «Буржуазия ликует... Либералы и черносотенцы петербургской думы встретили злополучный виттевский манифест криками радости. Они целовались друг с другом, служили с полами молебны и пили шампанское».

Мелкая буржуазия, широкие обывательские круги еще верили обещаниям царского манифеста. Стрельба по мирным жителям, осада Технологического института в Петербурге, массовые погромы и т. п. казались им только пережитками старого. Предательская тактика меньшевиков поддерживала эту веру в царские обещания. Лидеры меньшевиков прямо заявили, что царь капитулировал.

¹ Прокламации большевистских организаций Закавказья 1904—1906 гг., стр. 179. Тбилиси, 1940.

² Ленин в. Т. VIII, стр. 352.

³ «История ВКП(б)», стр. 74.

Оппортунистическо-предательская тактика, разоружавшая рабочий класс в момент решительных боев с царизмом, особенно ярко проявилась у давнего изменника делу пролетариата — Троцкого. Он облегчил политический маневр правительства, убеждая революционные массы России, что 17 октября самодержавие «взяло руки по швам перед бастующим пролетариатом». Троцкий предложил и отстаивал резолюцию о выводе войск из Петербурга и других промышленных центров России, что изолировало бы армию от революционного влияния пролетариата. Выступая против большевистского лозунга о превращении советов в органы вооруженного восстания, он способствовал тому, что рабочий класс Петербурга оказался неподготовленным к моменту решительного боя с правительством в декабре 1905 г.: «...меньшевикам Хрусталеву, Троцкому, Парvusу и другим удалось повернуть Петербургский Совет против политики восстания»⁴. Кульминационным пунктом эта предательская тактика достигла 3 декабря 1905 года, когда руководство совета, заранее предупрежденное о приближении полиции, допустило без единого выстрела арест всего состава совета вооруженными силами правительства Витте — Трепова, лишив петербургский пролетариат его лучшего актива.

Иллюзии, которые посеял манифест, представляли громадную опасность для революции. С первой минуты появления манифеста единственно большевики разоблачили подлинный характер манифеста и сигнализировали массам опасность обмана.

Ленин и Сталин, вся большевистская партия в газетных статьях, в подпольных листовках и в речах призывали народные массы не верить провокации правительства и готовиться к вооруженному восстанию. В воззвании ЦК РСДРП(б) «К русскому народу» от 18 октября 1905 года говорилось: «Царь и министры лгут и лицемерят, верить им нельзя. Они хотят успокоить народ бумажной конституцией и втихомолку отнять у него то, что ему наобещали. Они хотят столкнуться с высшими классами и сохранить за собой военную силу, чтобы сообща подавить народ»⁵.

Последовательно революционная линия большевистской партии особенно ярко проявилась в деятельности товарища Сталина. В октябре и ноябре 1905 года товарищ Сталин написал и издал семь листовок. В двух из них говорится о манифесте 17 октября. В них товарищ Сталин разоблачал контрреволюционные цели манифеста,

⁴ «История ВКП(б)», стр. 76.

⁵ «Революция и РКП(б) в материалах и документах». Т. III, стр. 228. 2-е изд.

звал к продолжению борьбы и к переходу к вооруженному восстанию. 18 октября 1905 года товарищ Сталин написал прокламацию «Ко всем рабочим»: «Купая «конституция», которую он нам «дает», — это временная уступка, фарисейское обещание царя и ничего более»¹. «Кто требует у правительства уступок, тот не верит в смерть правительства, — а пролетариат живет этой верой; кто ждет от правительства «льгот», тот не верит в мощь революции. — а пролетариат живет этой верой»². Товарищ Сталин указывал пролетариату его задачу — продолжать и развивать революцию и готовиться к вооруженному восстанию: «Царское самодержавие преграждает путь народной революции, своим вчерашним манифестом оно хочет затормозить это великое движение, — ясно, что волны революции поглотят и отшвырнут прочь царское самодержавие...»³. Товарищ Сталин разъяснял, что свергнуть правительство можно только вооруженным народным восстанием под руководством пролетариата: «Только тогда, когда вооруженный народ пойдет за пролетариатом и поднимет знамя всеобщего восстания, — лишь тогда возможно свергнуть царское правительство, опирающееся на штыки»⁴. Товарищ Сталин разоблачал фразерство меньшевиков, их отказ от вооруженного восстания. Он писал: «Не пустые фразы, не бессмысленное «самовооружение», — а подлинное вооружение и вооруженное восстание, — вот куда идут сегодня пролетарии во всей России»⁵.

Товарищ Сталин разоблачал оппортунистическую, предательскую тактику меньшевиков. В день объявления царского манифеста лидеры кавказских меньшевиков Н. Жордания, Н. Рамшвили и другие торжественно возвещали на митинге в Тифлисе: «Отныне самодержавия нет, самодержавие умерло»⁶.

¹ «Прокламации большевистских организаций Закавказья 1904 — 1906 годов», стр. 163. Тбилиси, 1940.

² Там же, стр. 162.

³ Там же, стр. 164.

⁴ Там же, стр. 163.

⁵ Там же.

Меньшевики выдвинули лозунг разоружения рабочего класса. «Мы не хотим оружия, долой оружие»⁷, — говорили они.

Товарищ Сталин дал сокрушительный ответ предательским выступлениям меньшевиков. «Какая революция может победить без оружия, — говорит товарищ Сталин на митинге, — и кто тот революционер, который говорит: долой оружие?.. Что нужно, чтобы действительно победить? Для этого нужны три вещи: первое, что нам нужно, — вооружение, второе — вооружение, третье — еще и еще раз вооружение»⁸.

Великие стратеги революции Ленин и Сталин, оценив по достоинству царский манифест как первую победу революции, как вынужденную уступку царизма и как орудие в его руках в борьбе с революцией, видели в этой первой победе революции лишь шаг к дальнейшей мобилизации сил. Важнейшей задачей они считали учет не только силы, но и слабостей революции, дальнейшую ее подготовку путем преодоления этих слабостей. Ленин в связи с октябрьскими событиями так определял очередные задачи партии и рабочего класса:

«Революционный пролетариат привел к первой великой победе революцию городскую. Он должен теперь расширить и углубить базу революции, распространив ее на деревни. Поднять крестьянство до сознательной защиты дела свободы, потребовать серьезнейших мер в пользу крестьянства, подготовить деревенское движение, которое бы в связи с передовым городским пролетариатом добило самодержавие, завоевало полную и настоящую свободу, — такова теперь очередная задача Российской социал-демократии»⁹.

Дальнейшее развитие революции 1905 года и ее поражение блестяще подтвердили эту оценку Ленина.

⁶ Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 84. Госполитиздат. 4-е изд. 1938.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Ленин. Т. VIII, стр. 356.

Т. Чугуев

Представления советских школьников о прошлом и отношении к нему*

Дореволюционное прошлое сильно интересует советских детей. Особенно привлекают их вопросы о жизни детей в дореволюционной России, о положении рабочих и крестьян, об эксплуатации и угнетении народа, о революционной борьбе трудящихся, о борцах за освобождение трудящихся. Прошлое воспринимается советскими школьниками очень своеобразно.

В одной из своих речей в 1919 году В. И. Ленин говорил: «Внуки наши, как диковинку, будут рассматривать документы и памятники эпохи капиталистического строя. С трудом смогут они представить себе, каким образом могла находиться в частных руках торговля предметами первой необходимости, как могли принадлежать фабрики и заводы отдельным лицам, как мог один человек эксплуатировать другого, как могли существовать люди, не занимавшиеся трудом»¹.

Советские дети воспринимают старый мир действительно как диковинку, они удивляются ему, как фантастическому миру. Пионеры, описывая в своей книге «База курносых» инсценировку учащихся, говорят: «Появляется (на сцене) рыжий поп. Попев сморзеть мы вообще любим; они для нас как животное доисторического периода...»².

В историческом, краеведческом, антирелигиозном музеях, в музее революции, в картинной галерее всегда можно видеть советских школьников, с любопытством и удивлением рассматривающих экспонаты, характеризующие прошлое нашей страны.

В своем стихотворении «Корона и кепка» Маяковский ярко и живописно изобразил свои наблюдения над поведением советских школьников, рассматривающих в

Музее революции государственные регалии царской России:

«Головкой русея,
вижу, детям показывает шкрабица
комнаты реммузея

— А этот... не разберешься — стул или
стол,

С балдахинчиком со всех сторон?..

— Это, дети, называлось «престол
отчества» или «трон».

«Плохая мебель!»

Как говорил Бебель.

Корона — вот этот ночной горшок,
бриллиантов пуд — устанешь, носивши.
И моршатея дети: — Нехорошо!
Кепка и мягше и много красивше.
Очень неудобная эта корона.

— Тетя, а это что за ворона?

— Двуглавый орел...

Тише, дети, руками не трогайте! —
И смотря с удивлением Маньки да

Ванятки

на истрепанные царские монатки».

Удивление советских школьников перед миром прошлого во всех его проявлениях вызывается тем обстоятельством, что советские дети не видели этого прошлого, а оно, это прошлое, необычайно резко отличается от их, советской современности и поэтому воспринимается детьми как нечто необычное, сказочное.

Удивляясь порядкам старого мира, советские школьники прямолинейно и резко осуждают прошлое.

Горький говорил о советских детях: «Рост нового человека особенно ярко заметен на детях... Никогда еще дети не входили в жизнь такими сознательными и строгими судьями прошлого...»³.

И действительно, трудно представить себе более строгих судей прошлого чем советские дети. Причем осуждают они, как

* Статья представляет собой главу из подготовленной к печати книги «Очерки психологии советского школьника».

¹ Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 270.

² «База курносых (пионеры о себе)», стр. 153.

³ М. Горький «Советская литература», стр. 31.

это вообще присуще детям, главным образом не социальные порядки, а людей, их посетителей. Людей прошлого школьники разделяют на категорию людей симпатичных — это угнетенные и борцы — и людей антипатичных — эксплуататоров и их прислужников. Эту вторую категорию людей — эксплуататоров и их прислужников — советские школьники резко осуждают и проявляют к ним антипатию, доходящую до острой ненависти.

В своих сочинениях о прошлом ученики советских школ называют капиталистов, помещиков, царей, чиновников, помещиков, монахов грабителями и ворами. С презрением пишут о том, что «вообще эти буржуи любили покутить, погулять за счет эксплуатации», что жизнь помещиков и буржуа «проходила на балах и вечерах», что господа «ничего не делали, только ели, гуляли и спали», что, наживая средства на эксплуатации трудящихся, они транжирили эти средства «на разные финтифлюшки».

О кунцах советские школьники пишут:

«Купеческие поговорки так и говорят: «Отсеки ту руку по локоть, что в свой рот добра не гребет». Это была основа жизни набухающего богатством купечества».

Неприязнь к господам прошлого у советских детей настолько велика, что слова «помещик», «буржуй», «кулак» стали самыми обидными, ругательными кличками в их среде. Презрение и ненависть к эксплуататорам и их защитникам у детей настолько велики, что дети даже в играх ни за какие блага не хотят выступать в роли «белых».

В одной газете перепечатан интересный разговор советских школьников по поводу игры «в белых и красных».

«— Половина должна быть белыми. Понятно? Леша, ты иди в белые».

— Да, так тебе прямо в белые. Не пойду я в белые. У меня папа — лограничник. Что он скажет? Я не хочу, пусть Симка идет в белые. У него по физкультуре «пос»...

— Ну и что же, что «пос»... Если меня в белые, я совсем играть не буду. Можете, как хотите...

(Всклипывает.)

Остальные школьники тоже отказываются играть в роли «белых»: кто ссылается на то, что он «сильный, больше всех на турнире выжимается», кто на то, что он в пионерском галстуке...

Игра расстраивается»¹.

Из-за такого отношения советских детей к роли «белых» этот термин в играх

детей теперь заменен «нейтральными» терминами: «синие», «зеленые».

Антипатия к господам прошлого доходит нередко у советских школьников до степени ненависти. Преподавательница Конституции в одной из московских школ описывает, как реагировали ученики на рассказ об эксплуатации рабочих в царской России: «Говоря об условиях труда в нашей стране, я прочла в классе документальный материал о слесаре Васильеве, работавшем на Прохоровской мануфактуре в царской России, — рабочий, изувеченный на производстве, был обречен на голодную смерть. Класс слушал эту страшную повесть, затаив дыхание. А когда чтение закончилось, кто-то явственно прошептал: «У, гады!» Я чувствовала: благородная ненависть к эксплуататорам загорелась в сердцах ребят»².

Эта острая ненависть к прошлому и господам прошлого у советских школьников формируется, во-первых, под влиянием родителей, которые являются живыми свидетелями и жертвами «свинцовых мерзостей» дореволюционной русской жизни. Эта ненависть к прошлому прививается и в школе. Наконец, она питается современной эпохой острой классово-борьбы между силами старого мира — капитализма — и силами нового мира — социализма.

Из людей прошлого советские школьники выделяют только угнетенных, которым они сочувствуют, и борцов за освобождение трудящихся, с которыми они солидаризируются. Причем советские дети, как это явствует из бесед с ними, из их сочинений, сочувствуют всем угнетенным: будь то рабы, крепостные, крестьяне и рабочие в буржуазном государстве, негры в Америке, китайские кули, еврейские ремесленники, гимназисты в старой школе, купеческие дочка в деспотически-патриархальной семье.

Советские школьники симпатизируют всем борцам против угнетения.

Чувство солидарности с историческими борцами доходит у советских школьников до того, что очень часто на уроках истории, литературы, в сочинениях и изложениях они называют всех их (и разинцев, и лугачевцев, и декабристов, и рабов-спартаковцев, и участников буржуазной французской революции) «красными», «нашими», а защитников старого порядка именуют «белогвардейцами».

Нередко советские школьники как бы перевоплощаются и отождествляют себя с теми борцами, о которых рассказывают или пишут. Тогда они пишут в своих сочине-

¹ Воронежская газета «Коммуна» от 1 мая 1939 года.

² «Учительская газета» от 5 декабря 1939 года.

лиях, считая себя по справедливости частью революционного народа: «Во время революции мы прогнали всех капиталистов, попов, чиновников и стали жить культурно». Или говорят на уроках: «В октябре мы устроили революцию и прогнали буржуев», «в гражданской войне нам пришлось трудно, но все же мы победили белых».

Эти симпатии советских школьников к угнетенным и борцам против угнетения основаны на классовой солидарности с ними, так как угнетенными были трудящиеся массы, к среде которых принадлежат и советские школьники. Сочувствие угнетенным личностям даже из враждебного класса (угнетенное положение женщины в буржуазной семье, зависимое положение всего населения в колониальных или побежденных странах и т. п.) основано на чувстве социалистического гуманизма, сильно развитого у советских детей.

Сравнивая нашу страну социализма с миром прошлого, с капиталистическими странами, советские школьники неизменно подчеркивают превосходство нашего строя над прошлым России, над строем современных капиталистических стран.

Это ярко проявляется и в разговорах учащихся и в детских газетах. Это же хорошо выявлено и в сочинениях школьников, особенно в тех, в которых ученики сравнивают жизнь детей до революции со своей жизнью. Описав тяжелую жизнь детей до Октябрьской революции, ученик противопоставляет ей жизнь советской детворы: «Теперь, в наше время, нам предоставлены все права учиться, отдыхать и работать». Другой ученик, закончив описание тяжелого, безрадостного, подневольного, наемного труда детей в прошлом, говорит: «Теперь уже никто нас не погонит на работу. Сейчас мы учимся и работаем на благо нашей великой родины. Год хорошо проучились—и отдыхай себе на здоровье».

Это же чувство своего превосходства оказывается у советских школьников в их пренебрежительных кличках по адресу представителей эксплуататорских классов: «буржуйчик», «буржуенок», «царек», «царские монатки» и т. д.

Это чувство превосходства, чувство гордости за свою родину, вызывается у советских детей, у советской молодежи ощущением и осознанием того, что социалистический строй прогрессивнее капиталистического, жизнь в Советской стране более творческая, а советские люди лучше других. В этом советскую детвору особенно убеждают военные победы Советского Союза, выдающиеся успехи в социалисти-

ческом строительстве, героические подвиги и мировые рекорды советских людей.

Ученики дореволюционных школ не очень интересовались прошлым. Из всей истории дореволюционных учащихся более всего интересовала жизнь первобытных людей, жизнь дикарей, которая содержала в большей мере элементы новизны.

Но и те школьники, которые сильно интересовались прошлым, относились к нему пассивно, созерцательно.

Вот, например, что пишет о своем интересе к истории семнадцатилетняя гимназистка, которая после окончания учебы собиралась преподавать историю:

«Я желала бы быть учительницей истории в средней школе и преподавать ее со всем своим рвением. Причем я желала бы всю свою жизнь изучать все, что относится к истории, и собирать все памятники ее, одним словом, вникнуть в нее и всю душу отдать за какие-нибудь малейшие вещицы, чтобы приобрести их для коллекции. А чтобы знать историю еще лучше, я хотела бы побывать на Востоке и осмотреть все пирамиды, сфинксы, греческие и римские капища и все вообще, что относится к истории»¹.

Советские школьники, интересуясь прошлым, относятся к нему действительно: ненавидят, осуждают его, желают его уничтожить, переделать к лучшему, проникаются еще большей любовью к новому миру социализма и высказывают желание совершенствовать себя и благодаря этому возвыситься еще больше над миром прошлого.

Сравнивая прошлую жизнь детей с жизнью советской детворы, советские школьники чувствуют новый прилив любви к матери-родине и делают для себя действительные выводы.

Описав в сочинении жизнь детей трудящихся до революции, полную тяжелого труда, холода и голода, жизнь без света знания и под гнетом господ, ученица советской школы пишет: «Дети рабочих и бедных крестьян жили до Октябрьской революции так плохо, что мы, дети СССР, даже не можем представить себе эту жизнь. Наша жизнь совсем непохожа на жизнь ребят до революции: у нас о детях заботится вся страна. Нам даны все условия для учения и труда: мы живем в домах, а не в темных подвалах, ходим одетые, не голодаем, для нас строят много школ, институты, дороги для нас везде открыты. Мы только учимся, развиваемся да веселимся. А поэтому мы должны учиться на «отлично»».

¹ Рыбников «Идеалы гимназисток», стр. 20.

Сравнивая мир прошлого с современным, социалистическим строем, жизнь детей до революции с жизнью советских детей после Октября, советские школьники делают для себя выводы, предъявляют к себе огромные требования: «Советский школьник должен быть самым передовым, самым культурным школьником в мире». Этот лозунг можно увидеть в московских школах, причем в некоторых школах он написан в качестве эпиграфа на каждом договоре — и групповом и индивидуальном — по социалистическому соревнованию. В таких передовых школах этот лозунг является руководством к действию, девизом каждого школьника.

2

Так воспринимают советские школьники прошлое и так относятся к нему.

Но, наряду с этими положительными чертами восприятия исторического материала, в представлениях советских школьников о прошлом есть пробелы и изъяны.

Много необходимого о прошлом ученики советских школ не знают, о многих важных явлениях дореволюционной общественной жизни не имеют никакого представления. Беседы с учащимися показывают, что многие деревенские школьники не знают, что такое «имение», «помещик», «соха», «батрак», «кабак», «ростовщик», «волостной старшина», «урядник», «знахарь» и т. п.

Знания о прошлом у многих учащихся общи, упрощены. Эти ученики по некоторым важным историческим вопросам не имеют конкретных представлений, а ограничиваются запоминанием общих формул. Это можно видеть и при анализе ученических сочинений на темы о прошлом.

Характеризуя, например, в этих сочинениях жизнь рабочих в царской России, ученики нередко ограничиваются общей формулой: «До революции рабочим жилось очень плохо. Работали они почти целые сутки, а зарабатывали гроши».

Жизнь фабрикантов и помещиков некоторые ученики характеризуют также общо: «Эксплуатировали народ и наживались».

Представления о царе: «Царь — это правящий государством. Он живет в свое удовольствие». Или: «Царь только и делает, что выпускает манифесты».

О попах ученики тоже часто имеют представления такие же схематические: «они ничего конкретного не рассказывают о жизни и деятельности попов, а указывают только на их функцию идеологического обмана: «Попы обманывают народ».

Наряду с сочинениями, в которых социальные порядки капиталистического строя, жизнь трудящихся и эксплуататоров изображены конкретно и обстоятельно, нередко встречаются и сочинения другого рода, где это прошлое изображено схематично.

Вот, например, отрывок из одного такого сочинения ученицы 7-го класса, написанного ею по ее свободному выбору на тему «Жизнь помещиков, фабрикантов, купцов, чиновников и попов до революции»:

«Купцы всю свою жизнь проводили в наживе от населения. Чиновники — это люди, которые жили на взятки от беднейшего населения. Попы занимались обманом и проповедывали населению, что бог все создал и что поэтому и мы должны жить по закону божьему. А на самом деле попы сами этого не знали, а только наживались». О помещиках и фабрикантах автор сочинения совсем ничего не говорит. Вероятно, представления об этих категориях людей у него еще более туманные.

Немало распространено среди учащихся неверных представлений о прошлом.

Например очень распространено приурочивание свержения царя и буржуазии к одной революции, т. е. смешение февральской революции с Октябрьской.

В сочинениях учеников 7-го класса на тему о жизни эксплуататоров до революции встречаются утверждения: «Помещики имели очень много крепостных крестьян».

Немало неверных представлений или обобщений единичных фактов высказано в сочинениях о жизни рабочих: «Рабочие работали по 20 часов в сутки» или даже «круглые сутки»; «рабочие одеты были в лапти»; «фабриканты били рабочих»; «рабочие не знали грамоты и не умели считать, а буржуазия этим случаем пользовалась, обчитывала рабочих и на этом наживалась».

О школе и о жизни детей до революции в сочинениях также встречается немало неверных представлений: обучение во всех прежних школах, в том числе и начальных, советские школьники считают платным; утверждают, что «часто детям приходилось ходить в школу за 20 километров»; некоторые считают, что детям рабочих было вообще запрещено учиться в школе: «Если директор или учитель узнает, что в школе учится рабочий сын, то его сразу выгоняют из училища»; некоторые ученики считают, что «дети-рабочие работали на фабриках по 18 часов в сутки».

Эти же неточности и неверности в ряде исторических представлений советских школьников отмечали и другие исследователи, например профессор Н. А. Рыбников на материале массового обследования деревенских школьников.

В своих выводах, основанных на материале этого обследования представлений деревенских школьников в 1927—1928 учебном году, проф. Рыбников пишет:

«Массовый крестьянский школьник не всегда правильно и точно представляет историческую перспективу и основные движущие силы революции. Недостаточно ясно осознает отличие февральской революции от Октябрьской революции. Особенно грубо и схематично представляют себе ребята условия труда до революции (работали круглые сутки, фабриканты пофранки рабочих и т. д.)»¹.

Неверности в изображении советскими школьниками прошлого идут главным образом по линии гиперболизации отрицательных сторон прошлого или обобщения нетипичных, исключительных явлений.

Другая линия извращения исторических представлений заключается в модернизации явлений, часто очень искусственной и далеко отстоящей от истины.

Одна газета на своих страницах опубликовала разговор ребят в детском очаге:

«— Полицейские всегда на лошадях были, а сам царь в карете ездил.

— В какой карете, скорой помощи?

— Факт»².

Этот детский разговор показывает, что некоторые советские дети отождествляют царскую карету с каретой скорой помощи.

Ученики 8-го класса одной казахстанской средней школы так отвечали на вопрос учителя литературы при разборе «Слова о полку Игореве»:

«Кто была Ярославна?»

На этот вопрос трое ответили, что Ярославна — «домохозяйка», а остальные говорили, что она «активная женщина»³.

На уроках истории ученики начальной школы отвечали, что Николай I «выбрали царем»; митрополита, увещевавшего восставших декабристов, они называют «дедом» на том основании, что митрополит, по словам учителя, — это «самый старший из попов»⁴.

Изображая картины прошлого только двумя красками: черной и красной, — многие учащиеся в сочинениях и в устных рассказах по истории охотно берут для описания только крайние, полюсные явления: буржуа и рабочие, революционеры и контрреволюционеры, самые мрачные сто-

роны прошлого и самые светлые стороны современности и т. п. Что же касается явлений, которые не столь определены, чтобы можно было ограничиться их противопоставлением, не столь односторонни, чтобы можно было рисовать их только красной или черной краской, таких сложных явлений многие советские школьники изображать не любят. Поэтому в их сочинениях о прошлом обычно не фигурируют ни крестьяне-середняки, ни служащие, ни интеллигенция, ни дети, живущие и работающие в своем крестьянском хозяйстве или хозяйстве ремесленника, ни прежняя школа, хотя это явления массовые в прошлом. Чувствуется большой пробел в знаниях по этим вопросам.

3

Таковы главные недостатки в представлениях советских школьников о прошлом: пробелы в исторических знаниях, схематические, упрощенные представления о многих явлениях прошлого, извращенные представления, вызванные обобщением нетипичных фактов, гиперболизацией отрицательных сторон прошлого и модернизацией исторических представлений.

Эти недостатки зависят главным образом от школы.

В чем же здесь вина школы и что должна сделать школа для того, чтобы эти недостатки устранить?

Преподавание ряда учебных предметов (истории, литературы, Конституции) было поставлено в ряде школ схематично, и этот схематизм в преподавании не изжит еще и теперь. Этот схематизм и создает неправильные, неконкретные, упрощенные представления о прошлом.

Схематизм в обучении вызывается двумя причинами: во-первых, недостаточностью знаний самих преподавателей; во-вторых, этот схематизм в преподавании вызывается тем обстоятельством, что социальный опыт учителей старшего поколения, видевших старый мир, и социальный опыт юного поколения — учащихся, — не видевшего дореволюционных порядков, сильно различается, о чем учителя часто не думают или забывают. Схематичная беседа учителя, состоящая из общих положений и ссылок на явления прошлого, преподносится школьникам, не видевшим прошлого, и она ими прежде всего плохо понимается. При таких обстоятельствах учитель говорит о «ростовщиках», «сохе», «монастырях», а ученики недоумевают, о чем идет речь; преподаватель говорит о «Государственной думе», а школьники представляют съезд советов; литератор красочно говорит о плаче-причитании княгини Ярославны об Игоре, а из учащихся одни

¹ Рыбников «Крестьянский ребенок», стр. 61—62.

² Воронежская газета «Коммуна» от 11 мая 1939 года.

³ «Учительская газета» от 29 ноября 1939 года.

⁴ «Учительская газета» от 1 ноября 1939 года.

жалуют бедную «домохозяйку» Ярославну, а другие удивляются «активной общественнице», третьи восторгаются пением артистки.

На уроке литературного чтения учительница читает учащимся сказки, в которых десятки старинных слов и выражений, непонятных современному школьнику («девичьи терема», «холостые удалыцы», «прорешала шука», «утро вечера мудренее», «гой еси добрый молодец», «почто ты кручинен стал» и т. п.), совсем не объясняет их и удивляется, почему учащиеся слабо реагируют. А когда случайно спросила учеников, что значит встретившееся в сказке слово «починик», то получила такие ответы: «спальня», «ночной сторож»¹.

* * *

Забывая одну из важнейших предпосылок для постановки правильного преподавания в советской школе — тот факт, что юное поколение социалистической страны не видело старого мира, в своем опыте не получило о нем никакого представления, что поэтому советским детям нужно конкретно объяснять значение каждого слова о прошлом, всякого социально-исторического явления, начиная с самых элементарных, — забывая все это, педагоги своим отвлеченным, упрощенным, схематическим преподаванием прививают учащимся исторические представления схематические, неясные, туманные, неверные.

Чтобы исторические представления школьников стали конкретными, четкими и правильными, преподавание всех учебных предметов и все беседы учителей с учениками должны быть построены на учете того важнейшего факта, что юное поколение Советской страны дореволюционного прошлого не видело, а поэтому нуждается

¹ «Учительская газета» от 15 декабря 1939 года.

в максимально наглядном показе прошлого, в самом конкретном ознакомлении с ним, нуждается в конкретном объяснении буквально каждого исторического термина.

Чтобы показать советским школьникам дореволюционное прошлое наиболее ярко, наглядно и правдиво, каждая советская школа, по примеру лучших школ страны, должна, кроме организации доброкачественного преподавания на уроках по всем учебным предметам, проводить еще такие учебно-воспитательные мероприятия: как можно лучше использовать художественную литературу и кинофильмы для освещения прошлого; создавать в школе тематические исторические альбомы рисунков и исторических документов; в дни революционных праздников устраивать революционно-исторические художественные вечера на темы праздника; проводить экскурсии по историческим маршрутам, а также в музеи, особенно краеведческие и исторические; создать краеведческий музей при школе; пропагандировать среди родителей и учащихся необходимость бесед старших с детьми о прежней жизни; привлекать учащихся к сбору фольклора, экспонатов для школьного краеведческого музея и к составлению истории своего города, села, предприятия, школы.

При таком улучшении учебно-воспитательного процесса в школе исторические представления учащихся станут более яркими, конкретными, полными и правильными. А это обстоятельство будет содействовать выработке у советских школьников четких исторических знаний, что явится залогом создания в будущем правильных, марксистских взглядов и научного образа мышления.

Только на таких путях будут осуществлены указания партии и правительства об улучшении общественно-исторического образования в советской школе.

«ИСТОРИК-МАРКСИСТ» В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ 1954 ГОДА
(№ 1).

С января этого года «Историк-марксист» превратился из двухмесячного журнала в ежемесячный. Журнал получил возможность помещать большее количество статей, стал более живым и разносторонним. Структура журнала осталась той же, что и прежде. Оригинальные работы, посвященные теоретическим или конкретно-историческим проблемам истории, печатаются в отделе «Статьи». Следующий за ним отдел, «Сообщения», освещает частные вопросы исторической науки, содержит публикации документов, исторические обзоры. Отдел «Критика и библиография», очень большой, занимающий иногда четвертую или третью часть номера, дает представление о наиболее значительной исторической литературе, появляющейся в СССР и за границей. Последний раздел, «Хроника», содержит материалы научных сессий и конференций, освещает деятельность исторических институтов, факультетов, кафедр, публикует сведения о научных экспедициях, защите диссертаций, подготовке изданий.

Весьма ценные материалы в вышедших номерах журнала посвящены жизни и деятельности товарища Сталина. Шестидесятилетнюю воюю тружущихся всего мира целиком посвящен номер первый «Историка-марксиста». Статьи и материалы о товарище Сталине напечатаны также во 2-м, 3-м и 4—5-м номерах.

С огромным интересом читаются опубликованные во втором номере журнала две замечательные работы товарища Сталина, переведенные из газеты «Пролетариацкэ бризола» за 1904 и 1905 годы.

Статья «Как понимает социал-демократия национальный вопрос?» знаменовала новый этап в марксистской разработке национальной проблемы.

Обосновывая и разъясняя программу партии по национальному вопросу, товарищ Сталин подвергает в статье сокружительной критике оппортунистический принцип национального размежевания пролетариата и отстаивает интернационалистский тип построения пролетарских организаций. Во второй статье — «Класс пролетариев и партия пролетариев» — товарищ Сталин защищает ленинские организационные принципы строительства большевистской партии и гениально развивает положения Ленина, изложенные в знаменитой работе «Шаг вперед, два шага назад».

Статья М. Лурье (в № 3) посвящена революционной деятельности верного друга и соратника товарища Сталина — В. М. Молотова.

Различные проблемы истории СССР, начиная с древнейших времен, освещены в 11 статьях и многочисленных сообщениях и заметках. Значительно беднее представлена в обозреваемом полугодии история Запада и история колониальных и зависимых стран.

Первый номер «Историка-марксиста» открывается статьей тов. Ем. Ярославского «Сталин—это Ленин сегодня». Избрав для заглавия статьи известные слова А. Барбюса, тов. Ярославский характеризует всемирноисторическое значение деятельности товарища Сталина — человека, который с конца 90-х годов XIX века становится рядом с Лениным как вождь международной пролетарской революции, вместе с Лениным создает большевистскую партию, руководит страной в трех революциях, закладывает основы советского социалистического государства и после смерти Ленина, став на его место, руководит построением бесклассового социалистического общества и победоносно ведет страну к коммунизму.

Статья специально останавливается на роли товарища Сталина как великого теоретика большевизма, разработавшего крупнейшие вопросы революционной теории и революционной практики рабочей партии, неизмеримо обогатившего сокровищницу марксизма-ленинизма.

Серьезной теоретической проблеме посвящена помещенная в этой же книжке журнала работа академика Волгина, оригинальная по идее и построению, — «Развитие социалистических идей в Сталинской Конституции (опыт исторического комментария к первой главе Конституции)». Поставив себе целью «показать, как развивались исторически основные социалистические идеи, получившие окончательную практическую формулировку в нашей Конституции», автор, используя большой материал, показывает исключительное значение Сталинской Конституции в мировом развитии социализма как науки. Сталинская Конституция, непосредственно являясь документом практического значения, представляет собой итог, завершающее звено, в многовековом научном развитии социализма.

Автор прослеживает эволюцию следующих основных проблем: «Собственность», «Труд и вознаграждение», «Социалистическое государство». Он анализирует взгляды на вопросы о собственности последо-

вательно у Бабефа, Фурье, Оуэна, социалом-
нстов. Заслугой основоположников науч-
ного коммунизма явилось то, что они пре-
одолели исторически ограниченные взгляды
утилитаров и не только охарактеризовали
будущее социалистическое общество, но
создали все теоретические предпосылки для
построения такой характеристики. Маркс
и Энгельс указали, как победивший проле-
тарнат, организуя производство, поступает
с отдельными видами собственности. Ленин
и Сталин в условиях эпохи пролетарских
революций развили основные положения
марксистского учения о собственности.
Глава первая Сталинской Конституции
теоретически завершает и закрепляет в
сфере реальной социалистической практики
учение о социалистической собственности.

Над разрешением проблемы труда в со-
циалистическом обществе работали круп-
нейшие социалистические мыслители, на-
чальная от Т. Мора и Кампанеллы. Маркс
и Энгельс вывели принцип труда как
обязанности каждого члена социалистиче-
ского общества и указали отличия в обла-
сти труда и распределения в первой и вто-
рой фазах коммунизма. Ленин придавал
огромное значение организации труда при
социализме. Ленинские статьи о коммуни-
стических субботниках явились гениаль-
ным развитием взглядов Маркса и Энгельса
на социалистический труд. Идея коммуни-
стической организации и коммунистиче-
ского отношения к труду воплотилась в
строительстве бесклассового общества, осу-
ществленном под руководством великого
Сталина. Все граждане стали трудящимися.
Уничтожена всякая возможность нетрудо-
вых доходов. Двенадцатая статья Консти-
туции закрепила социалистическую орга-
низацию труда и распределения в Совет-
ском Союзе и отметила достижения на пу-
ти к коммунистическому труду.

Последняя глава работы рассматривает
основные этапы, которые прошло в своем
развитии социалистическое учение о госу-
дарстве, и отмечает то существенно новое,
что внесли в это учение социалистическая
практика и теория сталинской эпохи, на-
шедшие свое выражение в Сталинской
Конституции.

Статья А. Панкратовой «Сталин и исто-
рический фронт» говорит об огромной по-
мощи, которую оказывает советской исто-
рической науке товарищ Сталин. Начиная
с первых дней возникновения советской
исторической науки, товарищ Сталин давал
ей направление, внимательно следил за тео-
ретическими разногласиями на историче-
ском фронте, разоблачая идеологические
происки врага. Товарищ Сталин вскрыл
истинный смысл «исторических» построе-
ний троцкизма, стремившегося подорвать

основы большевизма, разгромил троцкист-
скую схему революции, дал народу под-
линную историю Октябрьской социалисти-
ческой революции, помог народным массам
овладеть ленинской идеей о возможности
любды социализма в нашей стране.

Когда началось наступление социализма
на всему фронту, товарищ Сталин своевре-
менно сигнализировал об отставании тео-
ретической работы в условиях обострив-
шейся классовой борьбы и помог изжить
это отставание. Сталинские директивы со-
действовали активному участию советских
историков в борьбе против правой опаснос-
ти, помогли разбить намечавшийся еди-
ный антимарксистский фронт буржуазных
ученых Западной Европы и буржуазных
историков, действовавших в СССР. Высту-
пления классового врага на историческом
фронте — нацдемские теории, проповедь
неонародничества, антимарксистская дис-
куссия об «азиатском способе произво-
дства» — были разоблачены при непосред-
ственном участии и благодаря руководя-
щим указаниям товарища Сталина. Огром-
ную помощь советским историкам и всем
работникам в области марксистской теории
оказало письмо товарища Сталина «О не-
которых вопросах истории большевизма».

Товарищ Сталин указал советским исто-
рикам на истинное научное и политическое
содержание деятельности «школы» Покров-
ского, которая явилась главным препят-
ствием на пути к перестройке историче-
ской работы и базой для троцкистско-бу-
хартинских вредителей на историческом
фронте.

Специальные решения ЦК ВКП(б), за-
мечания товарищей Сталина, Кирова,
Жданова об исторических учебниках, по-
правки товарища Сталина к первому тому
«Истории гражданской войны» обогатили
сокровищницу марксистской исторической
методологии, помогли советским историкам
развернуть самокритику, приблизиться к
уровню задач, поставленных перед ними
окончательной победой социализма в нашей
стране.

Под руководством и при участии
товарища Сталина вышел «Краткий курс
истории ВКП(б)» — труд неопределимого тео-
ретического, методологического и конкрет-
но-исторического значения. Выход «Крат-
кого курса» знаменовал новый период в
развитии советской исторической науки,
непосредственно определил тот подъем, ко-
торый наблюдается сейчас на историче-
ском фронте.

Ряд статей журнала освещает различные
периоды революционной деятельности
товарища Сталина. Их авторам удалось
собрать дотоле неизвестный или малоиз-

востиний материал о жизни и борьбе великого революционного гения.

Действительный автор статьи — товарищ Сталин. Он был в Баку в 1904 году по предложению товарища Авлабарского. Типография была тщательно замаскирована. Ее строили под видом жилого дома, а подвальное помещение, где находились станки, предназначалось якобы для склада льна. Проникнуть в типографию можно было только через сложную систему подземных ходов. Бежав из ссылки в январе 1904 года, товарищ Сталин непосредственно руководил работой Авлабарской типографии. Здесь печатались газета «Борьба пролетариата», важнейшие произведения Ленина и Сталина, резолюции партийных съездов, прокламации и листовки. Материалы печатались на трех языках и распространялись по всему Кавказу и даже в России, являясь мощным средством революционной пропаганды. Под носом у царских жандармов типография печатала до 6 тысяч отписок большевистской литературы в день, а в эпоху первой революции была превращена в склад оружия. Только в 1906 году вследствие несчастной случайности, во время очередного обыска (сыщик заметил, что брошенная в колодеж—являвшийся на деле подземным ходом — зажженная бумага не погасла), типография была раскрыта. Вместо нее под руководством товарища Сталина на Кавказе были созданы новые подпольные типографии.

Действительный автор статьи — товарищ Сталин. Он был в Баку в 1904 году по предложению товарища Авлабарского. Типография была тщательно замаскирована. Ее строили под видом жилого дома, а подвальное помещение, где находились станки, предназначалось якобы для склада льна. Проникнуть в типографию можно было только через сложную систему подземных ходов. Бежав из ссылки в январе 1904 года, товарищ Сталин непосредственно руководил работой Авлабарской типографии. Здесь печатались газета «Борьба пролетариата», важнейшие произведения Ленина и Сталина, резолюции партийных съездов, прокламации и листовки. Материалы печатались на трех языках и распространялись по всему Кавказу и даже в России, являясь мощным средством революционной пропаганды. Под носом у царских жандармов типография печатала до 6 тысяч отписок большевистской литературы в день, а в эпоху первой революции была превращена в склад оружия. Только в 1906 году вследствие несчастной случайности, во время очередного обыска (сыщик заметил, что брошенная в колодеж—являвшийся на деле подземным ходом — зажженная бумага не погасла), типография была раскрыта. Вместо нее под руководством товарища Сталина на Кавказе были созданы новые подпольные типографии.

и закалял большевиков Баку в борьбе против меньшевиков, эсеров, троцкистов.

Среди статей, освещающих роль товарища Сталина как строителя и организатора обороны советского государства, следует выделить статью И. Лукомской — «Пролетариат Донбасса и реализация сталинского плана разгрома Деникина». Широко используя современные первоисточники, автор показывает условия, из которых исходил товарищ Сталин, намечая удар через Донбасс и отмечая предагелский план Троцкого.

Гениальность сталинского стратегического прогноза обнаруживается теперь с новой полнотой и блеском. Как показывают приводимые автором новые документы, классовая, экономическая и политическая обстановка в Донбассе накануне контрнаступления Красной Армии должна была неминуемо сыграть огромную роль в его успешности и облегчить задачи наступления. Донецкие рабочие во время хозяйничанья денкинцев подвергались необычайно жестокой эксплуатации, были доведены до предельной нищеты. Господство белых было отмечено неслыханным террором, кровавыми репрессиями против рабочих. На шахтах и рудниках была восстановлена фабричная практика 70-х годов: штрафы, телесные наказания. У рабочих были отняты все гражданские права. В обстановке белогвардейского произвола из месяца в месяц ширилось и крепло рабочее движение. Донбасский пролетариат мечтал об избавлении от белогвардейского ига, ждал прихода Красной Армии, руководимой большевиками, подготавливал ее приход. Стачечное движение охватывало крупные районы Донбасса. Им руководили подпольные большевистские комитеты и группы, имевшиеся почти в каждом большом поселке. Коммунистические ячейки работали также и в деревнях. В Донбассе накануне нашего наступления развернулось партизанское движение. В октябре 1919 года в ведении Лозово-Синельниковского партизанского штаба находилось свыше 40 отрядов, объединявших целую армию в 35 тысяч человек. Партизаны захватывали города, восстанавливая советскую власть. Партизаны и рабочие в денкинском тылу вызвали своими действиями огромное ослабление денкинского фронта, облегчили Красной Армии ее задачи, дали ценные пополнения ее рядам, помогли обеспечить сталинский план разгрома Деникина.

Напечатанная в № 1 статья О. Шекун «Создание и героическая оборона Белорусской ССР» затрагивает другой, малоосвещенный вопрос истории гражданской войны. Используя архивы и периодическую печать, автор показывает роль товарища

Сталина в возникновении третьей по величине из братских советских республик. В конце 1918 года белорусский народ полностью разгромил интервентов. Центральный Комитет партии принял решение об образовании Белорусской Советской Социалистической Республики. Товарищ Сталин дал белорусским большевикам четкие директивы, обновил основные принципы образования БССР. Товарищ Сталин лично редактировал манифест Временного рабоче-крестьянского советского правительства Белоруссии, внося в него важные поправки. Сталинские указания явились программой государственного строительства республики, помогли белорусским большевикам разоблачить буржуазных националистов. I всебелорусский съезд советов в феврале 1919 года принял Конституцию и постановил начать переговоры об установлении федеративной связи между БССР и РСФСР. Когда летом 1919 года белогвардейцы неожиданно напали на молодую Белорусскую республику, товарищ Сталин прибыл на западный фронт и лично руководил организацией разгрома белополяков.

Статья С. Черномордика «Сталин и коллективизация», напечатанная во втором номере, рисует товарища Сталина как вдохновителя и организатора социалистического переустройства сельского хозяйства в нашей стране, как руководителя глубочайшего революционного переворота, равного по своим последствиям Октябрьскому революционному перевороту.

Из библиографических и справочных материалов, относящихся к жизни и деятельности товарища Сталина, в рецензируемых номерах «Историка-марксиста» помещена статья В. Голубовича «Молодой Сталин», представляющая обзор воспоминаний, краткие отчеты о научной сессии Отделения истории и философии АН СССР и заседания Ученого совета Института истории, посвященных 60-летию со дня рождения товарища Сталина. Справка о произведениях товарища Сталина, изданных на иностранных языках, дает представление об огромном распространении марксистско-ленинских, сталинских идей среди народов земного шара. По неполным сведениям, 65 сталинских работ изданы на 33 языках народов мира. «Вопросы ленинизма» — достояние народов, населяющих 17 государств. Эта книга выдержала 8 изданий на немецком языке, 6 — на французском, 5 — на английском; работа «К вопросам ленинизма» издана на 19 языках; «Марксизм и национальный вопрос» — на 13. Доклад товарища Сталина на Чрезвычайном VIII съезде советов издан на 27 языках. Работы товарища Сталина доходят до

трудящихся всего мира, минуя тысячи препятствий и кордонов.

Во втором номере «Историка-марксиста» приведен обзор газетной, журнальной и книжной литературы на русском языке, вышедшей к 60-летию товарища Сталина.

Товарищу В. М. Молотову, ученику, соратнику и другу великого Сталина, посвящена статья М. Лурье «Работа товарища Молотова в «Правде» (1912—1914 гг.)», опубликованная в третьем номере журнала. Статья отражает один из наиболее ярких и значительных периодов революционной биографии главы советского правительства. Именно в это время молодой товарищ Молотов превратился в одного из крупнейших деятелей большевистской партии. Вернувшись в Петербург из двухлетней ссылки в Вологду, товарищ Молотов стал одним из руководителей «Правды», созданной товарищем Сталиным по указанию Ленина.

Автор показывает, какую огромную и сложную работу приходилось вести товарищу Молотову. В труднейших, мучительных условиях царской цензуры, для того чтобы выпускать легальную большевистскую газету, нужно было маскировать чуть ли не каждое слово. Товарищ Молотов должен был не только редактировать газету и писать статьи по важнейшим политическим вопросам, но и заниматься финансовыми, организационными и техническими делами, одновременно ведя большую партийную работу.

Краткая библиографическая справка, помещенная в том же номере журнала, содержит сведения о литературных работах товарища Молотова до и после Великой пролетарской революции.

Значительной широтой круга освещаемых вопросов отличается раздел журнала, посвященный истории СССР.

В статье «Актуальные вопросы историографии древней Армении» академик Манандян отмечает серьезные достижения советской науки в трудной и малоисследованной области древней истории армянского народа. По существу историю древней Армении начали изучать лишь при советской власти. Одним из насущных вопросов, которые должны разрешить наши ученые, академик Манандян считает проблему рабовладения. Излагая существующие точки зрения на эту проблему, автор указывает, что роль рабовладения в римском обществе резко отличается от роли рабовладения в армянском обществе, и предлагает подвергнуть этот вопрос широкому обсуждению. Другой важной темой для советского историка является, по мнению автора, проблема древнеармянской общины. От правильного разрешения этой проблемы зависит установление истинной перспекти-

вы древней истории страны. Автор подчеркивает, что оба выдвигаемые вопроса следует изучать в связи с историей Закавказья, Ирана, Средней Азии.

Статья проф. Зутиса «Русско-эстонские отношения в IX—XIV вв.», помещенная в третьем номере, представляет интерес не только для историков, занимающихся проблемами ранних внешнеполитических связей русского народа, но и для изучающих вопросы влияния русской культуры на европейский средневековый мир. Исследуя и составляя отрывочные летописные данные и широко привлекая русскую и иностранную литературу вопроса, автор устанавливает тесные связи между русским и эстонским народами. В период борьбы со шведской агрессией в 1187—1188 годах эстонские и карельские племена, очевидно, действовали в союзе с Новгородом. В 1215—1224 годах существовал военный союз русских и эстов против немецких и датских феодалов-крестоносцев. В 1343 году русские помогали эстам, восставшим против владычества рыцарей. Эстонские крестьяне укрывались от закрепощения иноземцами в новгородских и псковских владениях.

Основываясь на конкретных фактах, проф. Зутис опровергает традиционный взгляд буржуазной науки, что взаимоотношения между народами России и Прибалтики сводились к войнам и дипломатии. Он указывает на широкие культурные связи между народными массами, на общность многочисленных (прежде всего торговых) терминов в русском и эстонском языках.

Опубликованная в том же номере большая статья О. Марковой показывает условия и причины присоединения Грузии к России. Известная формулировка Жюри Правительственной комиссии о «меньшем зле» находит в статье историческую конкретизацию. Автор излагает взгляды официальной, дворянской, либеральной и советской историографии на данный вопрос. О. Маркова изображает борьбу Грузии с шахской Персией и султанской Турцией, характеризует закавказскую политику царизма до XVIII века, исследует социально-экономический и политический кризис в Грузии во второй половине XVIII века, восстанавливает дипломатическую и военную историю присоединения.

На основании собранных фактов автор приходит к выводу, что если Грузии удалось отстоять свое национальное лицо вплоть до XIX века, то лишь благодаря исключительной сопротивляемости грузинского народа. Не только внешнеполитическое положение Грузии как объекта соперничества Турции и Ирана, но и внутренняя политическая расчлененность, феодаль-

ная рознь и антагонизм классов, полное отсутствие единства делали для Грузии безнадежными всякие попытки сохранения прежнего политического положения. Договор 1783 года лишь ускорил окончательную гибель большого государственного организма, приведя страну к присоединению к России.

Статья А. Сидорова «Начало первой буржуазно-демократической революции в России» (№ 2) изображает процесс нарастания революционного кризиса и борьбу большевистской партии за гегемонию пролетариата в революции.

Автор останавливается на той большой роли, которую сыграла в подготовке революции бакинская стачка, организованная товарищем Сталиным.

Статья С. Пайды в том же номере «Процесс 52 матросов Балтийского флота», построенная на архивном материале, показывает, как большевики в обстановке реакции сплачивали массы вокруг партии, готовя их к новому натиску на самодержавие. Автор рисует работу подпольных большевистских организаций Балтийского флота, подготавливавших восстание моряков в момент нового рабочего выступления. С 1909 года в Балтийском флоте существовала сильная и многочисленная большевистская организация, руководящий центр которой помещался на корабле «Двина». На этом же корабле находилась подпольная типография. Царские власти при помощи провокаторов раскрыли большевистскую организацию. Было арестовано около 700 матросов. 52 матроса предстали в июне 1913 года перед царским судом. Материалы следствия и суда помогают детально восстановить картину движения и его широкий размах. Большевистской подпольной работой были связаны не только отдельные корабли между собой. Большевики с военных кораблей были связаны с пролетарскими организациями Петербурга, Кронштадта, Риги, Либавы, Ревеля, Гельсингфорса. В апреле 1912 года готовилось восстание флота. Моряки собирались перебить офицеров и идти в Петербург для соединения с рабочими, бастовавшими в связи с Ленским расстрелом.

Процесс 52 матросов Балтийского флота способствовал нарастанию революционного подъема. В ответ на приговор, осуждавший 21 моряка на смертную казнь, по всей стране пронеслась волна стачек, митингов и демонстраций.

Работа П. Шаровой «Переселенческая политика царизма в Средней Азии в 1906—1916 гг.» является частью кандидатской диссертации автора и основана на тщательном изучении центральных и местных архивов. Переселенческая политика само-

державия, удовлетворяя кулаков и духовенство, не могла разрешить аграрного кризиса в центральных районах. Она приводила к разорению и физическому вымиранию коренного населения. С 1902 по 1913 год казахское население сократилось на 8—9%. Столыпинская переселенческая политика явилась одной из главных причин восстания 1916 года.

Из числа статей, посвященных истории вооруженной борьбы за социализм, живой интерес представляет работа Б. Штейна «Из истории первоначального периода гражданской войны» (№ 4—5). Автор, ссылаясь на первоисточниках, излагает историю захвата Советской Бессарабии румынскими боярами в начале 1918 года. Как свидетельствуют неопровержимые документы, румынская правительственная клика начала подготовку к захвату Бессарабии уже вскоре после февральской революции. Пресловутый «Сфатул Церий» был создан при деятельном участии румынских агентов, наводнивших страну. Благодаря их усилиям и было принято решение о «присоединении» Бессарабии к Румынии. Захват был осуществлен блоком румынской военщины, англо-французских империалистов и русско-украинских контрреволюционеров. К румынскому фронту были прикомандированы специально назначенные французские офицеры, получившие задание разоружить большевистские части и помочь захвату. Целью захвата была не только аннексия Бессарабии, но и создание международного плацдарма для борьбы с советской властью, нападения на Советскую республику. Бессарабия была включена во французскую «сферу влияния» еще соглашением империалистических хищников от 23 декабря 1917 года, и захват ее Румынией целиком соответствовал как ближайшим, так и будущим планам французского генштаба. Замыслы империалистических бандитов были с самого начала ясны советскому народу. Совет депутатов VIII армии писал по поводу захвата Бессарабии: «На деле это замаскированный поход всех врагов революции, организуемый в международном масштабе». Самый акт захвата сопровождался неслыханными издевательствами над русским населением и солдатами. «Тысячи обезоруженных солдат, полуголые, часто босиком, шли по снегу, падали от усталости и замерзали на полях. Румынские власти держали их под пулеметами и под открытым небом, на морозе по двое суток, не давая даже горячей воды. Офицерские банды свирепствовали под Дубоссарами и Тирасполем, собирая группы оставших русских солдат, они приказывали им бежать «к своим» и вдогонку расстреливали» (стр. 20).

С первого же дня интервенции и оккупации Бессарабии советские органы решительно протестовали против насилия, разоблачая грабительский, бандитский характер действий румынских бояр, нагло пользовавшихся временной военной слабостью Советской республики.

Как указывает автор, интервенция в Бессарабии, осуществленная румынскими войсками, была первой вооруженной интервенцией держав Антанты, и ее методы и цели находились в непосредственной связи с последующим вооруженным вмешательством империалистов в дела советского государства.

И. Разгон в статье «Разгром Бичераховского мятежа на Тереке в 1918 г.» (№ 6) уделяет внимание малозученной странице в истории гражданской войны на Северном Кавказе. Летом 1918 года Терек стал важным стратегическим и политическим узлом, решавшим судьбы советской власти на Юге. Попытанный меньшевиком Бичераховым антисоветский мятеж составлял часть общего плана свержения советской власти на Юге силами контрреволюционного казачества. Разгромом мятежа руководил С. Орджоникидзе, получавший указания от Ленина из Москвы и от товарища Сталина из Царицына. Борьба на Северном Кавказе имела большое значение для всей страны, так как здесь проходили основные пути, по которым шло протевольствие в центральные области. Бичераховский мятеж, отвлекая силы красных войск, облегчал белым выполнение их планов по захвату Царицына. Военными операциями мятежников руководил денкинский штаб. Бичерахов в контрреволюционных целях разжигал и поддерживал вражду между отдельными горскими народами, между горцами и казаками. Северокавказские большевики, руководимые Орджоникидзе, неуменно проводя ленинско-сталинскую национальную политику, объединили горских трудящихся и трудовое казачество и крестьянство в борьбу против общего врага. Это сыграло решающую роль в ликвидации мятежа. 23 ноября 1918 года гнездо терекской контрреволюции — Моздок был взят. Бичерахов бежал.

Статья Б. Вольфсона (№ 4—5) «Изгнание англо-французских интервентов из Крыма» охватывает период борьбы за советскую власть в Крыму с осени 1918 по июнь 1919 года. Автор уделяет особое внимание деятельности полковых большевистских организаций, стачечному партизанскому движению.

Две статьи в журнале посвящены вопросам русской историкографии. Статья П. Рубинштейна (№ 3) посвящена С. М. Соловьеву. Автор отмечает, что несмотря на

большое значение и огромную известность трудов Соловьева они до сих пор не получили исчерпывающей оценки. Современники ученого расценивали его произведения под углом зрения собственных научных и политических концепций. Как западники, так и славянофилы искали у Соловьева лишь подтверждения собственным взглядам или расхождения с ними. Н. Л. Рубинштейн считает, что в известной мере появлению ложных воззрений на Соловьева способствовал Ключевский. Будучи одновременно учеником Соловьева и Чичерина, Ключевский отождествлял взгляды обоих своих учителей и упрощал исторические воззрения Соловьева. Автор прослеживает многообразные русские и западные исторические и философские влияния, под которыми развивался Соловьев-ученый и возникала его историческая концепция и методология.

Н. Л. Рубинштейн приходит к выводу, согласно которому Соловьев, отражая передовые взгляды западноевропейской буржуазной науки, представлял вместе с тем «передовую мысль растущей русской буржуазии». Автор считает вкорме неправильным непосредственно связывать Соловьева с теми охранительно-монархическими идейными тенденциями, которые были характерны для Б. П. Чичерина. В критических элементах, содержащихся в работах Соловьева, тов. Рубинштейн видит доказательство того факта, что С. М. Соловьев — идеолог прогрессивной русской буржуазии, идущей под знаком борьбы за реформу. Автор устанавливает большое влияние, оказанное Соловьевым на последующее развитие русской исторической науки, на работы Ключевского, Павлова-Сильванского, Платонова, Милюкова. Однако в условиях нарастающего кризиса буржуазной науки историками замечено у Соловьева самые слабые стороны, в то время как в его работах подлинный историзм зачастую брал верх над схемами государственной школы.

К статье приложена подробная библиографическая справка о Соловьеве.

М. Тихомиров в статье о Татищеве, в шестом номере журнала, характеризует его как ученого, впервые в нашей стране серьезно приступившего к работе над архивными материалами. Автор дает очерк политической и личной биографии Татищева, сообщает важнейшие сведения, характеризующие роль историка в государственной жизни своего времени. Устанавливая идейную связь Татищева с передовыми рационалистическими течениями западноевропейской мысли XVIII века, М. Тихомиров заявляет, что Татищев заслуживает большего внимания, чем ему уделялось до настоящего времени. В исторических рабо-

тах Татищева особенно ценна та тщательность, с которой ученый разрабатывал источники. Идущий от Карамзина взгляд на Татищева как любителя «отсебятины» абсолютно неверен.

Проблемам всеобщей истории «Историко-марксист» уделил в первом полугодии, как указывалось, сравнительно мало места.

В шестом номере помещен отчет об обсуждении проблемы абсолютизма на заседании Ученого совета Института истории АН СССР в марте—апреле этого года.

Материалы дискуссии представляют большой интерес, так как от того или иного разрешения проблемы абсолютизма зависит множество частных вопросов, связанных с существованием абсолютной монархии на Западе и в России. В дискуссии приняли участие профессоры Сказкин, Поршнев, Косминский, Бахрушин, Шестаков, Лебедев, Удальцов и другие. Дискуссия обнаружила значительные расхождения советских ученых в оценке сущности и роли абсолютизма.

Проф. Сказкин в своем докладе характеризовал абсолютизм как государственную организацию, имеющую целью «защиту дворянства от буржуазии и всех, кто стоял в этот период за ней в своем объективно-антагонистическом отношении к феодализму». Абсолютная монархия «всегда оставалась феодальной властью», хотя она и способствовала консолидации класса буржуазии.

Против этой точки зрения возражал проф. Удальцов, усмотревший в ней противоречие с высказываниями Маркса; взгляд тов. Сказкина может считаться правильным лишь для последнего этапа в развитии абсолютизма.

З. Мосина, комментируя дискуссию в том же номере журнала, видит недостаток концепции проф. Сказкина в том, что она в известной мере игнорирует основное противоречие феодального общества — между феодалами-крепостниками и крестьянством. По ее мнению, выраженному в докладе на дискуссию, абсолютная монархия, будучи политической организацией дворянского класса, уже «не является прямым господством дворян». Абсолютизм утверждается в борьбе против феодальной аристократии и опирается не только на рядовое дворянство, но и на буржуазию.

Проф. Поршнев подчеркнул значение крестьянских и плебейских движений, вынуждавших дворянство сплотиться, чтобы отстоять свое господство. Условия возникновения абсолютизма надо искать непосредственно в усилении народных антифеодальных движений.

С этим взглядом решительно несогласен проф. Сказкин, заявивший, что Маркс

и Энгельс не писали о закономерности нарастания народных восстаний в период абсолютизма.

Тов. Сидоров посвятил свой доклад теме «Ленин и Сталин о русском самодержавии». Он считает неправильным связывать образование самодержавной монархии в России с концом XV века, как это сделано в учебнике истории СССР, и предлагает следующую схему развития русского абсолютизма: 1) феодальная монархия с боярской думой — XVII век; 2) полный расцвет самодержавия — XVIII век; 3) эволюция самодержавия от дворянско-помещичьей монархии к монархии буржуазной — начиная с крестьянской реформы.

Начало абсолютной монархии в России, по мнению тов. Сидорова, можно отнести лишь ко второй половине царствования Алексея Михайловича. Проф. Бахрушин предлагает все же уделять внимание роли Ивана III и Ивана IV в процессе создания сильного абсолютистского государства.

К материалам дискуссии примыкает статья проф. Поршневой «Чем было третье селение во Франции XVII века?», представляющая собой введение к книге автора о народных восстаниях в Нормандии и Бретани в XVII столетии (№ 2).

Е. Кагаров в статье «Фридрих Энгельс и вопрос о родовой организации древних кельтов» (№ 6) анализирует высказывания Фридриха Энгельса по этому вопросу в свете новейших данных современной науки и приходит к выводу, что концепция кельтского общества раннего средневековья как общества, стоявшего на ступени разложения родовой строя, целиком подтверждается последующими исследованиями в этой области.

Проблемам западноевропейской историографии посвящены в «Историки-марксисте» две статьи О. Л. Вайнштейна. Работа «Романтическая историография в Германии (1800 — 1848)» (№ 4—5) представляет собой главу из подготовленного автором учебника по историографии. Статья, основанная на большом фактическом материале, рассматривает историографические течения первой половины XIX века в связи с гражданской историей Германии. Большая часть статьи посвящена Ранке.

В содержательной работе «Современный кризис буржуазной исторической мысли» (№ 3) О. Л. Вайнштейн прослеживает развитие кризиса буржуазной исторической науки, начиная с эпохи зарождения империализма. Предвестники кризиса появляются уже непосредственно после Парижской коммуны в работах Фюстель де Куланжа, Буркхардта, Лоренца. Однако философской основой буржуазной историографии до начала XX века все еще остается рационалистический позитивизм, рассматривающий

историческое прошлое как нечто объективно существующее вне нас и нашего сознания. Классическим примером применения принципов позитивизма к историографии был знаменитый труд Бекля — «История цивилизации в Англии». На рубеже XX века буржуазная историография все еще рассматривала исторические явления как доступные адекватному познанию, подчиненные закону причинности и закономерные следующие одно за другим. В ней господствовало просветительское учение о прогрессе, идея, что основной движущей силой развития является народ. Буржуазно-ограниченное, но все же прогрессивное течение исторического позитивизма в начале XX века начинает разлагаться под влиянием проникающего в область историографии философского субъективного идеализма и скептицизма. Попытки расчистить путь для субъективно-идеалистической методологии в истории делаются в период довоенного империализма Риккертом, Виндельбан-дом, Зиммелем, Лаппо-Данилевским.

В начале войны итальянский историк и философ Б. Кроче предпринимает решительную атаку на позитивизм, утверждая, что объективной истории нет и быть не может. В послевоенные годы буржуазные историки делают следующий шаг в борьбе против позитивизма, отказываясь от идеи развития и заимствуя отрицание исторического развития из махистской философии. Наиболее ярко принципы субъективного идеализма в это время выражены у Лессинга. Уничтожив понятие развития, Лессинг, а вместе с ним и другие буржуазные ученые отказались и от признания объективности и значения исторического факта. В буржуазной историографии возродился биографический жанр, смешивающий историю с вымыслом, поэзией и связанный с культом «сильной личности», отвечающим реакционным тенденциям буржуазии к установлению открытой диктатуры. В историографию хлынули иррационализм, мистика, открытая фальсификация прошлого. В последнем десятилетии кризис буржуазной историографии нашел выражение в распространении неоромантизма, отрицающего значение технического прогресса и проповедующего возврат к средневековью. Делаются попытки обойтись без исторической методологии, возродить приемы средневековых хронистов. Конкретная буржуазная историография при крупных своих достижениях все более поддается разлагающему влиянию кризиса теоретической, исторической мысли (Крепен, Гиро, Дэвис, Груссе, Эрколе).

Статья С. Захарова «Англия во время первой империалистической войны (1917—1918)», помещенная во втором номере, представляет собой окончание работы автора. В данной части изложение начинается

ся со времени прихода к власти Ллойд-Джорджа. Автор освещает военное и экономическое положение Англии, позицию различных классов, правительственную политику. Специальная глава посвящена положению рабочего класса во время войны. Автор на цифровом материале показывает резкое ухудшение материальных условий жизни пролетариата в результате войны, разоблачает ложь буржуазных публицистов.

Тов. Захаров анализирует особенности стачечного движения английского пролетариата, показывает, как из года в год изменялся характер революционного движения английских рабочих. В 1917—1918 годах рядом с вопросами о заработной плате, правах тредюнионов все более выдвигаются политические вопросы: защита Октябрьской революции, борьба против интервенции, вопросы, связанные с целями войны и условиями будущего мира. Антисоветская политика английского правительства повлекла за собой сплочение всех революционных элементов в Британии в борьбе против реакции.

Однако рост революционного движения в Англии характеризовался, как указывает автор, диспропорцией между размахом стихийного движения рабочих и сравнительно небольшим удельным весом сознательного фактора, боевым настроением масс и слабостью революционного авангарда.

Усилив и консолидировав экономически и политически английскую буржуазию как класс, война необычайно обострила все противоречия английского империализма.

Среди остальных материалов, помещенных в вышедших номерах «Историка-марксиста», следует упомянуть: статью П. Гальберга «К вопросу о возникновении пенджабских контингентов индийской ар-

мии и их социальном составе» (№ 6); сообщение Е. Беляева об историко-социалистических воззрениях арабского ученого XIV века ибн-Халдуна (№ 4—5); окончание обзора международных отношений на Дальнем Востоке (1930—1939) А. Гальперина (там же) и другие.

В №№ 4—5 и 6 журнала помещен обзор литературы о французской буржуазной революции XVIII века. Обзор охватывает наиболее ценную литературу на русском, английском и французском языках, дает краткий анализ отдельных работ, систематизирует источники.

Подводя итоги нашего обзора статейного раздела «Историка-марксиста», следует отметить его большое разнообразие и конкретное-историческую содержательность. Однако надо признать недостаточным внимание, уделяемое журналом разработке крупных теоретических проблем всемирной истории и истории СССР. Предоставив место кратким отчетам о дискуссии по абсолютизму, обсуждению проблем, связанных с появлением исторических учебников, редакция ограничилась лишь этим. А ведь «Историк-марксист» мог бы помочь той же дискуссии об абсолютной монархии, предварительно поместив на своих страницах статьи, выражающие различные точки зрения на этот вопрос, продолжив обсуждение на своих страницах, подводя его итоги.

Что касается отдела «Критика и библиография», широко поставленного в журнале, то отдельные рецензии в нем пока приобретают значение статей. Не имея возможности более подробно остановиться на этом отделе, укажем, что отделу «Статьи», возможно, стоило бы в ряде случаев позаимствовать из критического отдела элементы научной полемики.

Ю. Оснос

А. А. МОГИЛЕВИЧ, М. Э. АЙРАПЕТЯН.
«На путях к мировой войне, 1914—1918 гг.» Госполитиздат, 1940, стр. 293, ц. 11 руб.

Государственное издательство политической литературы выпустило недавно в свет книгу А. А. Могилевича и М. Э. Айрапетяна «На путях к мировой войне». В книге излагаются дипломатические документы из архивов царского и Временного правительств, частью уже опубликованные, частью предполагаемые к опубликованию.

В рецензируемой работе описываются наиболее важные этапы международных событий с 1910 по 1914 год, приведшие к взрыву первой империалистической войны.

В вводной статье дан обзор империали-

стических блоков, существовавших до этой войны, и приведен известный прогноз Ф. Энгельса о будущей мировой войне:

«Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, сжатое на протяжении трех-четырёх лет и распространённое на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, — крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находят никого, чтобы поднимать эти короны...»¹.

¹ Энгельс. Избранные военные произведения. Т. I, стр. 472. Госвоениздат. 1937.

Указывая на этот великолепный прогноз, Ленин писал: «Какое гениальное пророчество! И как бесконечно богата мыслями каждая фраза этого точного, ясного, краткого, научного классового анализа!»¹.

В книге даны важнейшие даты из таблиц, помещенных в ленинских «Тетрадах по империализму», иллюстрирующие этапы раздела мира между империалистическими хищниками и подготовку войны 1914—1918 годов, а также приведено историческое выступление товарища Сталина на XIV съезде партии, где он указывает на условия и причины возникновения Тройственного союза и Антанты и дает яркую картину «беспримерного лицемерия буржуазной дипломатии, когда шумом и песнями о мире стараются прикрыть дело подготовки к новой войне»². Соперничество, конкуренция имели место не только между двумя империалистическими лагерями: Антантой и Тройственным союзом. Не менее ожесточенно шла борьба и внутри самих коалиций, между «союзниками», относившимися друг к другу недоверчиво и подозрительно.

Буржуазная дипломатия неоднократно заключала тайные соглашения и договоры с партнерами враждебного лагеря за спиной и против интересов своих же союзников. Италия, например, в 1900 году, будучи членом Тройственного союза, заключила секретное соглашение с Францией — членом враждебной коалиции — о разделе «сфер влияния» в Африке. После этого сговора Италия и Франция в 1902 году подписали соглашение о строгом нейтралитете, в котором указывалось, что оно не противоречит «действующим ныне международным обязательствам Италии». А ведь это соглашение приводило Италию в лагерь враждебной Тройственному союзу Антанты и позволило Франции усилить войска против Германии за счет оголения границы с Италией. В 1912 году, накануне мировой войны, Италия вновь подтвердила свою «верность» Тройственному союзу, возобновив свою подпись под общесоюзным договором с Германией и Австрией...

Но так было не только в лагере Тройственного союза: частые конфликты и столкновения интересов между партнерами имели место и внутри Антанты. Зигзаги внешней политики царской России не раз вызывали беспокойство в Лондоне и Париже. Последние также не оставались в долгу. Англия и Франция весьма прохладно относились к российской политике на Балканах. Они тормозили устрем-

ления царской России к Босфору и Дарданеллам. Существовали острые противоречия между интересами Англии и России в Персии и т. д.

Русско-германское соглашение 1911 года по персидским делам, обязавшее Россию не противодействовать сооружению Германией Багдадской железной дороги, вызвало большое беспокойство в Англии и Франции. Там опасались, что Россия «облизится с Германией и не захочет воевать на стороне Англии. Летом 1912 года специально с «визитом» прибыл в Петербург Шуанкаре. В том же году на очередном совещании начальников французского и русского генеральных штабов (согласно условиям франко-русской военной конвенции о координации действий сухопутных вооруженных сил обеих сторон) по настоянию Франции была заключена еще и военно-морская конвенция. Были приняты все меры, чтобы окончательно подчинить военную силу царской России интересам Англии и Франции. Без русского «рущенного мяса» в надвигавшейся войне с Германией они не могли обойтись. В Лондоне так и говорили: «Англия будет сражаться до последнего русского солдата...»

В 1911 году Франция заключила соглашение с Турцией о постройке железных дорог, ведущих к кавказской границе, вопреки стратегическим интересам «союзника» — царской России. За спиной Франции и России Англия вела отдельные переговоры с Германией, пытаясь использовать в своих целях раздражение Берлина, вызванное исходом агадирского кризиса.

Агадирский кризис

Появление в марокканском порту Агадире 1 июля 1911 года германской канонерской лодки «Пантера» было одним из наиболее острых проявлений империалистических противоречий, предшествовавших мировой войне 1914 года.

Борьба за раздел Африки, за ее нечерпаемые ресурсы: хлопок, каучук, железную руду, золото, алмазы, цветные металлы, слоновую кость, кофе, какао, хлеб, шерсть и т. д. — велась уже давно «великими державами». Вокруг Африки идут важнейшие мировые пути в Индию, Австралию, Китай и т. д. Англия захватила путем колониального грабежа во второй половине XIX и в начале XX века Нигерию, Судан, Египет, Сомали, Кению, Уганду, Родезию, Занзибар, республики буров и т. д. В деле колониального грабежа и зверского истребления беззащитного населения на африканском материке от английского империализма не отставал и французский. Африканские колонии Франции — основа ее колониального могу-

¹ Ленин, Т. XXIII, стр. 106.

² Стенографический отчет XIV съезда ВКП(б), стр. 16. Гиз. 1926.

щества — являлись источником многочисленных резервов для французской армии. Это обстоятельство имело для французского империализма особое значение в связи с падением рождаемости и общим уменьшением населения метрополии.

Германия, выступившая на мировую арену позже других и потребовавшая себе «место под солнцем», неизбежно должна была столкнуться на путях колониальной экспансии с ошеломительными ее конкурентами. В Германии хорошо понимали, что разрешить эту задачу без мощного военно-морского флота будет невозможно. Адмирал Тирпиц, морской министр Германии, заявлял: «К мировому могуществу, кроме постройки флота, для нас иного пути не существовало». Отсюда и известное заявление Вильгельма II, что «будущее Германии на водах», бешеная гонка и соперничество в вооружениях и т. д.

Начало ожесточенной борьбы между Германией и Англией за гегемонию на море вызвали законы о строительстве военно-морского флота, принятые Германией в 1898—1900 годах. Рост морского могущества последней разрушал традиционную политику «равновесия сил», которой придерживалась Англия.

Столкновение Германии с Францией из-за Марокко еще не привело к войне между ними еще в 1905 году. Франция, не чувствуя себя тогда достаточно подготовленной к такому столкновению в связи с ослаблением в войне с Японией ее союзницы — царской России, — отступила. В 1908 году из-за Марокко возник новый конфликт (инцидент в Казабланке). В 1911 году вследствие обострений империалистических противоречий между Англией, Францией и Германией из-за Марокко Европа вновь очутилась перед непосредственной угрозой войны. В апреле 1911 года В. И. Ленин писал: «Известно, что в последние годы и Англия и Германия вооружаются чрезвычайно усиленно. Конкуренция этих стран на мировом рынке все более и более обостряется. Военное столкновение нависает все более грозно»¹. Все же война не разразилась и на этот раз: Германия отступила перед объединенными силами Франции, Англии и России.

Непосредственным результатом агадирского кризиса было еще большее обострение империалистических противоречий, еще большая гонка вооружений и приближение мировой катастрофы 1914 года.

Основным недостатком очерка является неполнота данных о вооружениях империалистических стран после агадирского кри-

зиса, накануне мировой войны, когда расхола «великих держав» на вооружения возросли особенно резко.

Итало-турецкая война

В 1911 году, в сентябре, Италия, учтя международную обстановку, приступила к реализации давно делавшейся ей тайно планов утверждения своего владычества в Северной Африке. Англия не препятствовала действиям Италии, желая окончательно оторвать ее от Тройственного союза. Германия не хотела ссориться со своим «союзником» из-за Триполитании. Франция была всецело поглощена агадирским кризисом. Турецкий флот был недостаточно силен для противодействия итальянскому флоту. Из попытки Турции сыграть на противоречиях между «великими державами» и добиться помощи против агрессии ничего не вышло. Она вынуждена была пойти на мир с Италией, которая захватила Триполитанию и Киренаику.

Первая балканская война

Эта война, подготовленная всем претельным ходом событий на Балканах и в Европе, разразилась в 1912 году. Неожиданные успехи малых балканских стран в их национально-освободительной борьбе с Турцией спутали первоначальные расчеты «великих держав». Под угрозой захвата Константинополя болгарскими войсками и возможности появления нового хозяина на Босфоре царская Россия выступила в роли защитницы Турции, потребовав сохранения для последней Константинополя и прилегающего к нему района.

«На всякий случай» царская Россия мобилизовала Черноморский флот и готовила десант. Первая балканская война, закончившаяся подписанием мирного договора 30 мая 1913 года, наглядно обнаружившая всю глубину противоречий между империалистическими группировками, явилась предюдием нового кризиса на Балканах. Умиротворения здесь не наступило.

У Сербии остались претензии к Болгарии. У Болгарии были претензии к Греции. У преданных и трусливых румынских бояр имелись «претензии» к Болгарии. В общем балканские «союзники», не закончив еще войны с Турцией, уже готовили новую драку.

Вторая балканская война

Царская Россия, инициатор союза балканских стран, заинтересованная в его сохранении, старалась обеспечить равновесие между этими странами, не допустить усиления одной из них за счет другой и

¹ Ленин, Т. XV, стр. 165.

поменять их переходу на сторону австро-германского блока. Эта позиция шла вразрез с планом созидания «великой Болгарии», который мог быть реализован только за счет вчерашних союзников Болгарии — Сербии и Греции.

Австрийский империализм, заинтересованный в распаде направленного против него балканского союза, усиленно провоцировал разгром Сербии ее бывшей союзницей — Болгарией. Все усилия Австрии были направлены к тому, чтобы углубить противоречия в лагере балканских союзников и убедить Болгарию не идти ни на какие уступки. Позиция Болгарии, базировавшаяся на уверенности в обещанной поддержке со стороны австрийской монархии, привела к второй балканской войне. Но помощь Австрии оказалась блефом. Германия не поддержала Австрию в этом вопросе, который мог вызвать мировую войну, не желательную в тот момент для Германии. «Выступить сейчас, — заявил Вильгельм II, — большая ошибка». Взамен помощи Болгария получила нового противника в лице Румынии. Последняя давно требовала «компенсации» от Болгарии за сохранение нейтралитета в первой балканской войне. Болгария отвергла эти домогательства Румынии, и последняя, выждав начала второй балканской войны, когда Болгария оказалась атакованной Грецией и Сербией, нанесла Болгарии неожиданный удар в спину. В этих условиях Румыния, конечно, оказалась в числе «победителей», а Болгария, сыгравшая решающую роль в победе над Турцией в первой балканской войне, подверглась полному разгрому. Создавшуюся обстановку использовала и Турция, отобрав завоеванный Болгарией Адрианополь.

Мирный договор между побежденной Болгарией, с одной стороны, и Румынией, Сербией, Грецией и Черногорией — с дру-

гой, был подписан в Бухаресте 10 августа 1913 года; Болгария потеряла почти все свои приобретения в Македонии и должна была отдать Румынии Южную Добруджу.

Первая и вторая балканские войны не привели населяющие Балканский полуостров малые народы к национальному объединению и самоопределению. Австрия оставалась «славянской державой». Под игмом помещиков и капиталистов в ней оставались сербы, словаки, хорваты, словены... В Австрии после балканских войн значительно усилилось национально-освободительное движение. Узел балканских противоречий становился все более запутанным, создавая новые предлоги для вмешательства в балканские дела больших империалистических хищников; балканские страны были для них лишь разменной монетой в крупной игре.

Книга А. А. Мегилевича и М. Э. Айрапетяна, базирующаяся на обширном фактическом материале из частью еще не опубликованных архивных данных, помогает разобраться в ходе международных событий, предшествовавших войне 1914 года. Она в известной степени помогает понять, почему «подготовленная ходом развития в течение десятилетий война была спущена с цепи при прямой и сознательной провокации Великобритании»¹.

В книге даны тексты основных политических соглашений Тройственного союза и Антанты. Военные соглашения представлены не полностью и только относящиеся к Антанте.

Рецензируемая книга является работой, помогающей уяснить сложные и мало освещенные вопросы в международных отношениях, помогающей в известной мере понять «тайну, в которой война рождается».

М. Шварц

Г. МЫМРИН, М. ПИРОГОВ, Г. КУЗНЕЦОВ. Разгром интервентов и белогвардейцев на Севере. Архангельское областное издательство. 1940. 98 стр. 2 р. 35 к. в переплете.

ИНТЕРВЕНЦИЯ НА МУРМАНЕ. В помощь агитаторам и пропагандистам. Сборник материалов к 20-летию освобождения Мурманска от интервентов и белогвардейцев. Издание редакции газеты «Полярная правда». Мурманск. 1940. 117 стр. 2 руб.

Рецензируемые работы выпущены в связи с исполнившимся в феврале 1940 года 20-летием освобождения Советского

Севера от интервентов и белогвардейцев. Север, как известно, был избран ими как один из наиболее удобных плацдармов для развертывания борьбы против Советской России.

Уже 9 марта 1918 года англичане высадили десант в Мурманске. За англичанами последовали французы, американцы, канадцы. Войска интервентов постепенно захватили весь Северный край и начали продвигаться к югу. Чужеземные захватчики протягивали лапы к сердцу нашей родины — к Москве и Петрограду.

¹ Из манифеста I конгресса Коминтерна.

В обеих книгах рассказывается о том, что захватить Северный край интервентам помогли пробравшиеся к руководству Мурманского совета ставленники предателя Троцкого — Юрьев (Алексеев) и другие. Они заключили с англичанами и французами сначала «словесное» (2 марта 1918 года), а затем письменное (6 июля) «соглашение». По этому «соглашению», весь край переходил фактически в руки интервентов.

2 августа 1918 года враги захватили советский Архангельск. Там утвердилось сперва белогвардейско-кадетско-эсеровское «правительство Севера России», а затем более удобная для интервентов диктатура генерала Миллера.

На страницах обеих книг приводятся материалы о том, как иностранные завоеватели при помощи белогвардейцев стремились превратить Советский Север в свою колонию. Интервенты захватили и вывезли через порты Архангельска и Мурманска огромное количество ценнейших товаров и сырья. В Архангельске интервенты назначили своего генерал-губернатора, восстановили царские законы и ввели военно-полевые суды.

Белогвардейцы и интервенты учинили свирепую расправу над советскими работниками. За одно только подозрение в сочувствии к советской власти трудящиеся расстреливали, ссылали, сажали в тюрьмы.

Советский Север никогда не забудет ужасов концентрационных лагерей и каторжных тюрем на острове Мудьюг, пустынном полуострове Иоканьга и других.

Застрельщиком в борьбе трудящихся Севера против белобандитов и иноземных захватчиков явилась коммунистическая партия. Ушедшие в подполье большевики Севера провели героическую работу. Они сплотили и подняли на борьбу рабочих и крестьян края. Под руководством большевиков были созданы партизанские отряды. Вместе с петроградскими и московскими рабочими, посланными Лениным и Сталиным для освобождения Севера, они вошли в состав 6-й Красной Армии, беззаветно сражавшейся за дело социализма.

8 сентября 1918 года погиб геройской смертью на северодвинском фронте зам. председателя Архангельского губисполкома Павлин Виноградов, мужественный организатор первых отрядов, вступивших в борьбу с интервентами и белогвардейцами. Его деятельность овещена в первой книге, к сожалению, в самых общих чертах.

Ленин и Сталин уделяли огромное внимание северному фронту. Борьба здесь была исключительно трудной и сложной вследствие бездорожья, сурового климата, редкого населения. В своих директивах Ленин постоянно указывал на необходи-

мость срочно послать подкрепления на северный фронт. Ленин предложил 29 августа 1918 года командованию северного фронта в случае продвижения больших сил англо-французов давать регулярные и подробные отчеты об организации взрывов и разрушениях мостов, железных дорог, переходов среди болот.

Ленин предлагал также позаботиться о проведении фортификационных работ и обезопасить Вологду от белогвардейской опасности.

Интервенты и белогвардейцы вели наступление в районе Северной Двины в направлении Котлас—Вятка. Они намеревались соединиться с частями белогвардейцев, действовавших на севере Урала, чтобы общими силами двинуться затем на Москву.

В трудную для Советской республики минуту Ленин и ЦК партии послали на восточный фронт товарищей Сталина и Дзержинского. Благодаря их исключительной энергии удалось восстановить в кратчайший срок беспособность 3-й Красной Армии восточного фронта. Товарищ Сталин и Дзержинский во время пребывания проездом в Вологде, а затем в Вятке дали представителям командования 6-й Красной Армии и Архангельского губисполкома целый ряд важных указаний, связанных с организацией транспорта и снабжения северного фронта.

Товарищи Сталин и Дзержинский одобрили план наступления Красной Армии в Северодвинском направлении и на Шенкурск.

Директива товарища Сталина и Дзержинского предотвратила возможность соединения белых и интервентов на северо-востоке и привела к дальнейшим успехам Красной Армии в этом направлении и к занятию ею 25 января 1919 года Шенкурска.

Успехи Красной Армии на всех фронтах гражданской войны и, в частности, на северном фронте, разложение и революционные восстания, начавшиеся в частях белой армии и интервентов, привели к тому, что английское правительство приняло решение об эвакуации своих войск. В конце сентября 1919 года Англия убрала свои войска из Архангельска, а в октябре — и из Мурманска.

Ленин говорил, что на северном фронте, где англичане собрали громадные и великолепные вооруженные силы, «как раз там оказалось, что все наступление неприятеля рухнуло ошеломительно. Англичанам пришлось вывезти назад свои войска, и мы теперь видим полное подтверждение того, что английские рабочие войны с Россией не хотят и что даже теперь, когда в Англии далеко еще нет революционной борьбы,

они способны оказывать такое влияние на свое правительство хищников и грабителей, что заставляют его убрать войска из России. Этот фронт, который был особенно опасным, потому что неприятель находился там в наиболее выгодных условиях, имея мерзкую дорогу, они вынуждены были сдать»¹.

В начале 1920 года 6-я Красная Армия перешла в решительное наступление. Началось повальное и поспешное бегство белогвардейцев.

Без поддержки интервентов белогвардейцы не могли сражаться. Красная Армия быстро приближалась к Архангельску. 21 февраля 1920 года Архангельск был освобожден. Трудящиеся Архангельска торжественно встречали части доблестной Красной Армии. Одновременно против белогвардейской власти восстали рабочие Мурманска. Вскоре Красная Армия очистила от врагов весь Советский Север.

В первой книге дается в общем вполне удовлетворительное изложение (главным образом на основе известных уже материалов) хода борьбы с белогвардейцами и интервентами на Севере. Как недостаток следует отметить, что события даны не в строго хронологической последовательности.

Свое изложение авторы начинают с февральской буржуазно-демократической революции 1917 года на Севере и заканчивают взятием Красной Армией Архангельска в феврале 1920 года. В книге следовало бы подробнее остановиться на роли Ленина и Сталина в руководстве борьбой на северном фронте, а также на действиях партизанских отрядов и деятельности большевистской партии в подполье. В местных архивах можно найти новые материалы по этим вопросам.

Следовало бы также более подробно осветить контрреволюционные мятежи в 1918 году в Архангельской губернии (в Емецке, Шенкурске и другие). Это явилось бы хорошей иллюстрацией при описании контрреволюционной деятельности белогвардейцев и интервентов на Севере в этот период.

Во втором сборнике помещены статьи: К. Кузнецова «Роль Ленина и Сталина в борьбе за Советский Север», И. Бражника «Двадцать лет назад», К. Бельхина «Вдохновители интервенции на Севере» и «Документы рассказывают», Е. Двинина «Белый террор на Мурмане», Д. Григера «Будни в оккупиро-

ванном Мурманске» и «Борьба рабочих Мурманска с оккупантами», Р. Троянкева «Неопровержимые улики», П. Молокова «Бегство Миллера», а также «Интервенция на Мурмане в документах».

Основной недостаток перечисленных выше статей — многочисленные повторения, которые легко можно было бы устранить при более тщательном редактировании. Сборник имел бы гораздо большую ценность, если бы статьи были даны в определенной хронологической последовательности и освещали разные темы. В этом отношении лучше других сделан последний раздел сборника, «Интервенция на Мурмане в документах», хотя новых материалов по данному вопросу в нем не приведено.

Только во второй статье Д. Григера использованы некоторые неопубликованные документы, характеризующие борьбу рабочих Мурманска с белогвардейцами и интервентами. К сожалению, ни в одной из статей не изложен подробный ход операций частей 7-й армии (Межозерный и Мурманский районы), а также деятельность местных партизанских отрядов.

В первой и второй работах встречаются некоторые неточности. В первой, на стр. 13-й, утверждается, что иностранные посольства переехали в Вологду 7 марта 1918 года, а на стр. 17-й — в феврале. Правильно, конечно, второе. Неточно утверждение (стр. 15-я), что только в июле началась англо-французская интервенция на Севере, тем более что на стр. 19-й авторы сами же приводят материалы, свидетельствующие о том, что интервенция началась уже в марте 1918 года. Упоминаемая речь Ленина была произнесена не 24 декабря, а 24 октября (стр. 90).

На стр. 144-й второй работы неверно утверждается, что Красная Армия заняла Архангельск 19 февраля. Неудачен стиль статьи К. Бельхина. Приведем пример: «Больше полутора лет разномастная стая интервентов и белогвардейцев обитала на Мурмане, с похотливой жадностью прорываясь броситься на окруженную со всех сторон такими же хищниками молодую страну Советов» — и так далее.

К обеим статьям даны иллюстрации, к сожалению, весьма плохо воспроизведенные. Ни в одной из работ нет ни карт, ни схем, что является серьезным недостатком изданий.

Обе книги представляют известный интерес для всех изучающих историю гражданской войны в СССР.

Г. Рейхберг

¹ Ленин, Т. XXIV, стр. 495.

В. П. ГОЛИОНКО «Очерки революционного движения в Приморье (1900—1916 гг.)». Дальневосточное государственное издательство. Хабаровск. 1940. 97 стр. 1 р. 35 к.

«Очерки» В. П. Голионко написаны по документальным данным, хранящимся во Владивостокском областном архиве.

Литература о революционном движении на Дальнем Востоке небогата: сборник 1905 года «Революционное движение на Дальнем Востоке», изданный Дальневосточным издательством в 1925 году, представлял до сего времени наиболее солидную попытку дать в сводном виде материал по данному вопросу. Но сборник этот содержит ряд грубых ошибок как с фактической стороны, так и с принципиальной. Поэтому книга В. П. Голионко, которая счастливо отличается как от названного сборника, так и от ряда статей и воспоминаний других авторов о революционном движении на Дальнем Востоке и, в частности, в Приморье, является как нельзя более своевременной. Голионко правильно излагает фактическую сторону революционных событий и дает им верную оценку.

Работа его состоит из двух частей. В первой части автор описывает октябрьские дни 1905 года во Владивостоке, январское военное восстание во Владивостоке в 1906 году, восстания гарнизона в крепости Чыгырах около Николаевска на Амуре и крестьянские волнения в 1905—1906 годах в Приморье. Эта часть книги охватывает 1900—1906 годы. Вторая часть содержит характеристику социал-демократических организаций Приморского района, описание вооруженного восстания в октябре 1907 года во Владивостоке, восстания минеров в бухте Дюмпила 16 октября того же года, восстания матросов на многокосяках, расправы царских властей с восставшими и разгрома социал-демократических организаций. Концовка книги посвящена описанию голой глухой реакции и выступлению рабочих в Тетюхе в 1910 году. Автор доводит изложение революционного движения на Дальнем Востоке до 1916 года. В конце книги приложен ряд документов, главным образом прокламации местных социал-демократических организаций.

Особенно ценным в рецензируемой книге является описание январского военного восстания во Владивостоке в 1906 году. Событие это в нашей большой исторической литературе осталось почти неосвещенным, между тем оно представляет собой чрезвычайно красочную страницу в истории революционных боев 1905 года. Огромная крепость царского правительства оказалась в январе 1906 года в руках восставших матросов и солдат владивостокского гарнизона. Военные и гражданские власти, испуганные восстанием гарнизона,

вынуждены были бежать из города вместо с оставшимися верными им казаками. Вся крепость с ее огромными запасами всех видов оружия и снарядов и весь богатый портовый город перешли в руки восставших. Восруженное восстание во Владивостоке обладало исключительными объективными революционными возможностями: в руках восставших находились огромные запасы оружия, великолепные людские силы, неприступные форты крепости и почти весь военно-морской флот, находившийся на Владивостокском рейде. Не хватало восставшим солдатам, матросам и рабочим только революционного руководства, которое дало бы правильное направление могучим стихийным силам восставшей крепости.

Автор правильно расценивает руководителей солдатского исполнительного комитета и профессиональных союзов во Владивостоке в 1905 году как мелкобуржуазных меньшевистских и эсеровских болтунов, которые не только неспособны были руководить борьбой масс, но принимали все меры к тому, чтобы притупить революционный порыв масс, разложить и направить движение на путь примирения и соглашения с царскими властями. Эти горе-вожди, никогда не помышлявшие всерьез о вооруженном восстании и революционном захвате власти, когда восстание произошло помимо их воли, начали принимать меры к тому, чтобы «мирно» ликвидировать последствия этого восстания.

В то время когда соглашательские руководители из союза союзов и солдатского исполнительного комитета владивостокского гарнизона уговаривали солдатскую и матросскую массу успокоиться, главнокомандующий армией генерал Лявевич принимал меры, чтобы захватить крепость. С этой целью на восставший Владивосток был послан генерал Мищенко с казачьей дивизией. «Храбрый» генерал не решался, однако, открыто напасть на восставших, зная хорошо, что все подступы к городу защищены крепостной артиллерией, находившейся в руках восставших. Каратель начал действовать поэтому хитростью и ложью: остановившись в Раздольном, Мищенко запросил солдатский исполнительный комитет, не согласится ли он пропустить его с казаками через Владивосток для отъезда якобы морским путем в Россию (в порядке начавшейся тогда эвакуации русских войск из Манчжурии). Исполнительный комитет, возглавляемый Шпером, не принял никаких мер для разоблачения лживых уверений царского генерала. Напротив, соглашательские руководители комитета неслись возможности стовориться с Мищенко о «мирной ликвидации» вооруженного восстания. Поэтому, когда с пере-

догового форта крепости, расположенного в 16 верстах от города, запросили комитет, пропускать ли эшелоны Мищенко, комитет ответил: «Пропускать!»

Это был акт прямого предательства со стороны либеральных и эсеровско-меньшевистских руководителей солдатской массы. Войдя в город, генерал Мищенко немедленно начал свирепую расправу с восставшими, при этом царский каратель не ограничился, как рассказывает тов. Голишко в своей книге, расправой над живыми участниками восстания: в звериной злобе к революции он обратил свою месть и на мертвых борцов революции, похороненных в братской могиле после расстрела демонстрации солдат и рабочих Владивостока 10 января 1906 года. Жертвы расстрела были, по распоряжению Мищенко, вырыты из могилы и сброшены в море.

Конкретные факты революционной действительности в 1905 году на Дальнем Востоке, описываемые в книге тов. Голишко, являются хорошей иллюстрацией к главе III «Краткого курса истории ВКП(б)». Эти факты лишней раз свидетельствуют о правильности ленинского учения о вооруженном восстании, лишней раз иллюстрируют необходимость беспощадной ленинско-сталинской борьбы против оппортунистов и классовых врагов.

К сожалению, автор недостаточно критически отнесся к позиции сибирских большевистских организаций в вопросе о вооруженном восстании в 1905 году. Он обошел в своих «Очерках» вопрос о том, что военное восстание во Владивостоке в январе 1906 года не привлекло внимания большевистских сибирских организаций. Ни харьбинская группа большевиков, ни читинский комитет, находившиеся ближе других большевистских организаций к Владивостоку, не учли вовремя, какие огромные возможности для вооруженного восстания таила в себе эта могучая крепость, где был сконцентрирован тогда большой революционно настроенный гарнизон. Разобщенные огромными пространствами Сибири и Дальнего Востока, наши молодые и неслытные в то время большевистские организации, готовясь к вооруженному восстанию, редко выходили за пределы своего города или губернии. Они не обратили должного внимания ни на полковые армии в Манчжурии, ни на Владивосток. Они не бросили сюда необходимых сил для работы, хотя объективно имели к тому возможность. Они не поставили как следует задачу физической борьбы за войско, как тому учили Ленин и Сталин, не сумели использовать находившийся в их руках телеграф как могучее средство связи, не использовали огромных запасов оружия, попавшего в их руки, и т. д. Во всем этом, несомненно,

сказались не только молодость и неопытность движения, но также и гнилые примиренческие установки и грубые тактические ошибки (например тактика обороны вместо смелого наступления).

В. П. Голишко правильно отмечает в своей книге, что стихийное революционное движение во всем Приморье началось в 1905 году под влиянием либерально-демократической интеллигенции, которая плелась в хвосте событий и была совершенно неспособна им руководить. Либеральные болтуны из числа радикальной интеллигенции Приморья, меньшевики и эсеры из мобилизованных военных врачей и чиновников в самый разгар движения не шли дальше того, чтобы грозить неуступчивому военному начальству Владивостокской крепости «мирной забастовкой» ее революционно настроенного гарнизона. Конечно, такая «угроза» ясно говорила начальству, что руководители солдатского исполнительного комитета неспособны ни на какие революционные действия.

Владивосток, как и вся Приморская область, не имел в 1905 и в начале 1906 года сплоченной большевистской организации.

Однако причины поражения январского восстания во Владивостоке в 1906 году кроются не только в том, как ошибочно думает автор «Очерков», что сибирские большевики «не смогли помочь в это время Владивостоку революционным руководством», но и в тех общих причинах поражения революции 1905 года, на которые указано в «Кратком курсе истории ВКП(б)»: в том прежде всего, что не было еще в революции прочного союза рабочих и крестьян против царизма; в том, что отсутствие такого союза сказывалось и на поведении армии, большинство которой составляли сыновья крестьян, одетые в шинели; в том, что недостаточно дружно действовали и рабочие, что в рядах партии рабочего класса не было тогда необходимого единства и сплочения; партия была разбита на две группы: большевиков и меньшевиков, — причем меньшевики своей соглашательской тактикой тормозили революцию, пугали значительную часть рабочих. Наконец, царскому правительству помогли полавить революцию 1905 года западноевропейские империалисты и мир с Японией, заключенный в сентябре 1905 года.

Слабой стороной рецензируемой книги является далее то, что описываемые в ней революционные события в Приморье не увязаны надлежащим образом с революционным движением в России. Книжка представляет собой, как говорит о ней и сам автор, «серию очерков, излагающих отдельные, наиболее ярко эпизоды из

истории революционного движения Приморья». Однако все эти эпизоды революционной борьбы в крае не стояли обособленно и независимо от общей революционной борьбы в России. Напротив они были прямыми отзвуками этой общей революционной борьбы в стране. Только в этой связи неясны вооруженные восстания в Сибири, имевшие место во время первой русской революции. Этот момент недостаточно подчеркнут автором книги.

Располагая сравнительно богатым архивным материалом, автор, к сожалению, недостаточно его использовал, а пользовался часто «Обзором революционного движения в Восточной Сибири за период 1900—1907 гг.», составленным прокурором Иркутской судебной палаты и изданным в 1908 году. На точность излагаемых в этом «Обзоре» фактов не всегда можно полагаться, так как автор его пользовался часто непроверенными агентурными данными жандармских управлений. Нечего и говорить, что царский «историк» революционного движения в Восточной Сибири совершенно извращенно представлял себе это движение и часто путал правду с вымыслом.

Нало отметить также, что некоторые вопросы революционного движения в Приморье автор рецензируемой книги обошел или весьма слабо разработал. Так например слабо разработан в книге вопрос об участии крестьянства в движении 1905—1906 годов. Надо, впрочем, сказать, что в отличие от других сибирских авторов, которые не заметили крестьянских волнений в Сибири и на Дальнем Востоке в период первой русской революции, тов. Голионко все же отметил в своей книге, что крестьянство на Дальнем Востоке и, в частности, в Приморье активно проявило себя в революционном движении. Но, следуя за скудными официальными данными по этому вопросу, тов. Голионко ограничился всего лишь парой страниц, посвященных приморскому крестьянству. Между тем совсем не так убого было революционное движение среди крестьян и казаков Дальнего Востока, как это пытаются представить нам официальные источники того времени. К этим источникам надо относиться критически. Царские чиновники в Сибири и на Дальнем Востоке в своих донесениях правительству старались представить дело так, что во вверенных им губерниях все обстоит благополучно, население благоденствует и довольно своим начальством. По этим сообщениям губернаторы не всегда сообщали в центр об имевших место революционных выступлениях в их губернии или области или намеренно уменьшали размеры этих выступлений. Однако хорошо известно, что сибирское

крестьянство и местные национальности играли в революционном движении довольно видную роль. Правда, крестьяне и казаки недостаточно активно участвовали в революции 1905 года в России и, в частности, в Сибири. Это явилось одной из причин поражения революции. Но в революции 1905 года крестьянство и казачество уже на опыте близко подошли к союзу с рабочим классом. Революционный опыт 1905 года не пропал даром для трудовых масс сибирского и дальневосточного крестьянства и казачества. Он помог сибирской деревне во время Великой Октябрьской социалистической революции легче разобраться в эсеровско-меньшевистской контрреволюции и в борьбе с нею стать бесспорно на сторону большевиков, которые возглавили могучее партизанское движение в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918—1919 годах.

Автор книги уделил мало внимания этому вопросу и не дал полной картины крестьянских и казачьих волнений в 1905 году на Дальнем Востоке. Он не сопоставил и не проанализировал два таких революционных события, как первый крестьянский съезд Приморья в декабре 1905 года (выдвинувший требование о демократических свободах) и казачий съезд в Благовещенске (он происходил в то же время, фактически отстранил наказного атамана и взял власть в свои руки). Историк революционного движения на Дальнем Востоке не может пройти мимо этих фактов, ибо они говорят о том, как далеко заходило в отдельных случаях крестьянство и казачество в борьбе против царского самодержавия.

Несмотря на отмеченные здесь недостатки и неполноту сведений по отдельным вопросам книжку Голионко следует признать полезной работой, в которой наряду с описанием вооруженных восстаний в местных гарнизонах и во флоте впервые сообщаются проверенные по документам факты деятельности наших большевистских организаций в Приморье. В исключительно тяжелых условиях приходилось работать большевикам на Дальнем Востоке. Военные восстания 1906 и 1907 годов чрезвычайно встревожили правительство и местные власти, которые не останавливались ни перед какими жестокостями в борьбе с революционным движением. По поводу восстания во Владивостокском флоте в 1907 году председатель совета министров Столыпин телеграфировал генерал-губернатору Унтербергеру, что он должен прибегнуть в борьбе с революционерами «к мерам совершенно исключительным, без применения к виновным судебного порядка». Это значит, что местные власти могли расправляться с революционера-

ми, не считаясь с законами. Так оно и было на самом деле. Дальневосточные большевики, однако, не прекращали своей подпольной работы несмотря ни на какие преследования. Даже в годы самой мрачной реакции, когда был разгромлен ряд большевистских организаций, оставшиеся на воле большевики не складывали ору-

жия и продолжали революционную работу в глухом подполье. Эта самоотверженная революционная работа большевиков и повседневные ими жертвы не пропали даром: они подготовили победу Великой Октябрьской социалистической революции.

М. Ветошкин

С. Н. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ «Севастопольская страда». Эпопея в трех томах. Гослитиздат. М. 1939—1940.

Среди произведений, написанных советскими писателями на исторические темы, «Севастопольская страда» С. Н. Сергеева-Ценского займет, без сомнения, почетное место.

В своей эпопее Сергеев-Ценский с незаурядным мастерством изобразил одну из значительнейших и наиболее волнующих страниц русской истории — героическую оборону Севастополя, в течение одиннадцати месяцев защищавшегося против превосходящих сил врага.

Оборона Севастополя, как известно, являлась решающим этапом Крымской, или, как ее обычно называют на Западе, Восточной войны 1853—1856 гг., которую вели против России Турция, Англия, Франция и Сардиния (Пьемонт)¹.

Парское правительство войну эту проиграло, и иначе, конечно, и быть не могло; юстало крепостническое государство не в состоянии было противостоять двум передовым капиталистическим державам. «Крымская война, — как говорит Ленин, — показала гнилость и бессилие крепостной России»².

Маркс и Энгельс, которые очень внимательно следили за ходом Крымской войны и посвятили ей целый ряд статей, считали поражение русского царизма в этой войне желательным и полезным. Но они подчеркивали, что воюют с Россией реакционные правительства из-за своих корыстных интересов и что они хотят лишь оттеснить и ослабить опасного конкурента, а не нанести решительный удар «жандарму Европы», каким была тогда николаевская монархия.

Маркс и Энгельс подвергали уничтожающей критике методы ведения войны союзниками. Об осаде Севастополя они писали: «Эта осада является наглядным доказатель-

ством того факта, что насколько за время длительного периода мира благодаря развитию промышленности улучшился военный материал, настолько же пошло назад военное искусство»³. Руководителей англо-французской армии: Раглана, Сент-Арно, Канробера и других — они награждали самыми презрительными эпитетами.

Когда крымская экспедиция еще только снаряжалась, союзники заранее торжествовали победу. Они рассчитывали, что им удастся без особого труда разгромить Севастополь — главную русскую базу на Черном море. Но хотя сил у интервентов было больше чем у русских, а стоявшие во главе русской армии Меншиков и сменивший его затем Горчаков по бездарности своей ничуть не уступали Раглану или Сент-Арно, все же первоначальные планы и надежды англичан и французов рухнули. Осажденные севастопольцы сумели возродить славные патриотические традиции 1812 года и оставили после 349 дней борьбы неприятелю одна развалины, причем вывели из города все войска и всех жителей.

Таким образом оборона Севастополя выявила одновременно и слабость русского самодержавия и силу русского народа. «Оборона Севастополя, — справедливо указывает в эпилоге своей эпопеи Сергеев-Ценский, — прогремела над всей Россией как очистительная гроза» (т. III, стр. 641). Ликвидация николаевских порядков и падение крепостного права были явно ускорены поражением правительства крепостников. Как образно выражается Сергеев-Ценский, «знаменитые в русской жизни девятнадцатого века шестидесятые годы глядели в зияющую брешь, пробитую одиннадцатимесячной севастопольской канонадой» (т. III, стр. 642).

В «Севастопольской страде» перед читателем разворачивается необычайно широкая картина борьбы города-героя. По своей обстоятельности и по всестороннему охвату материала это произведение может смело поспорить со многими специальными историческими исследованиями. Подробнейшим образом описаны Сергеевым-Ценским много-

¹ Англия и Франция формально вступили в войну в 1854 году, Сардиния присоединилась к союзникам в самом начале 1855 года.

² Ленин, Соч. Т. XV, стр. 143.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. X, стр. 186.

численные сражения, происходившие в 1854—1855 годах на Крымском полуострове; тщательно охарактеризованы все сколько-нибудь выдающиеся деятели осады и обороны Севастополя. Чтобы отчетливее показать движущую силу и фон войны, автор переносит действие в Петербург, Москву, Париж, Лондон, на квартиру к профессору Грановскому, в поместье славянофилов Аксаковых, в рядовое помещицье именно Хланьонинку. Но удовлетворяясь в ряде случаев конкретно-образным изображением, Сергеев-Ценский прибегает к обобщенным формулировкам, к языку публициста и исследователя.

Но «Севастопольская страда» не становится от этого ни публицистическим, ни научным сочинением. Это — произведение художественное, в котором автор оставляет за собой право на домысел.

Как и в большинстве советских исторических романов, в «Севастопольской страде» главными действующими лицами являются лица исторические; что же касается вымышленных персонажей, то они у Сергеева-Ценского играют более подчиненную, если можно так выразиться, роль. Большое внимание уделяет писатель — и это-то в значительной степени и обусловило удачу его произведения — показу людских масс, обрисовке той коллективной психологии, которая складывается у людей тогда, когда они особенно остро чувствуют, что от их совместных усилий зависит разрешение задач исторической значимости.

Первым главнокомандующим русских сил в Крыму был светлейший князь А. С. Меншиков, образ которого дан в «Севастопольской страде» очень выпукло. Этот любимец Николая I был не только общепризнанным остроумцем: он справедливо считался одним из умнейших людей своего времени. Он, далее, отличался личной храбростью и был, не в пример другим николаевским сановникам, честен (что, впрочем, можно отчасти объяснить огромностью принадлежавшего ему состояния). Но все эти его положительные качества, быть может, даже с некоторым избытком продемонстрированы Сергеевым-Ценским, не могли предохранить Меншикова от позорного краха в Севастополе, неизбежность чего так же убедительно показана писателем.

В Меншикове, этом избалованном судьбой вельможе, сочетались исключительное самемнение и самонадеянность с поражающим легкомыслием русского «барина», уворно отстраняющего от себя все неприятные заботы. Поэтому-то, например, во время высадки десанта союзников, продолжавшейся три дня, за нею... лишь наблюдали шесть кавалеристов; никакой попытки помешать интервентам сделано не было.

Но, пожалуй, больше всего характерно для Меншикова его откровенное презрение к подчиненным ему солдатам и офицерам, к русской армии, к русским вообще. О патристических чувствах его всерьез говорить не приходится, и не удивительно, что в такой войне, как Крымская, при всем уме Меншикова сразу обнаружилась его несостоятельность. Он в первую очередь нарядворец, озабоченный чистотой своего по-служного синика и старающийся думать так, как думают там, в Петербурге, в царском дворце. Отсутствие подлинной любви к родине сказывалось так или иначе чуть ли не во всех его распоряжениях. Недаром он получил от защитников Севастополя тельчку «Изменщикова».

В ряде эпизодов вскрывает Сергеев-Ценский органическую чуждость Меншикова народу.

Перед самым началом боя на реке Алма¹ по вызову главнокомандующего на позицию пришли два батальона Московского полка, сделавшие за три с половиной суток двенадцать верст. Генерал Кирьяков велел новоприбывшим батальонам расположиться на отдых и назначил их в резерв. Но Меншиков через своего адъютанта Грейга передал им приказ немедленно выйти в первую линию левого фланга.

«— Они не могут! Они только что пришли! Они без ног! — запальчиво крикнул Кирьяков.

— Не могу знать, ваше превосходительство, таков именно приказ его светлости, — отозвался Грейг, отъезжая.

Кирьяков повернул за ним коня.

Меншиков сидел на рослом гнедом лошади — сухой, костяной, желтый. Глаза Кирьякова с трудом выкарабкивались из набухших век, когда он, поднимая руку к козырьку, проговорил желчно:

— Я приказал только что пришедшим батальонам Московского полка остаться в резерве, ваша светлость!

— А я... я приказываю, — поднял голос Меншиков, — взять их из резерва сюда, на левый фланг!

— Они устали, ваша светлость!

— Пустяки! «Устали!»... Извольте передвинуть их сюда сейчас же! Немедля!.. Сюда! Вот!

И Меншиков, отвернувшись от Кирьякова, указал рукой, куда он думал поставить батальон» (т. I, стр. 103—104).

«Пустяки», по Сергееву-Ценскому, — едва ли не самое излюбленное слово в лексиконе «светлейшего».

Когда он назначил вице-адмирала Пахимова начальником обороны южной части

¹ Происходил 8 (20) сентября 1854 года и закончился поражением русских; велел за ним последовала осада Севастополя.

Севастополя, тот считал своим долгом заявить, что «в сухопутные генералы» он не годится и может по неопытности вместо пользы принести вред. Но Меншиков и в этом случае остался верен себе.

Ну-стя-ки! — Меншиков сделал гримасу. «—Всякий вице-адмирал равен по своему чину генерал-лейтенанту» (т. I, стр. 172).

И затем он полушутливо, полусерьезно раз'яснил:

«— Древние римляне назначали на должности полководцев не только адмиралов взамен генералов, а даже людей, никогда не служивших в войсках... Возьмите хотя бы Лукулла, который был только богат и любил хорошо покушать... Однако же он оказался очень удачливым полководцем, не так ли?.. Почему же? Да по той простой причине, что была у него, как у всякого богатого человека, привычка командовать людьми...» (т. I, стр. 173).

Уже по приведенным двум примерам можно судить о том, как рисует Сергеев-Ценский образ Меншикова. Видно, что Меншиков — человек умный, но что он одновременно крестник до мозга костей. В серьезной, большой войне, бесспорно, с такими взглядами успешно руководить армией невозможно.

Вот еще один эпизод «Севастопольской страды» (исторически также вполне достоверный), который ярко характеризует Меншикова.

После победы русских войск в битве при Балаклаве (13 (25) октября 1854 года), омерзанный генералом Липранди, Меншиков по желанию царя подготавливал наступление на союзников. Главнокомандующий разрабатывал планы будущего сражения и торопился дать его как можно скорей. Дело в том, что Николай I направил в Севастополь своих младших сыновей — Николая и Михаила. Вот и требовалось дать бой до их приезда. «Меншиков боялся, что по молодости и пылкости своей великие князья будут подвергать себя всем опасностям боя и что удержат их в приличном расстоянии от ядер и пуль будет нельзя». А князь понимал, «что для него будет гораздо лучше потерять сражение и половину армии, но сохранить невредимыми царевичей, чем даже при полной победе потерять хоть одного из них» (т. I, стр. 456).

Таков был первый главнокомандующий русской армии во время Крымской войны. Сменивший его за два дня до смерти Николай князь М. Д. Горчаков еще меньше, пожалуй, соответствовал своему назначению. У прогневшего до основания николаевского режима «не было людей», что, конечно, не означает вовсе, что их вообще тогда в России не было; оборона Севастополя пока-

зала, что имелось и в те времена в армии способные, талантливые военачальники, но они не были «своими людьми» для правительственной верхушки и на руководящие посты их не пускали.

Горчаков, как и Меншиков, был в предвоенных годах: им облом шел уже седьмой десяток. Внешне они во многом различались: Меншиков был неприветлив в личном своем быту, Горчаков же любил блеск и окружал себя поэтому целой свитой генералов; Меншиков был скрытен и до последней минуты никому не открывал своих намерений, Горчаков совершенно не в состоянии был сохранить что-либо в тайне, и т. д., и т. п. Но объединяло их одно: и тот и другой были твердо убеждены, что Севастополь им от врага отстоять не удастся, и сокрушались, что их блестящая долговременная карьера будет в конце своему, таким образом, замятана.

В изображении Сергеева-Ценского, и в данном случае не отступающего от исторических фактов, Горчаков — персонаж почти что анекдотический. Он редкостный паникер, беспрерывно мечущийся от одного решения к другому, не знающий, на чем остановиться, то и дело меняющий свои собственные приказы. «Приказание, контрприказание, отмена приказа» — так «руководил» Горчаков действиями войск, создавая неимоверную путаницу и сбывая с толку своих подчиненных. Горчаков был подслеповат, и эта его физическая особенность, неоднократно подчеркиваемая писателем, превращается в «Севастопольской страде» в художественную деталь, превесходно рисующую весь его облик.

Но эта анекдотическая личность командовала армией великой страны, борющейся против сильнейших европейских стран! Поступки Горчакова, сами по себе смехотворные и колесные, влекли за собой чрезвычайно тяжелые, трагические результаты. В главе «Бой на Черной речке» — одной из лучших глав третьего тома эпоса — Сергеев-Ценский выразительно показал, как из-за невероятной, преступной небрежности главнокомандующего бессмысленно погибли тысячи солдат и офицеров. Не дав себе труда обдумать свои слова, Горчаков преждевременно послал в атаку отряд генерала Реаца, а сей последний, видя, что его полки без всякой пользы для дела уничтожаются неприятелем, и отлично сознавая, что он получил глупое приказание, тем не менее выполнил его буквально...

Любопытно, что единственно улаженным замыслом Горчакова оказалась эвакуация Севастополя (проведенная по проекту, составленному Тотлебенем). Из города был в порядке выведен весь гарнизон 27 августа (8 сентября) 1855 года, и врагу достались лишь пылающие развалины.

Меншиков и Горчаков обрисованы Сергеевым-Ценским в «Севастопольской страде» как типические представители крепостнической России. Они кость от кости ее, как и длинная галерея других печальных «героев» «Севастопольской страды», как и многочисленные подхалимы, тупицы и ханжи, сидевшие на командных должностях, как и казнокрады, с исключительным цинизмом грабившие нищую, голодную армию, как и сам глава России того времени Николай, мнивший себя великим стратегом и в гатчинском дворце придумывавший абсолютно нереальные губительные планы военных действий в Крыму.

Сергеев-Ценский в первом же эпизоде с участием Николая с большой саркастической силой изобразил этого коронованного держиморду.

Меншиков после битвы на Алме послал к царю фельд'егерем своего ад'ютанта штабе-ротмистра Грейга.

Вице-адмирал Корнилов и подполковник Тотлебен, настоящие, непоказные патриоты России, упорно убеждали Грейга перед отъездом его из Севастополя сказать царю всю правду о положении дел, ничего не приукрашивая.

И вот на вопрос царя: «Как себя великой войска?» Грейг, памятуя об этих наставлениях, ответил:

«Войска вашего величества держались сколько могли, но по своей малочисленности и плохому оружию не имели возможности противостоять долго противнику и оставили поле сражения... А некоторые полки даже бежали, ваше величество...»

Но Николай такой откровенности вытерпеть не мог:

«Царь бросил на стол донесение Меншикова, вскинул голову, как от удара в подбородок, и оглушительно крикнул вдруг:

— Вре-ешь, мерзавец!

Стального цвета страшные глаза выкатились, выпятилась нижняя челюсть и заметно дрожала, а длинная-длинная рука царя, сорвавшись с подлокотника вольтепровского кресла, обитого зеленым сафьяном, дотянулась до Грейга, схватила его за борт мундира, притянула несколько к себе и тут же отшвырнула его к стенке.

И Грейг, чувствуя себя поблудневшим и готовым провалиться сквозь пол, услышал более тихие, сдержанные и медленные слова:

— Мои войска могут отступить, но бежать... бежать перед противником, кто бы он ни был,— ни-ког-да!.. Запомни это!

И так как глаза царя глядели после этих слов на Грейга уничтожающе-презрительно, но неотрывно-ожидаяще в то же время, то Грейг пробормотал вполголоса:

— Так точно, ваше величество,— войска отступили в полном порядке... И не-

приятель не осмелится преследовать их, ваше величество!» (т. I, стр. 191—192).

Всей совокупностью образов эпохи доказывает Сергеев-Ценский неспособность русского паризма вывести страну из трясины, в которую он ее загнал. Англичане и французы знали, с кем имеют дело, и, следовательно, не совсем без основания рассчитывали на быструю и легкую победу. Но они не учли, что, кроме России официальной, есть Россия неформальная: есть русский народ, есть флот и армия, которые в трудный для России момент сумеют найти себе достойных вождей и превратить слабо укрепленный Севастополь в грозную крепость, готовую остановить натиск интервентов.

Основными, коренными руководителями обороны Севастополя были Корнилов и Нахимов, не назначенные сверху, но выдвинутые самим ходом борьбы за город. Какие же качества выдвинули этих адмиралов Черноморского флота, которым никогда ранее на суше сражаться не приходилось? Не только своим военным дарованиям и не только своей легендарной отвагой обязаны они своими успехами: эти качества не имели бы решающего значения, если бы они не соединялись с исключительным умением находить общий язык с матросами и солдатами. Корнилов и Нахимов были людьми с демократическими нравами и демократическими устремлениями, что делало их прямой противоположностью Меншикову и Горчакову.

Именно демократизм, стилирующий и Корнилова и особенно Нахимова, оттеняет прежде всего Сергеев-Ценский, создавая образы этих подлинных героев Севастополя.

Только военачальнику типа Корнилова могла прийти в голову мысль послать на знаменитый впоследствии Малахов курган... арестантов (то есть в большинстве крестьян, посаженных в тюрьму дереформенным судом).

Корнилов за несколько часов до своей смерти (5—17 октября 1854 года) приказал вывести из острога всех арестантов, не прикованных к тачкам:

«Острог был большой. До тысячи арестантов, исполняя приказ, вышло минут через десять из ворот на площадь. Они были возбужденно-радостны, как будто получали полную свободу, а эта свобода была только подаренная им возможность умереть на бастионе.

Но человек завистлив: колодники, прикованные к тачкам, подняли крик, чтобы выпустили и их туда, где сражаются с врагами.

— Какие люди! Какие прекрасные люди! — растроганно говорил о них Корнилов флаг-офицерам и приказал сбить кандалы

со всех, чтобы ни одного человека, кроме больных, не оставалось в этих мрачных казематах» (т. I, стр. 361).

Еще более близок к народу, к народным низам, был Нахимов, о котором «столичные фыртки — флигель-адъютанты» говорили, фыркая: «Это какой-то неумытый матрос, переодетый адмиралом».

«Огонь матросов», как называли его черноморцы, превосходный знаток и фанатик морского дела, строгий и требовательный на службе, но в то же время яростный враг всякого чиновничества, Нахимов заслуженно являлся любимцем всего флота.

В рассуждениях Нахимова о матросах явственно слышатся антикрепостнические ноты:

«— Матрос есть главный двигатель на военном корабле, а мы с вами только пружины, которые на него действуют, да-с! Матрос управляет парусами, он же наводит орудия на неприятеля, он же бросится на вборт, — все делает матрос, если мы с вами забудем о том, что мы — помещики, дворяне, а он — крепостной! Он — первая фигура войны, — матрос, да-с! А мы с вами — вторые-с! Он — матрос, — вот кто!.. Так же и солдат!» (т. I, стр. 390).

Как видно, связь между крепостническим строем и военной отсталостью России от взгляда Нахимова не ускользала. Забота о силе и мощи русского флота обострила его неприязнь к «чванным дворянчикам».

Сергеев-Ценский прекрасно передал в своей эпопее обаятельность Нахимова, его простоту, его «простонародность», проявлявшуюся во всей его манере говорить и держаться, «несмотря на его неизменный сюртук с вице-адмиральскими эполетами». В одном отношении, однако, писатель, как нам кажется, обидел образ этого выдающегося русского деятеля.

Нахимов был необычайно скромен (достаточно припомнить хотя бы, как он убеждал Меншикова, что в «сухопутные генералы» не годится). Эту черту его Сергеев-Ценский отмечает неоднократно, и действительно она для него крайне характерна. Но Нахимов при всей своей несомненной скромности был человеком, имевшим определенную точку зрения на вещи и высказывавшим ее с откровенностью, доходившей до резкости, — обстоятельство, Сергеевым-Ценским оставляемое почему-то в тени. С начальством Нахимов (как, к слову сказать, и Корнилов) сплелся и рядом совсем не церемонился и, не обращая ни на кого внимания, спокойно нарушал все общепринятые правила субординации и «приличия».

Ограничимся за недостатком места одним лишь примером.

В «Севастопольской страде» Нахимов обращается к генералу Моллеру (замещавшему Меншикова во время его отсутствия

из Севастополя) «со смиренным вопросом», что ему делать. Как же на самом деле отнесся к Моллеру Нахимов?

Адъютант Меншикова А. А. Панаев сохранил для нас в своих воспоминаниях следующую колоритную сцену.

Меншиков прислал в Севастополь некоего капитана Лебедева.

«Когда Лебедев приехал в Севастополь, ему сказали, что все начальство собралось в совете, где Корниловым был предложен вопрос:

— Что предпринять по случаю брошенного на произвол судьбы князем Меншиковым Севастополя? ¹.

Лебедев был очень сухо принят, но Нахимов, не разделяя умышленной невнимательности Корнилова к посланному, усалил его подле себя, стал расспрашивать... Лебедев, по окончании вопросов, спросил Нахимова, в свою очередь, что же ему доложить светлейшему о действиях в Севастополе?

— А вот, скажите, что мы собрали совет и что здесь присутствует наш военный начальник, старейший из нас всех в чине, генерал-лейтенант Моллер, которого я охотно променял бы вот на этого мичмана, — Нахимов указал на входившего Костырева» ².

Даже намек на эту сцену мы у автора «Севастопольской страды» не найдем, хотя мемуарный материал изучен им с исчерпывающей полнотой и пользуется он этим материалом весьма охотно и обильно.

Но Сергееву-Ценскому, Нахимова, что называется, «перерывает» лишь однажды, уже при Горчакове, когда он увидел, что через Севастопольский рейд строится мост (по этому месту и были потом выведены Горчаковым из Севастополя войска).

Тайные намерения строившего главкомандующего Нахимов разгадал сразу и возмущенно спрашивал:

«Подлость, подлость, вляпали-с?»

Вот, собственно, единственный эпизод эпопеи, в котором негодование адмирал-патриота при виде вопиющих безобразий, творившихся в осажденном городе, дано четко и неприкрыто.

То, что во главе севастопольской обороны стояли Корнилов и Нахимов, то, что рука об руку с ними работал строитель укреплений Севастополя, первоклассный военный инженер Таллебен, этот, по словам Маркса и Энгельса, «...безусловно, самый знающий человек своего дела в настоящей осажденной кампании, возьмем ли мы русский

¹ Наказу не осалы Севастополя Меншиков, боясь быть отрезанным, вышел из города со всей своей армией, оставив в нем только слабый гарнизон. — Г. Л.

² «Русская старина», стр. 499. Март, 1877.

лагерь или союзников...»¹, оказало огромное влияние на все течение войны. Но и они, понятно, ничего не смогли бы сделать, если бы не исключительная стойкость защитников Севастополя и не патриотическое одушевление, охватившее солдатскую и матросскую массу.

Чтобы правильно оценить его, надо ясно представить себе, чем являлся солдат николаевского времени. Это было несчастное существо, которое поистине варварскими методами муштровалось для парадов, но которого «мудрые» начальники воевать не учили. Брату царя, великому князю Михаилу Павловичу, принадлежал знаменитый некий «аферизм», который для нашего уха звучит совершенно дико: «Война только портит солдата». «Зачарованный бесподобной выправкой своих солдат, — пишет Сергеев-Ценский, — Николай не то чтобы не видел, он просто не хотел видеть того, как переворужались западные армии, как вводился там новый рассыпной строй и многое другое» (т. I, стр. 203).

Нагубные последствия отсталости русской армии сказались уже в первые дни Крымской войны, в алмивском сражении.

«Раздавая первый русский залп, — читаем мы в главе «Бой на Алме», — но гладкоствольные ружья русских солдат, в которые круглые, как орехи, пули забивались при зарядке шомполами с дула, не стреляли далеко.

Зуавы, мгновенно присев, видели, как эти пули, ударившись в землю, подняли пыль и подскочили довольно далеко от них. Они переглянулись в недоумении. Но вот другие взводы роты выдвинулись вперед по команде, дали новый залп, очень старательный, как на ученье, отнюдь не сорванный ни одним из солдат: однако пули подняли полосу пыли опять на том же месте, — на предельной дистанции их полета, — в трехстах шагах от стрелявших.

Тогда зуавы захохотали неудержимо, отнюдь не стесняясь своего начальства. Они готовы были кататься по земле от хохота.

У них у всех... были дальноточные нарезные штуцера, стрелявшие равно вчетверо дальше, и когда улегся взрыв их неприуженной веселости, они открыли пальбу из своих штуцеров, очень оживленную, хотя и далеко не образцовую в смысле залпов. Они знали, — им говорили это, — что у русских принято ставить в строю офицеров на фланге колонны, и они прежде всего обстреляли фланги, и там учащенно начали падать раненые и убитые» (т. I, стр. 113).

Несомненное преимущество в Крымской войне было на стороне англо-французских войск. И все же русский солдат, плохо во-

оруженный, плохо обученный, которому строго запрещалось проявлять самостоятельную инициативу, дрался упорно и самоотверженно, возмещая своей храбростью недостаток военных талантов у своих руководителей.

В обстановке обороняющегося Севастополя мужество и выносливость русских солдат — эти их традиционные, исторически сложившиеся качества — выявились в полной мере, вызывая восхищение всех наблюдателей. Надо полагать, впрочем, что если бы Севастополь обороняли одни только солдаты, то вряд ли бы он продержался отпущенные месяцы. Но ядро защитников города составили матросы Черноморского флота, ссаженные с кораблей на берег, а в Черноморском флоте, находившемся далеко от царского глаза, существовали иные, более разумные порядки чем в армии, да и нельзя было в парусном флоте обходиться голой муштрой.

К сожалению, образы рядовых бойцов в «Севастопольской страде» разработаны менее подробно чем образы Меншикова, Горчакова, Пахимова, Корнилова, Тотлебена и других, хотя коллективный героизм матросов и солдат показан в эпопее рельефно и убедительно.

Мы уже упоминали, что чрезвычайно большое внимание Сергеев-Ценский уделяет обрисовке коллективной психологии матросской и солдатской массы. Именно в описании тех чувств и стремлений, что объединяли тысячи севастиопольцев в единое и грозное целое, достигает писатель наибольшей силы. Он, фигурально выражаясь, дает и нам, своим читателям, вдохнуть «воздух бастионов», которым дышат его герои.

Приведем короткий, но крайне показательный для Сергеева-Ценского отрывок:

«Если закатилась, например, бомба побольших размеров в блиндаж через двери и вертится, и шипит, готовая взорваться и убить и искалечить есколками несколько человек, то, конечно, должен же кто-нибудь броситься к ней, схватить ее руками и выбросить вон из блиндажа, — как же иначе? Это, конечно, геройский поступок, но подобных поступков было много, к ним привыкли, они никого уж не удивляли, — они были просто необходимы, так же, как борщ и каша.

Был, кстати, и такой случай, что ядро, подпрыгивая, катилось по земле и шлепнулось в объемистый рогатый котел каши. Посмеялись, что французская «чугунка» приплелась пробовать русскую кашу — «не иначе — голодная, стерва!» — но не выкидывать же было ради этого целый котел... Выкинули ядро, а кашу все-таки съели» (т. II, стр. 415).

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. X, стр. 649.

Люди, которые восприняли в себе такое отношение к смерти, — а оно было не у единиц и десятков, а у тысяч и десятков тысяч, — образывали преграду, с которую разбивались все усилия интервентов, несмотря на их несомненное военное превосходство. О размерах его можно судить хотя бы по одному тому, что в результате трехдневной усиленной бомбардировки Севастополя, предшествовавшей эвакуации города, на Малаховом кургане сохранилось в целости всего только восемь, а на всем втором бастионе — шесть орудий. Спротивляться они должны были ураганному огню направленных против них двухсот орудий неприятеля! Но несмотря на это никто из защитников Севастополя и не думал о том, чтобы его оставить. Когда был получен приказ Горчакова очистить бастионы и отвести войска, старшие офицеры на укреплениях не решились даже передать его своим подчиненным: «они послали на соседние бастионы справляться, неужели и там получен тоже такой нелепый приказ» (т. III, стр. 572). А солдаты прямо кричали: «Измена, братцы! Измена!» Когда же выяснилось, что нелепый этот приказ действительно исходит от главнокомандующего, многие из них заплакали.

«Это, — пишет Сергеев-Ценский, — были слезы кровной обиды, которую нужно было пережить молча. Тут воинская честь столкнулась с военной дисциплиной и должна была уступить ей» (т. III, стр. 575).

Главы, непосредственно описывающие героическую оборону Севастополя, составляют костяк эпопеи, и именно они наиболее утальсь автору. Что касается лагеря союзников, то он в «Севастопольской страде» изображен слабее.

Правда, писатель очень живо воспроизвел бесполочь в командовании интервентов, где единого руководства не существовало и где англичане и французы взаимно старались переложить друг на друга тяготы войны.

Однако крупнейшую и грубейшую ошибку союзного командования, допущенную в самом начале кампании, Сергеев-Ценский почему-то совершенно затушевал.

После боя на Алме союзникам целесообразнее было бы напасть на Севастополь с северной стороны, где, по милости Николая I и Меншикова, никаких сколько-нибудь серьезных укреплений не было. Нападение на северную сторону повлекло бы за собой, по всей вероятности, немедленный

захват города. Но войска интервентов двинулись к югу, лишив себя возможности быстрым ударом решить исход войны.

«Это был, — писали Маркс и Энгельс в статье «Осада Севастополя», напечатанной 15 ноября 1854 года. — отказ от идеи атаковать крепость с северной, господствующей, стороны, где атака действительно только и могла бы иметь решающее значение, и это означало открытое признание экспедицией своей неспособности выполнить то, что она написала в своей программе: полное занятие Севастополя»¹.

Сами севастопольцы также были довольно удивлены грубым промахом союзников. «Знаете? — сказал по этому поводу за несколько месяцев до своей гибели Нахимов. — Первая просьба моя к государю по окончании войны, — это отпуск за границу: так вот-с, поеду и назову публично ослами и Раглана и Капробера»².

Нет надобности доказывать, что Сергееву-Ценскому необходимо было не только отметить эту ошибку англо-французского командования, но и подробно на ней остановиться. Но в «Севастопольской страде» этот важнейший момент фактически обойден молчанием, что особенно странно, если учесть обстоятельство, с которой автор описывает даже второстепенные события.

Но совсем удовлетворяют нас и главы эпопеи, посвященные крестьянскому движению в России в годы Крымской войны. Слишком чувствуется в них литературная нарочитость (мы имеем в виду, в частности, образ помещика-крепостника Василия Матвеевича Хлапанина).

Недостатки в «Севастопольской страде» есть. Но почти все они относятся в конце концов к деталям, хотя порой и очень существенным. В основном же огромный труд С. П. Сергеева-Ценского заслуживает высокой оценки. Героическая и одновременно трагическая борьба Севастополя, принявшего на себя удар четырех держав и вынужденного сражаться не только против заведомо более сильного врага, но и против бездарности собственных своих горе-руководителей, поставленных обанкротившимся крепостническим правительством, запечатлена в эпопее «Севастопольская страда» с большим художественным подъемом.

Г. Ленобль

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. X, стр. 155.

² Е. Тарле «Адмирал Нахимов». «Молодая гвардия» № 4 за 1940 год, стр. 43.

И. БАС. «Великое открытие» 500 лет книгопечатания. Гизлелпрэм. М.—Л. 1940. 35 стр. 1 руб.

Брошюра И. Баса знакомит читателя с великим изобретением Иоганна Гутенберга, относящимся к XV веку, с тем, какое значение оно имело для последующей истории человечества, и сообщает краткие сведения об истории книгопечатания в России.

Изобретение Гутенберга было одним из тех великих изобретений эпохи Возрождения, которые способствовали выходу человечества из мрака средневековья, из-под власти церкви. Ряд высказываний основоположников марксизма, приведенных автором, говорит о том, как высоко они ставили это изобретение. Маркс считал книгопечатание необходимой предпосылкой буржуазного развития (см. Т. XXIII, стр. 131). Энгельс писал, что «изобретение книгопечатания и потребности все более расширяющейся торговли лишили его (духовенство.—О. В.) монополии не только на чтение и письмо, но и на высшее образование» (Т. VIII, стр. 120).

Автор начинает свое изложение с характеристики состояния книжного дела до великого открытия Иоганна Гутенберга. Книжки в то время переписывались от руки, что требовало большой затраты времени. На переписку одного экземпляра книги, например, уходил год и более. Так как грамотность в средние века была монополией монастырей, то они были и монополистами по изданию книг. Ясно, что в таких условиях научная и полезная для народа книга с большим трудом могла пробить себе путь. Книжки были к тому же очень дороги. Переписанные на пергаменте, в тяжелом переплете, нередко украшенном драгоценными камнями, книжки были предметом роскоши.

Гениальное изобретение Гутенберга ускорило и удешевило производство книг¹, лишило монастыри монополии на выпуск книг, придало их распространению массовый ха-

¹ Отметим здесь следующее: автор видит суть изобретения в том, что Гутенберг «как бы разрезал доску, которая отпечатывала целые страницы, на отдельные буквы и использовал эти буквы для составления (набора) текста... Затем Гутенберг перешел от деревянных букв к металлическим и тем окончательно закрепил успех открытия» (стр. 5). Отливка Гутенбергом букв из металла при помощи пунона и матрицы была, согласно изложению автора, лишь дополнительным усовершенствованием изобретения. Это положение, как известно, отвергается в специальных работах. Научные данные свидетельствуют о том, что изобретение Гутенберга заключалось именно в отливке металлических букв (литер).

рактер. Печатание типографским способом, при помощи подвижных литер и печатного станка, введенного Гутенбергом, означало целую революцию в книжном деле.

Автор приводит интересную выдержку из работы М. П. Щелкунова «История, техника, искусство книгопечатания», в которой дано на основании гравюры XVI века подробное описание типографского процесса того времени, который мало чем отличался от работы в типографии Гутенберга. Весь процесс был основан на ручном труде, но все же он давал возможность отпечатывать в день 500—600 оттисков.

Интересно, что на протяжении дальнейших 350 лет техника книгопечатания почти не изменилась. Лишь в начале XIX века, когда в 1811 году изобретатель Кениг заменил ручной станок машинным, книгопечатание получило новый дальнейший толчок в своем развитии. Последующие усовершенствования связаны с изобретением американцем Вильямом Буллоком в 1863 году ротационной машины, которая давала 12—15 тысяч оттисков в час. Ротационные машины современности выпускают, как известно, газеты сотнями тысяч экземпляров в час. Ротационная машина, на которой печатается «Правда», дает один миллион экземпляров в час.

О жизни и личности самого гениального изобретателя история оставила нам чрезвычайно скудные сведения. Автор подчеркивает то обстоятельство, что судьба Гутенберга, подобно судьбе большинства гениальных людей в классовом обществе, была трагична. Великий изобретатель, не имея средств на устройство типографии, попал в лапы к ростовщику Фусту, который в уплату за долги присвоил себе затем изобретение Гутенберга и оборудованную им в упорном труде типографию. Ростовщик разбогател, печатая книги, а обманутый и ограбленный им Гутенберг влачил нищенское существование. Лишь в последние годы его жизни ему назначена была пенсия, размер которой свидетельствует о тяжелых материальных условиях, в которых находился старик. Ему была «пожалована» одежда и «ежегодно двадцать мер хлеба и две бочки вина для его дома, но чтобы не продавал и не передавал этого никому» (стр. 7—8).

Великое изобретение XV столетия, создавшее технику книгопечатания, сыграло большую роль в классовых боях трудящихся. Благодаря ему, как сказано в испанской поэме Мануэль-Хосе Клитана («Памяти Гутенберга»), переведенной Энгельсом,

«...мысль
Раздвинула границы...
И над простором рек
Пронесся клич: Свободен человек!

И полетел, сметая все преграды,
Святой призыв; и эхо понесло
Его чудесно на крылах могучих,
Что создал Гутенберг».

(Маркс и Энгельс. Соч.
Т. II, стр. 465, 468).

Уже вскоре после своего появления печатный станок был использован на родине Гутенберга, в Германии, немецкими крестьянами и плебеями в той мощной крестьянской войне, которая разразилась в XVI веке под оболочкой религиозной революции. Лютер, который перевел Библию на немецкий язык, отпечатал и распространил ее, способствовал этим сплочению крестьянских масс. Изобретение Гутенберга использовали и Томас Мюнцер, который печатал свои страстные революционные прокламации в форме проповедей, нанося ими сокрушающий удар основам церкви. Нотоспопствующие классы захватили могучее орудие классовой борьбы — печать — в свои руки, преследуя свободное печатное слово, пытаясь навязать свою идеологию трудящимся массам и привить им покорность своей судьбе.

В главе «Книгопечатание в России» автор кратко излагает историю появления и развития книгопечатания у нас. Первая печатная книга «Апостол» вышла в России в марте 1564 года, то есть больше чем через сто лет после изобретения Гутенберга. Выпустил ее первопечатник Иван Федоров. Автор указывает на то, что первые печатные книги в России были книгами религиозного содержания. Однако они снабжались послесловиями, в которых излагались прогрессивные идеи, развивавшиеся еще в рукописных книгах XVI века переловыми русскими публицистами Максимом Греком и Вассыяном Косым. Это были идеи, направленные против монашеского мракобесия, против ростовщичества и угнетения крепостных крестьян. Это были идеи необходимости объединения страны и создания единого, сильного государства. Автор считает эти книги первыми печатными произведениями на Руси, носившими публицистический характер.

Преследуемый боярами и духовенством за вынужденные им книги, Иван Федоров бежал в Южная Русь, здесь, во Львове, снова напечатал свой «Апостол» (1574 год), в послесловии к которому описал свою биографию. Выдержки из этой биографии, приведенные в брошюре, рисуют его не простым ремесленником, а идейным борцом. Это послесловие автор считает первым автобиографическим произведением в печатной древнерусской литературе. В 1581 году Иван Федоров выпустил «Острожскую Библию», послесловие к которой составляло целую брошюру, в которой сообщались ценные сведения из исто-

рии борьбы украинского народа против польских и литовских панов.

Появление чисто светских печатных книг в России относится к XVII веку. В 1634 году в числе первых светских книг появилась первая печатная азбука, но полную победу печатной светской книги принес лишь XVIII век, когда Петр I ввел так называемый гражданский шрифт и всячески поддерживал издание светской, научной и belletristической книги и создал в 1703 году первую печатную газету в России.

Особо автор останавливается на широкой издательской деятельности И. И. Новикова, который выпустил огромное количество книг просветительного характера и продвинул их в провинцию.

В XVIII веке в России создается и начинает играть большую роль более подвижный отряд печати чем книга — журнал. На пороге XIX века появляется новый тип журнала — толстый журнал. В конце XIX и начале XX века исключительное значение приобретает газета.

В двух последних главах своей брошюры, озаглавленных «Положение печати в классовой обществу» и «Печать в стране социализма», автор показывает коренное принципиальное различие в положении печати в дореволюционной России и в СССР.

Переловая печать с трудом пробивала себе путь в старой России. Когда появляются первые печатные книги, мракобесы объявляют их льявольским, еретическим измышлением. Столетие спустя, когда появляются первые светские книги, раскольники — враги деятельности Петра I — канонизируют старые первопечатные книги, полные ошибок. В тисках царской цензуры бьется переловое печатное слово. В XVIII веке сжигается книга Радзиевца. Сам он ссылается в Сибирь. В XIX веке Герцен бежит за границу издавать там свой «Колокол». Свободное рабочее слово может звучать лишь в подпольных листовках и нелегальных газетах.

Принципиально иное положение печати существует в стране победившего социализма. Здесь печать — орудие социалистического строительства, достояние широчайших масс. Автор приводит слова Алексея Максимовича Горького, сказанные им в 1928 году в беседе с тбилискими рабочими. Эти слова чрезвычайно ярко характеризуют эту разницу в положении печати в царской России и при советской власти: «Я знаю чем была Россия, когда мне было 20—25 лет. Я знаю, что в то время была газета «Русские ведомости», которая разошлась в 20—25 тысячах экземпляров, но больше. Когда мне было 45 лет, то появилось «Русское слово», ко-

терее расхотилось в 300 тысячах экземпляров. И этот скачок в те времена казался необычайным. А теперь в одной Чувашской республике, которая всего 7 лет назад получила свою письменность, где меньше миллиона населения, издается 10 газет и каждая газета имеет по 10.000 подписчиков и тысячи корреспондентов. Это действительно чудесно, сказочно» (стр. 31).

С тех пор советская печать колоссально возросла. Нет ни одного участка социалистической стройки, который не имел бы своей газеты. Количество книг, журналов, газет у нас несомненно велико, но их у нас не хватает. По плану третьей пятилетки, должно быть изготовлено больше тысячи наборных машин и свыше трехсот ротационных машин (в ролях). Выпуск бумаги должен подняться с 830 тысяч тонн в 1937 году до 1½ миллиона тонн в последнем году третьей пятилетки. В этом залог дальнейшего грандиозного роста печатного слова в СССР.

Такое краткое содержание рецензируемой брошюры.

Советский читатель должен широко ознакомиться с историей великого изобретения, и в этом отношении брошюра делает полезное дело. В ней, однако, имеются недостатки. Слишком скупо даны характеристика состояния книжного дела до Гу-

тенберга и первые шаги книгопечатания; более развернутое описание сильнее подчеркнуло бы значение того переворота, который внесен гениальным изобретением. Следовало бы также включить в брошюру характеристику современного состояния книжного дела как одной из крупнейших отраслей промышленности.

Можно было бы приветствовать стремление автора показать связь истории книгопечатания с историей книги и передовой публицистики, ту роль, которую развитие книгопечатания играло в общественной жизни. Но автор порой пишет так, как если бы он одновременно ставил себе задачу дать и самую историю книги и историю публицистики (в брошюре можно найти материал и о традициях древнерусской литературы и о влиянии этих традиций на литературу XVIII века, характеристику передовой публицистики XVIII и XIX веков и др.). Ясно, однако, что это темы для самостоятельных работ и поэтому случайные историко-литературные экскурсы, конечно, не могут удовлетворить читателя, а брошюра в целом от этого не выигрывает.

Издана брошюра культурно и содержит ряд интересных иллюстраций.

О. В.

К Н И Ж Н А Я П О Л К А

МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Революция и контрреволюция в Германии. М. Госполитиздат. 1940. 124 стр. В перепл. 1 р. 25 к. 50 000 экз. (Институт Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б)).

Классический обзор хода германской революции 1848—1849 годов, написанный (в основном Энгельсом) в 1851—1852 годах. Перевод заново сверен с оригиналом.

Верный сын партии Ленина — Сталина. Тбилиси. Изд-во «Заря Востока». 1940. 64 стр. с иллюстр. и портр. 15 000 экз.

Книга дает краткую биографию Л. П. Берия (род. 17 (30) марта 1899 года в бедной крестьянской семье близ Сухуми). Сжато рассказывается о партийной большевистской работе Берия в 1919—1920 годах в меньшевистской Грузии, о его десятилетней работе (1922—1931 годы) в грузинской ЧК—ГПУ и, наконец, о руководстве Л. П. Берия коммунистической партией большевиков Грузии и о развитии за этот период промышленности, сельского хозяйства и культуры Грузии.

БЫЧКОВ Л. ВЧК в годы гражданской войны. М. Воениздат. 1940. 78 стр. 75 коп.

В книге говорится прежде всего о борьбе Военно-революционного комитета Петроградского совета и местных Советов против контрреволюции в первые дни после Октябрьской социалистической революции. Затем рассказывается об организации ВЧК декретом Совнаркома от 7(20) декабря 1917 года и о ее деятельности в первый период гражданской войны. В следующих главах сжато излагается борьба ВЧК под руководством Ф. Э. Дзержинского против внешней и внутренней контрреволюции, саботажа, шпионажа и диверсионных актов в 1918—1921 годах.

Прокламации большевистской организации Закавказья 1904—1906 годов. Тбилиси. Госиздат Грузинской ССР. 288 стр. с факсимиле. В перепл. 7 р. 50 к. 5000 экз. (Тбилисский филиал Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б)).

Книга дает ценный материал для истории большевистских организаций Грузии и Закавказья; эти организации созданы и выпестованы товарищем Сталиным. Всего в книге напечатано 56 прокламаций, расположенных в хронологическом порядке.

Ряд прокламаций написан товарищем Сталиным.

В конце книги даны исторические комментарии.

ЯРОСЛАВСКИЙ Е. III съезд РСДРП — первый большевистский съезд (К 35-летию III съезда РСДРП 25 апреля — 10 мая 1905 года). М. Госполитиздат. 1940. 54 стр. 50 коп. 100 000 экз.

В книжке дана характеристика кризиса РСДРП после II съезда партии, рассказано о борьбе Ленина за III съезд, о созыве съезда и его работе; последняя глава говорит о международном значении III съезда партии.

МИЛКОВСКИЙ А. И. Гражданская война в СССР. 1918—1920 годы. Части 1—3-я. М. 1939—1940. 78 + 116 + 170 стр. 500 экз.

Лекции в Военной академии механизации и моторизации РККА имени Сталина. Часть 1-я посвящена периоду от победы Великой Октябрьской социалистической революции до первого похода Антанты. Часть 2-я излагает ход операций по разгрому первого и второго походов Антанты. В 3-й части описываются третий поход Антанты и разгром японских интервентов и бело-гвардейцев на Дальнем Востоке. В заключительной главе подведены общие итоги гражданской войны.

Предназначенная для слушателей военных академий, книга с интересом может быть прочитана и подготовленным гражданским читателем.

Профсоюзы СССР и создание Красной Армии. 1918—1920 годы. Издание 2-е, дополненное и исправленное. М. Профиздат. 1940. 262 стр. с иллюстр. и 4 вкл. л. портр. В перепл. 7 руб. 5300 экз. (Центральный государственный архив профдвижения и организации труда).

Книга представляет собой сборник документов, отражающих участие профсоюзов СССР под руководством коммунистической партии в строительстве Красной Армии, в производстве боевого снаряжения для нее и в заботах о семьях красных бойцов. Документы расположены в хронологическом порядке по разделам: 1) «Создание Красной Армии (1918 год)», 2) «Разгром первого и второго походов Антанты (1919 год)» и 3) «Разгром третьего похода Антанты (1920 год)».

В начале книги дана вводная статья составителя сборника Г. Михайловой.

В конце книги особым приложением напечатана речь товарища Сталина на торжественном пленуме Московского совета, посвященном 10-летию Красной Армии, «О трех особенностях Красной Армии».

Борьба за советы в Бурят-Монголии (1918—1920 годы). (Воспоминания и

материалы). К 20-летию разгрома иностранной военной интервенции и белогвардейщины в Бурят-Монголии. М. Соцэкиз. 1940. 282 стр. с иллюстр. и 2 карты. В перепл. 7 р. 75 к. 10 000 экз. (Бурят-монгольский государственный научно-исследовательский институт языка, литературы и истории).

В начале сборника даны 5 статей, освещающих отдельные этапы революционного движения в Бурят-Монголии в 1918—1920 годах, ход гражданской войны и роль партии большевиков в организации борьбы рабочих и крестьян за советы в Бурят-Монголии. Затем помещено 11 очерков участников гражданской войны и 5 биографий погибших героев: В. М. Серова, А. П. Вагжанова, П. Балтахинова и др. Во второй половине книги напечатаны документы по истории партизанского движения в Бурят-Монголии (42 документа) и подробная хроника событий 1917—1923 годов.

САМОЙЛОВ П. И. Гвадалахара. Разгром итальянского экспедиционного корпуса. М. Воениздат. 1940. 156 стр. с иллюстр., портр. и схем. в 11 отд. л. схем. В перепл. 4 р. 50 к.

Книга посвящена разгрому итальянских интервентов испанской республиканской армией под Гвадалахарой в марте 1937 года. В первых главах книги дается обзор общей военно-политической обстановки в Испании перед началом гвадалахарской операции и характеристика состояния республиканской армии и итальянского экспедиционного корпуса. Следующие главы подробно описывают ход операции.

Книга с интересом может быть прочитана гражданским читателем, хотя и написана для начальствующего состава РККА.

ТАТАРЧЕНКО Е., комбриг. Воздушные силы в итало-абиссинской войне. М. Воениздат. 1940. 196 стр. с иллюстр., карт. и 3 вкл. л. В перепл. 4 р. 40 к.

Книга состоит из 6 частей и 24 глав. В первой части дана краткая история проникновения Италии в Абиссинию. Вторая часть характеризует театр войны, силы противников и их подготовку к войне. В третьей части описывается нападение Италии на Абиссинию и общий ход войны 1935—1936 годов. Четвертая часть посвящена действиям итальянских воздушных сил в основных операциях. Пятая часть книги анализирует действия итальянской авиации как средства завоевания и оккупации. В последней, шестой части книги излагаются причины поражения Абиссинии и делаются основные оперативно-тактические выводы о значении ВВС в современных войнах.

Предназначенная для начальствующего состава РККА, книга может быть использована и гражданским читателем, интересующимся вопросами применения авиации в современной войне.

ПАРФЕНОВ В. Разгром «левых» эсеров. М. «Московский рабочий». 1940. 80 стр. 1 руб. 12 000 экз. (Институт истории партии при МК и МК ВКП(б)).

Авантюристическая политика партии эсеров со времени ее образования в 1902 году до 1917 года; предательская политика эсеров в период февральской революции 1917 года; контрреволюционная деятельность правых и «левых» эсеров в первые дни после Октябрьской социалистической революции; попытки «левых» эсеров совместно с «левыми» коммунистами сорвать брестский мир; заговор английского посла Локкарта и сотрудничество с ним «левых» эсеров; разгром «левых» эсеров на V всероссийском съезде советов и последующий мятеж их (6—7 июля 1918 года) в Москве; покушение эсерки Каплан в августе того же года на В. И. Ленина; контрреволюционные происки «левых» эсеров весной 1919 года в Петрограде, во время наступления Юденича; взрыв бомбы 25 сентября 1919 года в Московском комитете партии, устроенный «левыми» эсерами; участие «левых» эсеров в Кронштадтском мятеже 1921 года и в бандитском антоновском движении 1921—1922 годов в Тамбовской губернии—таков круг фактов, освещенных в данной книге, излагающей пезорную историю партии «левых» эсеров и решительной борьбы с ними советской власти.

КОЛЕНКОВСКИЙ А. Маневренный перюд первой империалистической войны 1914 года. М. Воениздат. 1940. 368 стр. и 90 л. схем (в отдельном футляре). В перепл. 12 руб.

Книга состоит из четырех частей. В первой части (в 7 главах) изложены причины мировой империалистической войны 1914—1918 годов, планы воюющих стран и подготовка войны. Вторая часть книги описывает операции на западноевропейском военном театре в 1914 году. Третья часть посвящена операциям на восточноевропейском театре. Четвертая часть сообщает о действиях на прочих театрах войны: на кавказском фронте, на балканском театре, на Дальнем Востоке и на морях.

В заключение даются оперативные и тактические выводы из опыта маневренной войны.

Книга предназначена для начальствующего состава РККА, но с интересом будет прочитана и подготовленным гражданским читателем.

ЭКЗЕМПЛЯРСКИЙ П. М. Всеобщая стачка рабочих и Совет рабочих депутатов в Иваново-Вознесенске. Хронологический обзор и документы. Иванов. обл. гос. изд-во. 1940. 76 стр. 1 р. 10 к. 5000 экз.

В начале книги дан краткий исторический очерк развития иваново-вознесенской промышленности и рабочего движения в городе Иваново с начала XIX века по 1905 год включительно. Затем помещен хронологический обзор революционного рабочего движения в Иваново-Вознесенске с 9 (22) января 1905 года по 19 сентября (2 октября) 1905 года. День за днем описываются все важнейшие события, в частности подготовка, начало и ход знаменитой ивановской стачки (с 12 (25) мая по 18 (31) авг.) и деятельность выросшего из нее Совета уполномоченных — одного из первых Советов рабочих депутатов в России.

Во второй половине книги помещено 25 документов (прокламаций и т. п.) Иваново-вознесенской группы Северного Комитета РСДРП и Совета уполномоченных рабочих Иваново-Вознесенска.

КЕРЖЕНЦЕВ П. М. История Парижской коммуны. 1871 г. М. Соцэкгиз. 1940. 552 стр. с иллюстр. и портр. и 1 вкл. планов. В перепл. 10 р. 25 к. 10 000 экз.

Научная монография на основе изучения первоисточников, часть которых использована в историографии впервые. Книга дает подробный обзор деятельности Парижской коммуны, полностью опровергая некоторые неверные оценки, данные Коммуны учениками М. Н. Покровского. Большое внимание уделено в книге военной борьбе Коммуны с контрреволюционным правительством Тьера; обстоятельно описываются социально-экономические и культурные мероприятия Коммуны. В конце книги приведена библиография работ Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина и дан историографический обзор литературы о Коммуне: первоисточники, пресса, мемуары, общие труды и книги по отдельным вопросам.

КОЛОМБ. Морская война. Ее основные принципы и опыт. Историческое исследование. Сокращенное переиздание по переводу с английского Н. П. Азбелова (1894 г.). М. и Л. Военмориздат. 1940. 348 стр. С иллюстр., граф. и карт. В перепл. 9 руб.

Книга контр-адмирала британского флота Коломба (1831—1899), верного слуги и теоретика английского империализма, является первой попыткой критического разбора событий морских войн с точки зрения стратегии и военного искусства. Книга обобщает опыт парусного флота начи-

ная с XV века и начального периода падшего фьига. Предназначенная для начальствующего состава Военно-Морского Флота, книга будет охотно прочитана и гражданским читателем, интересующимся военно-морской историей.

ЕГОРОВ П. Г., комбриг. **Окружение и разгром в исторических примерах.** М. Воениздат. 1940. 96 стр. со схем. и 1 вкл. л. В перепл. 1 р. 75 к. (Военно-историческая библиотека).

Книга дает разбор отдельных исторических примеров (начиная с древнего мира и кончая первой мировой империалистической войной) боев на окружение, боя в окружении и выхода из окружения (всего 20 примеров). Помимо автор ставит в порядке обсуждения ряд оперативно-тактических вопросов.

Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.). Том IV. М. и Л. Изд. Академии наук СССР. 1940. 543 стр. и 1 карта. В перепл. 25 р. 50 к. 3000 экз. (Институт истории Академии наук СССР).

В книге помещен 151 документ. Они распределены в хронологическом порядке по четырем разделам: 1) «Материалы о движении батыра Срыма и «реформе» генерал-губернатора Симбирского и Уфимского наместничеств барона О. А. Игельстрема (1785—1797 гг.)», 2) «Колониально-феодалный гнет и хозяйственный упадок в Малой Орде (1802—1815 гг.)», 3) «Земельный вопрос в Букеевской Орде (1803—1828 гг.)», 4) «Попытки государственного объединения Малой Орды в начале XIX века (1816—1828 гг.)». Документам предшествует вводная статья составителя сборника М. П. Вяткина «Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой Орде в конце XVIII—начале XIX века».

В конце книги даны указатели личных и географических имен и карта населения казахских орд и направления караванных путей в начале XIX века.

Правда русская. I. Тексты. Подготовили к печати В. П. Любимов, Н. Ф. Лавров, М. Н. Тихомиров, Г. Л. Гейрманс и Г. Е. Кочин. Под ред. акад. Б. Д. Грекова. М. и Л. Изд. Академии наук СССР. 1940. 505 стр. В перепл. 30 р. 50 к. 5000 экз. (Институт истории).

Древнейший памятник русского права и русской истории, открытый около 200 лет назад (в 1738 году В. Н. Татищевым). В книге помещены 15 важнейших списков памятника и даны перечни всех известных списков «Правды русской». В начале книги напечатана краткая статья В. П. Любимова («Списки «Правды русской»), выясняющая историю нахождения списков и их особенности.

Во II томе книги будут помещены фотографии приведенных списков «Правды», а в последнем (III) томе — комментарии к ним, проведение отдельных текстов и история их изучения.

По своей полноте, точности воспроизведения исторических документов и научному оформлению издание далеко превосходит все предшествующие публикации данного памятника.

Прошлое Курской области. Сборник. Курск. обл. изд-во. 1940. 158 стр. В перепл. 5 руб. 7175 экз.

В книге помещены 8 исторических статей: 1) «Борьба курян с половцами и татарами (XII—XIV века)»; 2) «Прошлое старых городов Курской области» (краткие исторические очерки 14 городов Курской области: Курска, Рыльска, Белгорода, Старого и Нового Оскола и др.); 3) «Реформа 1861 года в Курской губернии»; 4) «Крестьянское движение в Курской губернии после реформы 1861 года»; 5) «1905 год в Курской губернии»; 6) «Из истории Среднего Песколя» (крайнего юго-востока Курской области — по среднему течению реки Оскола) с X века по конец XIX века; 7) «Разгром армии Деникина» и 8) «Курская магнитная аномалия (история открытия и изучения)».

Иудряцев Ф. А. От казачьей зимовки до советского Иркутска (1652—1920). Очерки по истории города. Иркутск. обл. изд-во. 1940. 92 стр. с илл. и портр. В перепл. 2 р. 55 к. 10 000 экз.

В 11 научно-популярных очерках автор описывает основание города Иркутска казаками—завоевателями Сибири (в 1652 году), — жизнь города в XVII веке, народные восстания в Иркутске и его районе в конце XVII века, город XVIII века, первые школы, Иркутск в первой и во второй половине XIX века, просветительную работу в Иркутске политических ссыльных (начиная с декабристов), Иркутск перед революцией 1905 года и после нее (в частности революционную работу в Иркутске в 1908 году тов. Кирова), Иркутск в годы Октябрьской революции и гражданской войны.

Книга предназначена для юношества и массового читателя.

Андреев А. И. Очерки по этнолингвистике Сибири. XVII век. Л. Изд. Главсевморпути. 1940. 184 стр. и 4 вкл. л. илл. и карт. В перепл. 6 руб. 1500 экз. (Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера имени П. Г. Смиловича).

В книге дается подробная характеристика географических, этнографических и исторических первоисточников о Сибири XVII века. Особенно большое внимание уделено в книге работам по географии, эт-

пографии и истории Сибири С. У. Ремезова (1664—1715). Отдельная глава посвящена собиранию, издаванию и изучению сибирских летописей.

Клаузевиц К. Швейцарский поход Суворова 1799 года (перевод с немецкого). М. Воениздат. 1939. 260 стр. со схемой и 1 картой. В перепл. 6 р. 75 к.

Книга известного военного писателя К. Клаузевица называется в оригинале «Поход 1799 года в Италию и Швейцарии». В настоящем издании даны главы VI—X этого труда; первые 5 глав были выпущены на русском языке в 1938 году под заглавием «1799 год» и освещали итальянский период войны феодальной коалиции против революционных войск Наполеона.

В целом «итальянский и швейцарский походы, — говорит Клаузевиц, — принадлежат к числу наиболее важных и поучительных во всей военной истории».

Предназначенная для военного читателя, книга с интересом прочтется и подготовленным гражданским читателем.

Павленко Н., капитан. Русская артиллерия. Очерки по истории русской артиллерии. 1389—1812 годы. М. Воениздат. 1940. 140 стр. с илл. В перепл. 3 р. 25 к.

Популярно-исторические очерки, рассчитанные на широкие читательские круги. Первый очерк говорит о появлении русской артиллерии (1389) и ее первых шагах, об артиллерии в войнах Ивана Грозного и др. Второй очерк излагает применение артиллерии в Северной войне Петра I со шведами. В третьем очерке рассказывается о русской артиллерии во время Семилетней войны (1756—1763). Четвертый очерк посвящен артиллерии Емельяна Пугачева. Пятый и последний очерк говорит о русской артиллерии во время Отечественной войны против нашествия Наполеона.

Ваули Пиеттомин. Из истории социальных движений хантов и ненцев в XIX веке. Омск. обл. гос. изд-во. 1940. 48 стр. В перепл. 1 р. 25 к. 5000 экз. (Архивный отдел УНКВД по Омской области).

Книга посвящена партизанской борьбе хантэйских и ненцев бедняцких масс против богатых оленеводов-кулаков, русских купцов и царских чиновников, под руководством ненца Ваули Пиеттомина в 1839—1841 годах в районе герцога Обдорска. В книге даны «Краткий исторический очерк движения» (стр. 3—10) и ряд архивных документов.

Розум М. А. К истории крестьянского движения в России в 50—60-х годах XIX века. Волнения крестьян в Бежецком уезде Тверской губернии и Салтыков-Щедрин. Город Калинин. 1940. 36 стр. Тираж 300 экз. (Ученые записки Калининского государственного педагогического института имени М. И. Калинина. Том IX. Вып. 3-й).

Первые две главы книжки дают сводку высказываний классиков марксистско-ленинизма о крестьянских движениях и общую характеристику крестьянских выступлений в России в конце XVIII и первой половине XIX века. Затем дается характеристика положения крестьян накануне реформ 60-х годов в Тверской губернии, особо в Бежецком уезде, и, в частности, в имении генерала Н. В. Зиновьева, где произошли в мае 1860 года волнения крестьян, описанные в данной книге. Последние две главы книжки рассказывают историю волнений и вмешательства в пользу крестьян великого русского сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина, бывшего в то время тверским вице-губернатором.

МАРР Н. Я. Списание грузинских рукописей Синайского монастыря (Предисловие Н. В. Мегрелидзе). М. и Л. Изд. Академии наук СССР. 1940. XII + 276 стр. и 13 екл. л. иллюстр. и факсимиле. В перепл. 30 руб. 1000 экз.

Описание грузинских рукописей Синайского монастыря было выполнено Н. Я. Марром в 1902 году, во время научной командировки в Палестину, где находится монастырь. В полном виде эта работа издается впервые (в 1933 году была выпущена часть ее). В книге содержится описание 96 рукописей IX—XV веков со значительными выдержками из них. Большинство приведенных документов является ценными памятниками духовной культуры грузинского народа эпохи средневековья.

Синхронистические таблицы для перевода исторических дат по хиджре на европейское летосчисление. Л. Изд. Государственного Эрмитажа. 1940. 276 стр. В перепл. 6 руб. 1500 экз.

В книге даны таблицы для перевода дат мусульманского летосчисления на общеевропейское с 1-го по 1360-й год хиджры, соответствующие 622—1941 годам нашего летосчисления. В начале книги помещены краткие пояснения о порядке пользования таблицами.

СОДЕРЖАНИЕ

Ф. КОНСТАНТИНОВ — „Анти-Дюринг“ Ф. Энгельса	1
Ц. ГОФМАН — Большевистская партия—организатор разгрома колчаковщины	11
И. ГОХБЕРГ — Партия большевиков в борьбе за завоевание массовых рабочих организаций в период революционного подъема (1912—1914 годы)	20
Проф. Е. ШТЕЙНБЕРГ — Индия последней четверти XIX века	31
Е. ЛУЦКИЙ — Куликово поле	44
К. ПАЖИТНОВ — Когда и как произошло прикрепление крестьян к земле в Московской Руси	55
Проф. О. ВАЙНШТЕЙН — Историческая наука в средние века	66
Проф. Н. П. КИСЕЛЕВ — Изобретение книгопечатания и первые типографии в Европе	77
Х. ПЕКЛЕР — Древнее государство Мари	90

КОНСУЛЬТАЦИЯ

Г. МОСКАЛЕНКО, П. ПОПОВ — Борьба рабочего класса за восьмичасовой рабочий день	99
Р. ХАБАС — Манифест 17 октября 1905 года	108

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

Т. ЧУГУЕВ — Представления советских школьников о прошлом и отношении к нему	123
--	-----

БИБЛИОГРАФИЯ

Ю. ОСНОС — „Историк-марксист“ в первой половине 1940 года (№№ 1—6)	129
М. ШВАРЦ — А. А. Могилевич, М. Э. Айрапетян „На путях к мировой войне. 1914 - 1918 гг.“	137
Г. РЕЙХБЕРГ — Книги о разгроме интервенции на Севере	140
М. ВЕТОШКИН — В. П. Голионко „Очерки революционного движения в Приморье (1900—1916 годы)“	143
Г. ЛЕНОБЛЬ — С. Н. Сергеев-Ценский „Севастопольская страда“	146
О. В. — И. Бас „Великое открытие“	153

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Адрес редакции: ул. „Правды“, 24, комната 809, тел. Д 3-30-48, Д 3-36-50

Ответственный редактор — **Б. М. ВОЛИН**
Зам. редактора — **С. И. Гопнер**
Отв. секр.— **О. С. Вейланд**

А—30994. Изд. № 842 Зак. 2560 Тираж 50000
Материал дан в набор 30/VII 1940 г. Подписан к печ. 5/IX 1940 г. 10 печ. л. 70000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.